

ПСИХОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ

Journal of Modern Foreign Psychology

2026. Том 15. № 2
2026. Vol. 15, no. 2

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Том 15, № 2 / 2026

Тема номера

Психология в цифровую эпоху

Тематические редакторы:

Розенова Марина Ивановна, Екимова Валентина Ивановна

JOURNAL OF MODERN FOREIGN PSYCHOLOGY

Volume 15, no. 2 / 2026

Topic of the issue

Psychology in the Digital Age

Topical editors:

Marina I. Rozenova, Valentina I. Ekimova

Московский государственный психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology & Education

Международный научный журнал
«Современная зарубежная психология»

Редакционная коллегия

Ермолова Т.В. (Россия) — **главный редактор**
Авдеева Н.Н. (Россия), Александров Ю.И. (Россия),
Ахутина Т.В. (Россия), Баилова Т.А. (Россия),
Бовина И.Б. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия),
Бурлакова И.А. (Россия), Григоренко Е.Л. (Россия),
Дозорцева Е.Г. (Россия), Евтущенко И.В. (Россия),
Екимова В.И. (Россия), Исаев Е.И. (Россия),
Марютина Т.М. (Россия), Поздняков В.М. (Россия),
Поливанова К.Н. (Россия), Рубцов О.В. (Россия),
Салмина Н.Г. (Россия), Сафронова М.А. (Россия),
Сергиенко Е.А. (Россия), Стоянова С.Й. (Болгария),
Строганова Т.А. (Россия), Ткачева В.В. (Россия),
Толстых Н.Н. (Россия), Филиппова Е.В. (Россия),
Холмогорова А.Б. (Россия), Шеманов А.Ю. (Россия),
Шумакова Н.Б. (Россия), Энгенесс И.Л. (Норвегия),
Юркевич В.С. (Россия)

Редакционный совет

Рубцов В.В. (Россия) — **председатель редакционного совета**
Марголис А.А. (Россия) — **заместитель председателя**
редакционного совета

Дэниелс Г.Р. (Великобритания)

Секретарь

Пономарева В.В.

Научный консультант

Неврюев А.Н.

Технический редактор

Борисова О.Н.

Компьютерная верстка

Баскакова М.А.

Корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.

Телефон: +7 (495) 608-16-27, +7 (495) 632-98-11

E-mail: jmfp@mgppu.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/jmfp>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного
Цитирования (РИНЦ), RSCI, Международный каталог
научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2012 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66445 от 21.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики,
все тексты и иллюстрации являются собственностью
ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом.
Перепечатка материалов журнала и использование
иллюстраций допускаются только с письменного
разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-
педагогический университет», 2026

International Scientific Journal
“Journal of Modern Foreign Psychology”

Editorial board

Ermolova T.V. (Russia) — **editor-in-chief**
Avdeeva N.N. (Russia), Alexandrov Y.I. (Russia),
Akhutina T.V. (Russia), Basilova T.A. (Russia),
Bovina I.B. (Russia), Bulygina V.G. (Russia),
Burlakova I.A. (Russia), Grigorenko E.L. (Russia),
Dozorceva E.G. (Russia), Evtushenko I.V. (Russia),
Ekimova V.I. (Russia), Isaev E.I. (Russia),
Maryutina T.M. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia),
Polivanova K.N. (Russia), Rubtsov V.V. (Russia),
Salmina N.G. (Russia), Safronova M.A. (Russia),
Sergienko E.A. (Russia), Stoyanova S.Y. (Bulgaria),
Stroganova T.A. (Russia), Tkacheva V.V. (Russia),
Tolstykh N.N. (Russia), Filippova E.V. (Russia),
Kholmogorova A.B. (Russia), Shemanov A.Y. (Russia),
Shumakova N.B. (Russia), Engeness I. (Norway),
Yurkevich V.S. (Russia)

Editorial council

Rubtsov V.V. (Russia) — **chairman of editorial council**
Margolis A.A. (Russia) — **deputy chairman**
of editorial council

Daniels H.R. (Great Britain)

Secretary

Ponomareva V.V.

Scientific consultant

Nevryuev A.N.

Technical editor

Borisova O.N.

Computer layout designer

Baskakova M.A.

Proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education
(MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051

Phone: + 7 (495) 608-16-27, + 7 (495) 632-98-11

E-mail: jmfp@mgppu.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/jmfp>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of
Education and Science of the Russian Federation, Russian
Index of Scientific Citing database, RCSI, DOAJ

Published quarterly since 2012

The mass medium registration certificate:

El FS77-66445 number. Registration date 21.07.2016

All rights reserved.

Journal title, logo, rubrics, all text and images are the
property of MSUPE and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed
only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Екимова В.И., Розенова М.И.

Введение 5

ПСИХОЛОГИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Токарчук Ю.А., Рубцова О.В., Токарчук А.М.

Психолого-педагогические эффекты использования технологий искусственного интеллекта в образовательной практике 8

НЕЙРОНАУКИ И КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Скрьльникова Н.И., Холодная М.А.

Современные подходы к изучению психологических аспектов взаимодействия пользователя с генеративным искусственным интеллектом 17

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Каверина М.Ю.

Основные направления использования технологии VR в образовании, медицине и фундаментальных исследованиях 27

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Латынов В.В., Власова А.С.

Автоматизированные системы кодирования психотерапевтического дискурса 37

Суворова Э.А., Шаболтас А.

Цифровые технологии в комплексной реабилитации пациентов после эндопротезирования тазобедренного сустава: нарративный обзор зарубежных психологических интервенций 47

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Кочетков Н.В., Расходчикова М.Н., Расходчикова К.А.

Феномен думскроллинга: зарубежные и отечественные подходы к изучению навязчивого потребления негативного контента 58

Петров В.Е.

Безопасность личности участников боевых действий в цифровом мире 68

Розенова М.И., Огнев А.С., Лихачева Э.В.

Искусственный интеллект в исследовательских и психологических практиках: международный опыт применения и обнаруженные риски 78

Цэцэнбилэг Ц., Хатанболд О.С.

Информационно-цифровая безопасность в контексте осведомленности молодежи Монголии о социальных рисках 91

Вне тематики

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Дорошенко В.А., Савенышева С.С.

Сородительство в контексте семейных отношений 102

КОГНИТИВНАЯ ПЕДАГОГИКА

Матушкина В.В., Котов А.А., Котова Т.Н.

Эффект выученного невнимания в категориальном научении: природа, проявления и значение для категоризации 111

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В.

Переосмысление психотерапии моральной травмы: от синдромной к функциональной концептуализации в работе с военнослужащими и ветеранами 120

Ефимов К.Р., Иванов М.В.

Факторы и методы исследования родительской приверженности лечению детей с РАС 132

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Юзар В.В., Карпова Н.В.

Метаанализ распространенности интернализованных расстройств у детей, подвергшихся влиянию вооруженных конфликтов 142

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Рягузова Е.В.

Трансгрессивный опыт комбатантов: моральные потрясения и этические конфликты 151

Наши авторы

160

CONTENTS

NOTES FROM EDITOR

Ekimova V.I., Rozenova M.I.

Introduction 5

PSYCHOLOGY IN THE DIGITAL AGE

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Tokarchuk Yu.A., Rubtsova O.V., Tokarchuk A.M.

Psychological and pedagogical effects of the implementation of artificial intelligence technologies in educational practice 8

NEUROSCIENCES AND COGNITIVE STUDIES

Skrylnikova N.I., Kholodnaya M.A.

Modern approaches to studying human interaction with generative artificial intelligence 17

GENERAL PSYCHOLOGY

Kaverina M.Yu.

The main directions of using VR technology in education, medicine and fundamental research 27

MEDICAL PSYCHOLOGY

Latynov V.V., Vlasova A.S.

Automated systems for coding psychotherapeutic discourse 37

Suvorova E.A., Shabolts A.V.

Digital technologies in complex rehabilitation of patients after hip arthroplasty: a descriptive review of foreign psychological interventions 47

LEGAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Kochetkov N.V., Raskhodchikova M.N., Raskhodchikova K.A.

Doomscrolling: a review of international and russian research on compulsive consumption of negative news content 58

Petrov V.E.

Personal security of combatants in the digital world 68

Rozenova M.I., Ognev A.S., Likhacheva E.V.

Artificial Intelligence in Research and Psychological Practices: International Experience and Identified Risks 78

Tsetsenbileg Ts., Khatanbold O.

Information and digital security in the context of awareness of Mongolia's youth about social risks 91

Outside of the theme rooms

SOCIAL PSYCHOLOGY

Doroshenko V.A., Savenysheva S.S.

Coparenting in the context of family relations 102

COGNITIVE PEDAGOGY

Matushkina V.V., Kotov A.A., Kotova T.N.

The effect of learned inattention in category learning: nature, origin, and significance for categorization 111

MEDICAL PSYCHOLOGY

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirmova O.V.

Rethinking moral injury: the shift from a syndromal to a functional model of psychotherapy for military personnel and veterans 120

Yefimov K.R., Ivanov M.V.

Parental treatment adherence in children with asd: factors and research methods 132

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY AND AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Juzar V.V., Karpova N.V.

Prevalence of internalizing disorders among children: a meta-analysis by regions of armed conflict 142

LEGAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Ryaguzova E.V.

Transgressive experiences of combatants: moral turmoil and ethical conflicts 151

Our authors

163

КОЛОНКА РЕДАКТОРА NOTES FROM EDITOR

Редакторская заметка | Editorial note

Введение

М.И. Розенова ✉, **М.И. Екимова**

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
✉ profi1234@yandex.ru

Introduction

M.I. Rozenova ✉, **V.I. Ekimova**

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
✉ profi1234@yandex.ru

Мир современных цифровых технологий стремительно преобразует жизнедеятельность человека, знаменуя переход современного общества из информационной эпохи в эпоху цифрового интеллекта. В то же время цифровое пространство не только обеспечивает человечеству беспрецедентные возможности, но и содержит серьезные вызовы и риски, требующие активного взаимодействия специалистов разных профилей. Психологические исследования, как зеркало, отражают проблемные зоны и ресурсы глобальной цифровизации на уровне личности, профессиональной среды и социума в целом.

Тематический номер «Психология в цифровую эпоху» посвящен современным зарубежным исследованиям психологических аспектов интенсивного внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни и деятельности людей. Целью выпуска является представление читателям специфических направлений изучения роли и места цифровых технологий в психологической науке и практике, в образовании и медицине; в обобщении результатов многочисленных исследований постоянно расширяющихся возможностей цифровой среды, а также ее опасностей. В статьях номера рассматриваются проблемы внедрения различных видов цифровых технологий, определяются задачи изучения специфики их применения, механизмов функционирования и взаимодействия с человеком, анализируется спектр негативных последствий и меры их профилактики, выдвигаются предложения по дальнейшему расширению предметного поля исследований субъекта деятельности в совершенствующейся и усложняющейся цифровой среде.

Значительная часть статей номера посвящена проблемам *цифровой безопасности, цифрового поведения и цифровых возможностей*.

В статье «*Безопасность личности участников боевых действий в цифровом мире*» (*В.Е. Петров*) на материале анализа зарубежных публикаций автор обсуждает основные угрозы безопасности личности в силовых структурах, как то: генерация деструктивного контента с целью изменения отношения общества к представителям правоохранительных органов, к вооруженным конфликтам, к власти; недостаточное обеспечение сохранности персональных данных; личностные трансформации «силовиков» и их поведения в антиили асоциальном направлении. Автор констатирует необходимость критической оценки потенциала цифровизации жизненного пространства и профессиональной деятельности специалистов силовых ведомств и совершенствования мер обеспечения необходимого уровня их психологической безопасности.

В статье «*Феномен думскроллинга в цифровой среде: зарубежные и отечественные подходы к изучению навязчивого потребления негативного контента*» (*Н.В. Кочетков, М.Н. Расходчикова, К.А. Расходчикова*) авторы представили современное понимание феномена навязчивого потребления негативного контента — думскроллинга, а также его связь с тревожностью, депрессией, импульсивностью, склонностью к рискованному поведению, страхом упустить что-то важное, невротизмом и киберхондрией. В качестве основы профилактики думскроллинга выступает развитие критического мышления и освоение навыков активно-рефлексивного думсерфинга. Протективными факторами по отношению к навязчивому стремлению получения негативной информации являются стрессоустойчивость, жизнестойкость, доброжелательность и добросовестность человека, его психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью.

В статье коллег из Монголии «*Информационно-цифровая безопасность в контексте осведомленности молодежи Монголии о рисках и последствиях работы в цифровой среде*» (Ц. Цээнбилэг, О. Сартуул Хатанболд) приводятся результаты масштабного исследования, выявившего недостаточный уровень цифровой грамотности у монгольской молодежи: распространенность инфантильных установок, слабость практических и рефлексивных навыков цифровой безопасности и недооценка рисков. Городская и образованная молодежь несколько лучше осведомлена об опасных сторонах цифровизации, однако всем не хватает знаний о конкретных методах самозащиты от угроз цифрового пространства. Авторы подчеркивают необходимость воспитания культуры разумного и этичного поведения в цифровой среде и повышения личной ответственности каждого пользователя.

В статье «*Обзор и анализ актуальных направлений цифровой психодиагностики в зарубежной психологии*» (Е.А. Липовский, Т.В. Капустина) авторы выделили четыре ключевых вектора развития современной цифровой диагностики: экологической моментальной оценки (ЕМА), анализа цифровых следов и данных социальных сетей, геймификации диагностических инструментов, цифровизации стандартизированных тестов с внедрением адаптивных алгоритмов. Эти направления успешно дополняют традиционные диагностические методы, они надежны и имеют высокий потенциал интеграции в клинической и исследовательской практике.

Несколько статей номера посвящены направлению *внедрения технологий искусственного интеллекта*.

В статье «*Искусственный интеллект в исследовательских и психологических практиках: международный опыт применения и обнаруженные риски*» (М.И. Розенова, А.С. Огнев, Э.В. Лихачева) авторы показывают, что положительный опыт внедрения ИИ в психологические, терапевтические, академические и исследовательские практики связан с автоматизацией и персонализацией процессов взаимодействия искусственного интеллекта и человека, с реализацией уникальных и масштабных форматов исследований; при этом негативные стороны сопряжены с формированием зависимости и воздействием на значимые параметры познания и поведения людей (критическое мышление и принятие решений). Признавая высокий потенциал и эффективность внедрения ИИ, необходимо оценивать риски и последствия внедрения новых технологий для внутренних механизмов развития психики и личности.

В статье «*Психолого-педагогические эффекты использования технологий искусственного интеллекта в образовательной практике*» (Ю.А. Токарчук, О.В. Рубцова, А.М. Токарчук) выявлено шесть ключевых направлений применения ИИ в образовании: интеллектуальные обучающие системы, образовательные роботы, диалоговые агенты, аналитика обучения, автоматизированное оценивание, административные и профориентационные системы, которые положительно влияют

на рост успеваемости, вовлеченности учащихся и персонализацию обучения. В качестве проблемных зон авторы определили алгоритмическую предвзятость, этические дилеммы, вопросы конфиденциальности, риски зависимости и сопротивление педагогов.

В статье «*Современные подходы к изучению взаимодействия субъекта с генеративным искусственным интеллектом: обзор зарубежных исследований*» (Н.И. Скрьльникова, М.А. Холодная) выделено пять подходов, определяющих психологические факторы и последствия взаимодействия субъекта с генеративным ИИ (структурно-функциональный, информационный, когнитивный, личностный и институциональный). В рамках каждого подхода представлена фактология позитивного и негативного влияния генеративного ИИ на ментальные состояния пользователя. Разнообразие подходов позволяет обозначить направления профилактики и перспективы изучения эффективного и безопасного взаимодействия человека с современными цифровыми системами.

Кроме того, в номере представлены материалы о *применении таких новых технологий, как «виртуальная реальность»*.

В статье «*Основные направления использования технологий ВР в образовании, медицине и фундаментальных исследованиях*» (М.Ю. Каверина) приведена систематизация отечественных и зарубежных научных работ по использованию технологий ВР в образовании, медицине и в фундаментальных исследованиях, а также выявлены значимые параметры действия ВР-реальности: виртуальное присутствие, иммерсивность, возможность отслеживать движения глаз и фиксировать эффекты в обучении и лечении. Авторы показали широкие возможности применения ВР с доказанной эффективностью в решении конкретных прикладных задач.

В рамках медицинской психологии публикации номера раскрывают перспективы *использования цифровых технологий в психотерапии*.

Так в статье «*Автоматизированные системы кодирования психотерапевтического дискурса*» (В.В. Латынов, А.С. Власов) авторы показали потенциал применения современных цифровых инструментов при кодировании текстов психотерапевтических сессий для изучения структуры и динамики психотерапевтического процесса, когда анализ закодированных речевых высказываний клиента и терапевта позволяет выявлять паттерны их взаимодействия в динамичном временном изменении, что важно для лучшего понимания механизмов психотерапевтической работы. Автоматизированное кодирование значительно продвинуло и упростило применение кодировочного процесса, как в целях научных исследований психотерапии, так и для обучения и квалификационной оценки работы психотерапевтов.

В статье «*Цифровые технологии в комплексной реабилитации пациентов после эндопротезирования тазобедренного сустава: нарративный обзор зарубежных психоло-*

логических интервенций» (Э.А. Суворова, А. Шаболтас) авторы констатируют, что цифровые психологические средства (интервенции посредством телемедицины, мобильных приложений, VR-технологий) доказали свою клиническую эффективность и экономическую целесообразность в персонализированной реабилитации после оперативного эндопротезирования тазобедренного сустава за счет обеспечения психологической поддержки пациентов после выписки из стационара. Это позволяет поддерживать постоянство и непрерывность контакта медицинского персонала с больным,

что способствует его успешному восстановлению, в частности за счет снижения тревоги, депрессии и катастрофизации боли.

Редакционный и авторский коллектив надеются, что материалы данного номера расширят и углубят представления читателей о возможностях современных цифровых технологий в психологии и сопряженных сферах, а также позволят сформировать у специалистов компетентный взгляд на ресурсы и потенциальные риски цифровой среды, что особенно важно при организации их системной профилактики.

Информация об авторах

Марина Ивановна Розенова, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6976-5587>, e-mail: profi1234@yandex.ru

Валентина Ивановна Екимова, доктор психологических наук, заведующая и профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: ekimovavi@mgppu.ru

Information about the authors

Marina I. Rozenova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6976-5587>, e-mail: profi1234@yandex.ru

Valentina I. Ekimova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Head of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-00021480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Поступила в редакцию 19.06.2026

Поступила после рецензирования 19.06.2026

Принята к публикации 25.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.06.19.

Revised 2026.06.19.

Accepted 2026.06.25.

Published 2026.06.30.

ПСИХОЛОГИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

PSYCHOLOGY IN THE DIGITAL AGE

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Обзорная статья | Review paper

Психолого-педагогические эффекты использования технологий искусственного интеллекта в образовательной практике

Ю.А. Токарчук ✉, О.В. Рубцова, А.М. Токарчук

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ lyusindus@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В последние годы технологии искусственного интеллекта становятся важной частью образовательных процессов от начального до профессионального образования. Их роль особенно возросла в постпандемийный период, когда цифровизация ускорила и возникла потребность в новых инструментах персонализации и поддержки обучения. **Цель.** Определить психолого-педагогические эффекты и современные тенденции применения технологий ИИ в образовании. **Гипотеза.** Использование ИИ можно классифицировать по ключевым направлениям, а его внедрение будет способствовать росту эффективности и качества обучения за счет персонализации и оптимизации процессов, но при этом сопряжено с рядом рисков. **Методы и материалы.** Проведен систематический обзор статей на английском языке, индексируемых в базах Web of Science, Scopus за 2005—2025 гг. В анализ включались только рецензируемые научные публикации, что обеспечило строгость и достоверность анализа. **Результаты.** Выделены шесть ключевых направлений применения технологий ИИ в образовании: интеллектуальные обучающие системы, образовательные роботы, диалоговые агенты, аналитика обучения, автоматизированное оценивание, административные и профориентационные системы. Большинство исследований фиксируют положительные эффекты, такие как рост успеваемости, вовлеченности и персонализации. Наряду с этим отмечаются вызовы, связанные с алгоритмической предвзятостью, этическими вопросами, проблемами конфиденциальности, сопротивлением педагогов и риском цифровой зависимости. **Выводы.** Технологии ИИ становятся значимым фактором трансформации образования, усиливая его адаптивность и результативность. Их успешная интеграция требует ответственного подхода, отвечающего на возникающие риски и вызовы.

Ключевые слова: искусственный интеллект в образовании, цифровые образовательные технологии, чат-бот, образовательный ассистент, интеллектуальные обучающие системы, зона ближайшего развития

Для цитирования: Токарчук, Ю.А., Рубцова, О.В., Токарчук, А.М. (2026). Психолого-педагогические эффекты использования технологий искусственного интеллекта в образовательной практике. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 8–16. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150201>

Psychological and pedagogical effects of the implementation of artificial intelligence technologies in educational practice

Yu.A. Tokarchuk ✉, O.V. Rubtsova, A.M. Tokarchuk

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ lyusindus@gmail.com

Abstract

Context and Relevance. In recent years, artificial intelligence technologies have become an integral part of educational processes across all levels, from primary to professional education. Their role has grown particularly significant in the post-pandemic period, when digitalization accelerated and the demand for new tools of personalization and learning support intensified. **Objective.** To identify the psycho-pedagogical effects and current trends in the application of AI technologies in education. **Hypothesis.** It was assumed that the use of AI in education can be classified into key domains, and that its integration would contribute to enhancing the efficiency and quality of learning through personalization and optimization of processes, while at the same time being associated with a range of risks. **Methods and Materials.** A systematic review was conducted of articles in English indexed in Web of Science, Scopus databases between 2005 and 2025. Only peer-reviewed publications were included, which ensured the rigor and reliability of the analysis. **Results.** Six key areas of AI application in education were identified: intelligent tutoring systems, educational robots, dialog agents, learning analytics, automated assessment, and administrative and career guidance systems. Most studies report positive effects such as improved academic performance, increased engagement, and higher levels of personalization. At the same time, a number of challenges were noted, including algorithmic bias, ethical issues, data privacy concerns, teacher resistance, and the risk of digital dependency. **Conclusions.** AI technologies are becoming a significant factor in the transformation of education, strengthening its adaptability and effectiveness. Their successful integration requires a responsible approach that addresses the emerging risks and challenges.

Keywords: artificial intelligence in education, digital educational technologies, chatbot, educational assistant, intelligent tutoring systems, zone of proximal development (ZPD)

For citation: Tokarchuk, Yu.A., Rubtsova, O.V., Tokarchuk, A.M. (2026). Psychological and pedagogical effects of the implementation of artificial intelligence technologies in educational practice. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 8–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150201>

Введение

В последние десятилетия технологии искусственного интеллекта (ИИ) все активнее применяются как в рамках традиционного обучения, так и в цифровых образовательных средах. Несмотря на то, что ИИ в образовании абсолютно не новая область, значимость этого направления существенно возросла в постпандемийный период, когда COVID-19 ускорил процессы цифровизации образования по всему миру. Технологии искусственного интеллекта обладают большим потенциалом для повышения эффективности и результативности образования, что делает эту область критически важной для научных исследований. Так, образовательные платформы способны предоставлять персонализированное обучение в больших масштабах за счет адаптации содержания под индивидуальные потребности обучающегося и обеспечения оптимального уровня сложности подачи материала (Guo, 2021). Помимо этого, ИИ способен существенно облегчить и саму организацию процесса обучения, автоматизировать рутинные административные задачи.

Ранние систематические обзоры по применению ИИ в образовании были сфокусированы на высшей школе и выделяли такие ключевые области, как профилирование и прогнозирование успеваемости студентов,

оценивание и контроль, адаптивные и интеллектуальные обучающие системы (ITS), образовательная аналитика (Zawacki-Richter et al., 2019; Chen, Chen, Lin, 2020). Более поздние обзоры развили эти идеи, включив новые тематические направления, например такие, как интеграция глубокого обучения, связь с нейронауками (Zhai et al., 2021), а также сгруппировав разрозненные исследования по областям: обучение, преподавание, оценивание, администрирование (Chiu et al., 2023).

Опираясь на эти исследования, мы задались целью проанализировать научные публикации за последние 20 лет (2005–2025), охватывающие начальное, среднее, высшее и профессиональное образование в международном масштабе, чтобы сформировать целостную картину современного использования технологий ИИ.

Опираясь на анализ литературы и теоретические подходы, мы сформулировали несколько гипотез на начальном этапе данного обзора. Основная гипотеза заключалась в том, что исследования по технологиям ИИ на различных этапах образования могут быть классифицированы на основе ключевых направлений их использования. Кроме того, мы предположили, что технологии на основе ИИ окажут положительное влияние на образовательные результаты учащихся за счет наличия индивидуальной поддержки и системы обратной связи, а также будут повышать эффективность

обучения за счет оптимизации рутинных педагогических процессов. Наряду с этими преимуществами, мы допускаем выявление определенных вызовов и рисков, связанных с внедрением технологических инноваций. Таким образом, цель настоящего обзора — определить современные тенденции и психолого-педагогические эффекты использования технологий ИИ на различных ступенях образования.

Материалы и методы

Проведенный систематический обзор предполагал включение научных работ только на английском языке. Поэтому поиск литературы осуществлялся по ведущим международным базам данных Web of Science и Scopus с целью выявления рецензируемых научных статей об использовании искусственного интеллекта в образовании, опубликованных в период 2005—2025 гг. Стратегия поиска основывалась на поиске сочетания ключевых слов, относящихся к ИИ (например, «artificial intelligence», «machine learning», «intelligent system», «chatbot», «robotics»), с терминами, связанными с образованием (например, «education», «learning», «teaching», «tutor»). Для обеспечения высокого уровня строгости и достоверности в обзор включались только научные статьи, индексируемые в указанных базах, исключались материалы конференций, диссертации, аналитические записки. Поиск научных работ был завершен в августе 2025 года.

Результаты

Основываясь на анализе научных работ, нам удалось классифицировать использование технологий ИИ в образовании по тематическим направлениям, отражающим современные тенденции исследований на всех ступенях образования. В целом, каждое направление продемонстрировало свои преимущества и ограничения. Далее они будут рассмотрены подробно.

Интеллектуальные обучающие системы и адаптивное обучение

Одним из наиболее разработанных направлений использования ИИ в образовании является создание интеллектуальных обучающих систем (Intelligent Tutoring Systems, ITS) и адаптивных образовательных платформ для всех уровней, от начальной школы до корпоративного обучения. Эти системы нацелены на предоставление персонализированного обучения путем динамической адаптации содержания, уровня сложности и обратной связи в реальном времени в зависимости от результатов конкретного учащегося (Мао, Chen, Liu, 2023). Метаанализ проведенный Лу Го с коллегами показал, что учащиеся, использующие тьюторов на основе ИИ, зачастую демонстрируют значительно лучшие результаты по сравнению с традици-

онными формами обучения (Guo et al., 2021; Guo, Zheng, Zhai, 2024). Отдельные исследования описывают такие преимущества, как более быстрое освоение понятий, более высокие показатели завершения курсов и улучшенное удержание знаний при использовании интеллектуальных обучающих систем. Так, У. Ма и коллеги в 2014 г. проанализировали 73 контролируемых эксперимента и пришли к выводу, что учащиеся, использующие ITS, превосходили традиционно обучавшихся примерно в 92% случаев (Ma et al., 2014).

Современные ITS применяют методы машинного обучения и когнитивного моделирования для постоянного обновления профиля знаний учащегося, что позволяет выбирать следующее задание или подсказку. Также активно интегрируются технологии обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP), которые делают возможным работу диалоговых ассистентов (например, известной системы AutoTutor), способных вести беседу с учеником, отвечать на вопросы и даже распознавать признаки замешательства или эмоционального состояния.

Несмотря на очевидные преимущества, интеллектуальные обучающие системы и адаптивные платформы сталкиваются с рядом серьезных вызовов. Так, например, разработка качественной ITS требует значительных ресурсов. Более того, исследования указывают на возможные риски, связанные с образовательным неравенством. Если алгоритмы адаптации опираются на предвзятые данные или узкие показатели успеваемости, это может непреднамеренно приводить к снижению планки ожиданий. Л. Чэнь и креоллеги подчеркивают проблемы конфиденциальности данных и алгоритмической предвзятости в подобных системах, отмечая, что при отсутствии тщательного контроля адаптивные алгоритмы могут закреплять разрывы в достижениях (Chen, Chen, Lin, 2020). Помимо этого, в ряде случаев учителя сообщали об опасениях, что учащиеся могут стать чрезмерно зависимыми от пошаговых подсказок.

Тем не менее общий вывод исследований сводится к тому, что при грамотной реализации ITS и адаптивные системы значительно повышают результаты обучения за счет персонализированной поддержки в масштабах, которые просто невозможно обеспечить силами одного преподавателя.

Образовательные роботы и ассистенты на основе ИИ

Достижения в области робототехники и искусственного интеллекта позволили внедрять в образовательную практику человекоподобных или игровых роботов в классах, библиотеках и терапевтических центрах (Evripidou et al., 2020). Эти «социальные роботы» представляют собой интеллектуальные системы, характеризующиеся физическим присутствием, антропоморфными чертами и развитым набором социальных, эмоциональных и когнитивных навыков (Lampropoulos, 2025).

Так, метаанализ, охватывающий 79 исследований (Belraeme et al., 2018), показал, что учащиеся, обучающиеся с помощью робота-тьютора, демонстрировали значительно лучшие результаты по сравнению с отсутствием тьютора. Более того, обучение с роботом показывало лучшие тестовые результаты, чем занятия с учителем, однако разница не была значимой (Bravo Pegucho, Alimardani, 2023). Физическое присутствие и дружелюбный облик робота способствуют росту внимания и готовности к участию (Lamprououlos, 2025). Например, младшие школьники, осваивающие иностранный язык, чаще говорят и меньше стесняются, «разговаривая» с роботом, чем со взрослым, что ведет к большому прогрессу в беглости речи. Некоторые роботы используют адаптивные жесты и эмоциональные выражения для реагирования на эмоциональное состояние ученика, что способствует повышению образовательных результатов и вовлеченности (Belraeme et al., 2018).

Недавний систематический обзор, проведенный греческим исследователем G. Lamprououlos, подчеркнул резкий рост интереса к этому направлению. Проанализировав 361 публикацию по теме социальных роботов в образовании, исследователь приходит к положительному заключению о результатах и росте внедрения роботов при обучении по различным предметам и в разных возрастных группах. При этом сферы их применения варьируются от дошкольного образования до школьного обучения естественным наукам и специального образования.

Тем не менее обеспечить повседневное использование роботов в школах затруднительно из-за стоимости и сложности аппаратного обеспечения. Имеющиеся на сегодняшний день исследования являются пилотными проектами малого масштаба. Кроме того, исследователи отмечают, что энтузиазм учащихся снижается после нескольких занятий. Если ученик задает вопрос вне сценария, робот зачастую не способен дать содержательный ответ. Учителя выражают обеспокоенность состоянием дисциплины в классах и необходимостью обеспечения продуктивности занятий. Этические вопросы также являются предметом активных дискуссий в контексте конфиденциальности данных, так как роботы часто оснащены камерами и микрофонами.

Возможно, по мере развития технологий можно ожидать, что образовательные роботы станут более распространенными и эффективными в массовой практике.

Диалоговые агенты и чат-боты

Образовательные диалоговые агенты на основе ИИ, включая текстовые чат-боты и голосовых виртуальных помощников, в последние годы превратились в популярные инструменты поддержки обучения. Они варьируются от простых ассистентов на основе правил, задающих вопросы и предлагающих шаблонную обратную связь, до современных систем на основе больших языковых моделей, таких как ChatGPT, способных вести открытый диалог по академическим темам.

Образовательное применение чат-ботов весьма разнообразно. Наиболее известной областью применения диалоговых агентов является обучение иностранным языкам, так как они позволяют учащимся практиковать письменную и устную речь в любое время, сразу же получая обратную связь и рекомендации (Dai et al., 2024; Wang et al., 2025).

С появлением мощных языковых моделей ИИ за последние годы возможности образовательных чат-ботов существенно расширились. В то время как ранние поколения работали по заранее заданным сценариям и обладали ограниченным пониманием, современные системы, такие как ChatGPT, способны обрабатывать широкий спектр запросов, генерировать подробные объяснения и даже адаптировать язык под пользователя. Первые исследования в учебных классах демонстрируют большой потенциал, но также выявляют риски. Учащиеся, используя ассистентов на основе больших языковых моделей, могут создавать более содержательные работы, однако возникает угроза чрезмерной зависимости. Эти вопросы уже находятся в центре внимания исследователей — обзоры показывают, что ChatGPT влияет на вовлеченность студентов и изменяет их учебное поведение (Lo, Hew, Jong, 2024; Garzón, Patiño, Marulanda, 2025). Хотя данное направление еще только формируется, уже очевидно, что чат-боты трансформируют образовательную практику. Некоторые образовательные учреждения включают работу с чат-ботами как часть учебных заданий для обучения студентов формулированию запросов и проверке корректности ответов. Ключевые преимущества диалоговых агентов в образовании связаны с их доступностью и персонализацией. Исследования отмечают повышение мотивации и снижение тревожности при взаимодействии с «некритичным» чат-ботом (Wang et al., 2025).

С другой стороны, сохраняются вызовы, так как необходимо гарантировать корректность и качество ответов бота. Помимо этого, чат-боты могут собирать вопросы пользователей и персональные данные, что требует строгой защиты, особенно при работе с несовершеннолетними (Adiguzel, Mehmet, Fatih, 2023).

В целом, литература подтверждает, что грамотно спроектированные образовательные чат-боты и диалоговые агенты способны улучшать обучение за счет расширения возможностей практики и своевременной поддержки. Они не заменяют учителей, а выступают в роли вспомогательных инструментов. При правильном применении диалоговые агенты делают обучение более интерактивным и персонализированным.

Аналитика обучения и поддержка студентов

Под аналитикой обучения понимается сбор и анализ данных об учащихся с целью понять и улучшить процессы обучения. На практике это реализуется в виде инструментов, которые отслеживают прогресс студентов, особенно в цифровых образовательных средах, и прогнозируют результаты, чтобы обеспечить их поддержку.

Например, многие университеты внедряют предиктивные модели, анализирующие различные факторы (оценки, активность в онлайн-средах, демографические данные и др.) для выявления студентов с высокой вероятностью неуспеваемости или отчисления (Waheed et al., 2020). Эти модели могут оповещать преподавателей, которые затем выходят на связь со студентом и предлагают целенаправленную помощь. Технологии ИИ здесь играют ключевую роль, так как они способны выявлять закономерности в образовательных данных, которые человек может не заметить. Например, алгоритм может обнаружить, что студенты, которые плохо справились с заданием, редко заходят в систему обучения вечером, с высокой вероятностью бросят курс. Такой неочевидный паттерн затем распространяется на других студентов с аналогичным риском. Исследователи подчеркивают растущую значимость аналитики обучения, отмечая, что обработка данных цифрового следа с помощью ИИ позволяет предсказывать успехи или трудности студентов (Chen, Chen, Lin, 2020). Системы раннего предупреждения, при их активном использовании, связаны со снижением уровня неуспеваемости и ростом показателей удержания студентов.

Аналитика обучения применяется не только для прогнозирования неуспеваемости, но и для персонализации. Благодаря такой аналитике, администраторы получают возможность оценить эффективность различных учебных материалов и оптимально распределить ресурсы.

Вызовы, существующие в этой области, в первую очередь связаны с вопросами конфиденциальности и этики, так как аналитика обучения предполагает работу с данными студентов (оценки, демография, поведенческие логи). Некорректное обращение с этими данными или чрезмерно навязчивый мониторинг могут нарушать права студентов. Многие исследователи подчеркивают, что предиктивные модели должны использоваться для поддержки студентов, а не для их стигматизации и наказания. Существует также определенный риск предвзятости в случаях, если предшествующие данные отражают более низкую успеваемость у определенных групп вследствие системных факторов — модель может воспроизводить эти искажения, отмечая таких студентов как «группу риска». Эта проблема регулярно поднимается в научных работах (Garzon, Pati o, Marulanda, 2025).

Таким образом, аналитика обучения представляет собой мощный инструмент использования ИИ в образовании. Исследования позволяют сделать вывод о том, что системы аналитики могут улучшать такие показатели, как завершение курсов и средний балл, но именно педагог решает, кому из студентов и в какой момент необходимо оказать поддержку.

ИИ в оценивании и экзаменационных практиках

Технологии ИИ все активнее применяются для автоматизации и усовершенствования различных форм оценивания студентов. Исследования показали, что совре-

менные системы часто способны воспроизводить оценки экспертов с высокой степенью корреляции, особенно в случае структурированных заданий (Zawacki-Richter et al., 2019). Использование ИИ для оценивания имеет очевидные преимущества, позволяя быстро предоставлять обратную связь студентам и снижая огромную нагрузку на преподавателей в больших курсах.

Помимо академической работы, ИИ также используется для обеспечения академической честности при проведении оценочных процедур. Системы онлайн-контроля за честностью проведения проверочных мероприятий на основе ИИ получили широкое распространение в период перехода к онлайн-экзаменам во время пандемии COVID-19. В этих системах используются технологии компьютерного зрения и машинного обучения для мониторинга экзаменуемых через веб-камеры, фиксируя, если студент покидает место, если в комнате присутствуют несколько человек или, например, студент часто смотрит в сторону. В России одной из таких платформ стала Examus. Она анализирует поведение пользователя с помощью распознавания лиц и эмоций, чтобы выявлять возможные случаи нарушения правил во время удаленных экзаменов (Соколов, Виноградский, 2022). Аналогично, национальный оператор связи Ростелеком оснастил аудитории для проведения ЕГЭ камерами с ИИ-аналитикой, где нейросеть в реальном времени анализировала видеопоток для выявления подозрительной активности. Эти меры показывают, как ИИ может повысить объективность проведения ЕГЭ, так как алгоритм применяет единые критерии ко всем.

Безусловно, использование инструментов оценки на основе ИИ сопряжено с определенными рисками (Halkiopoulou, Gkintoni, 2024). Например, в случае автоматизированного оценивания эссе одной из распространенных проблем является то, что алгоритмы могут вознаграждать студентов за длину текста и богатый словарный запас в ущерб фактической точности, так как именно эти поверхностные признаки коррелируют с высокими баллами в выборке. Поэтому многие исследователи выступают за гибридный подход, при котором роль ИИ сводится к упрощению процесса — он может выполнять первичную обработку, оценивать рутинные задания, тогда как педагог будет рассматривать сложные случаи и принимать окончательное решение (Eke, 2023).

Административные и профориентационные системы

Помимо преподавания и оценивания, ИИ все активнее применяется для решения административных задач в образовании, в частности для оптимизации расписания и предоставления академических или карьерных рекомендаций. Эти направления сравнительно реже обсуждаются в академической литературе, однако являются важными средствами повышения эффективности образования.

Алгоритмы ИИ используются для автоматической генерации расписаний с учетом множества ограниче-

ний, таких как доступность преподавателей, вместимость аудиторий, выбор курсов студентами и др. На индивидуальном уровне адаптивные образовательные системы используют ИИ для оптимизации последовательности учебных занятий для каждого учащегося. Некоторые мобильные приложения используют ИИ для создания персонализированных графиков занятий, учитывающих ограничения по времени и темп усвоения материала конкретным учащимся.

В сфере профобразования некоторые университеты используют рекомендательные системы, анализирующие академическую историю и интересы студента, чтобы предложить дисциплины или внеучебные занятия, соответствующие его целям. ИИ может сопоставлять тенденции на рынке труда с профилем студента и рекомендовать профессии, в которых он вероятнее всего добьется успеха (Bankins et al., 2024).

Тем не менее важно учитывать и ограничения. Алгоритмы составления расписаний, если их настроить неудачно, могут предложить «оптимальные», но непрактичные решения, например расписание, при котором ученикам приходится менять аудитории каждые 30 минут для максимального использования помещений. Поэтому человеческий контроль здесь также необходим.

В профориентации тоже есть риск, связанный с закреплением социальных предвзятостей. Если определенные группы были мало представлены в какой-либо профессии, алгоритмы ИИ могут автоматически недооценивать и не рекомендовать эту сферу студентам с похожим профилем, даже при наличии у них большого потенциала на успех. Чтобы избежать подобного искажения, важно обеспечить прозрачность механизмов формирования рекомендаций, что позволит адекватно их интерпретировать.

Обсуждение результатов

Результаты данного систематического обзора позволяют составить картину того, как искусственный интеллект активно внедряется в систему образования на протяжении последних двух десятилетий. Отмечается резкий скачок числа научных публикаций по теме ИИ в 2023 году (Akhmadieva et al., 2024), совпавший с выходом доступных генеративных ИИ-инструментов, таких как ChatGPT. Технологический прорыв стимулировал и академический интерес к инновациям, которые уже перестали восприниматься как эксперимент и закрепились в качестве важного элемента образовательной практики. Наиболее активно ИИ применяется в университетах, обладающих ресурсами и гибкостью для внедрения новых технологий. Школьное и профессиональное образование остается менее охваченным, существующие исследования ограничиваются пилотажом и малыми выборками.

Выдвинутые нами исходные гипотезы подтвердились. Исследования в области ИИ в образовании четко уложились в шесть ключевых направлений:

- 1) интеллектуальные обучающие системы (ITS) и адаптивное обучение;
- 2) образовательные роботы и тьюторы на основе ИИ;
- 3) диалоговые агенты и чат-боты;
- 4) аналитика обучения и поддержка студентов;
- 5) ИИ в оценивании и экзаменационных практиках;
- 6) административные и профориентационные системы.

Наиболее выдающимися оказались интеллектуальные обучающие системы и аналитика обучения, что согласуется с данными имеющихся обзоров, подчеркивающих значимость персонализированного обучения и интеллектуальной поддержки.

Большинство проанализированных исследований сообщают о положительных эффектах применения ИИ для улучшения образовательных результатов, персонализации обучения и росте вовлеченности студентов. В ряде работ отмечается рост успеваемости, улучшение навыков решения проблем и повышения критического мышления у обучающихся. Социальные роботы обеспечивали интерактивность занятий, чат-боты осуществляют мгновенную поддержку, а аналитика помогает педагогам выявлять пробелы в знаниях и оперативно вмешиваться для корректировки процесса обучения. Все это подчеркивает важность грамотной интеграции ИИ в образовательный процесс, которая способна совершенствовать его в соответствии с поставленными целями.

Одновременно с этим использование технологий ИИ сопряжено с целым рядом рисков и вызовов. Наиболее часто среди них выделяются вопросы этики и защиты персональных данных, необходимость получения информированного согласия родителей, а также проблема алгоритмической предвзятости. Существенными факторами также являются сопротивление нововведениям и недостаточная подготовленность педагогов. Еще одной серьезной угрозой становится риск формирования «цифровой зависимости», когда учащиеся или преподаватели чрезмерно полагаются на ИИ, что может препятствовать развитию самостоятельности и ослаблять значимость межличностного взаимодействия в образовательном процессе.

Заключение

Технологии искусственного интеллекта становятся важным инструментом трансформации образовательных процессов. Их грамотная интеграция в учебный процесс открывает широкие перспективы для повышения качества обучения, однако требует ответственного подхода к возникающим рискам (Yan et al., 2024).

Современные исследования показывают, что интеллектуальные обучающие системы фактически операционализируют концепцию зоны ближайшего развития Л.С. Выготского. Используя алгоритмы адаптации и анализа ответов, такие системы способ-

ны определять актуальный уровень знаний обучающегося и предлагать подсказки, примеры или задания оптимальной сложности. Это стимулирует прогресс учащегося, не перегружая его невыполнимыми задачами. В этом смысле цифровые ассистенты, по сути, выполняют роль «взрослого» в учебной ситуации, обеспечивая направленную и своевременную помощь, которая удерживает обучающегося в оптимальной зоне развития и способствует лучшему усвоению материала. Для образовательной теории это означает необходимость совмещать технологические достижения с глубоким пониманием закономерностей развития и обучения. В этих условиях перспективным направлением становится междисциплинарный подход, при котором знания в области педагогики и психологии образования интегрируются с разработкой и

внедрением искусственного интеллекта. Такое взаимодействие открывает возможность создания научно обоснованных и технологически эффективных образовательных решений.

Анализ источников позволил выявить нехватку лонгитюдных и комплексных исследований в этой области. Значительная часть существующих работ ограничивается пилотажными исследованиями и малыми выборками. Поэтому особенно важно на основе доказательных исследований изучать долгосрочные эффекты ИИ на эффективность обучения и личностные образовательные результаты. Основываясь на таких данных, психолого-педагогическое сообщество сможет минимизировать существующие риски и максимально раскрыть возможности искусственного интеллекта в условиях цифровизации образования.

Список источников / References

1. Соколов, Н.В., Виноградский, В.Г. (2022). Искусственный интеллект в образовании: анализ, перспективы и риски в РФ. *Проблемы современного педагогического образования*, 76(2), 166–169. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49809360> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Sokolov, N.V., Vinogradsky, V.G. (2022). Artificial intelligence in education: Analysis, prospects, and risks in the Russian Federation. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 76(2), 166–169. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49809360> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Adiguzel, T., Mehmet, H.K., Fatih, K.C. (2023). Revolutionizing education with AI: Exploring the transformative potential of ChatGPT. *Contemporary Educational Technology*, 15(3), Article ep429. <https://doi.org/10.30935/cedtech/13152>
4. Akhmadieva, R.Sh., Kalmazova, N.A., Belova, T., Prokopyev, A., Molodozhnikova, N.M., Spichak, V.Y. (2024). Research trends in the use of artificial intelligence in higher education. *Frontiers in Education*, 9, Article 1438715. <https://doi.org/10.3389/feduc.2024.1438715>
5. Bankins, S., Jooss, S., Restubog, S.L.D., Marrone, M., Ocampo, A.C., Shoss, M. (2024). Navigating career stages in the age of artificial intelligence: A systematic interdisciplinary review and agenda for future research. *Journal of Vocational Behavior*, 153, Article 104011. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2024.104011>
6. Belpaeme, T., Kennedy, J., Ramachandran, A., Scassellati, B., Tanaka, F. (2018). Social robots for education: A review. *Science Robotics*, 3(21), Article aat5954. <https://doi.org/10.1126/scirobotics.aat5954>
7. Bravo Perucho, A., Alimardani, M. (2023). Social robots in secondary education: Can robots assist young adult learners with math learning? In: *Companion of the 2023 ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction* (pp. 355–359). New York: Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/3568294.3580105>
8. Chen, L., Chen, P., Lin, Z. (2020). Artificial intelligence in education: A review. *IEEE Access*, 8, 75264–75278. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2020.2988510>
9. Chiu, T.K.F., Xia Q., Zhou, X., Chai, C. S., Cheng, M. (2023). Systematic literature review on opportunities, challenges, and future research recommendations of artificial intelligence in education. *Computers and Education: Artificial Intelligence*, 4, Article 100118. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2022.100118>
10. Dai, W., Tsai, Y.-S., Lin, J., Aldino, A., Jin, H., Li, T., Gašević, D., & Chen, G. (2024). Assessing the proficiency of large language models in automatic feedback generation: An evaluation study. *Computers and Education: Artificial Intelligence*, 7, Article 100299. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2024.100299>
11. Eke, D.O. (2023). ChatGPT and the rise of generative AI: Threat to academic integrity? *Journal of Responsible Technology*, 13, Article 100060. <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2023.100060>
12. Evripidou, S., Georgiou, K., Doitsidis, L., Amanatiadis, A.A., Zinonos, Z., Chatzichristofis, S.A. (2020). Educational robotics: Platforms, competitions and expected learning outcomes. *IEEE Access*, 8, 219534–219562. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2020.3042555>
13. Halkiopoulos, C., Gkintoni, E. (2024). Leveraging AI in e-learning: Personalized learning and adaptive assessment through cognitive neuropsychology — A systematic analysis. *Electronics*, 13(18), Article 3762. <https://doi.org/10.3390/electronics13183762>
14. Garzón, J., Patiño, E., Marulanda, C. (2025). Systematic review of artificial intelligence in education: Trends, benefits, and challenges. *Multimodal Technologies and Interaction*, 9(8), Article 84. <https://doi.org/10.3390/mti9080084>

14. Guo, L., Wang, D., Gu, F., Li, Y., Wang, Y., Zhou, R. (2021). Evolution and trends in intelligent tutoring systems research: A multidisciplinary and scientometric view. *Asia Pacific Education Review*, 22(3), 441—461. <https://doi.org/10.1007/s12564-021-09697-7>
15. Guo, S., Zheng, Y., Zhai, X. (2024). Artificial intelligence in education research during 2013—2023: A review based on bibliometric analysis. *Education and Information Technologies*, 29, 16387—16409. <https://doi.org/10.1007/s10639-024-12491-8>
16. Lampropoulos, G. (2025). Social robots in education: Current trends and future perspectives. *Information*, 16(1), Article 29. <https://doi.org/10.3390/info16010029>
17. Lo, C.K., Hew, K.F., Jong, M.S.Y. (2024). The influence of ChatGPT on student engagement: A systematic review and future research agenda. *Computers & Education*, 219, Article 105100. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2024.105100>
18. Ma, W., Adesope, O.O., Nesbit, J.C., Liu, Q. (2014). Intelligent tutoring systems and learning outcomes: A meta-analysis. *Journal of Educational Psychology*, 106(4), 901—918. <https://doi.org/10.1037/a0037123>
19. Mao, J., Chen, B., Liu, J.C. (2023). Generative artificial intelligence in education and its implications for assessment. *TechTrends*, 68, 58—66. <https://doi.org/10.1007/s11528-023-00911-4>
20. Waheed, H., Hassan, S.U., Aljohani, N.R., Hardman, J., Alelyani, S., Nawaz, R. (2020). Predicting academic performance of students from VLE big data using deep learning models. *Computers in Human Behavior*, 104, Article 106189. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.106189>
21. Wang, F., Cheung, A.C.K., Neitzel, A.J., Chai, C.S. (2025). Does chatting with chatbots improve language learning performance? A meta-analysis of chatbot-assisted language learning. *Review of Educational Research*, 95(4), 623—660. <https://doi.org/10.3102/00346543241255621>
22. Yan, L., Greiff, S., Teuber, Z., Gašević, D. (2024). Promises and challenges of generative artificial intelligence for human learning. *Nature Human Behaviour*, 8(10), 1839—1850. <https://doi.org/10.1038/s41562-024-02004-5>
23. Zawacki-Richter, O., Marin, V.I., Bond, M., Gouverneur, F. (2019). Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education — Where are the educators? *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 16(1), Article 39. <https://doi.org/10.1186/s41239-019-0171-0>
24. Zhai, X., Chu, X., Chai, C.S., Jong, M.S.Y., Spector, J.M., Liu, J.-B., Yuan, J., Li, Y. (2021). A review of artificial intelligence (AI) in education from 2010 to 2020. *Complexity*, 2021, Article 8812542. <https://doi.org/10.1155/2021/8812542>

Информация об авторах

Юлия Александровна Токарчук, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-06900694>, e-mail: lyusindus@gmail.com

Ольга Витальевна Рубцова, кандидат психологических наук, доцент, руководитель Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-1234>, e-mail: ovrubsova@mail.ru

Андрей Михайлович Токарчук, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5600-6194>, e-mail: netandreas@gmail.com

Information about the authors

Yulia A. Tokarchuk, Researcher of the Center for Interdisciplinary Research of Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/00000003-0690-0694>, e-mail: lyusindus@gmail.com

Olga V. Rubtsova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Head of the Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-1234>, e-mail: ovrubsova@mail.ru

Andrei M. Tokarchuk, Candidate of Science (Engineering), Senior Researcher of the Center for Interdisciplinary Research of Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5600-6194>, e-mail: netandreas@gmail.com

Вклад авторов

Вклад авторов равноценный.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

The authors' contribution is equal.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование представляет собой теоретический анализ и не требует этического согласования.

Ethics statement

This study is a theoretical analysis and did not require ethical approval.

Поступила в редакцию 17.11.2025

Поступила после рецензирования 10.03.2025

Принята к публикации 13.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.11.17

Revised 2025.03.10

Accepted 2026.05.13

Published 2025.06.30

НЕЙРОНАУКИ И КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ NEUROSCIENCES AND COGNITIVE STUDIES

Обзорная статья | Review paper

Современные подходы к изучению психологических аспектов взаимодействия пользователя с генеративным искусственным интеллектом

Н.И. Скрьльникова¹ ✉, М.А. Холодная²

¹ Центр психологии и психоанализа «Selfhood», Москва, Российская Федерация

² Институт психологии РАН, Москва, Российская Федерация

✉ nat24@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Интенсивное развитие и применение технологий генеративного искусственного интеллекта повлекло необходимость анализа психологических аспектов взаимодействия пользователя с цифровым помощником. **Цель.** Выделить в зарубежном научном дискурсе основные подходы к изучению генеративного ИИ в поле психологии. **Материалы и методы.** Анализ статей, опубликованных с 2023 по 2025 год по данной тематике в научных журналах и сборниках конференций, включенных в международные базы данных. **Результаты.** Выявлено пять основных подходов, каждый из которых делает акцент на определенных психологических факторах и психологических последствиях взаимодействия человека с генеративным ИИ. Структурно-функциональный подход позволяет выделить потенциально возможные структурные позиции и функции, делегируемые пользователем генеративному ИИ в процессе взаимодействия. Информационный подход апеллирует к свойствам генерируемой информации, обуславливающим возможности и ограничения ее использования в интеллектуальной деятельности человека. Когнитивный подход рассматривает влияние взаимодействия человека с генеративным ИИ на когнитивные процессы пользователя, а также направлен на оценку «когнитивных способностей» систем на базе Large language model (LLM). Личностный подход описывает роль личностных особенностей и их трансформацию в процессе диалога с генеративным искусственным интеллектом. Институциональный подход акцентирует внимание на правовых, социальных и культурных нормах, обеспечивающих безопасное применение генеративного ИИ. **Выводы.** В рамках каждого подхода представлены факты, свидетельствующие как о позитивном, так и негативном влиянии генеративного ИИ на ментальные состояния пользователя. Обсуждается значение этих подходов по отношению к перспективам в изучении психологических факторов и психологических последствий, характеризующих безопасное и эффективное взаимодействие человека с генеративным ИИ.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, взаимодействие с генеративным ИИ, познавательная позиция, когнитивные искажения, личная автономия, аддиктивное поведение, психологическое благополучие

Для цитирования: Скрьльникова, Н.И., Холодная, М.А. (2026). Современные подходы к изучению взаимодействия субъекта с генеративным искусственным интеллектом. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 17–26. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150202>

Modern approaches to studying human interaction with generative artificial intelligence

N.I. Skrylnikova¹ ✉, M.A. Kholodnaya²

¹ Center for Psychology and Psychoanalysis «Selfhood», Moscow, Russian Federation

² Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ nat24@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The intensive development and use of generative AI tools has necessitated the analysis of the psychological aspects of human-AI interaction. **Objective.** Identification of the main approaches to studying the

peculiarities of human interaction with generative AI in contemporary international psychology. **Methods and materials.** An analysis of articles published from 2023 to 2025 on this topic in academic journals and conference proceedings indexed in major databases **Results.** Five key approaches have been identified, each emphasizing specific psychological factors and consequences of human interaction with generative AI. The structural-functional approach enables the identification of potential structural roles and functions delegated by the individual to generative AI during interaction. The informational approach focuses on the specific features (properties) of generated information that determine its possibilities and limitations in human intellectual activity. The cognitive approach examines the impact of interaction with generative AI on the individual's cognitive processes and measuring LLM cognitive abilities. The personality-based approach describes the role of personality traits and their transformation during the dialogue with generative artificial intelligence. The institutional approach highlights legal, social, and cultural norms that ensure the safe use of generative AI. **Conclusions.** Within each approach, evidence is presented demonstrating both positive and negative effects of generative AI on users' mental states. The diversity of approaches in the psychological research discourse allows for outlining future research directions or studying psychological factors and consequences that characterize safe and effective human interaction with modern digital systems, including monitoring the long-term effects of using generative AI technologies.

Keywords: generative artificial intelligence (AI), human-AI interaction, users' cognitive position, cognitive biases, personal autonomy, addictive behavior, psychological well-being

For citation: Skrylnikova, N.I., Kholodnaya, M.A. (2026). Modern approaches to studying human interaction with generative artificial intelligence. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 17–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150202>

Введение

Генеративный искусственный интеллект (*GenAI*) — модель искусственного интеллекта (ИИ), базирующаяся на нейронных сетях, предварительно обученных на большом количестве информации и предназначенная для создания новых данных (текстов, изображений, музыки, видео, программного кода). К классу моделей генеративного ИИ относится Large language model (LLM) — большая языковая модель, представляющая собой алгоритм, ориентированный на понимание и генерацию текста. Семейство моделей LLM на базе архитектуры «Трансформер» (*transformer*) заложено в генеративные нейросети, взаимодействие с которыми доступно в чат-ботах, таких как ChatGPT, Gemini, Perplexity, DeepSeek, Claude, GigaChat, YandexGPT и т. д.

Кроме больших языковых моделей, в генеративном ИИ для анализа и генерации изображений, аудио и видео используются семейства моделей GAN: генеративно-сопоставительные сети (*generative adversarial networks*), диффузионные модели (*diffusion models*), сверточные нейронные сети (*convolutional neural networks*). Если возможности традиционных чат-ботов были ограничены рамками базового диалога с априори заложенными вариантами ответов, то чат-боты на основе LLM могут сами создавать реплики с учетом контекста, поддерживать разговор с человеком, непрерывно обучаться и адаптироваться к предпочтениям пользователя, опираясь на весь объем доступных данных.

Благодаря возможности имитировать понимание и генерацию естественного языка, в последние годы применение LLM стало интенсивно распространяться в различных областях (Dam et al., 2024). В частности, к середине 2023 года было зафиксировано более чем 180 миллионов пользователей и свыше одного миллиарда взаимодействий с ChatGPT (Yu, Chen, Yang, 2024).

Таким образом, радикальное нарастание возможностей генеративного ИИ и лавинообразный рост запросов на его использование характеризует актуальность исследования особенностей взаимодействия человека с подобного рода цифровым помощником с учетом изменений ментальных состояний пользователя (позитивных и негативных).

Цель исследования — выделить в зарубежном научном дискурсе основные подходы к изучению генеративного ИИ в поле психологии.

Объект исследования — особенности взаимодействия субъекта с генеративным ИИ.

Предмет исследования — современные подходы к изучению психологических факторов и психологических последствий, характеризующих взаимодействие субъекта с генеративным ИИ.

Материалы и методы

В качестве исходного материала выступило содержание статей, отобранных с учетом максимальной гетерогенности их тематики и опубликованных с 2023 по 2025 год в научных журналах и сборниках конференций, включенных в базы данных: JSTOR (<https://www.jstor.org>), J-STAGE (<https://www.jstage.jst.go.jp>), ProQuest (<https://www.proquest.com>), PubMed (<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/>), SAGE (<https://journals.sagepub.com>), Science Direct (<https://www.sciencedirect.com>), Springer Nature (<https://link.springer.com>), Taylor&Francis (<https://www.tandfonline.com>), Wiley Online Library (<https://onlinelibrary.wiley.com>).

Анализ дискурса научных зарубежных журналов позволил выделить пять основных подходов, в рамках которых описываются разные психологические аспекты взаимодействия человека с генеративным ИИ:

структурно-функциональный, информационный, когнитивный, личностный и институциональный.

Структурно-функциональный подход

Основанием выделения структурно-функционального подхода является структурная роль и функции, возлагаемые на генеративный ИИ пользователем и характеризующие его познавательную позицию.

С точки зрения структурной роли, генеративный ИИ может служить помощником (вспомогательным инструментом, советником) для решения задач, взаимодействие с ним открывает новые возможности в интеллектуальной деятельности субъекта (примером может служить подготовка текста, принимаемого субъектом безоговорочно, без проверки).

Генеративный ИИ, получая статус агента, может самостоятельно, без помощи человека проводить исследования, совершать «открытия», подготавливать к публикации статьи в границах своих собственных возможностей (Dillion et al., 2023; Grossmann et al., 2023).

В случае совместно-распределенной с человеком деятельности генеративный ИИ способен значительно повышать производительность труда. В одном исследовании специалистам с высшим образованием было предложено написать тексты, специфичные для их профессий. Половина участников эксперимента использовала ChatGPT. В результате обнаружилось, что взаимодействие с системой генеративного ИИ сократило время на решение задачи в среднем на 40%, повысив качество результатов на 18%. Через 2 недели участники, использовавшие в ходе эксперимента ChatGPT, в два раза чаще сообщали о его интеграции в реальную работу по сравнению со специалистами, не прибегавшими к помощи генеративного ИИ в процессе исследования (Noy, Zhang, 2023).

Функциональные возможности систем на основе LLM востребованы в различных областях (образовании, науке, медицине, юриспруденции, отборе персонала, программировании и т. д.) и охватывают широкий спектр услуг (способность генерировать тексты, составлять резюме, давать советы по установке программного обеспечения, рецензировать книги и т. п.). Пользователи акцентируют внимание на эффективности генеративного ИИ, его скорости, удобстве, простоте использования и обширной базе знаний. Характерно, что при взаимодействии с ChatGPT его субъективное восприятие пользователем условно разделяется на две категории: восприятие его как инструмент («поисковая система», «место, где можно получить разнообразную информацию») и как человекоподобный персонаж («многогранная личность», «друг», «помощник», «эмоциональный партнер») (Hsieh, Oh, 2024; Xie, Pentina, Nancoc, 2023).

В то же время при работе с генеративным ИИ пользователь сталкивается с серьезными ограничениями, в частности с ненадежностью, обусловленной зависимо-

стью цифровой системы от валидности данных, на которых она обучалась, а также вероятностью появления галлюцинаций, приводящих к выдуманным ответам (Kim, 2023a).

Л. Мессери и М. Крокетт выделили несколько видов функциональных возможностей генеративного ИИ в научных исследованиях, обозначив их следующим образом: «Оракул» (*Oracle*), «Суррогат» (*Surrogate*), «Квант» (количественный анализ) (*Quant*) и «Арбитр» (*Arbiter*) (Messerì, Crockett, 2024). ИИ как Оракул ищет, анализирует, накапливает, усваивает и передает научные знания, помогая справиться с обработкой большого количества информации, объема которой превышают когнитивные возможности человека при ограниченном количестве времени. ИИ как Суррогат становится «агентом замены», «кремниевым субъектом», используемым вместо участников-людей в научных исследованиях. ИИ как Квант предлагает решения, необходимые для анализа в рамках парадигмы «больших данных», основанной на вычислительных подходах. ИИ как Арбитр выполняет работу редактора и рецензента, отбирая статьи для публикаций. Авторы, к сожалению, не обсуждают важный, с нашей точки зрения, вопрос о том, каковы психологические предпосылки выбора и принятия разными пользователями определенной «роли» генеративного ИИ при взаимодействии с ним в своей научной работе.

В здравоохранении инструменты на основе искусственного интеллекта позволяют повысить точность диагностики и оптимизировать планы лечения, содействуя принятию оперативных решений на основе анализа персонализированной информации (Reddy, 2024). В то же время существует ряд опасений, связанных с безопасностью личных данных, адекватностью рекомендаций без дополнительного контроля со стороны человека (врача), необходимостью определения этических норм, регламентирующих взаимодействие с ИИ как специалистов, так и пациентов (Kolding et al., 2024).

Множество исследований посвящено возможностям применения генеративного ИИ в образовании. Большие языковые модели позволяют адаптировать контент к темпу и стилю обучения, предоставляя обратную связь в режиме реального времени и формируя образовательную среду с учетом индивидуальных особенностей, интересов и потенциала человека (Sheh, 2024; Tuong, Dan, 2024; Zhai, Wibowo, Li, 2024). Для учителей технологии на основе LLM становятся помощниками в поиске актуальной информации и оценке работ учащихся (McDiarmid, Zhao, 2023). Расширение образовательной среды за счет заданий и тематических учебных материалов по физике и математике, созданных генеративным ИИ, способствует усилению позитивных эмоций и мотивации у учащихся, а также росту уверенности в себе и снижению когнитивной нагрузки (Lademann, Henze, Becker-Genschow, 2025).

Подчеркивается, что помощь генеративного ИИ, способного быстро, в режиме реального времени искать сведения в огромном количестве источников,

анализировать и предлагать готовые ответы и решения, в то же время формирует у студентов чрезмерную зависимость от легкодоступной информации, обретение которой не потребовало особых интеллектуальных усилий (Andić, 2025).

Исследования в области использования ИИ в медицинском образовании выявили как его потенциальные преимущества, так и недостатки. С одной стороны, при взаимодействии с генеративным ИИ у пользователя появляется возможность доступа к дополнительным образовательным ресурсам, с другой стороны, злоупотребление инструментами ИИ для упрощения процесса обучения может препятствовать когнитивному развитию и иметь негативные последствия для знаний (Ahmad, Maliha, Ahmed, 2024). Студенты могут упустить ряд возможностей, используя генеративный ИИ для обеспечения «правильности», так как ошибки и неудачи являются неотъемлемой частью процесса обучения (Ahern, 2025).

Некоторые пользователи сообщают о том, что испытывают трудности при необходимости завершения диалога с системой, а ее длительное использование коррелирует с уменьшением социального взаимодействия, повышенной эмоциональной зависимостью и признаками аддиктивного поведения (Lu, Zhang, 2025).

Информационный подход

Основанием выделения информационного подхода в поле научных исследований является специфика генерируемой информации и ее оценка пользователем, а также проблема информационной безопасности в условиях взаимодействия человека с генеративным ИИ.

Система на базе LLM представляет собой нейросетевой алгоритм, ориентированный на понимание и создание текста. В результате качество информации, генерируемой ИИ, зависит от ряда факторов, таких как валидность, надежность, актуальность данных, на которых обучалась модель, а также вероятности появления «выбросов» в виде галлюцинаций ИИ. Кроме того, генеративный ИИ может целенаправленно использоваться человеком с целью создания дезинформации. В частности, генеративные модели ИИ позволяют автоматизировать и оперативно распространить дезинформацию в рамках преднамеренных кампаний, направленных на формирование определенного мнения обществу (Goldstein et al., 2023).

Стремительный рост применения инструментов генеративного ИИ, наряду с полезными эффектами, приводит к росту недостоверной информации, возникающему из-за галлюцинаций ИИ (Kim, 2023a; stergaard, Nielbo, 2023). Например, данные о ментальных заболеваниях, сгенерированные ИИ, порой включают фактические ошибки, абсурдные сведения, вымышленные источники информации и небезопасные рекомендации, формируя тем самым дисфункциональные психические состояния у людей. В частности, врачам-

психиатрам рекомендуется обращать внимание на риски, обусловленные получением пациентами от генеративного ИИ недостоверных сведений о специфике заболевания (Monteith et al., 2024).

Цитаты и академические ссылки, предлагаемые чат-ботом ChatGPT, часто являются поддельными, не основанными на известных фактах, а сгенерированными с помощью процесса предсказания (предиктивного процесса), использующего исторические данные, статистические алгоритмы и машинное обучение для прогнозирования возможных событий. С одной стороны, это позволяет говорить о необходимых ограничениях использования генеративного ИИ в научных исследованиях, с другой стороны, важно применять средства идентификации фальшивых ссылок для выявления злоупотреблений студентами при написании работ с помощью чат-бота на основе LLM. Для обнаружения и удаления неточной информации требуются экспертные знания предмета и/или критическое отношение к сведениям, предоставляемым цифровым помощником, а также навыки проверки фактов (Day, 2023).

При анализе роли генеративного ИИ в написании научных работ в медицинской сфере было выявлено, что ChatGPT может генерировать фактологически неточные и неуместные, с учетом контекста, ответы, особенно в случаях столкновения модели с неоднозначными вопросами и редко встречающимися темами. Авторы пришли к выводу, что необходима экспертная оценка истинности или вымышленности предложенных данных (Alkaissi, McFarlane, 2023).

По мере внедрения в образование систем искусственного интеллекта Чарльз Ходжес (Charles V. Hodges) предложил термин «дипфейк-обучение», описывающий феномен применения учащимися генеративного ИИ для выполнения заданий таким образом, что создается иллюзия сложно проделанной работы, в то время как на самом деле это не соответствует реальности. Необходимо учитывать риски, возникающие при постоянной пассивной опоре на системы генеративного ИИ в виде снижения понятийного и критического мышления (An i , 2025).

Актуальным является вопрос о плагиате. С одной стороны, ИИ представляет сгенерированный им текст как свой собственный, без указания источников информации, на которые он опирался, с другой стороны, существует вероятность, что человек, применяющий при написании текста инструменты генеративного ИИ, не будет сообщать сведения об их применении, присвоив себе созданный материал (Kim, 2023a). Более того, в качестве существенного ограничения в использовании инструментов генеративного ИИ отмечается невозможность указывать использование чат-ботов на основе LLM в качестве источников информации (William, Misheal, 2024).

Интеграция алгоритмов искусственного интеллекта в социальные сети позволяет создавать персонализированные ленты, содержание которых усиливает когнитивные искажения, приводя к формированию «эхо-камер». «Эхо-камера» (*echo chamber*) представляет собой

информационную среду, в которой человек сталкивается с мнениями, исключительно подтверждающими его собственные убеждения. Отсутствие альтернативных точек зрения усиливает предвзятость, создает иллюзию единогласия, способствует когнитивной и социальной поляризации людей (Kim, 2023b; Rodillos, 2024).

Близким, но не тождественным по значению является концепт «информационного пузыря», или «пузыря фильтров» (*the filter bubble*), описывающий негативную сторону персонализированного поиска в Интернете. Поисковые системы решают, какую именно информацию необходимо предоставить пользователю в поисковой выдаче с учетом его предыдущих запросов, геолокации, содержания избранного и т. д. В результате показываются данные, согласующиеся с его прошлым опытом, тогда как что-то кардинально противоположное располагается на позиции в поисковой выдаче вне зоны досягаемости человека (например, на 100-м месте или далее) (Metzler, Garcia, 2024).

Такие феномены, как «эхо-камеры» и «пузыри фильтров», способны формировать эмоциональную реакцию у субъекта, усиливая односторонность взглядов, редуцируя критическое мышление и влияя на принятие решений.

«Виртуальные инфлюенсеры» (*virtual influencers*), представляющие собой персонажей, созданных с помощью ИИ и компьютерной графики, ведут себя как лидеры мнений в социальных сетях, формируя точки зрения и влияя на потребности пользователей. При этом подобные цифровые персонажи воспринимаются в качестве носителей информации как заслуживающие доверия и авторитетные источники, вследствие чего увеличивается вероятность совершения целевого действия, например unplanned и unnecessary purchase (Gerlich, 2023).

Решения, предлагаемые системами ИИ, могут создавать у человека иллюзию понимания, в результате чего субъект становится более уязвимым из-за уверенности в том, что он знает о мире больше, чем это есть на самом деле (Messerì, Crockett, 2024). Иллюзия понимания относится к классу метакогнитивных ошибок, возникающих вследствие неверных убеждений относительно природы своего понимания. Частным случаем иллюзии понимания является иллюзия объективности, обусловленная уверенностью в том, что у инструментов ИИ отсутствует «личная» точка зрения или что они учитывают все возможные точки зрения. На самом деле ракурс ответа системы генеративного ИИ зависит от обучающих данных и научных взглядов разработчиков (там же).

Когнитивный подход

Основанием выделения когнитивного подхода являются изменения когнитивных процессов человека в результате взаимодействия с генеративным ИИ, а также оценка «когнитивных способностей» систем на базе LLM.

Людам свойственно применять разные средства для оптимизации познавательных процессов, например блокноты, калькуляторы и т. д. При этом тип когни-

тивной разгрузки, обеспечиваемый генеративным ИИ, представляет собой качественно иной функционал, направленный не только на хранение, извлечение и вычисление данных, но и на анализ, систематизацию, оценку, аргументацию и даже принятие решений от имени пользователя. В результате у пользователя появляется иллюзия, что поиск ответов на актуализованные вопросы уже не требует вдумчивого размышления, а может быть осуществлен с минимальной затратой умственных усилий благодаря опоре на инструменты ИИ. Соответственно возникает вопрос: какие изменения в интеллектуальной сфере пользователя происходят в условиях такого специфического взаимодействия с цифровым помощником?

Анализ взаимосвязи между использованием инструментов генеративного ИИ и навыками критического мышления обнаружил значимую отрицательную корреляцию между частотой использования инструментов ИИ и способностью к критическому мышлению (Gerlich, 2025).

Лонгитюдное исследование с применением электроэнцефалографии выявило, что группа людей, писавших эссе с применением систем на базе LLM, показала выраженное снижение мозговой активности в зонах, связанных с рассуждением и памятью. Кроме того, по сравнению с испытуемыми, писавшими эссе самостоятельно или с помощью поисковых систем, участники эксперимента, использующие генеративный ИИ, продемонстрировали меньшую ответственность за свои эссе и проблемы с запоминанием собственных аргументов. Был сделан вывод о том, что использование генеративного ИИ со временем способствует снижению неврологической и поведенческой вовлеченности пользователей (Kosmyna et al., 2025).

Применение систем генеративного ИИ может приводить к появлению «иллюзии компетентности» как разновидности когнитивного искажения, проявляющегося в виде переоценки людьми своих знаний и способностей относительно решения задач в определенной области и, как следствие, в формировании «метакогнитивной лени» (Fan et al., 2025). Однако в другом исследовании на основе метаанализа констатируется улучшение управляющих функций под влиянием диалога с генеративным ИИ (Pergantis et al., 2025).

Анализ последствий взаимодействия с ChatGPT показал рост аддиктивного использования, которое коррелировало с повышенной «когнитивной скупостью» в виде предпочтения эвристической обработки информации аналитической (Deng, Deng, 2025).

Постоянные обновления и улучшения инструментов генеративного ИИ приводят к деформации когнитивной оценки других людей, в частности, сотрудники начинают чувствовать угрозу со стороны коллег, обладающих навыками работы с современными цифровыми помощниками, такими как ChatGPT (Wach et al., 2023). Отмечается, что для минимизации эффектов техностресса необходима специальная подготовка пользователей (Duong et al., 2025).

Систематический обзор исследований о сходствах и различиях способностей в рамках ТоМ (*Theory of Mind*) человека и АТоМ (*Artificial Theory of Mind*) LLM показал, что большие языковые модели, такие как GPT-4, хорошо решают лингвистически структурированные задачи (например, тесты на ложные убеждения первого порядка). В то же время у LLM возникают сложности с рекурсивными выводами и продвинутыми оценками, такими как понимание иронии (Marchetti, 2025) или восприятие и интерпретация ментальных состояний других людей, особенно в эмоционально неоднозначных и социально сложных контекстах (Bambini, Lecce, 2025). На наш взгляд, попытка приписать генеративному ИИ какие-либо проявления «теории разума» («теории психического», в терминологии отечественных авторов) является довольно спорной, поскольку LLM не обладает способностью к рефлексивной (метакогнитивной) саморегуляции.

Наконец, представляет интерес еще одна специфическая особенность взаимодействия человека с генеративным ИИ. В случае неправильного решения людям свойственно проявлять неуверенность в своем ответе, тогда как GPT-4 демонстрирует отсутствие сомнений в своих «знаниях» (Yoshizawa et al., 2024). Если сработает «эффект подражания», то, по-видимому, взаимодействие с генеративным ИИ может привести к разрушению одной из основ научно-познавательной деятельности человека, поскольку именно сомнение является источником человеческого познания.

Личностный подход

Основанием выделения личностного подхода является ориентация на личностные особенности человека, обуславливающие специфику взаимодействия с генеративным ИИ.

Результаты исследований свидетельствуют, что более молодой возраст и либеральные политические взгляды были связаны с применением генеративного ИИ, в то время как корреляции с полом, образованием, доходом, этнокультурным происхождением и языком общения обнаружено не было (Wang et al., 2025). Молодые респонденты (17—25 лет) чаще используют инструменты ИИ, демонстрируя, по сравнению с возрастными группами старше 45 лет, более высокие показатели когнитивной разгрузки (готовность к использованию цифровых устройств для запоминания и решения проблем) (Gerlich, 2025).

Пожилые люди (средний возраст — 73,2 года) отмечали дипломатичность и осведомленность ChatGPT. В то же время пожилые респонденты выразили обеспокоенность относительно сохранения конфиденциальности личной информации и достоверности получаемых от него сведений. В частности, они ставили под сомнение целесообразность обращения к чат-боту за рекомендациями по вопросам здоровья (Enam, Murmu, Dixon, 2025).

Ряд авторов отмечают, что культурное происхождение и предшествующий опыт работы с информацион-

ными технологиями играют значимую роль в формировании восприятия ИИ как эффективного инструмента в образовании (Ma, Akram, Chen, 2024; Alhwaiti, 2023).

Выявлена U-образная зависимость между тревожностью, связанной с использованием генеративного ИИ: умеренная вовлеченность во взаимодействие снижает тревожность, в то время как низкая или высокая — увеличивают. При этом отмечается, что частое использование технологий ИИ обусловлено скорее высокой зависимостью, чем тревожностью (Frenkenberg, Hochman, 2025). Хотя в настоящее время недостаточно данных о влиянии процесса взаимодействия с генеративным ИИ на разные стороны эмоциональной сферы пользователей, тем не менее обсуждается важный вопрос об условиях исключения возможности эксплуатации системами искусственного интеллекта эмоциональной стороны человеческой природы (Kirk et al., 2025).

Любопытно, что особенности взаимодействия с генеративным ИИ при решении конкретной задачи (устранение ошибки бронирования) зависят от такого личностного качества, как стиль привязанности. Участники с избегающим стилем привязанности предоставляют больше деталей в своих вопросах ChatGPT, с надежным стилем — чаще говорят слово «пожалуйста», с тревожным стилем — используют фразы «поторопись», «немедленно», «я не знаю» (Hsieh, Oh, 2024).

Отмечается, что применение в образовании помощников на базе LLM может приводить к усилению социальной изоляции. Если человек больше взаимодействует с компьютерными технологиями, предпочитая все время обращаться за помощью к генеративному ИИ, а не к людям (профессору, библиотекарю, другу и т. д.), это негативно отражается на его социальном познании и эмоциональном благополучии (Crawford et al., 2024).

Институциональный подход

Основанием выделения институционального подхода являются правовые, социальные, культурные нормы, обеспечивающие безопасное взаимодействие с генеративным ИИ.

Исследование специфики внедрения технологий ИИ в образование показало, что меры институциональной политики в университетах направлены на разработку руководящих принципов этического использования генеративного ИИ, создание процедур оценки с целью предотвращения чрезмерного применения ИИ при выполнении учебных работ и т. д. (Jin et al., 2025). Пользователи не всегда готовы предоставлять ChatGPT важную личную информацию, что подчеркивает необходимость решения проблем доверия системам ИИ посредством разработки институциональных норм, регулирующих требования по обеспечению конфиденциальности данных (Hsieh, Oh, 2024).

Особое внимание обращается на тот факт, что преимушества, получаемые от использования инструмен-

тов генеративного ИИ в образовании, здравоохранении и охране окружающей среды, доступны не всем в равной степени. Особенно сложная ситуация складывается в развивающихся странах, где существует инфраструктурная недостаточность и ограниченный доступ к современным технологиям. В случае ограничений использования цифровых помощников ожидается усугубление существующего неравенства (Mannuru et al., 2025).

Многие авторы подчеркивают необходимость комплексной политики, направленной на предотвращение негативных последствий от взаимодействия с генеративным ИИ для психического здоровья, включая риск формирования зависимости. В частности, формулируются следующие ее положения: содействовать интеграции этических принципов проектирования ИИ, учитывающих возможное влияние на ментальное здоровье; разрабатывать нормативно-правовую базу, регулирующую внедрение технологий искусственного интеллекта в различных институциональных организациях (образовательных, медицинских, коммерческих); организовывать международное сотрудничество с целью разработки глобальных стандартов безопасного взаимодействия с ИИ; проводить регулярные аудиты систем ИИ и научные исследования, выявляющие уязвимости для ментального благополучия как следствия взаимодействия с цифровым помощником и т. д. (García, 2024; Kalam et al., 2024).

При разработке и использовании систем на базе LLM особое внимание следует обращать на следующие аспекты взаимодействия человека с генеративным ИИ: исключить возможность манипулирования поведением пользователя и формирования дисфункциональных психических состояний или зависимостей; поддерживать сотрудничество людей с ИИ как с партнером, при этом делегируя человеку ведущую роль в принятии решений; исследовать психологические, прежде всего когнитивные, изменения, обусловленные взаимодействием с цифровыми помощниками (Girma, 2025).

Обсуждение

Согласно результатам проведенного исследования, в современной зарубежной психологии можно выделить пять подходов к изучению психологических аспектов взаимодействия человека с генеративным ИИ: структурно-функциональный, информационный, когнитивный, личностный и институциональный. Каждый из этих подходов делает акцент на определенных психологических аспектах взаимодействия человека с генеративным ИИ. Обобщение полученных данных позволяет выделить ключевые факты, которые можно рассматривать в качестве протофеноменов по отношению к будущим психологическим исследованиям в данной области.

В рамках структурно-функционального подхода констатируется тот важный для психологического ана-

лиза факт, что особенности взаимодействия человека с генеративным ИИ (соответственно позитивные либо негативные его последствия) во многом зависят от познавательной позиции пользователя (субъективного восприятия структурной роли и функционального назначения ИИ).

Информационный подход сосредоточивает исследовательское внимание на важности развития у пользователей в условиях взаимодействия с генеративным ИИ рефлексивного отношения к информации и навыков ее критического анализа, что позволит опознавать и игнорировать «цифровые подделки» («дипфейки»).

Факты, полученные в рамках когнитивного подхода, позволяют говорить о том, что процесс взаимодействия человека с генеративным ИИ обуславливает определенную перестройку когнитивной сферы пользователя. Для дальнейшего обсуждения несомненный интерес представляет следующий вопрос: как, учитывая возможность когнитивных искажений, превентивно выстроить средства защиты интеллектуальных ресурсов пользователей.

Значение личностного подхода заключается в подчеркивании необходимости сохранения личной автономии пользователя и его социальных связей с другими людьми при взаимодействии с генеративным ИИ, а также в минимизации рисков аддиктивного поведения.

Институциональный подход выдвигает на первый план проблему защиты психологического благополучия пользователя, что предполагает разработку нормативно-правовой регуляции взаимодействия человека с генеративным ИИ.

Заключение

Проблема взаимодействия человека с генеративным ИИ с учетом его психологических последствий, как позитивных, так и негативных, является одной из центральных тем в современной зарубежной психологии.

Взгляды научной общественности на эволюцию генеративного ИИ представлены в виде поляризующих нарративов. Одни специалисты замечает угрозы, исходящие от взаимодействия с генеративным ИИ, и пессимистично оценивают результаты его массового использования, в то время как другие подчеркивают принципиально новые возможности генеративного ИИ, признавая его в качестве эффективного инструмента интеллектуальной деятельности человека.

Разнообразие подходов в научном психологическом дискурсе, которые были выделены и описаны в данной статье, позволяет наметить перспективы в изучении психологических аспектов и психологических последствий, характеризующих безопасное и продуктивное взаимодействие человека с современными цифровыми системами, включая отслеживание долгосрочных эффектов от применения технологий генеративного ИИ.

Список источников / References

1. Ahern, S.J. (2025). What is lazy metacognition and what can we do about it? *Journal of Learning Development in Higher Education*, 37, Article 1713. <https://doi.org/10.47408/jldhe.vi37.1713>
2. Ahmad, O., Maliha, H., Ahmed, I. (2024). AI Syndrome: an intellectual asset for students or a progressive cognitive decline. *Asian Journal of Psychiatry*, 94, Article 103969. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2024.103969>
3. Alhwaiti, M. (2023). Acceptance of artificial intelligence application in the post-covid ERA and its impact on faculty members' occupational well-being and teaching self efficacy: A path analysis using the UTAUT 2 model. *Applied Artificial Intelligence*, 37(1), Article 2175110. <https://doi.org/10.1080/08839514.2023.2175110>
4. Alkaissi, H., McFarlane S.I. (2023). Artificial hallucinations in ChatGPT: Implications in scientific writing. *Cureus*, 15(2), Article e35179. <https://doi.org/10.7759/cureus.35179>
5. Anđić, B. (2025). Artificial intelligence and deepfake learning in higher education. *Journal of Baltic Science Education*, 24(1), 4–6. <https://doi.org/10.33225/jbse/25.24.04>
6. Bambini, V., Lecce, S. (2025). At the heart of human communication: New views on the complex relationship between pragmatics and Theory of Mind. *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*, 380(1932), Article 20230486. <https://doi.org/10.1098/rstb.2023.0486>
7. Crawford, J., Allen, K.-A., Pani, B., Cowling, M. (2024). When artificial intelligence substitutes humans in higher education: The cost of loneliness, student success, and retention. *Studies in Higher Education*, 49(5), 883–897. <https://doi.org/10.1080/03075079.2024.2326956>
8. Dam, S.K., Hong, C.S., Qiao, Y., Zhang, C. (2024). A complete survey on LLM-based AI chatbots. *arXiv*, Preprint arXiv:2406.16937. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2406.16937>
9. Day, T. (2023). A Preliminary Investigation of Fake Peer-Reviewed Citations and References Generated by ChatGPT. *The Professional Geographer*, 75(6), 1024–1027. <https://doi.org/10.1080/00330124.2023.2190373>
10. Deng, Z., Deng, Z. (2025). Becoming a cognitive miser? Antecedents and consequences of addictive ChatGPT use. *Social Science & Medicine*, 383, Article 118467. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2025.118467>
11. Dillion, D., Tandon, N., Gu, Y., Gray, K. (2023). Can AI language models replace human participants? *Trends in Cognitive Sciences*, 27(7), 597–600. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2023.04.008>
12. Duong, C.D., Ngo, T.V.N., Khuc, T.A., Tran, N.M., Nguyen, T.P.T. (2025). Unraveling the dark side of ChatGPT: A moderated mediation model of technology anxiety and technostress. *Information Technology & People*, 38(4), 2015–2040. <https://doi.org/10.1108/ITP-11-2023-1151>
13. Enam, M.D.A., Murmu, C., Dixon, E. (2025). «Artificial intelligence-carrying us into the future»: A study of older adults' perceptions of LLM-based chatbots. *International Journal of Human-Computer Interaction*, 41(21), 13747–13770. <https://doi.org/10.1080/10447318.2025.2476710>
14. Fan, Y., Tang, L., Le, H., Shen, K., Tan, S., Zhao, Y., Shen, Y., Li, X., Ga evi , D. (2025). Beware of metacognitive laziness: Effects of generative artificial intelligence on learning motivation, processes, and performance. *British Journal of Educational Technology*, 56(2), 489–530. <https://doi.org/10.1111/bjet.13544>
15. Frenkenberg, A., Hochman, G. (2025). It's scary to use it, it's scary to refuse it: The psychological dimensions of AI adoption — anxiety, motives, and dependency. *Systems*, 13(2), Article 82. <https://doi.org/10.3390/systems13020082>
16. Garcia, M.B. (2024). Addressing the mental health implications of ChatGPT dependency: The need for comprehensive policy development. *Asian Journal of Psychiatry*, 98, Article 104140. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2024.104140>
17. Gerlich, M. (2023). The power of virtual influencers: Impact on consumer behaviour and attitudes in the age of AI. *Administrative Sciences*, 13(8), Article 178. <https://doi.org/10.3390/admsci13080178>
18. Gerlich, M. (2025). AI tools in society: Impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking. *Societies*, 15(9), Article 252. <https://doi.org/10.3390/soc15010006>
19. Girma, A.H. (2025). The role of artificial intelligence in shaping human interaction and cognitive function. *Kotebe Journal of Education*, 3(1), 69–88. [https://doi.org/10.61489/30053447.3\(1\).69](https://doi.org/10.61489/30053447.3(1).69)
20. Goldstein, J.A., Sastry, G., Musser, M., DiResta, R., Gentzel, M., Sedova, K. (2023). Generative language models and automated influence operations: Emerging threats and potential mitigations. *arXiv*, Preprint arXiv:2301.04246. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2301.04246>
21. Grossmann, I., Feinberg, M., Parker, D.C., Christakis, N.A., Tetlock, P.E., Cunningham, W.A. (2023). AI and the transformation of social science research. *Science*, 380(6650), 1108–1109. <https://doi.org/10.1126/science.adi1778>
22. Hsieh, I.-T., Oh, C.-H. (2024). Users' attachment styles and ChatGPT interaction: Revealing insights into user experiences. *Journal of The Korea Society of Computer and Information*, 29(3), 21–41. <https://doi.org/10.9708/jksci.2024.29.03.021>
23. Jin, Y., Yan, L., Echeverria, V., Ga evi , D., Martinez-Maldonado, R. (2025). Generative AI in higher education: A global perspective of institutional adoption policies and guidelines. *Computers and Education: Artificial Intelligence*, 8, Article 100348. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2024.100348>
24. Kalam, K.T., Rahman, J.M., Islam, M.R., Dewan, S.M.R. (2024). ChatGPT and mental health: Friends or foes? *Health Science Reports*, 7(2), Article e1912. <https://doi.org/10.1002/hsr2.1912>

25. Kim, T.W. (2023a). Application of artificial intelligence chatbots, including ChatGPT, in education, scholarly work, programming, and content generation and its prospects: A narrative review. *Journal of Educational Evaluation for Health Professions*, 20, Article 38. <https://doi.org/10.3352/jeehp.2023.20.38>
26. Kim, L. (2023b). The echo chamber-driven polarization on social media. *Journal of Student Research*, 12(4). <https://doi.org/10.47611/jsr.v12i4.2274>
27. Kirk, H.R., Gabriel, I., Summerfield, C., Vidgen, B., Hale, S.A. (2025). Why human—AI relationships need socioaffective alignment. *Humanities and Social Sciences Communications*, 12(1), Article 728. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04532-5>
28. Kolding, S., Lundin, R.M., Hansen, L., stergaard, S.D. (2024). Use of generative artificial intelligence (AI) in psychiatry and mental health care: A systematic review. *Acta Neuropsychiatrica*, 37, Article e37. <https://doi.org/10.1017/neu.2024.50>
29. Kosmyna, N., Hauptmann, E., Yuan, Y.T., Situ, J., Liao, X.H., Beresnitzky, A.V., Braunstein, I., Maes, P. (2025). Your brain on ChatGPT: Accumulation of cognitive debt when using an AI assistant for essay writing task. *arXiv*, Preprint arXiv:2506.08872. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2506.08872>
30. Lademann, J., Henze, J., Becker-Genschow, S. (2025). Augmenting learning environments using AI custom chatbots: Effects on learning performance, cognitive load, and affective variables. *Physical Review Physics Education Research*, 21(1), Article 010147. <https://doi.org/10.1103/PhysRevPhysEducRes.21.010147>
31. Lu, T., Zhang, Y. (2025). 1+1>2? Information, humans, and machines. *Information Systems Research*, 36(1), 394–418. <https://doi.org/10.1287/isre.2023.0305>
32. Ma, D., Akram, H., Chen, I.-H. (2024). Artificial intelligence in higher education: A cross-cultural examination of students' behavioral intentions and attitudes. *International Review of Research in Open and Distributed Learning*, 25(3), 134–157. <https://doi.org/10.19173/irrodl.v25i3.7703>
33. Mannuru, N.R., Shahriar, S., Teel, Z.A., Wang, T., Lund, B.D., Tijani, S., Pohboon, C.O., Agbaji, D., Alhassan, J., Galley, J., Kousari, R., Ogbadu-Oladapo, L., Saurav, S.K., Srivastava, A., Tummuru, S.P., Uppala, S., Vaidya, P. (2025). Artificial intelligence in developing countries: The impact of generative artificial intelligence (AI) technologies for development. *Information development*, 41(3), 1036–1054. <https://doi.org/10.1177/02666669231200628>
34. Marchetti, A., Manzi, F., Riva, G., Gaggioli, A., Massaro, D. (2025). Artificial intelligence and the illusion of understanding: A systematic review of theory of mind and large language models. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 28(7), 505–514. <https://doi.org/10.1089/cyber.2024.0536>
35. McDiarmid, G.W., Zhao, Y. (2023). Time to rethink: Educating for a technology-transformed world. *ECNU Review of Education*, 6(2), 189–214. <https://doi.org/10.1177/20965311221076493>
36. Messeri, L., Crockett, M.J. (2024). Artificial intelligence and illusions of understanding in scientific research. *Nature*, 627(8002), 49–58. <https://doi.org/10.1038/s41586-024-07146-0>
37. Metzler, H., Garcia, D. (2024). Social drivers and algorithmic mechanisms on digital media. *Perspectives on Psychological Science*, 19(5), 735–748. <https://doi.org/10.1177/17456916231185057>
38. Monteith, S., Glenn, T., Geddes, J.R., Whybrow, P.C., Achtyes, E., Bauer, M. (2024). Artificial intelligence and increasing misinformation. *The British Journal of Psychiatry*, 224(2), 33–35. <https://doi.org/10.1192/bjp.2023.136>
39. Noy, S., Zhang, W. (2023). Experimental evidence on the productivity effects of generative artificial intelligence. *Science*, 381(6654), 187–192. <https://doi.org/10.1126/science.adh2586>
40. stergaard, S.D., Nielbo, K.L. (2023). False responses from artificial intelligence models are not hallucinations. *Schizophrenia bulletin*, 49(5), 1105–1107. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbad068>
41. Pergantis, P., Bamicha, V., Skianis, C., Drigas, A. (2025). AI chatbots and cognitive control: Enhancing executive functions through chatbot interactions: A systematic review. *Brain Sciences*, 15(1), Article 47. <https://doi.org/10.3390/brainsci15010047>
42. Reddy, S. (2024). Generative AI in healthcare: An implementation science informed translational path on application, integration and governance. *Implementation Science*, 19(1), Article 27. <https://doi.org/10.1186/s13012-024-01357-9>
43. Rodilloso, E. (2024). Filter bubbles and the unfeeling: How AI for social media can foster extremism and polarization. *Philosophy & Technology*, 37(2), Article 71. <https://doi.org/10.1007/s13347-024-00758-4>
44. Sheh, C. (2024). Unlocking educational transformation: Entrepreneurs and the power of AI. *Journal of Advanced Management Science*, 12(2), 52–56. <https://doi.org/10.18178/joams.12.2.52-56>
45. Tuong, N.K., Dan, T.C. (2024). A study on Duolingo mobile applications to improve EFL students' listening comprehension performances. *European Journal of Alternative Education Studies*, 9(1), 217–265. <https://doi.org/10.46827/ejae.v9i1.5342>
46. Wach, K., Duong, C.D., Ejdy, J., Kazlauskait, R., Korzynski, P., Mazurek, G., Paliszkiwicz, J., Ziemia, E. (2023). The dark side of generative artificial intelligence: A critical analysis of controversies and risks of ChatGPT. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 11(2), 7–30. <https://doi.org/10.15678/EBER.2023.110201>
47. Wang, E., Smith, J., Katz, S., Bishay, M., Dissanayake, T., Jones, N., Reddy, S., Sholter, D., Soo, J., Ye, C. (2025). Adoption and perception of LLM-based chatbots in health care: An exploratory cross-sectional survey of individuals

- with rheumatic diseases. *Rheumatology Advances in Practice*, 9(3), Article rkaf083. <https://doi.org/10.1093/rap/rkaf083>
48. William, F.K.A., Misheal, M.R. (2024). Exploring graduate students' perception and adoption of AI chatbots in Zimbabwe: Balancing pedagogical innovation and development of higher-order cognitive skills. *Journal of Applied Learning & Teaching*, 7(1), 65–75. <https://doi.org/10.37074/jalt.2024.7.1.12>
49. Xie, T., Pentina, I., Hancock, T. (2023). Friend, mentor, lover: Does chatbot engagement lead to psychological dependence? *Journal of Service Management*, 34(4), 806–828. <https://doi.org/10.1108/JOSM-02-2022-0072>
50. Yoshizawa, S., Onzo, A., Nozawa, S., Takano, T., Mogi, K. (2024). Metacognition in large language models. *Proceedings of the Annual Conference of JSAI*, 38, Article 4Xin232. https://doi.org/10.11517/pjsai.JSAI2024.0_4Xin232
51. Yu, S.-C., Chen, H.-R., Yang, Y.-W. (2024). Development and validation the problematic ChatGPT use scale: A preliminary report. *Current Psychology*, 43(31), 26080–26092. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06259-z>
52. Zhai, C., Wibowo, S., Li, L.D. (2024). The effects of over-reliance on AI dialogue systems on students' cognitive abilities: A systematic review. *Smart Learning Environments*, 11, Article 28. <https://doi.org/10.1186/s40561-024-00316-7>

Информация об авторах

Наталья Ивановна Скрыльникова, психолог, Центр психологии и психоанализа «Selfhood», Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4795-063X>, e-mail: nat24@mail.ru

Марина Александровна Холодная, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина, Институт психологии РАН (ФГБУН ИП РАН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4267-317X>, e-mail: kholod1949@yandex.ru

Information about the authors

Nataliia I. Skrylnikova, Master of Psychology, Psychologist, Center for Psychology and Psychoanalysis «Selfhood», Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4795-063X>, e-mail: nat24@mail.ru

Marina A. Kholodnaya, Doctor of Science (Psychology), Professor, Chief Research Officer, Laboratory of Psychology of Abilities and Mental Resources named after V.N. Druzhinin, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (IP RAS), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4267-317X>, e-mail: kholod1949@yandex.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование представляет собой теоретический анализ и не требует этического согласования.

Ethics statement

This study is a theoretical analysis and did not require ethical approval.

Поступила в редакцию 30.03.2026

Поступила после рецензирования 27.05.2026

Принята к публикации 28.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.03.30

Revised 2026.05.27

Accepted 2026.05.28

Published 2026.06.30

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ GENERAL PSYCHOLOGY

Обзорная статья | Review paper

Основные направления использования технологии ВР в образовании, медицине и фундаментальных исследованиях

М.Ю. Каверина ✉

Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко,
Москва, Российская Федерация

✉ mkaverina@nsi.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Статья является обзором современных исследований и разработок в области виртуальной реальности (ВР). Эта технология позволяет моделировать среду с заранее заданными параметрами и максимально приближенную к естественным условиям. С помощью виртуальной реальности достигаются экологически валидные условия тестирования и тренинга. Данные, полученные с использованием различных методов нейровизуализации и картирования мозга, демонстрируют изменения функциональной связности мозга у пациентов, успешно ассимилирующих приемы, отрабатываемые с помощью виртуальной реальности. **Цель.** Цель настоящего обзора — систематизировать основные направления использования технологии виртуальной реальности в образовании, медицине и фундаментальных исследованиях. **Результаты.** В обзоре проанализированы профильные научные публикации и опыт внедрения ВР-проектов; рассмотрены такие параметры, как виртуальное присутствие, иммерсивность, возможность отслеживать движения глаз и те положительные эффекты, которые перечисленные параметры дают в обучении и лечении; разобрано применение некоторых новых ВР-платформ и технологий. **Выводы.** В результате проведенного анализа можно увидеть основные тенденции развития виртуальной реальности и использовать опыт зарубежных коллег в решении прикладных задач, для которых доказана высокая эффективность.

Ключевые слова: виртуальная реальность, новые технологии, обучение, психотерапия, реабилитация

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-15-00018, <https://rscf.ru/project/23-15-00018/>.

Для цитирования: Каверина, М.Ю. (2026). Основные направления использования технологии ВР в образовании, медицине и фундаментальных исследованиях. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 27–36. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150203>

The main directions of using VR technology in education, medicine and fundamental research

M.Yu. Kaverina ✉

N.N. Burdenko National Medical Research Center of Neurosurgery, Moscow, Russian Federation

✉ mkaverina@nsi.ru

Abstract

Context and relevance. The article is an overview of modern research and development in the field of virtual reality (VR). VR technology allows to simulate an environment with predefined parameters as close as possible to natural conditions. With the help of VR, environmentally valid testing and training conditions are achieved. The data obtained using various neuroimaging and brain mapping methods demonstrate changes in the functional connectivity of the brain in patients who successfully assimilate techniques being practiced in VR operation. **The purpose of scientific research.** The purpose of this review is to systematize the main directions of using VR technology in education, medicine and basic research. **Results.** The review analyzes relevant scientific publications and the experience of

CC BY-NC

implementing VR projects; examines such virtual reality parameters as virtual presence, immersiveness, the ability to track eye movements and the positive effects that these parameters provide in training and treatment; analyzes the use of some new VR platforms and technologies. **Conclusions.** As a result of the analysis, it is possible to see the main trends in the development of VR and use the experience of foreign colleagues in solving applied problems for which high efficiency of VR has been proven.

Keywords: virtual reality, new technologies, training, psychotherapy, rehabilitation

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 23-15-00018, <https://rscf.ru/project/23-15-00018/>.

For citation: Kaverina, M.Yu. (2026). The main directions of using VR technology in education, medicine and fundamental research. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 27–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150203>

Введение

Виртуальная реальность (ВР) в последние годы перешла из статуса экспериментальной технологии в активно применяемый инструмент научных исследований, образования, диагностики и реабилитации. Уникальные возможности управления сенсорным окружением, иммерсивности и интерактивности позволяют использовать ВР как средство повышения вовлеченности человека и эффективности терапевтических воздействий. ВР позволяет моделировать среду с заранее заданными параметрами и максимально приближенную к естественным условиям. Данный обзор направлен на систематизацию теоретических подходов и прикладных разработок последних лет.

Использование ВР в образовательной деятельности

Наиболее очевидными и востребованными возможностями ВР-технологий являются достигаемые с их помощью преимущества иммерсивного образования. Большое число психологических исследований ВР в сфере иммерсивного образования можно объединить в три больших группы.

1. Исследования, демонстрирующие более стойкое удержание внимания обучающихся и более аффективное отношение к приобретенным знаниям за счет интерактивного погружения при обучении с использованием ВР.

2. Публикации, акцентирующие преимущества 3D-демонстрации в тех областях знания, где это необходимо для их усвоения.

3. Статьи, доказывающие эффективность отработки навыков в симуляционной среде на основе ВР и возможность последующего переноса этих навыков в реальную деятельность.

Остановимся на примерах из каждой группы.

Технология ВР обеспечивает интерактивное погружение в материал, одновременную активизацию нескольких сенсорных каналов. В ряде устройств обеспечена возможность собственными действиями исследовать виртуальный мир. Сравнительные исследования, включающие группы с традиционными методами обучения, показывают, что при использовании

ВР-технологий учащиеся испытывают большее удовлетворение от процесса обучения, у них в большей степени активизируется непроизвольное запоминание материала (Lara-Alvarez et al., 2023).

ВР-технологии позволяют реконструировать в деталях исторические события, становясь мощным инструментом повышения интереса к учебе. Однако отмечается, что прежде, чем на уроке будут использованы технологии ВР, учащиеся должны овладеть определенными когнитивными стратегиями, позволяющими продуктивно использовать иммерсивные медиа для обучения. Только использование определенных когнитивных стратегий анализа информации, получаемой с помощью ВР, приводит к ее более успешному усвоению (Nachtigall et al., 2022).

Важным аспектом погружений в виртуальную среду является формирование эмоционального отношения к изучаемому материалу, обучение эмпатии и сопереживанию. В исследовании М. Малдерс студенты знакомились с комнатой, в которой еврейская девочка Анна Франк пряталась во время Второй мировой войны. Использовалось приложение «Anne Frank VR House». Этот опыт виртуальной реальности увеличил способность сопереживать Анне Франк. ВР облегчает принятие разных ролей, усиливает эмоциональное сопереживание, является действенным приемом аффективного обучения (Mulders et al., 2025).

Активно развиваются технологии ВР для активизации разговорной речи на иностранном языке. ВР позволяет закреплять навыки распознавания различных ситуационных контекстов и осуществлять коммуникацию в различных средах. Существуют как готовые ВР-приложения для изучения языков (MondlyVR, House of Languages и ImmerseMe), так и адаптация различных виртуальных платформ под задачи урока. Практика разговоров с виртуальными персонажами способствует большей вовлеченности учащихся в занятие и расширению их активного лексикона (Uygun, Girgin, 2022).

Эта технология особенно полезна для детей, столкнувшихся с трудностями при обучении традиционными методами, так как ВР обеспечивает более наглядное и понятное представление предмета, чем изучение по учебнику. Специально подобранные контексты в виртуальной реальности для детей с эмоциональными нарушениями или ограниченными возможностями обучают их

навыкам общения с людьми и управления своими эмоциями, тем самым способствуя эмпатии (Lin et al., 2024).

Вторая возможность, предоставляемая ВР-технологиями, это 3D-демонстрации в тех областях знаний, где это необходимо для их усвоения, например: показ орбит планет, взаимодействие небесных тел, строение космоса с возможностью перемещения по нему, структура атома и различных химических элементов, демонстрация законов физики и математики, объемное расположение органов и тканей в теле человека и т. д. В медицине ВР выступает альтернативой классическому препарированию, сокращая расход трупного материала и обеспечивая повторное взаимодействие с моделью тела вне анатомических залов и последовательное удаление анатомических слоев без риска их повреждений. В школах ВР-технологии позволяют погрузить учащихся в интерактивные 3D-миры и моделировать различные ситуации, недоступные в обычном классе, наглядно продемонстрировать материал, который сложно понять в лекционном изложении. Например, в экспериментальном исследовании 2022 г. студенты университета изучали трехмерные векторы в курсе физики с помощью ВР-инструмента, а контрольная группа — традиционными методами. Результаты показали, что по заданиям, требовавшим пространственной визуализации, группа ВР выступила значительно лучше контрольной. Сами студенты высоко оценили ВР: по их мнению, виртуальная среда стала ценным инструментом для освоения материала, помогла им в визуализации и лучшем понимании концепций (Campos, Hidrogo, Zavala, 2022).

В-третьих, ВР широко используется для моделирования профессиональных ситуаций и формирования практических навыков в условиях, максимально приближенных к реальным. Интерактивный иммерсивный формат повышает мотивацию, вовлеченность и качество усвоения, развивая профессиональные компетенции. ВР-симуляции безопасно отрабатывают сложные процедуры: хирургия, работа со сложным оборудованием, экстренные действия в различных жизненных ситуациях. Гибкость технологии гарантирует доступ к разнообразным сценариям в любое время и в любом месте, включая стрессовые ситуации для тренировки принятия решений под давлением. Систематический обзор 17 исследований (307 участников) показал, что группы, обучавшиеся с помощью ВР, выполняли процедуры на 18—43% быстрее и точнее, чем контрольные группы. Внедрение ВР-тренажеров в хирургические программы обучения повышает скорость и качество навыков при относительно невысокой стоимости и получает положительные отзывы пользователей (Mao et al., 2021).

В 2024 г. опубликован систематический обзор и метаанализ 45 рандомизированных контролируемых исследований, охватывающий 3329 участников из разных областей медицины (врачебная подготовка, сестринское дело, стоматология и др.). Результаты анализа демонстрируют статистически значимое пре-

имущество использования виртуальной реальности по сравнению с традиционными методами обучения. Отмечено улучшение как теоретических знаний (по итогам тестирования), так и практических навыков, а также сокращение времени на выполнение заданий. Кроме того, включение ВР в образовательный процесс способствовало повышению удовлетворенности и уверенности обучающихся. Таким образом, применение ВР способствовало повышению эффективности образовательного процесса при одновременном снижении затраченных ресурсов, таких как время, персонал и инфраструктура (Sung et al., 2024).

ВР в диагностике и реабилитации

Когнитивный скрининг и диагностика

Использование ВР для диагностики еще не достигло масштабного применения, но уже продемонстрировало свои преимущества. Иммерсивные тесты выявляют когнитивные нарушения с большей «экологической валидностью», чем их стандартные бумажные аналоги. Например, тесты с ВР-навигацией использовались для раннего выявления нарушений пространственной памяти при подозрении на болезнь Альцгеймера. При этом ВР-инструменты более точно оценивали реальное функционирование пациента, например риск падений или проявление когнитивного снижения (Yondjo, Siette, 2024). Специально разработанные программы для ВР-технологий имитируют различные повседневные задачи. Одной из них является программа CAVIRE (Cognitive Assessment using Virtual Reality) — полностью иммерсивная автоматизированная система ВР для оценки шести когнитивных доменов. Программа состоит из 13 виртуальных сцен, моделирующих решение повседневных задач. Результаты высоко коррелируют с традиционным тестированием внимания, исполнительных функций, памяти, речи, визуально-моторных навыков, подтверждая диагностическую ценность методики. Авторы делают вывод о перспективности CAVIRE как инструмента скрининга когнитивных нарушений на первичном этапе обследования (Tan et al., 2024).

Другое оригинальное решение — «Virtual Supermarket Program» (VSP) — представляет собой ВР-игру, во время которой испытуемый выполняет покупки в виртуальном магазине. Авторы провели диагностическое исследование точности VSP для выявления легких когнитивных нарушений у пожилых. Эти же пациенты выполняли стандартные нейропсихологические тесты. Общий балл по VSP значительно коррелировал с MoCA ($r = 0,645$), подтверждая валидность методики. Авторы отмечают, что VSP перспективен как скрининговый инструмент при обследовании пожилых пациентов для выявления начальных когнитивных снижений (Yan et al., 2021).

Для оценки когнитивного функционирования при психотических расстройствах был разработан инстру-

мент CAVIR (Cognition Assessment in Virtual Reality). В исследовании приняли участие 70 пациентов с депрессией, биполярным расстройством и шизофренией в стабильной фазе, а также 70 здоровых испытуемых. Результаты показали высокую сопоставимость интегрального индекса CAVIR с традиционными психологическими методами, при этом тест демонстрировал дополнительную прогностическую ценность. В частности, баллы CAVIR оказались значимо связаны с уровнем повседневного функционирования, что не наблюдалось при использовании стандартных когнитивных тестов. Кроме того, CAVIR позволял дифференцировать пациентов по трудоспособности, выделяя группы с сохраненной и утраченной способностью к регулярной профессиональной деятельности (Jespersen et al., 2025).

Одним из перспективных направлений ВР-диагностики является выявление синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) с использованием мультимодальных показателей. В исследовании приняли участие 86 взрослых с диагностированным СДВГ и контрольная группа здоровых испытуемых. Задание на внимание выполнялось в виртуальной аудитории с интерактивными отвлекающими стимулами. Одновременно регистрировались параметры глазодвигательной активности, движения головы, поведенческие реакции и ЭЭГ. На основе этих данных построена модель машинного обучения, продемонстрировавшая точность классификации 81% при валидации на независимой выборке. Наибольший вклад в диагностическую модель внесли поведенческие и глазодвигательные метрики, тогда как ЭЭГ-показатели оказались нерелевантными. Результаты подтверждают диагностическую ценность ВР-тестирования в сочетании с объективными поведенческими данными как альтернативы традиционным опросникам (Wiebe et al., 2024).

ВР в психотерапии

Виртуальная реальность все чаще используется в психотерапии как эффективный инструмент реабилитации при нарушениях поведения и тревожных расстройствах. Одним из ключевых ее преимуществ является возможность моделирования триггерных ситуаций с высокой степенью реализма и управляемостью условий, что позволяет преодолеть разрыв между клинической обстановкой и реальным жизненным контекстом пациента. Под контролем специалиста пациенты могут безопасно осваивать адаптивные поведенческие стратегии в виртуальной среде.

Специфические фобии (страх высоты, перелетов, замкнутого пространства, насекомых и др.) успешно преодолевались за счет дозированного погружения пациента во время психотерапевтических сеансов в соответствующие виртуальные ситуации. Эффективность этого метода сопоставима с классической «живой» экспозицией триггерных стимулов. Важной составляющей таких интервенций являлось отслеживание глазодвигательной активности: известно, что пациенты с фобиями склонны избегать визуального

контакта с пугающими стимулами. Экспозиционная терапия в виртуальной реальности (VRET) обеспечивала постепенное привыкание к пугающим стимулам, позволяя дозированно смещать внимание пациента к психотравмирующим стимулам. Интеграция айтрекинга в ВР-среду позволило объективно регистрировать направление взгляда и контролировать степень сенсорного избегания, способствуя более точной настройке и большей эффективности психотерапевтических воздействий (Grillon et al., 2006).

Геймифицированные ВР-сеансы демонстрировали высокую эффективность в терапии тревожных расстройств, особенно у детей. Так, при лечении арахнофобии использование виртуальной игры, в которой фиксация взгляда на пауке вызывала его уменьшение или комическое поведение, способствовало снижению страха и преобладанию положительных эмоций во время экспозиции. Высокая иммерсивность и ощущение безопасности в виртуальной среде позволило пациентам свободно исследовать пугающий стимул в контролируемых условиях (Wechsler et al., 2024).

Кроме визуальных, в ВР могут быть задействованы и иные сенсорные модальности. В одном из клинических исследований была разработана методика для пациентов с устойчивыми слуховыми галлюцинациями, в которой они создавали аватары галлюцинируемых голосов. Терапевт озвучивал этих аватаров с помощью модулятора, имитируя голос, знакомый пациенту. В рамках терапии происходил диалог между пациентом и аватаром, направленный на выражение эмоций и установление личных границ. Постепенно аватары становились менее угрожающими, что приводило к снижению дистресса, связанного с галлюцинациями (Smith et al., 2022).

Виртуальная реальность применялась для моделирования социально значимых сценариев в терапии расстройств аутистического спектра, социальной тревожности и посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Согласно метаанализу, ВР-интервенции приводили к значимому снижению симптомов социофобии и были сопоставимы по эффективности с очной когнитивно-поведенческой терапией, как сразу после курса, так и в отдаленной перспективе (Morina et al., 2023). Использование айтрекинга позволило объективно фиксировать избегающее поведение при зрительном контакте, а направленное обучение фиксации взгляда на лицах виртуальных персонажей способствовало снижению социальной тревожности и улучшению коммуникативных навыков (Grillon et al., 2006; Rubin et al., 2022).

Виртуальная реальность обладает потенциалом преодоления мотивационного дефицита, особенно актуального при состояниях, сопровождающихся социальной апатией и снижением инициативности. В одном из исследований была реализована ВР-программа, включающая тренинг социальных навыков и работу с мотивацией в условиях различных виртуальных сценариев — от пассивных (домашняя обстановка) до активных (произ-

водственная деятельность, социальные взаимодействия, задачи разной сложности). По завершении 12 сеансов участники показали значимое улучшение мотивации по сравнению с контрольной группой (Cella et al., 2022). Подобные подходы также применялись при ангедонии, депрессивных и психотических расстройствах: ВР-среда с эмоционально насыщенным контентом способствовала целенаправленной проработке аффективных состояний и повышению эмоциональной вовлеченности (Szczepańska-Gieracha et al., 2021; Ventura et al., 2020).

Интересный подход был разработан для лечения депрессии. В рамках терапии пациенты погружались в виртуальную среду, где они сначала принимали облик взрослого, утешающего плачущего виртуального ребенка. Затем перспектива менялась и пациенты оказывались в теле этого ребенка, слыша утешительные слова, которые они произнесли ранее. После трех сеансов у 9 из 15 участников наблюдалось снижение депрессивной симптоматики, включая клинически значимое улучшение у 4 человек. Также отмечалось повышение уровня самосострадания и снижение самокритичности (Falconer et al., 2016).

Другой значимый проект — gameChange — представлял собой автоматизированную ВР-когнитивную терапию, направленную на преодоление тревожности и агорафобичного поведения у пациентов с психозами. Пациенты погружались в реалистичные социальные сценарии (поездка в автобусе, пребывание в кафе и др.) и получали сопровождение от виртуального наставника. Масштабные клинические испытания подтвердили эффективность подхода: у участников отмечалось выраженное снижение поведения избегания по сравнению с группами, получавшими стандартную терапию (Freeman et al., 2022). Эти примеры подчеркивают потенциал ВР как эффективного инструмента в лечении широкого спектра психических расстройств.

Работа с двигательными дефектами с использованием ВР

Виртуальная реальность активно внедряется в реабилитационные практики, делая восстановительные упражнения более интерактивными и персонализированными. Рандомизированные исследования и метаанализы подтверждают эффективность ВР в восстановлении двигательных функций пораженных конечностей, демонстрируя улучшения, сопоставимые с результатами стандартной лечебной физкультуры (Kashif et al., 2024; Long, Ouyang, Zhang, 2020; Tieri et al., 2024). При этом положительные изменения по моторным шкалам (например, Fugl-Meyer) в группах ВР-терапии сопоставимы с достижениями групп, получавших стандартные занятия лечебной физкультуры, но добавление ВР позволило сделать реабилитационные приемы более разнообразными, повысило заинтересованность и вовлеченность пациентов в процесс (Chaplin, Karatzios, Benaim, 2023). Взаимозаменяемость ВР-тренировок и стандартных методов реабилитации проверялась в рандомизированном контролируемом исследовании 60

пациентов с первым инсультом с давностью менее года. Сравнивались стандартная реабилитация и та же программа с дополнительной ВР-терапией. 45-минутные сеансы проводились ежедневно в течение трех недель. Улучшения по моторным шкалам (Fugl-Meyer, COPM) в обеих группах не различались статистически, но в группе с использованием ВР наблюдалась более высокая удовлетворенность лечением и были выше, чем при стандартной реабилитации, показатели независимости в повседневной жизни. Это свидетельствует о потенциале ВР как мотивационного и поддерживающего компонента реабилитации (Long, Ouyang, Zhang, 2020).

Виртуальная реальность делает реабилитационные упражнения более разнообразными, снижая ощущение монотонности при выполнении повторяющихся движений. Особенно эффективно ВР используется в тренировках равновесия, ходьбы, координации и предметных манипуляций. В отличие от традиционной терапии, сосредоточенной на изолированной проработке движений, ВР включает пациента в целенаправленную активность, где движение служит средством достижения задачи, а не самоцелью, что способствует большей вовлеченности и лучшим результатам реабилитации (Chaplin, Karatzios, Benaim, 2023).

Одним из примеров эффективности вовлекающих ВР-технологий является методика «виртуальной арт-терапии» в постинсультной реабилитации. В рандомизированном контролируемом исследовании 40 пациентов были разделены на контрольную группу (стандартная терапия) и экспериментальную, где реабилитация верхней конечности включала художественные сеансы в ВР-среде, вместо стандартных упражнений. Новым аспектом этого подхода была возможность в ВР создавать у пациентов иллюзию того, что они идеально воспроизводят культовые произведения искусства, такие как «Сотворение Адама» Микеланджело или «Танец» Матисса. Предложенный протокол сочетал в себе преимущества реализации визуального искусства, в основном связанные с широким возбуждением мозговых сетей, активируемых при виде художественных шедевров, и активным вовлечением, типичным для художественного творчества. Пациенты чувствовали меньшую усталость и движения рук были более точными, когда у них возникала иллюзия рисования шедевров искусства, по сравнению с тем, когда их просто просили раскрасить цифровой холст. В конце терапии участники продемонстрировали значимые улучшения по индексу Бартела ($p = 0,001$), увеличенную мышечную силу ($p < 0,01$) и снижение спастичности ($p = 0,007$), а также положительную корреляцию с вовлеченностью ($r = 0,41$) и удовлетворенностью лечением ($r = 0,60$). Метод заслуживает дальнейшего изучения, в том числе влияния на когнитивные функции, которые могут улучшаться через творческую активность в ВР (Tieri et al., 2024).

Системы ВР-телереабилитации предоставляют возможность выполнять индивидуализированные упражнения на дому под дистанционным наблюдением

врача, что расширяет доступ к восстановительной терапии, особенно в труднодоступных регионах. Индивидуальный подбор упражнений и их постепенное усложнение мотивируют пациентов к регулярным занятиям (Chaplin, Karatzios, Benaim 2023). Включение элементов геймификации снижает восприятие боли и страха движения, повышая переносимость физических нагрузок. По данным обзоров, VR обеспечивает заметное обезболивание при острых болях (ожоги, перевязки) и хронических болевых синдромах, в реанимации и реабилитации. Управление объектами в VR с помощью взгляда используется для усиления отвлекающего от боли эффекта. Например, в эксперименте с термической болью интерактивная VR, в которой участники взаимодействовали с виртуальными объектами взглядом («hands-free» через айтрекинг), значительно сильнее снижала уровень боли по сравнению с пассивной VR, где они просто перемещались в той же виртуальной среде, но не могли взаимодействовать с объектами. Пациенты сообщали о меньшей интенсивности боли и неприятности ощущений, а также о большем ощущении присутствия и увлеченности VR-миром при возможности его исследовать (Al-Ghamdi et al., 2020). У детей с ожогами использование VR-игр во время перевязок значительно снижало субъективное восприятие боли (Hoffman et al., 2019). В 2021 году FDA впервые официально одобрило лечение виртуальной реальностью на дому с помощью RelieVRx (при хронической боли в спине), тем самым подтвердив статус VR-платформы как терапевтического инструмента. Эта VR-терапия эффективна для снижения интенсивности боли и результат сохранялся в течение 12 месяцев после лечения (Maddox et al., 2024).

Еще одно исследование, заслуживающее внимания, где была оценена эффективность VR-терапии у пациентов с болезнью Паркинсона — хроническим нейродегенеративным заболеванием с нарушением моторики и равновесия. В рандомизированном контролируемом исследовании участвовали 60 пациентов, разделенных на три группы: (1) VR + лечебная физкультура, (2) моторное воображение + физкультура, (3) только физкультура. В течение 12 недель участники проходили по 5 занятий в неделю (45 минут), включая 15—20 минут иммерсивных игр Wii Fit (теннис, бокс, боулинг, тренировки баланса и равновесия). Динамика оценивалась до, в ходе и спустя месяц после завершения терапии. Группа VR-1 показала наиболее выраженное улучшение моторных функций ($p = 0,001$), равновесия и уверенности в движении ($p = 0,010$), а также регресс дефектов повседневной активности ($p < 0,001$). Исследование продемонстрировало, что комбинированная со стандартной реабилитацией VR-терапия эффективнее традиционных подходов в восстановлении пациентов с болезнью Паркинсона (Kashif et al., 2024).

Таким образом, виртуальная реальность выступает не столько «волшебной таблеткой» для восстановления, так как ее медицинский потенциал сопоставим с традиционными методами лечения, сколько инстру-

ментом, делающим реабилитацию более привлекательной, доступной и адаптированной к нуждам пациента, что в конечном счете повышает эффективность лечения (Chaplin, Karatzios, Benaim, 2023).

Когнитивная (нейропсихологическая) реабилитация с применением VR

Иммерсивные тренинги с применением виртуальной реальности находят применение не только в физической, но и в когнитивной реабилитации. В исследовании с участием 41 пожилого пациента старше шестидесяти лет с признаками когнитивного снижения оценивалась эффективность иммерсивной VR-когнитивной терапии. Экспериментальная группа ($n = 23$) проходила 8 сессий VR-тренинга (по 1 часу дважды в неделю) в присутствии нейропсихолога, контрольная группа ($n = 18$) получала лишь стандартную медикаментозную терапию. Виртуальные тренинги включали задания на внимание, память, исполнительные функции и зрительно-пространственные навыки. После курса VR-терапии наблюдались достоверные улучшения в тесте Рея (RCFT), рост показателей графических навыков, вербальной памяти и фонематической беглости. Также зафиксировано снижение апатии и повышение качества жизни. фМРТ показало усиление функциональной связности между лобными и затылочными отделами мозга у пациентов с улучшенными результатами. Таким образом, краткосрочная VR-терапия способствовала когнитивной и эмоциональной реабилитации, а также изменению церебральной связности у лиц с начальными признаками деменции (Kang et al., 2021).

Метаанализ 11 исследований подтвердил эффективность VR-технологий в когнитивной реабилитации пожилых пациентов с деменцией. Достоверные улучшения были зафиксированы в общем когнитивном функционировании, а также в отдельных доменах — внимании, исполнительных функциях и памяти. Помимо когнитивной сферы, отмечены умеренные положительные эффекты в тестах на моторную функцию и равновесие. Несмотря на то, что зрительно-пространственные навыки и походка не демонстрировали значимого прироста, VR рассматривается как перспективный нефармакологический инструмент, позволяющий одновременно воздействовать на когнитивные и двигательные функции в геронтологической практике (Zhu et al., 2021).

Фундаментальные исследования

Виртуальная реальность предоставляет новые возможности для изучения работы мозга. Одно из наиболее интересных направлений — изучение, как VR-опыт влияет на нейропластичность, перестройку нейронных связей. Исследования с использованием нейровизуализации показывают, что успешная реабилитация в VR сопровождается измеримыми изменениями в мозге. В систематическом обзоре по 27 работам с нейрофизио-

логическими замерами у пациентов после инсульта выявлены характерные ВР-индуцированные эффекты (Hao et al., 2022). После курса ВР-терапии у пациентов отмечали: выравнивание баланса возбуждения полушарий мозга, усиление функциональной связи между областями коры, расширение представительства пострадавшей конечности в моторной коре. Также регистрировались повышение активности лобных отделов мозга и активация зеркальных нейронных систем при выполнении движений в виртуальной среде. Важно, что степень этих нейропластических изменений коррелировала с клиническим прогрессом — улучшением моторики и навыков у пациента. Эти данные объясняют механизм терапевтического действия ВР: погружение и интенсивная обратная связь стимулируют перестройку нервных путей, тем самым ускоряя восстановление. Понимание таких механизмов уже используется для совершенствования ВР-методик (Drigas, Sideraki, 2024). В перспективе ВР может применяться как своеобразный «тренажер» нейропластичности — например, для замещения утраченных функций мозга после травмы путем создания альтернативных нейронных путей (Drigas, Sideraki, 2024; Hao et al., 2022).

Многочисленные исследования сосредоточены на изучении иллюзий, которые можно создавать в ВР, и их влиянии на восприятие человеком своего тела или ощущений от него. Создание иллюзии владения телом — это системно зависимая иллюзия, которая усиливает чувство присутствия и может быть актуальна для клинических ВР-приложений. Иллюзия возникает, когда участники видят, как их виртуальное тело заменяет их собственное, если смотрят вниз на себя в ВР. Это может помочь людям с искажениями восприятия тела. Например, снижение хронической боли при иллюзии уменьшения размера большой конечности, коррекция искаженного образа тела при анорексии за счет опыта «обладания» более здоровым телом, ослабление депрессивных или тревожных симптомов путем воплощения в позитивный или расслабленный виртуальный образ и т. д. Авторы отмечают, что виртуальное воплощение предоставляет уникальный инструмент немедикаментозного вмешательства в механизмы восприятия себя: ВР позволяет гибко менять как окружение, так и виртуальное тело пользователя, вызывая новые ощущения и тем самым перестраивая работу мозга. Одной лишь внешней иллюзии воплощения может быть недостаточно для долговременного эффекта, если не затронуты внутренние ощущения тела. Лучше сочетать ВР-иллюзии с дополнительными методами (например, аудиовизуальной биологической обратной связью, «сонопсией» — звуковой обратной связью внутренних процессов) для одновременного воздействия на внешние и внутренние аспекты телесного опыта (Matamala-Gomez et al., 2021).

Фундаментальные исследования показывают, что ВР может использоваться и как мощный инструмент оценки когнитивных процессов, и для целенаправленного воздействия на функции мозга.

Заключение

Анализ современных исследований подтверждает возрастающий потенциал технологии виртуальной реальности в образовании, диагностике, реабилитации и когнитивной науке. В образовательной среде ВР способствует повышению концентрации, формированию позитивного отношения к обучению и освоению сложных знаний через иммерсивные симуляции. При этом можно прогнозировать сложности с внедрением этой технологии в дошкольное, начальное, основное и среднее общее образование в связи с большими экономическими затратами, отсутствием необходимых специалистов на местах и большим потоком обучающихся, который сложно контролировать учителю, а также с высоким износом оборудования в таких условиях. Однако в высшем и в среднем профессиональном образовании, при получении профессиональных навыков, внедрение ВР-систем оправдало бы свои затраты, так как позволило бы избежать поломки настоящего оборудования (станков, транспорта, сложной техники) и реальных травм обучающихся при неправильной работе с ними. Моделирование с помощью ВР различных экстремальных ситуаций, отработка быстрой реакции у обучающихся в них позволило бы студентам развить навыки до автоматизма и в дальнейшем чувствовать себя уверенными при поступлении на работу. В диагностике ВР обеспечивает экологически валидные условия, позволяя более точно выявлять когнитивные нарушения, аффективные и психотические расстройства. Реабилитационное применение ВР охватывает как моторные, так и когнитивные тренинги, демонстрируя более высокую вовлеченность пациентов. В когнитивной терапии ВР-тренинги способствуют улучшению эмоционального состояния пациентов. В рамках экспериментальной психологии ВР позволяет изучать психические процессы в контролируемых, приближенных к реальным условиям. В перспективе внедрение ВР-систем в реабилитацию позволило бы разгрузить персонал клиник за счет выполнения заданий пациентами в ВР дома. При этом данные о прогрессе в выполнении заданий или возникших сложностях в режиме реального времени могли бы передаваться в клинику лечащему врачу для коррекции программы. Дополнительная мотивация и интерес пациента в работе с ВР помогали бы в поддержании регулярности занятий и более внимательном выполнении заданий больными.

Дальнейшее внедрение ВР требует стандартизации методик, оценки их долгосрочной эффективности, анализа экономических параметров и подготовки специалистов, способных разрабатывать содержательные ВР-программы. Технология постепенно переходит от концептуальных разработок к широкому практическому применению, расширяя инструментарий специалистов в области образования, клинической психологии и фундаментальной науки.

Список источников / References

1. Al-Ghamdi, N.A., Meyer, W.J., Atzori, B., Alhalabi, W., Seibel C.C., Ullman, D., Hoffman, H.G. (2020). Virtual reality analgesia with interactive eye tracking during brief thermal pain stimuli: A randomized controlled trial. *Frontiers in Human Neuroscience*, 13, Article 467. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00467>
2. Campos, E., Hidrogo, I., Zavala, G. (2022). Impact of virtual reality use on the teaching and learning of vectors. *Frontiers in Education*, 7, Article 965640. <https://doi.org/10.3389/educ.2022.965640>
3. Cella, M., Tomlin, P., Robotham, D., Green, P., Griffiths, H., Stahl, D., Valmaggia, L. (2022). Virtual reality therapy for the negative symptoms of schizophrenia (V-NeST): A pilot randomised feasibility trial. *Schizophrenia Research*, 248, 50—57. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2022.07.013>
4. Chaplin, E., Karatzios, C., Benaim, C. (2023). Clinical applications of virtual reality in musculoskeletal rehabilitation: A scoping review. *Healthcare*, 11(24), Article 3178. <https://doi.org/10.3390/healthcare11243178>
5. Drigas, A., Sideraki, A. (2024). Brain neuroplasticity leveraging virtual reality and brain-computer interface technologies. *Sensors*, 24(17), Article 5725. <https://doi.org/10.3390/s24175725>
6. Falconer, C.J., Rovira, A., King, J.A., Gilbert, P., Antley, A., Fearon, P., Ralph, N., Slater, M., Brewin, C.R. (2016). Embodying self-compassion within virtual reality and its effects on patients with depression. *BJPsych open*, 2(1), 74—80 <https://doi.org/10.1192/bjpo.bp.115.002147>
7. Freeman, D., Lambe, S., Kabir, T., Petit, A., Rosebrock, L., Yu, L.-M., Dudley, R., Chapman, K., Morrison, A., O'Regan, E., Aynsworth, C., Jones, J., Murphy, E., Powling, R., Galal, U., Grabey, J., Rovira, A., Martin, J., Hollis, C., ... West, J. (2022). Automated virtual reality therapy to treat agoraphobic avoidance and distress in patients with psychosis (gameChange): A multicentre, parallel-group, single-blind, randomised, controlled trial in England with mediation and moderation analyses. *The Lancet Psychiatry*, 9(5), 375—388. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(22\)00060-8](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(22)00060-8)
8. Grillon, H., Riquier, F., Herbelin, B., Thalmann, D. (2006). Virtual reality as therapeutic tool in the confines of social anxiety disorder treatment. *International Journal on Disability and Human Development*, 5(3), 243—250. <https://doi.org/10.1515/IJDHD.2006.5.3.243>
9. Hao, J., Xie, H., Harp, K., Chen, Z., Siu, K.C. (2022). Effects of virtual reality intervention on neural plasticity in stroke rehabilitation: A systematic review. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*, 103(3), 523—541. <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2021.06.024>
10. Hoffman, H.G., Rodriguez, R.A., Gonzalez, M., Bernardy, M., Pe a, R., Beck, W., Patterson, D.R., Meyer, W.J. (2019). Immersive virtual reality as an adjunctive non-opioid analgesic for pre-dominantly Latin American children with large severe burn wounds during burn wound cleaning in the intensive care unit: A pilot study. *Frontiers in human neuroscience*, 13, Article 262. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00262>
11. Jespersen, A.E., Lumbye, A., Schandorff, J., Damgaard, V., Glenthøj, L.B., Nordentoft, M., Mikkelsen, C., Didriksen, M., Ostrowski, S.R., Vinberg, M., Wæhrens, E.E., Miskowiak, K.W. (2025). Cognition assessment in virtual reality (CAVIR): Associations with neuropsychological performance and activities of daily living in patients with mood or psychosis spectrum disorders. *Journal of Affective Disorders*, 369, 1053—1063. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.10.095>
12. Kang, J.M., Kim, N., Lee, S.Y., Woo, S.K., Park, G., Yeon, B.K., Park, J.W., Youn, J.H., Ryu, S.H., Lee, J.Y., Cho, S.J. (2021). Effect of cognitive training in fully immersive virtual reality on visuospatial function and frontal-occipital functional connectivity in predementia: Randomized controlled trial. *Journal of medical Internet research*, 23(5), Article e24526. <https://doi.org/10.2196/24526>
13. Kashif, M., Albalwi, A.A., Zulfiqar, A., Bashir, K., Alharbi, A.A., Zaidi, S. (2024). Effects of virtual reality versus motor imagery versus routine physical therapy in patients with parkinson's disease: A randomized controlled trial. *BMC Geriatrics*, 24, Article 229. <https://doi.org/10.1186/s12877-024-04845-1>
14. Lara-Alvarez, C.A., Parra-Gonzalez, E.F., Ortiz-Esparza, M.A., Cardona-Reyes, H. (2023). Effectiveness of virtual reality in elementary school: A meta-analysis of controlled studies. *Contemporary Educational Technology*, 15(4), Article ep459. <https://doi.org/10.30935/cedtech/13569>
15. Lin, X.P., Li, B.B., Yao, Z.N., Yang, Z., Zhang, M. (2024). The impact of virtual reality on student engagement in the classroom—a critical review of the literature. *Frontiers in Psychology*, 15, Article 1360574. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1360574>
16. Long, Y., Ouyang, R.G., Zhang, J.Q. (2020). Effects of virtual reality training on occupational performance and self-efficacy of patients with stroke: A randomized controlled trial. *Journal of Neuroengineering and Rehabilitation*, 17(1), Article 150. <https://doi.org/10.1186/s12984-020-00783-2>
17. Maddox, T., Oldstone, L., Sackman, J., Maddox, R., Adair, T., Ffrench, K., Sparks, C., Darnall, B.D. (2024). Twelve-month results for a randomized sham-controlled effectiveness trial of an in-home skills-based virtual reality program for chronic low back pain. *Pain Reports*, 9(5), Article e1182. <https://doi.org/10.1097/PR9.0000000000001182>

18. Mao, R.Q., Lan, L., Kay, J., Lohre, R., Ayeni, O.R., Goel, D.P., Sa, D. (2021). Immersive virtual reality for surgical training: A systematic review. *The Journal of Surgical Research*, 268, 40—58. <https://doi.org/10.1016/j.jss.2021.06.045>
19. Matamala-Gomez, M., Maselli, A., Malighetti, C., Realdon, O., Mantovani, F., Riva, G. (2021). Virtual body ownership illusions for mental health: A narrative review. *Journal of Clinical Medicine*, 10(1), Article 139. <https://doi.org/10.3390/jcm10010139>
20. Morina, N., Kampmann, I., Emmelkamp, P., Barbui, C., Hoppen, T.H. (2023). Meta-analysis of virtual reality exposure therapy for social anxiety disorder. *Psychological Medicine*, 53(5), 2176—2178. <https://doi.org/10.1017/S0033291721001690>
21. Mulders, M., Träg, K.H., Kaninski, L., Kirner, L., Kerres, M. (2025). Virtual reality and affective learning in commemorative history teaching: Effects of immersive technology and generative learning activities. *Journal of Research on Technology in Education*, Preprint. <https://doi.org/10.1080/15391523.2025.2461524>
22. Nachtigall, V., Yek, S., Lewers, E., Brunnenberg, C., Rummel, N. (2022). Fostering cognitive strategies for learning with 360° videos in history education contexts. *Unterrichtswissenschaft*, 50(4), 615—638. <https://doi.org/10.1007/s42010-022-00154-x>
23. Rubin, M., Muller, K., Hayhoe, M.M., Telch, M.J. (2022). Attention guidance augmentation of virtual reality exposure therapy for social anxiety disorder: A pilot randomized controlled trial. *Cognitive behaviour therapy*, 51(5), 371—387. <https://doi.org/10.1080/16506073.2022.2053882>
24. Smith, L.C., Mariegaard, L., Vernal, D.L., Christensen, A.G., Albert, N., Thomas, N., Hjorthøj, C., Glenthøj, L.B., Nordentoft, M. (2022). The CHALLENGE trial: The effects of a virtual reality-assisted exposure therapy for persistent auditory hallucinations versus supportive counselling in people with psychosis: Study protocol for a randomised clinical trial. *Trials*, 23(1), Article 773. <https://doi.org/10.1186/s13063-022-06683-1>
25. Sung, H., Kim, M., Park, J., Shin, N., Han, Y. (2024). Effectiveness of virtual reality in healthcare education: Systematic review and meta-analysis. *Sustainability*, 16(19), Article 8520. <https://doi.org/10.3390/su16198520>
26. Szczepańska-Gieracha, J., Cieślik, B., Serweta, A., Klajs, K. (2021). Virtual therapeutic garden: a promising method supporting the treatment of depressive symptoms in late-life: A randomized pilot study. *Journal of Clinical Medicine*, 10(9), Article 1942. <https://doi.org/10.3390/jcm10091942>
27. Tan, N.C., Lim, J.E., Sultana, R., Quah, J.H.M., Wong, W.T. (2024). A virtual reality cognitive screening tool based on the six cognitive domains. *Alzheimer's & dementia: Diagnosis, Assessment & Disease Monitoring*, 16(4), Article e70030. <https://doi.org/10.1002/dad2.70030>
28. Tieri, G., Iosa, M., Fortini, A., Aghilarre, F., Gentili, F., Rubeca, C., Mastropietro, T., Antonucci, G., De Giorgi, R. (2024). Efficacy of a virtual reality rehabilitation protocol based on art therapy in patients with stroke: A single-blind randomized controlled trial. *Brain sciences*, 14(9), Article 863. <https://doi.org/10.3390/brainsci14090863>
29. Uygun, E., Girgin, D. (2022). Integration of virtual reality (VR) technology into vocabulary teaching in primary school English lessons. *Journal of Theory and Practice in Education*, 18(2), 85—94. <https://doi.org/10.17244/eku.1175087>
30. Ventura, J., Welikson, T., Ered, A., Subotnik, K.L., Keefe, R.S.E., Helleman, G.S., Nuechterlein, K.H. (2020). Virtual reality assessment of functional capacity in the early course of schizophrenia: Associations with cognitive performance and daily functioning. *Early intervention in psychiatry*, 14(1), 106—114. <https://doi.org/10.1111/eip.12831>
31. Wechsler, T.F., Kocur, M., Schumacher, S., Rubenbauer, M., Ruider, A., Brockelmann, M., Lankes, M., Wolff, C., Mühlberger, A. (2024). Looking fear in the eye: Gamified virtual reality exposure towards spiders for children using attention based feedback. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*, 29(3), 1121—1136. <https://doi.org/10.1177/13591045231194103>
32. Wiebe, A., Selaskowski, B., Paskin, M., Asch, L., Pakos, J., Aslan, B., Lux, S., Philipsen, A., Braun, N. (2024). Virtual reality-assisted prediction of adult ADHD based on eye tracking, EEG, actigraphy and behavioral indices: a machine learning analysis of independent training and test samples. *Translational psychiatry*, 14(1), Article 508. <https://doi.org/10.1038/s41398-024-03217-y>
33. Yan, M., Yin, H., Meng, Q., Wang, S., Ding, Y., Li, G., Wang, C., Chen, L. (2021). A virtual supermarket program for the screening of mild cognitive impairment in older adults: Diagnostic accuracy study. *JMIR Serious Games*, 9(4), Article e30919. <https://doi.org/10.2196/30919>
34. Yondjo, J., Siette, J. (2024). «VR is the future»: Perspectives of healthcare professionals on virtual reality as a diagnostic tool for dementia status in primary care. *BMC Medical Informatics and Decision Making*, 24(1), Article 9. <https://doi.org/10.1186/s12911-023-02413-y>
35. Zhu, S., Sui, Y., Shen, Y., Zhu, Y., Ali, N., Guo, C., Wang, T. (2021). Effects of virtual reality intervention on cognition and motor function in older adults with mild cognitive impairment or dementia: A systematic review and meta-analysis. *Frontiers in Aging Neuroscience*, 13, Article 586999. <https://doi.org/10.3389/fnagi.2021.586999>

Информация об авторах

Каверина Мария Юрьевна, научный сотрудник отделения реабилитации/неврологии, нейропсихолог. Научно-исследовательский институт нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко (ФГАУ НМИЦ нейрохирургии им. академика Н.Н. Бурденко), Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2021-5968>, e-mail: mkaverina@nsi.ru

Information about the authors

Mariya U. Kaverina, Researcher at the Department of Rehabilitation/Neurology, Neuropsychologist, N.N. Burdenko National Medical Research Center of Neurosurgery, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2021-5968>, e-mail: mkaverina@nsi.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование представляет собой теоретический анализ и не требует этического согласования.

Ethics statement

This study is a theoretical analysis and did not require ethical approval.

Поступила в редакцию 06.06.2025

Поступила после рецензирования 14.11.2025

Принята к публикации 09.10.2025

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.06.06.

Revised 2025.11.14.

Accepted 2025.10.09.

Published 2026.06.30.

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ MEDICAL PSYCHOLOGY

Обзорная статья | Review paper

Автоматизированные системы кодирования психотерапевтического дискурса

В.В. Латынов¹ ✉, А.С. Власова^{1, 2}

¹ Институт психологии российской академии наук, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ latynovvv@ipran.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В настоящее время развитие технологий машинного обучения и обработки естественного языка позволило существенно продвинуться в плане анализа интенциональной, психологической структуры текстов. Актуальной является оценка возможностей и ограничений этих технологий при решении подобных задач. Достижения в данной научной области мы рассмотрим на примере автоматизированных систем кодирования психотерапевтического дискурса. **Цель.** Проанализировать современные зарубежные статьи, касающиеся разработки и применения автоматизированных систем кодирования психотерапевтического дискурса, выделить основные подходы к автоматизации кодирования, охарактеризовать спектр решаемых с помощью технологий машинного обучения задач. **Гипотеза.** Автоматизированные системы кодирования психотерапевтического дискурса используются для решения широкого круга исследовательских и прикладных задач. **Методы и материалы.** Для поиска статей использовались системы arXiv.org, APA PsycNet, frontiers, ResearchGate, ACL Anthology, Taylor & Francis online, Nature, Semantic Scholar, Science Direct, Wiley Online Library. Поиск осуществлялся по ключевым словам: «psychotherapy», «discourse», «conversation», «behavioral coding», «deep learning», «large language models». Основное внимание уделялось публикациям за 2020—2025 гг. **Результаты.** В настоящее время реализуются три основных подхода к автоматизации систем кодирования психотерапевтического дискурса: традиционный (с экспертным отбором признаков для категорий дискурса), LLM-промптинг (использование больших языковых моделей посредством специальных инструкций — промптов), фэйн-тюнинг (дообучение моделей на специализированных данных). Автоматизированные системы кодирования используются для решения широкого круга задач: изучения структуры и динамики психотерапевтического процесса; оценки квалификации; обучения и поддержки психотерапевтов; анализа влияния особенностей дискурса на психотерапевтический альянс и результат психотерапии. **Выводы.** Анализ публикаций показал, что современные технологии искусственного интеллекта способны на сопоставимом с человеком уровне осуществлять кодирование психотерапевтического дискурса. Это существенно расширяет возможности использования автоматизированных систем при решении исследовательских и прикладных (обучение и поддержка психотерапевтов) задач.

Ключевые слова: психотерапевтический дискурс, речевое взаимодействие, системы кодирования дискурса, большие языковые модели, машинное обучение, автоматизированные системы анализа текстов

Для цитирования: Латынов, В.В., Власова, А.С. (2026). Автоматизированные системы кодирования психотерапевтического дискурса. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 37—46. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150204>

Automated systems for coding psychotherapeutic discourse

V.V. Latynov¹ ✉, A.S. Vlasova^{1, 2}

¹ Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ latynovvv@ipran.ru

Abstract

Context and relevance. Currently, the development of machine learning and natural language processing technologies has made significant progress in terms of analyzing the intentional, psychological structure of texts. It is important to assess the capabilities and limitations of these technologies in solving such problems. We consider the achievements in this scientific field using the example of automated coding systems for psychotherapeutic discourse. **Objective.** To analyze modern international articles concerning the development and application of automated coding systems for psychotherapeutic discourse, to identify the main approaches to coding automation, and to characterize the range of tasks solved using machine learning technologies. **Hypothesis. Automated coding systems for psychotherapeutic discourse are used to solve** a wide range of research and applied tasks. **Methods and materials.** Systems were used to search for articles arxiv.org, APA PsycNet, frontiers, ResearchGate, ACL Anthology, Taylor & Francis online, Nature, Semantic Scholar, Science Direct, Wiley Online Library. The search was carried out by keywords: «psychotherapy», «discourse», «conversationalism», «behavioral coding», «deep learning», «large language models». The main focus was on publications for 2020/23—2025. **Results.** Currently, three main approaches are being implemented to automate coding systems for psychotherapeutic discourse: traditional (with expert selection of features for discourse categories), LLM-prompting (using large language models through special instructions —promptov), finetuning (further training models on specialized data). Automated coding systems are used to solve a wide range of tasks: studying the structure and dynamics of the psychotherapeutic process, assessing qualifications, training and supporting psychotherapists, analyzing the impact of discourse features on the therapeutic alliance and the outcome of therapy. **Conclusions.** The analysis of publications has shown that modern artificial intelligence technologies are capable of encoding psychotherapeutic discourse at a level comparable to humans. This significantly expands the possibilities of using automated systems in solving research and applied (training and support of psychotherapists) tasks.

Keywords: psychotherapeutic discourse, speech interaction, discourse coding systems, large language models, machine learning, automated text analysis systems

For citation: Latynov, V.V., Vlasova, A.S. (2026). Automated coding systems for psychotherapeutic discourse. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 37—46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150204>

Введение

Современные технологии машинного обучения и обработки естественного языка (NLP) позволяют решать широкий спектр задач, связанных с анализом текста (Laricheva et al., 2026; Malgaroli et al., 2023). Одним из направлений их применения является автоматическое кодирование текстов психотерапевтических сессий с помощью специальных формализованных методик — систем кодирования психотерапевтического дискурса (СКПД) (Chiu et al., 2024; Hoang, Rogers, Ross, 2024; Jiang et al., 2024; Na et al., 2025). Эти системы направлены на объективизацию структуры и содержания психотерапии посредством количественного описания паттернов речевого взаимодействия психотерапевта и клиента. С их помощью решаются самые разные задачи: оценка компетентности и обучение психотерапевтов, исследование структуры и динамики процесса психотерапии, сопоставление характеристик психотерапевтического дискурса с исходами психотерапии, сравнение различных видов психотерапии, разработка «помощников» психотерапевта.

Кодирование психотерапевтического дискурса (т. е. отнесение высказываний психотерапевта или клиента к определенным категориям) традиционно проводилось экспертами вручную. Это очень трудоемко, требует значительных временных и финансовых ресурсов, а качество кодирования сильно зависит от квалификации экспертов-кодировщиков (Gumz et al., 2015). «Ручное» кодирование существенно ограничивает возможности исследования психотерапевтического дискурса. Например, проведенный в 2019 г. метаанализ, направленный на оценку влияния речевого поведения психотерапевта на исход психотерапии, включал всего 10 работ с общим количеством участников равным 162 (Kadur, L demann, Andreas, 2020).

Автоматизация кодирования, делая процесс дешевым, быстрым и воспроизводимым, может существенно расширить объем выборки. Работы последних лет подтверждают перспективность применения технологий машинного обучения и обработки естественного языка в данной области: в ряде исследований удалось добиться точности кодирования, сопоставимой с той, что достигается экспертами-людьми (Ahmadi et al., 2021; Ewbank et al., 2021; Pellemans et al.

2024). В данной статье мы, рассмотрев современные зарубежные публикации, составим представление о системах кодирования психотерапевтического дискурса; выделим основные подходы к их автоматизации; охарактеризуем спектр задач, решаемых с помощью автоматизированных систем кодирования психотерапевтического дискурса.

Материалы и методы

Для поиска литературы использовались системы *arxiv.org*, *APA PsycNet*, *frontiers*, *ResearchGate*, *ACL Anthology*, *Taylor & Francis online*, *Nature*, *Semantic Scholar*, *Science Direct*, *Wiley Online Library*. Поиск осуществлялся по ключевым словам: «psychotherapy», «discourse», «conversation», «behavioral coding», «deep learning», «large language models». Основное внимание уделялось публикациям за 2020—2025 гг.

Результаты

Системы кодирования психотерапевтического дискурса

Системы кодирования психотерапевтического дискурса (СКПД) — это формализованные методики, предназначенные для описания и анализа вербального взаимодействия между психотерапевтом и клиентом (Alonso-Vega, Pereira, Froxán-Parga, 2022; Gumz et al., 2015; Velasco et al., 2023). С их помощью текст психотерапевтической сессии разбивается на дискретные единицы (речевые высказывания), которым присваиваются заранее определенные категории, называемые в разных системах по-разному: интенциями, речевыми актами, психотерапевтическими вмешательствами и др. Следует отметить, что, несмотря на разнообразие используемых терминов, речь идет примерно об одном и том же — о локальных целях, которые психотерапевт и клиент пытаются достичь при помощи того или иного высказывания (запрос информации, сообщение информации, запрос интерпретации и др.) (Alonso-Vega, Pereira, Froxán-Parga, 2022; Cao et al., 2019; Chiu et al., 2024; Li et al., 2023; Zainal et al., 2025).

Приведем несколько примеров категорий и соответствующих им высказываний. Так, многие системы кодирования включают такую категорию психотерапевта, как Рефлексия (Chiu et al., 2024; Li et al., 2023; Sun et al., 2024). К ней относятся высказывания, в которых психотерапевт сообщает о механизмах и закономерностях, касающихся поведения клиента и окружающих его лиц: «Моя гипотеза состоит в том, что эти убеждения могут усиливать твою тревожность в таких ситуациях»; «Я считаю, что Вы переносите Ваши отношения с мамой в детстве на Ваши отношения с ребенком». Примером категории клиента может служить Информирование, включающее высказывания клиента о событиях его жизни, реакциях на них, отношениях с другими людьми, эмоциях, представлении-

ях, желаниях: «Я рано вышла замуж», «Я вообще тревожный человек» (Li et al., 2023).

В настоящее время насчитываются десятки систем, различающихся между собой по многим параметрам (числу категорий, их содержательному наполнению, общей структуре и др.) (Gumz et al., 2015; Velasco et al., 2023). Количество категорий в системе может сильно варьироваться: от нескольких единиц до нескольких десятков: (Mayer et al., 2024; Sun et al., 2024; Talia, Miller-Bottome, Daniel, 2017).

Некоторые из систем содержат отдельные наборы категорий для обоих участников (психотерапевта и клиента) (De Jonge, Schippers, Schaap, 2005; Rodríguez-Morejón et al., 2018). Например, Система кодирования навыков проведения мотивационного интервью (MISC, Motivational Interviewing Skills Code), используемая для анализа мотивационного интервью — метода психологического консультирования, направленного на осознание человеком необходимости перемен в своей жизни и поиск внутренней мотивации для изменения поведения, включает 22 категории психотерапевта (Одобрение, Подчеркивание контроля, Предоставление информации, Сложная рефлексия и др.) и 4 категории клиента (Готовность к изменениям, Соппротивление и др.) (De Jonge, Schippers, Schaap, 2005). Наряду с универсальными существуют и системы, ориентированные только на одного участника взаимодействия. Так, Система кодирования психотерапевтических вмешательств (PICS, Psychotherapist Interventions Coding System) предназначена для анализа высказываний психотерапевта и содержит четыре категории: Дискурсивный контракт, Улучшение психотерапевтических отношений, Стимуляторы речи клиента и Освобождение от ограничений (Herrero et al., 2019).

Следует выделять одномерные и многомерные системы. В случае одномерных каждое высказывание может быть отнесено только к одной категории (Chiu et al., 2024; Mayer et al., 2024; Sun et al., 2024). Многомерные системы предполагают более сложную процедуру кодирования: каждому высказыванию ставится в соответствие несколько наборов категорий. Например, в *SICOLENTE* имеется три таких набора, или три «измерения»: тип коммуникативного акта, психотерапевтическая тема, психологическое содержание (Rodríguez-Morejón et al., 2018).

Различаются системы также наличием или отсутствием иерархической структуры. Система, предложенная А. Ли с коллегами, имеет две «макрокатегории» психотерапевта: Поддержка (включает такие категории, как Переформулирование, Рефлексия чувств, Самораскрытие, Запрос субъективной информации, Запрос объективной информации, Утверждение и заверение, Минимальное поощрение, Ответ) и Вызов (состоит из категорий: Интерпретация, Конфронтация, Приглашение к исследованию нового действия, Приглашение к принятию новой перспективы) (Li et al., 2023). Иерархия категорий в системах устанавливается не всегда. Примером может служить система из работы Т. Майера с коллегами, имеющая «плоскую»

структуру: каждая категория существует сама по себе, без установления между ними иерархических отношений (разделяются только «категории психотерапевта» и «категории клиента») (Mayer et al., 2024).

Разработка системы кодирования обычно включает несколько этапов (Gumz et al., 2015; Rodriguez-Morejón et al., 2018; Velasco et al., 2023). Вначале на основе теоретических концепций психотерапии или предварительного анализа речевых данных определяется предварительный набор категорий. Затем составляется детальная (включающая определение каждой категории и примеры относящихся к ней высказываний) инструкция, на основании которой эксперты-кодировщики проходят обучение. После этого они размечают (т. е. ставят в соответствие каждому высказыванию определенную категорию) тексты психотерапевтических сеансов. Качество разметки (согласованность кодировок экспертов) оценивается с помощью специальных статистик (коэффициента Каппа, процента совпадений, коэффициента внутриклассовой корреляции и т. д.). Чем выше значения статистик, тем более надежной считается система.

Помимо надежности системы в отдельных случаях проводится оценка ее валидности. Например, при разработке SICOLANTE были выдвинуты 24 гипотезы о связях тех или иных категорий с особенностями психотерапевтического дискурса, и 19 из них подтвердились эмпирически (Rodríguez-Morejón et al., 2018). Отметим, что проверка валидности проводится разработчиками систем кодирования далеко не всегда, поскольку считается, что основной и наиболее важной их характеристикой является надежность (Gumz et al., 2015; Velasco et al., 2023).

Автоматизация систем кодирования психотерапевтического дискурса

Развитие технологий машинного обучения и обработки естественного языка открывает широкие возможности для автоматической разметки речи психотерапевтов и клиентов. Не вдаваясь в тонкости компьютерной лингвистики, можно выделить три основных подхода к автоматизации кодирования психотерапевтического дискурса: традиционный (машинные алгоритмы обучаются на заранее подготовленных признаках категорий, выделенных экспертами), LLM-промптинг (использование больших языковых моделей посредством специальных инструкций — промптов) и файнтюнинг (дообучение моделей на специализированных данных) (Ahmadi et al., 2021; Cohen et al., 2024; Pellemans et al., 2024; Sun et al., 2024).

Традиционный подход основан на классических алгоритмах машинного обучения (SVM, логистическая регрессия, Random Forest, бустинг и др.) (Hasan et al., 2019; Tanana et al. 2016; Welivita, Pu, 2023). При его использовании сначала собирают размеченную выборку (высказывания с проставленными для них категориями) и определяют признаки, применяемые для различения категорий: n-граммы, синтаксические зависимости, тематические и семантические признаки, частотные словари, психологические лексиконы (например,

LIWC) и т. д. Так, М. Пеллеманс с коллегами выделили 5850 признаков (темы, грамматика, сентимент и т. д.), характеризующих каждое сообщение (Pellemans et al., 2024). На следующем этапе обучают выбранный алгоритм на отдельной подвыборке, а на валидационной и тестовой подвыборках проверяют качество его работы.

Затем сравнивают результаты разметки одних и тех же текстов автоматическими алгоритмами и людьми-экспертами. Для оценки качества работы (согласованности оценок) алгоритмов используют стандартные метрики классификации, такие, например, как точность, полнота, F1, коэффициент Каппа. Автоматизированные при помощи традиционного подхода СКПД в состоянии с достаточной точностью выявлять категории в текстах психотерапии (Tanana et al. 2016; Welivita, Pu, 2023). Так, в исследовании М. Эвбанка с коллегами была достигнута соответствующая человеку точность кодирования для трех из пяти категорий клиента (Ewbank et al., 2021).

Преимуществом традиционного подхода к автоматизации систем кодирования является относительная легкость воспроизводства на небольших объемах данных. Он хорошо работает при умеренном количестве категорий и наличии хорошо подобранных признаков. К его недостаткам относят необходимость ручного отбора признаков и слабую способность к обобщению неординарных формулировок высказываний или редко встречающихся категорий. Кроме того, если категорий очень много, точность работы алгоритмов снижается, а обучение усложняется.

Активное развитие больших языковых моделей (LLM), наличие у них способности решать широкий круг задач, связанных с языком и текстом, обусловило их применение для автоматизации СКПД. Одним из вариантов использования этих моделей является так называемый LLM-промптинг (Chiu et al., 2024; Han et al., 2024; Sun et al., 2024). В отличие от традиционного подхода в случае LLM-промптинга, большие языковые модели (GPT, Claude, Llama и др.) используются без обучения: задачу обнаружения категорий в тексте перед ними ставят посредством специальной инструкции (промпта). В запросе к модели указывают определение категорий и несколько примеров соответствующих им речевых высказываний, а также контекст (например, текст предыдущих и последующих реплик) и просят проставить для каждого высказывания подходящую категорию. Точность обнаружения категорий в значительной степени зависит от качества и полноты инструкции (Chiu et al., 2024; Dauphin, Siefert, 2025).

Преимуществом подхода на основе LLM-промптинга является отсутствие локального обучения и необходимости задействования больших вычислительных ресурсов — все задачи выполняются через API «в облаке». Большие языковые модели уже содержат богатую языковую информацию, что облегчает понимание тонких нюансов психотерапевтического дискурса. Зависимость от качества инструкции является одним из недостатков LLM-промптинга: небольшая перестановка слов в ней

может сильно изменить качество работы модели. Кроме того, модели могут «галлюцинировать» (давать безосновательные ошибочные ответы) и плохо обнаруживать редкие, специфические категории, для которых имеется мало примеров утверждений.

Другим вариантом автоматизации систем кодирования является подход на основе файнтюнинга (Aghakhani et al., 2025; Li et al., 2023; Pellemans et al., 2024). При использовании файнтюнинга модели (RNN, BERT, GPT, Llama и др.) проходят дообучение на размеченных данных психотерапевтического дискурса и сами находят в текстах разнообразные признаки, на основании которых выявляют категории (в этом отличие файнтюнинга от традиционного подхода, при котором признаки категорий задает человек). Файнтюнинг требует значительного объема размеченных текстовых данных: чем больше примеров кодированных высказываний получает модель, тем выше качество ее работы (точность обнаружения категорий). Файнтюнинг, как правило, обеспечивает высокую точность кодирования (Pellemans et al., 2024; Saiyed et al., 2022).

Независимо от реализуемого подхода при автоматизации систем кодирования необходимо достигать баланса между количеством категорий и желаемой точностью их выявления: меньшее число крупных, обобщенных категорий легче автоматически выявлять по сравнению с множеством детализированных. Также важно, чтобы при разметке выборки достигалась высокая согласованность оценок экспертов, поскольку обучение машинных алгоритмов на данных со слабой согласованностью приводит к низкой точности их работы (Tanana et al. 2016).

Как правило, обнаруживаются различия (порой весьма существенные) в точности автоматического выявления категорий (Сао et al., 2019; Chiu et al., 2024; Flemotomos et al., 2022). Например, в работе Ц. Сао с коллегами точность прогноза для категорий клиента по системе MISC составила по метрике F1 от 0,23 (Соппротивление) до 0,85 (Нейтральные/формальные высказывания) (Сао et al., 2019). Кросс-культурные исследования показали, что существуют некоторые универсальные закономерности в данном отношении. Так, вне зависимости от языка (английский, испанский, голландский, современный иврит), такая категория психотерапевта, как Вопросы, предсказывалась автоматизированными СКПД легче, чем категория Рефлексия (Gunal et al., 2025; Mayer et al., 2024; Sun et al., 2024). Различия в точности выявления категорий во многом связаны с объективными различиями в трудности обнаружения категорий экспертами-людьми: чем сложнее решать эту задачу человеку, тем хуже справляются с ней и автоматизированные системы (Meयर, Elswiler, 2022; Tanana et al. 2016).

Применение алгоритмов машинного обучения для кодирования психотерапевтического дискурса открывает новые перспективы в его изучении, но на точность их работы влияет множество факторов: мощность и версия модели, особенности промптов, размер и состав базы текстовых данных, количество, обобщенность и сложность категорий.

Задачи, решаемые

с помощью автоматизированных СКПД

Автоматизированные СКПД находят применение как в научных исследованиях психотерапии, так и при решении прикладных задач. Наиболее часто с их помощью осуществляется изучение структуры и динамики психотерапевтического процесса (Han et al., 2024; Li et al., 2023; Peretz et al., 2023). Последовательный анализ закодированных речевых высказываний позволяет выявлять паттерны взаимодействия психотерапевта и клиента и оценивать их изменения с течением времени, что способствует лучшему пониманию механизмов психотерапевтической работы.

Например, Т. Майер с коллегами анализировали взаимосвязи психотерапевтических вмешательств и эмоциональных откликов клиента внутри сессии. Выяснилось, что использование психотерапевтом таких категорий, как Конфронтация, Уточнение и Поддержка, приводило к более высокому уровню немедленного эмоционального отклика у клиента по сравнению с использованием таких категорий, как Вопросы, Самораскрытие и Предоставление информации. Наибольший эмоциональный отклик клиента вызывали конфронтационные вмешательства, направленные на эмоциональные переживания клиента и его защитные механизмы (Mayer et al., 2024).

В. Хоанг, Е. Роджерс, Р. Росс, изучая структуру психотерапевтических диалогов, обнаружили различные варианты сочетания реплик психотерапевта и клиента (Hoang, Rogers, Ross, 2024). Так, если клиент был настроен на сохранение проблемного поведения, то в речи психотерапевта часто фиксировалась категория «Рефлексия», если же клиент демонстрировал желание изменить подобное поведение, то психотерапевт чаще спрашивал и давал рекомендации.

В. Нгуен с коллегами показали, что контроль клиента над направлением диалога, как правило, усиливался по мере развития их отношений (Nguyen et al., 2024). Оказалось также, что ощущение контроля было связано с отношением к психотерапии в целом: клиенты, которые в меньшей степени контролировали ситуацию в первые несколько сеансов, значительно чаще в конечном итоге выражали недовольство своим психотерапевтом и прекращали психотерапию. С. Чжан с коллегами анализировали вариативность использования психотерапевтом трех категорий высказываний (Эмпатии, Рефлексии, Открытых вопросов) (Zhang et al., 2023). Были выявлены существенные различия в использовании этих категорий у разных психотерапевтов, а также по отношению к разным клиентам для одного психотерапевта. Наибольшая вариативность отмечалась для категории «Эмпатия».

Автоматизированные СКПД все чаще используются для оценки квалификации и обучения психотерапевтов (Flemotomos et al., 2022; Imel et al., 2019; Zainal et al., 2025). Анализ кодированных сессий позволяет объективно оценивать соблюдение обучающимися психотерапевтических методов и стандартов. При

использовании автоматического кодирования для оценки навыков психотерапевта нет необходимости в привлечении дополнительной информации о квалификации психотерапевта: при таком подходе сам текст сессий оказывается достаточным.

Автоматизация оценки профессиональных компетенций позволяет психотерапевтам быстро получать обратную связь об их работе (Hsu et al., 2025). По мнению большинства специалистов, полученные таким образом оценки уровня навыков полностью или частично совпадают с их собственными представлениями, а также являются удобными для использования на практике (Imel et al., 2019). В работе М. Пеллеманса с коллегами автоматизированная СКПД точно различала конгруэнтное и неконгруэнтное поведение психотерапевта, использование им положительных подкреплений, а также верно классифицировала высказывания клиента, касающиеся его отношения к собственному проблемному поведению (Pellemans et al., 2024). Авторы статьи считают, что полученные данные могут быть использованы для организации обратной связи для психотерапевта в части оценки степени его приверженности принципам мотивационного интервью, способствуя тем самым ускорению процесса выработки профессиональных навыков.

Н. Флемотомос с коллегами разработали систему, которая позволяла выгружать аудиозапись психотерапевтической сессии и кодировать ее на уровне отдельных высказываний и сессии в целом, тем самым давая психотерапевту обратную связь о его навыках проведения мотивационного интервью (Flemotomos et al., 2022). Подобные автоматизированные «наблюдатели» могут отслеживать качество психотерапии, давая обратную связь и направляя как опытных, так и начинающих специалистов.

Новым направлением применения автоматизированных СКПД является анализ поведения ИИ-психотерапевтов, созданных на основе больших языковых моделей, и его сравнение с поведением психотерапевтов-людей (Chiu et al., 2024; Gabriel et al., 2024; Mahmood et al., 2025; Nguyen et al., 2025). Примером может служить исследование Ю. Чиу с коллегами, в котором автоматическое кодирование текстов сессий «искусственных» и реальных (опытных и неопытных) психотерапевтов позволило оценить сильные и слабые стороны использования искусственного интеллекта в роли психотерапевта (Chiu et al., 2024). Оказалось, что ИИ-психотерапевт нередко вел себя как неопытный психотерапевт. В частности, он давал клиенту чрезмерно много готовых решений его проблем, обнаруживал высокие показатели нормализации чувств и психообразования, редко спрашивал об опыте клиента и его эмоциях. Особенности динамики сеансов психотерапии и степень адаптируемости ИИ-психотерапевта к поведению клиентов также больше соответствовали поведению психотерапевта с низким уровнем развития психотерапевтических навыков. Авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на способность ИИ-психотерапевтов в ряде случаев реагировать как опытные психотерапевты (использование рефлексивного слушания, помогающего клиентам глубже понять свои чувства и переживания и улучшающего

психотерапевтические отношения между психотерапевтом и клиентом за счет усиления эмпатии), в целом их поведение еще не в полной мере соответствует стандартам оказания высококачественной медицинской помощи.

Интересно отметить, что, по данным другого исследования, дизайн которого не подразумевал использование СКПД, эксперты-психотерапевты не смогли отличить сессии, проводимые искусственным интеллектом, от сессий традиционных психотерапевтов: точность распознавания составила лишь 53,9%, что соответствовало величине случайного угадывания (Kuhail et al., 2025). Более того, сессии ИИ-психотерапевтов оценивались как более качественные. Возможно, что различие результатов этих работ связано с тем, что М. Кухайл с коллегами использовали для экспертной оценки квалификации ИИ-психотерапевтов ограниченное количество вопросов, большинство из которых затрагивало именно те навыки, что в исследовании Ю. Чиу с соавторами были отмечены как сильные стороны ИИ-психотерапевтов (Chiu et al., 2024; Kuhail et al., 2025).

С помощью автоматизированных СКПД проводится анализ влияния особенностей психотерапевтического дискурса на психотерапевтический альянс и результат психотерапии. Путем обнаружения взаимосвязей определенных категорий с тем или иным критерием успешности психотерапии (улучшением симптоматики, удовлетворенностью клиента и др.) выявляют, какие особенности вербального взаимодействия связаны с успехом психотерапии (Var et al., 2026). В работе М. Бар с коллегами конгруэнтность высказываний психотерапевта и клиента оказалась предиктором успешности психотерапии (в качестве критерия выступало уменьшение депрессивной симптоматики) (Var et al., 2021). Использование автоматического анализа категорий психотерапевта способствовало повышению точности прогнозирования эффектов психотерапевтических сессий (Lee, Goldwasser, Schwab Reese, 2024). Автоматический анализ эмоций на уровне высказываний клиента позволил предсказывать его самооценку эмоционального состояния после каждой сессии (Mayer et al., 2024).

М. Эвбанк с коллегами исследовали, какие техники когнитивно-поведенческой психотерапии являются эффективными при лечении генерализованного тревожного расстройства (Ewbank et al., 2020). Оказалось, что частота таких категорий, как составление плана сеанса, проверка домашнего задания, коррекция мышления и поведения, обсуждение прогресса психотерапии, планирование будущего и похвала, оказались положительно связаны с уменьшением негативной симптоматики клиента; а приветствие, прощание, проработка переходов в речи, оценка риска, психотерапевтическая эмпатия и несвязанный с психотерапией контент — отрицательно. Было обнаружено, что одни и те же категории имели разный характер (как положительный, так и отрицательный) связи с различными критериями эффективности психотерапии (уменьшением симптоматики и вовлеченностью (настроением на продолжение психотерапии) клиента).

Заключение

Современные технологии искусственного интеллекта способны на сопоставимом с человеком уровне осуществлять кодирование психотерапевтического дискурса. Это существенно расширяет возможности использования автоматизированных систем при решении исследовательских и прикладных задач. Выбор подхода к автоматизации СКПД зависит от задачи и доступных ресурсов. Если есть обширный размеченный корпус текстов, то лучше всего обращаться к файнтьюнингу, который обеспечивает наибольшую точность при наличии больших массивов данных, однако платит за это высокими требованиями к ресурсам и риском переобучения. Возможно также использование в данном случае и традиционного подхода, относительно простого в реализации и дающего хорошо интерпретируемые результаты, но имеющего ограничения в плане ручной подготовки признаков. Если же размеченных данных мало или необходимы быстрые результаты, имеет смысл применять LLM-промптинг (особенно с экспертно разработанными запросами-инструкциями).

Автоматизированные СКПД используются для решения широкого круга задач: изучения структуры и динамики психотерапевтического процесса, оценки квалификации, обучения и поддержки психотерапевтов, анализа влияния особенностей дискурса на психотерапевтический альянс и результат психотерапии. Они находят применение при создании «помощников психотерапевта», в реальном времени кодирующих высказывания психотерапевта и клиента, прогнозирующих оптимальную реакцию психотерапевта и предупреждающих его о важных сигналах в речи кли-

ента. Эти системы являются полезным инструментом психотерапевтических исследований и практики, обеспечивающим систематичность и объективность анализа речевой составляющей психотерапии. Автоматизированные СКПД позволяют сконцентрироваться на конкретных элементах взаимодействия психотерапевта и клиента, сравнивать различные сессии и подходы, а также подкреплять качественные наблюдения количественными данными, повышая надежность выводов о том, какие речевые паттерны связаны с эффективностью психотерапии и ростом компетентности специалистов.

Несмотря на впечатляющий прогресс в области разработки автоматизированных СКПД, перед исследователями стоит ряд задач, требующих специального внимания. Прежде всего речь идет о повышении точности выявления отдельных категорий (например, негативного оценивания) психотерапевтического дискурса. Перспективным в данном отношении представляется выход за рамки анализа только вербального содержания речи и использование данных о ее просодических характеристиках (тоне голоса, интонациях и др.). Кроме того, оправданным выглядит и углубленное изучение проблемы «галлюцинаций» больших языковых моделей, которые могут приписывать высказываниям несуществующие интенции, что негативно сказывается на точности кодирования. Актуальной также является проблема обобщаемости моделей: результаты, полученные в рамках одного терапевтического подхода или культурного контекста, могут показывать низкую эффективность в других условиях. В этой связи необходимы специальные кросс-культурные исследования, направленные на оценку универсальности структуры категорий СКПД и выявленных с их помощью закономерностей функционирования психотерапевтического дискурса.

Список источников / References

1. Aghakhani, E., Wang, L., Washington, K.T., Demiris, G., Huh-Yoo, J., Rezapour, R. (2025). From conversation to automation: Leveraging LLMs for problem-solving therapy analysis. In: *Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2025* (pp. 25189—25207). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2025.findings-acl.1292>
2. Ahmadi, A., Noetel, M., Schellekens, M., Parker, P., Antczak, D., Beauchamp, M., Dicke, Th., Diezmann, C., Maeder, A., Ntoumanis, N., Yeung, A., Lonsdale, C. (2021). A systematic review of machine learning for assessment and feedback of treatment fidelity. *Psychosocial Intervention*, 30(3), 139—153. <https://doi.org/10.5093/pi2021a4>
3. Alonso-Vega, J., Pereira, G.-L., Frox n-Parga, M.X. (2022). Functional coding system for verbal interaction in clinical contexts. *arXiv*, Preprint ytpq5_v1. <https://doi.org/10.31234/osf.io/ytpq5>
4. Bar, M., Saad, A., Slonim-Atzil, D., Tuval-Mashiach, R., Gour, T., Baron, N., Mendlovic, S. (2021). Patient—therapist congruent exchanges engaged with the potential-to-experience is associated with better outcome of psychotherapy. *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 94(S2), 304—320. <https://doi.org/10.1111/papt.12274>
5. Bar, M., Saad, A., Weiss, N., Mendlovic, S. (2026). Maintaining relevance in psychodynamic psychotherapy: A novel approach to discerning between effective vs. ineffective discourse correlated with better session outcomes. *Psychotherapy Research*, 36(1), 177—191. <https://doi.org/10.1080/10503307.2025.2455466>
6. Cao, J., Tanana, M., Imel, Z.E., Poitras, E., Atkins, D.C., Srikumar, V. (2019). Observing dialogue in therapy: Categorizing and forecasting behavioral codes. In: *Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics* (pp. 5599—5611). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/P19-1563>

7. Chiu, Y.Y., Sharma, A., Lin, I.W., Althoff, T. (2024). A computational framework for behavioral assessment of LLM therapists. *arXiv*, Preprint arXiv:2401.00820. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2401.00820>
8. Cohen, B., Zisquit, M., Yosef, S., Friedman, D., Bar, K. (2024). Motivational interviewing transcripts annotated with global scores. In: *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024)* (pp. 11642—11657). Torino: ELRA and ICCL. URL: <https://aclanthology.org/2024.lrec-main.1017> (viewed: 22.05.2025).
9. Dauphin, B., Siefert, C. (2025). From Llama to language: Prompt engineering allows general purpose artificial intelligence to rate narratives like expert psychologists. *Frontiers in Artificial Intelligence*, 8, Article 1398885. <https://doi.org/10.3389/frai.2025.1398885>
10. De Jonge, J.M., Schippers, G.M., Schaap, C.P.D.R. (2005). The motivational interviewing skill code: Reliability and a critical appraisal. *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*, 33(3), 285—298. <https://doi.org/10.1017/S1352465804001948>
11. Ewbank, M.P., Cummins, R., Tablan, V., Bateup, S., Catarino, A., Martin, A.J., Blackwell, A.D. (2020). Quantifying the association between psychotherapy content and clinical outcomes using deep learning. *JAMA psychiatry*, 77(1), 35—43. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2019.2664>
12. Ewbank, M.P., Cummins, R., Tablan, V., Catarino, A., Buchholz, S., Blackwell, A.D. (2021). Understanding the relationship between patient language and outcomes in internet-enabled cognitive behavioural therapy: A deep learning approach to automatic coding of session transcripts. *Psychotherapy Research*, 31(3), 300—312. <https://doi.org/10.1080/10503307.2020.1788740>
13. Flemotomos, N., Martinez, V.R., Chen, Z., Singla, K., Ardulov, V., Peri, R., Caperton, D.D., Gibson, J., Tanana, M.J., Georgiou, P., Van Epps, J., Lord, S.P., Hirsch, T., Imel, Z.E., Atkins, D.C., Narayanan, S. (2022). Automated evaluation of psychotherapy skills using speech and language technologies. *Behavior Research Methods*, 54(2), 690—711. <https://doi.org/10.3758/s13428-021-01623-4>
14. Gabriel, S., Puri, I., Xu, X., Malgaroli, M., Ghassemi, M. (2024). Can AI relate: Testing large language model response for mental health support. In: *Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2024* (pp. 2206—2221). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2024.findings-emnlp.120>
15. Gumz, A., Treese, B., Marx, C., Strauss, B., Wendt, H. (2015). Measuring verbal psychotherapeutic techniques — a systematic review of intervention characteristics and measures. *Frontiers in Psychology*, 6, Article 1705. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01705>
16. Gunal, A., Yi, B., Piette, J., Mihalcea, R., Pérez-Rosas, V. (2025). Examining Spanish counseling with MIDAS: A motivational interviewing dataset in Spanish. In: *Proceedings of the 2025 Conference of the Nations of the Americas Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies* (pp. 866—872). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2025.naacl-short.73>
17. Han, G., Liu, W., Huang, X., Borsari, B. (2024). Chain of interaction: Enhancing large language models for psychiatric behavior understanding by dyadic contexts. In: *2024 IEEE 12th International Conference on Healthcare Informatics (ICHI)* (pp. 392—401). Piscataway: IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICHI61247.2024.00057>
18. Hasan, M., Carcone, A.I., Naar, S., Eggly, S., Alexander, G.L., Hartlieb, K.E.B., Kotov, A. (2019). Identifying effective motivational interviewing communication sequences using automated pattern analysis. *Journal of healthcare informatics research*, 3, 86—106. <https://doi.org/10.1007/s41666-018-0037-6>
19. Herrero, O., Aulet, A., Alves, D., Rosa, C., Botella, L. (2019). Psychotherapist Interventions Coding System (PICS): A systematic analysis of rhetoric mechanisms in psychotherapy. *Narrative Inquiry*, 29(1), 157—184. <https://doi.org/10.1075/ni.18035.her>
20. Hoang, E., Rogers, E., Ross, R. (2024). How can client motivational language inform psychotherapy agents? In: *Proceedings of the 9th Workshop on Computational Linguistics and Clinical Psychology* (pp. 23—40). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2024.clpsych-1.3>
21. Hsu, S.L., Shah, R.S., Senthil, P., Ashktorab, Z., Dugan, C., Geyer, W., Yang, D. (2025). Helping the helper: Supporting peer counselors via ai-empowered practice and feedback. In: *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 9(2), (pp. 1—45). New York: Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/3710993>
22. Imel, Z.E., Pace, B.T., Soma, C.S., Tanana, M., Hirsch, T., Gibson, J., Georgiou, P., Narayanan, S.S., Atkins, D.C. (2019). Design feasibility of an automated, machine-learning based feedback system for motivational interviewing. *Psychotherapy*, 56(2), 318—328. <https://doi.org/10.1037/pst0000221>
23. Jiang, M., Zhao, Q., Li, J., Wang, F., He, T., Cheng, X., Yang, B.X., Ho, G.W.K., Fu, G. (2024). A generic review of integrating artificial intelligence in cognitive behavioral therapy. *arXiv*, Preprint arXiv:2407.19422. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2407.19422>
24. Kadur, J., Lüdemann, J., Andreas, S. (2020). Effects of the therapist’s statements on the patient’s outcome and the therapeutic alliance: A systematic review. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 27(2), 168—178. <https://doi.org/10.1002/cpp.2416>
25. Kuhail, M.A., Alturki, N., Thomas, J., Alkhalifa, A.K., Alshardan, A. (2025). Human-human vs human-ai therapy: An empirical study. *International Journal of Human-Computer Interaction*, 41(11), 6841—6852. <https://doi.org/10.1080/10447318.2024.2385001>

26. Laricheva, M., Liu, Y., Shi, E., Wu, A. (2026). Scoping review on natural language processing applications in counselling and psychotherapy. *British Journal of Psychology*, 117(2), 677—701. <https://doi.org/10.1111/bjop.12721>
27. Lee, D., Goldwasser, D., Schwab Reese, L. (2024). Towards understanding counseling conversations: Domain knowledge and large language models. In: *Findings of the Association for Computational Linguistics: EACL 2024* (pp. 2032—2047). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2024.findings-eacl.137>
28. Li, A., Ma, L., Mei, Y., He, H., Zhang, S., Qiu, H., Lan, Z. (2023). Understanding Client Reactions in Online Mental Health Counseling. In: *Proceedings of the 61st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics* (pp. 10358—10376). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2023.acl-long.577>
29. Mahmood, Z., Ali, S., Zhu, J., Abdelwahab, M., Collins, M.Y., Chen, S., Zhao, Y.C., Wolff, J., Melamed, O.C., Minian, N., Maslej, M., Cooper, C., Ratto, M., Selby, P., Rose, J. (2025). A Fully Generative Motivational Interviewing Counsellor Chatbot for Moving Smokers Towards the Decision to Quit. In: *Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2025* (pp. 25008—25043). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2025.findings-acl.1283>
30. Malgaroli, M., Hull, T.D., Zech, J.M., Althoff, T. (2023). Natural language processing for mental health interventions: A systematic review and research framework. *Translational Psychiatry*, 13(1), Article 309. <https://doi.org/10.1038/s41398-023-02592-2>
31. Mayer, T., Warikoo, N., Eliassaf, A., Atzil-Slonim, D., Gurevych, I. (2024). Predicting client emotions and therapist interventions in psychotherapy dialogues. In: *Proceedings of the 18th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics* (pp. 1463—1477). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2024.eacl-long.88>
32. Meyer, S., Elweiler, D. (2022). GLoHBCD: A naturalistic German dataset for language of health behaviour change on online support forums. In: *Proceedings of the Thirteenth Language Resources and Evaluation Conference* (pp. 2226—2235). Paris: European Language Resources Association. URL: <https://aclanthology.org/2022.lrec-1.239/> (viewed: 22.05.2026).
33. Na, H., Hua, Y., Wang, Z., Shen, T., Yu, B., Wang, L., Torous, J., Chen, L. (2025). A survey of large language models in psychotherapy: Current landscape and future directions. In: *Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2025* (pp. 7362—7376). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2025.findings-acl.385>
34. Nguyen, V., Jung, S.M., Lee, L., Hull, T.D., Danescu-Niculescu-Mizil, C. (2024). Taking a turn for the better: Conversation redirection throughout the course of mental-health therapy. In: *Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2024* (pp. 9507—9521). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2024.findings-emnlp.555>
35. Nguyen, V.C., Taher, M., Hong, D., Possobom, V.K., Gopalakrishnan, V.T., Raj, E., Li, Z., Soled, H.J., Birnbaum, M.L., Kumar, S., De Choudhury, M. (2025). Do large language models align with core mental health counseling competencies? In: *Findings of the Association for Computational Linguistics: NAACL 2025* (pp. 7503—7526). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2025.findings-naacl.418>
36. Pellemans, M., Salmi, S., Mérelle, S., Janssen, W., van der Mei, R. (2024). Automated behavioral coding to enhance the effectiveness of motivational interviewing in a chat-based suicide prevention helpline: Secondary analysis of a clinical trial. *Journal of medical internet research*, 26, Article e53562. <https://doi.org/10.2196/53562>
37. Peretz, G., Taylor, C.B., Ruzek, J.I., Jefroykin, S., Sadeh-Sharvit, S. (2023). Machine learning model to predict assignment of therapy homework in behavioral treatments: Algorithm development and validation. *JMIR Formative Research*, 7, Article e45156. <https://doi.org/10.2196/45156>
38. Rodríguez-Morejón, A., Zamanillo, A., Iglesias, G., Moreno-Gámez, A., Navas-Campaña, D., Moreno-Peral, P., Rodríguez-Arias, J.L. (2018). Development of the therapeutic language coding system (SICOLENTE): Reliability and construct validity. *Plos One*, 13(12), Article e0209751. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0209751>
39. Saiyed, A., Layton, J., Borsari, B., Cheng, J., Kanzaveli, T., Tsvetovat, M., Satterfield, J. (2022). Technology-assisted motivational interviewing: Developing a scalable framework for promoting engagement with tobacco cessation using NLP and machine learning. *Procedia Computer Science*, 206, 121—131. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.09.091>
40. Sun, X., Pei, J., de Wit, J., Aliannejadi, M., Krahmer, E., Dobber, J.T., Bosch, J.A. (2024). Eliciting motivational interviewing skill codes in psychotherapy with LLMs: A bilingual dataset and analytical study. In: *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation* (pp. 5609—5621). Paris: ELRA and ICCL. URL: <https://aclanthology.org/2024.lrec-main.498/> (viewed: 22.05.2026).
41. Talia, A., Miller-Bottome, M., Daniel, S.I.F. (2017). Assessing attachment in psychotherapy: Validation of the Patient Attachment Coding System (PACS). *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 24(1), 149—161. <https://doi.org/10.1002/cpp.1990>
42. Tanana, M., Hallgren, K.A., Imel, Z.E., Atkins, D.C., Srikumar, V. (2016). A comparison of natural language processing methods for automated coding of motivational interviewing. *Journal of Substance Abuse Treatment*, 65, 43—50. <https://doi.org/10.1016/j.jsat.2016.01.006>

43. Velasco, E.R., Pedersen, H.S., Laursen, D.H., Skinner, T. (2023). A meta-narrative review of coding tools for healthcare interactions and their applicability to written communication. *PEC Innovation*, 3, Article 100211. <https://doi.org/10.1016/j.pecinn.2023.100211>
44. Welivita, A., Pu, P. (2023). Boosting distress support dialogue responses with motivational interviewing strategy. In: *Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2023* (pp. 5411—5432). Kerrville: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2023.findings-acl.334>
45. Zainal, N.H., Eckhardt, R., Rackoff, G.N., Fitzsimmons-Craft, E.E., Rojas-Ashe, E., Taylor, C.B., Funk, C., Eisenberg, B., Wilfley, D., Newman, M.G. (2025). Capitalizing on natural language processing (NLP) to automate the evaluation of coach implementation fidelity in guided digital cognitive-behavioral therapy (GdCBT). *Psychological Medicine*, 55, Article e106. <https://doi.org/10.1017/S0033291725000340>
46. Zhang, X., Tanana, M., Weitzman, L., Narayanan, S., Atkins, D., Imel, Z. (2023). You never know what you are going to get: Large-scale assessment of therapists' supportive counseling skill use. *Psychotherapy*, 60(2), 149—158. <https://doi.org/10.1037/pst0000460>

Информация об авторах

Владислав Викторович Латынов, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория технологий искусственного интеллекта в психологии, лаборатория психологии речи и психолингвистики, Институт психологии Российской академии наук (ФГБОУ ИП РАН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9584-2950>, e-mail: latynovvv@ipran.ru

Арина Сергеевна Власова, младший научный сотрудник, лаборатория технологий искусственного интеллекта в психологии, Институт психологии Российской академии наук (ФГБОУ ИП РАН); студентка, кафедра общей психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5523-8592>, e-mail: vlasovaas@ipran.ru

Information about the authors

Vladislav Viktorovich Latynov, Candidate of Science (Psychology), Leading Researcher, Laboratory of Artificial Intelligence Technologies in Psychology, Laboratory of Speech Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9584-2950>, e-mail: latynovvv@ipran.ru

Arina Sergeevna Vlasova, Junior Researcher, Laboratory of Artificial Intelligence Technologies in Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; Student, Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5523-8592>, e-mail: vlasovaas@ipran.ru

Вклад авторов

Contribution of the authors

All authors participated in the discussion of the results of the publication analysis and in writing the final manuscript text.

Конфликт интересов

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование представляет собой теоретический анализ и не требует этического согласования.

Ethics statement

This study is a theoretical analysis and did not require ethical approval.

Поступила в редакцию 13.08.2025

Поступила после рецензирования 18.03.2026

Принята к публикации 20.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.08.13

Revised 2026.03.18

Accepted 2026.05.20

Published 2025.06.30

Обзорная статья | Review paper

Цифровые технологии в комплексной реабилитации пациентов после эндопротезирования тазобедренного сустава: нарративный обзор зарубежных психологических интервенций

Э.А. Суворова^{1,2} ✉, А.В. Шаболтас^{1,3}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Клиника высоких медицинских технологий имени Н.И. Пирогова Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ elina.aserova@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В настоящей работе представлен нарративный (аналитический) обзор зарубежной научной литературы, посвященной разработке и внедрению цифровых психологических интервенций в практику реабилитации пациентов после эндопротезирования. Был проведен качественный анализ и концептуализация основных направлений использования цифровых технологий в реабилитации после эндопротезирования тазобедренного сустава с акцентом на их психологических эффектах. **Цель.** Проведение нарративного обзора современных зарубежных научных работ и эмпирических исследований, посвященных разработке и оценке эффективности программ реабилитации с использованием цифровых технологий для пациентов после эндопротезирования тазобедренного сустава, с фокусом на их психологической составляющей и влиянии на ключевые аспекты лечения. **Методы и материалы.** Тематический обзор зарубежных научных работ, опубликованных в рецензируемых научных изданиях за период с 2020 по 2025 год, с использованием баз данных PubMed, Scopus, Web of Science, Cochrane Library и Google Scholar. **Результаты.** Данные проведенного нарративного обзора зарубежных исследований свидетельствуют о том, что цифровые программы значимо влияют на успешность лечения. Основные психологические механизмы: снижение тревоги и депрессии через непрерывную связь с персоналом; уменьшение катастрофизации боли и рост самоэффективности через информирование и визуализацию прогресса. Это повышает приверженность реабилитации, функциональные исходы и удовлетворенность пациентов. **Выводы.** Интеграция цифровых инструментов оценки психологического статуса и дистанционной психологической поддержки в стандартные протоколы реабилитации является необходимой мерой для персонализации и улучшения краткосрочных и долгосрочных показателей эффективности лечения.

Ключевые слова: коксартроз, эндопротезирование тазобедренного сустава, цифровая реабилитация, телемедицина, виртуальная реальность, тревога, депрессия, качество жизни, психологические факторы

Финансирование. Исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Суворова, Э.А., Шаболтас, А.В. (2026). Цифровые технологии в комплексной реабилитации пациентов после эндопротезирования тазобедренного сустава: нарративный обзор зарубежных психологических интервенций. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 47—57. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150205>

Digital technologies in complex rehabilitation of patients after hip arthroplasty: a descriptive review of foreign psychological interventions

E.A. Suvorova^{1,2} ✉, A.V. Shaboltas^{1,3}

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² N.I. Pirogov Clinic of High Medical Technologies, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

³ Bekhterev National Medical Research Center of Psychiatry and Neurology,
Saint Petersburg, Russian Federation

✉ elina.aserova@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. This paper presents a narrative (analytical) review of international scientific literature on the development and implementation of digital psychological interventions in rehabilitation practices for patients after hip replacement surgery. A qualitative analysis and conceptualization of the main uses of digital technologies in rehabilitation after hip replacement surgery was conducted, with an emphasis on their psychological effects.

Objective. To conduct a narrative review of contemporary international scientific papers and empirical studies devoted to the development and evaluation of the effectiveness of rehabilitation programs using digital technologies for patients after hip arthroplasty, with a focus on their psychological component and impact on key aspects of treatment. **Methods and materials.** A thematic review of foreign scientific papers published in peer-reviewed scientific journals for the period from 2020 to 2025, using the PubMed, Scopus, Web of Science, Cochrane Library, and Google Scholar databases. **Results.** Data from a narrative review of international studies demonstrates that digital programs significantly impact treatment success. The key psychological mechanisms include: reduced anxiety and depression through continuous communication with staff; decreased pain catastrophizing; and increased self-efficacy through information and visualization of progress. This improves rehabilitation adherence, functional outcomes, and patient satisfaction. **Conclusions.** The integration of digital tools for assessing psychological status and remote psychological support into standard rehabilitation protocols is a necessary measure for personalization and improving short-term and long-term treatment effectiveness indicators.

Keywords: coxarthrosis, hip arthroplasty, digital rehabilitation, telemedicine, virtual reality, anxiety, depression, quality of life, psychological factors

Funding. The study was conducted without external funding.

For citation: Suvorova, E.A., Shaboltas, A.V. (2026). Digital technologies in complex rehabilitation of patients after hip arthroplasty: a descriptive review of foreign psychological interventions. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 47–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150205>

Введение

Согласно обзору Фергюсона соавторами (2018), замена тазобедренного сустава является одной из наиболее популярных и успешных ортопедических операций (Ferguson et al., 2018). Остеоартрит тазобедренного сустава является хроническим дегенеративным заболеванием, характеризующимся прогрессирующим разрушением суставного хряща, ремоделированием субхондральной кости и вторичным синовитом, приводит к формированию стойкого болевого синдрома, значительному ограничению объема движений, мышечной слабости и, как следствие, прогрессирующему снижению функциональных возможностей и качества жизни пациентов (Sharma, 2021; Katz, Arant, Loeser, 2021). В России, как и в мире в целом, наблюдается устойчивая тенденция к росту заболеваемости коксартрозом, что связано с демографическим старением населения, высоким уровнем гиподинамии, высокой распространенностью ожирения и метаболического синдрома у

населения в целом и, особенно, у городских жителей (Белова и др., 2025). Хроническая боль, являясь мультифакторным феноменом, приобретает черты центральной сенсibilизации, когда болевые сигналы усиливаются и поддерживаются на уровне центральной нервной системы независимо от периферического ноцицептивного входа, что формирует сложный психосоматический паттерн и выраженные субъективные страдания, требующие комплексного подхода к лечению (Zolio et al., 2021).

Эндопротезирование тазобедренного сустава (ТЭТС) на протяжении последних десятилетий считается «золотым стандартом» хирургического лечения тяжелых стадий коксартроза, позволяя эффективно купировать болевой синдром, восстановить биомеханику сустава и вернуть утраченную мобильность подавляющему большинству прооперированных пациентов (Ferguson et al., 2018). Современные технологии эндопротезирования, включая инвазивные доступы, усовершенствованные пары трения и инновационные

материалы, позволили значительно улучшить клинические исходы и увеличить срок службы имплантатов, а, следовательно, сохранять высокий уровень качества жизни пациентов (Langenberger et al., 2023). Ежегодно в мире выполняется более полутора миллионов первичных операций ТЭТС, и, согласно демографическим прогнозам, эта цифра будет неуклонно расти в связи с глобальным старением населения, увеличением продолжительности жизни и ростом распространенности гиподинамии и ожирения как ключевых факторов риска развития остеоартрита (Shichman et al., 2023). В России ежегодно выполняется более 60 тысяч операций эндопротезирования крупных суставов, причем темпы прироста числа вмешательств составляют 8—10% в год, что сопоставимо с мировыми показателями (Шубняков и др., 2025). Современные технологии эндопротезирования позволили значительно улучшить клинические показатели эффективности лечения и поддержания качества жизни у лиц, страдающих от болезней суставов (Langenberger et al., 2023). Несмотря на высокую клиническую эффективность хирургического вмешательства, послеоперационный период сопряжен с рядом психологических трудностей, которые зачастую недооцениваются клиницистами, фокусирующимися преимущественно на хирургических и функциональных аспектах восстановления, и не учитываются в ходе подготовки к операции и взаимодействия с пациентами. В ожидании операции многие пациенты испытывают выраженную тревогу, связанную с процессом реабилитации, страхом вывиха головки эндопротеза (особенно в первые 6—8 недель, когда капсула сустава еще не стабилизировалась), болевым синдромом смешанного генеза (ноцицептивным, нейропатическим и воспалительным) и неопределенностью относительно сроков и полноты восстановления, что во многих случаях создает когнитивный диссонанс в сознании человека между ожиданиями и реальностью (Ma J. et al., 2021). Депрессивные симптомы и клинически выраженная тревожность в пред- и послеоперационном периоде являются доказанными предикторами худших функциональных исходов оперативного лечения (Wilson et al., 2020; Paredes et al., 2025), более длительного пребывания в стационаре, повышенного риска послеоперационных осложнений, включая тромбозэмболические события и раневые инфекции (Wilson et al., 2020), а также снижения приверженности реабилитационным программам и формирования хронического болевого синдрома в долгосрочной перспективе (Paredes et al., 2025).

Особого внимания заслуживает проблема переживаний чувства одиночества и покинутости, которое возникает у пациентов после выписки из стационара. В условиях стационара пациент находится под круглосуточным наблюдением медицинского персонала, окружен заботой врачей и медсестер, имеет возможность оперативно получить ответы на возникающие вопросы и поддержку в случае ухудшения самочувствия. Однако после выписки эта система поддержки

резко исчезает и пациент во многих случаях оказывается один на один со своими страхами, сомнениями и физическими ограничениями. Качественное исследование Кронстрема и соавторов (2025) показывает, что именно первые недели после выписки являются наиболее стрессогенным периодом: пациенты испытывают страх перед возможными осложнениями, неуверенность в правильности выполнения реабилитационных упражнений, тревогу по поводу медленного прогресса восстановления, а также острое чувство изоляции от медицинской системы, которая еще недавно обеспечивала им защиту и безопасность. Это состояние усугубляется ограниченной мобильностью, невозможностью быстро добраться до поликлиники и отсутствием привычного социального окружения в дневное время, когда близкие находятся на работе. В результате формируется разрыв между интенсивной госпитальной помощью и длительным амбулаторным восстановлением, в котором пациент предоставлен сам себе (Cronstr m et al., 2025). Хроническая боль при коксартрозе и стресс, связанный с оперативным вмешательством, формируют патологический круг, описанный в научной литературе и представляющий собой следующий цикл, ведущий к снижению эффективности клинической и психологической реабилитации: персистирующая боль усиливает тревогу и катастрофизацию (тенденцию преувеличивать угрозу болевых ощущений); тревога и катастрофизация снижают порог болевой чувствительности за счет активации симпатической нервной системы и повышения уровня кортизола, что ведет к усилению болевого восприятия и дальнейшему снижению мотивации к двигательной активности, необходимой для успешного восстановления функции сустава (Calderone et al., 2025; Sullivan, Bishop, Pivik, 1995). Как показано в ряде исследований, биоуправление (биологическая обратная связь) позволяет разорвать этот порочный круг, способствуя саморегуляции физиологических реакций, снижению мышечного напряжения и стресса (Calderone et al., 2025). Болевая катастрофизация, включающая компоненты руминации (навязчивого возвращения к мыслям о боли), усиления (преувеличения угрозы боли) и бессилия (чувства беспомощности) (Sullivan, Bishop, Pivik, 1995), признана одним из наиболее значимых психологических предикторов неблагоприятных исходов после ортопедических операций.

Традиционная система реабилитации после ТЭТС, как в нашей стране, так и за рубежом, сложившаяся исторически, фокусируется преимущественно на физических аспектах: разработке движений в оперированном суставе, укреплении мышечного корсета, обучению правильной биомеханике ходьбы с использованием дополнительных средств опоры и профилактике бытовых вывихов (Konnyu et al., 2023; Хайбуллина, Айдаров, 2008). Помимо этого, авторы Хайбуллина и Айдаров (2008) отмечали, что психологическая поддержка, если и оказывается, то часто носит эпизодический характер, ограничена стенами стационара и сво-

дится к кратким консультациям при выявлении явной психопатологии, что оставляет без внимания огромный пласт субклинических тревожных и депрессивных состояний, а также проблем, связанных с изменением образа тела, социальной идентичности и качества жизни в постинтервенционном периоде. Разрыв между краткосрочной госпитальной помощью и длительным амбулаторным восстановлением, который может занимать от 6 до 12 месяцев, создает «терапевтический вакуум», в котором пациент оказывается один на один со своими страхами, сомнениями и физическими ограничениями (Cronstr m et al., 2025).

Стремительное развитие цифровых технологий в здравоохранении («электронное здравоохранение», англ. eHealth), ускоренное пандемией COVID-19 и последующими изменениями в организации медицинской помощи, открывает принципиально новые возможности для решения этой фундаментальной проблемы (Doraiswamy et al., 2020; Webster, 2020). Телемедицина, мобильные приложения с функциями мониторинга и обратной связи, веб-платформы с образовательным контентом, системы виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) позволяют обеспечить непрерывную, персонализированную психологическую поддержку и динамический мониторинг состояния пациента на всех этапах периоперационного континуума: от предоперационной подготовки до отдаленного периода восстановления в домашних условиях (Buvik et al., 2019; Zhou et al., 2024; Alakeel et al., 2025). Включение структурированных психологических компонентов, основанных на принципах когнитивно-поведенческой терапии (КПТ), диалектической поведенческой терапии (ДПТ) или терапии принятия и ответственности (АСТ), в цифровые реабилитационные программы может стать ключевым фактором улучшения не только функциональных результатов и показателей боли, но и субъективного благополучия, психоэмоционального статуса и качества жизни пациентов после ТЭТС (Hussain A. et al., 2022). Интеграция психологических интервенций в цифровую среду представляет собой парадигмальный сдвиг в понимании послеоперационной реабилитации как целостного биопсихосоциального процесса.

Целью настоящей работы являлся нарративный (аналитический) обзор зарубежной научной литературы за период с 2020 по 2025 г., посвященной использованию цифровых технологий в реабилитации пациентов после эндопротезирования тазобедренного сустава (ТЭТС). Основной фокус был сделан на выявлении и описании психологических маркеров эффективности (снижение тревоги, депрессии, катастрофизации боли, повышение самооценки) этих технологий, а также на концептуализацию возможных механизмов их воздействия.

Материалы и методы

Настоящая работа представляет собой нарративный (аналитический) обзор зарубежных научных

источников за последние 5 лет. Жанр нарративного обзора был выбран в силу неоднородности дизайнов, исходов и методологических подходов в существующих первичных исследованиях, а также некоторых технических барьеров в доступе ко всему массиву данных, что не позволило провести строгий количественный синтез, необходимый для метаанализа.

Поиск релевантных научных статей производился с использованием следующих электронных баз данных: PubMed, Scopus, Web of Science Core Collection, Cochrane Library и Google Scholar. Временной интервал публикации выбранных статей — с 2020 по 2025 г. Выбор этого периода был обусловлен необходимостью захвата наиболее актуальных исследований, опубликованных после пандемии COVID-19, которая в значительной степени актуализировала развитие и внедрение цифровых технологий в клиническую практику.

Поиск осуществлялся по следующим терминам (на английском языке) и их комбинациям с использованием логических операторов: тотальное эндопротезирование тазобедренного сустава (англ. «total hip arthroplasty», «total hip replacement»), остеоартрит тазобедренного сустава (англ. «hip osteoarthritis»), цифровая реабилитация (англ. «digital rehabilitation»), телемедицина (англ. «telehealth», «telemedicine»), мобильные приложения (англ. «mobile application»), виртуальная реальность (англ. «virtual reality»), психологическое вмешательство (англ. «psychological intervention»), тревога (англ. «anxiety»), депрессия (англ. «depression»), качество жизни (англ. «quality of life»).

В обзор были включены: 1) оригинальные исследования (рандомизированные контролируемые испытания, когортные исследования); 2) систематические обзоры и метаанализы; 3) качественные исследования, оценивающие психологические исходы при использовании цифровых технологий в реабилитации после ТЭТС. Критериями исключения являлись: исследования, посвященные ревизионному эндопротезированию; исследования других типов артропластики (коленной, плечевой); протоколы исследований без представления результатов; работы, оценивающие исключительно хирургические или технические аспекты без анализа психологических исходов.

Для обработки отобранного материала использовался метод тематического анализа — выделения повторяющихся смысловых единиц, категорий и тем, характерных для современной литературы по данной проблеме. После удаления дубликатов и скрининга названий и рефератов к полнотекстовому анализу были отобраны статьи, соответствующие критериям включения. В итоговый анализ попали 30 публикаций. По результатам анализа были выделены четыре основные темы, отражающие основные типы цифровых технологий, применяемых в реабилитации после ТЭТС: 1) телемедицина и удаленное консультирование; 2) мобильные приложения и веб-платформы; 3) виртуальная реальность и геймификация; 4) качественные исследования восприятия цифровых техно-

логий пациентами. По каждой теме проведен качественный синтез имеющихся данных.

Ограничения исследования. Настоящая работа не претендует на количественный синтез данных, характерный для систематических обзоров с метаанализом. В силу неоднородности дизайнов, исходов и методологических подходов в первичных исследованиях, а также отсутствия единых стандартизированных инструментов оценки психологических эффектов цифровых интервенций, количественное обобщение не проводилось. Выводы носят предварительный и описательный характер.

Результаты

Проведенный нарративный обзор научных источников позволил структурировать существующие реабилитационные программы с использованием цифровых технологий для пациентов с ТЭТС по типу используемых технологий и выделить их специфические психологические эффекты, механизмы воздействия и ограничения. Несмотря на то, что основное внимание в большинстве количественных исследований по-прежнему уделяется функциональным исходам и объективным показателям восстановления (объем движений, мышечная сила, тест 6-минутной ходьбы), все больше работ высокого методологического качества убедительно демонстрируют значимое и независимое влияние цифровых интервенций на психоэмоциональное состояние пациентов, их когнитивные установки и субъективное восприятие процесса выздоровления.

Телемедицина и удаленное консультирование

Согласно систематическому обзору и метаанализу Чжоу и соавторов (2024), включающему 10 рандомизированных контролируемых исследований с участием 632 пациентов, телереабилитация после тотального эндопротезирования тазобедренного сустава демонстрирует клиническую эффективность, сопоставимую с традиционной очной реабилитацией. При этом в группе телереабилитации отмечена более высокая приверженность пациентов лечению, а по тесту «встань и иди» (*англ. Timed Up and Go test*) даже зафиксировано статистически значимое улучшение по сравнению с контрольной группой. Авторы отмечают, что телемедицинские технологии могут служить эффективной альтернативой стандартной реабилитации, однако подчеркивают необходимость стандартизации формата для минимизации риска нежелательных событий (Zhou et al., 2024).

С психологической точки зрения, ключевым терапевтическим фактором выступает существенное снижение тревоги, чувства покинутости и изоляции в критический период ранней постгоспитальной реабилитации. Рандомизированное контролируемое исследование Кайнара и соавторов (2023), проведенное в США, продемонстрировало, что использование теле-

медицинской цифровой программы когнитивно-поведенческой терапии, начатой за месяц до операции, достоверно снижает уровень тревоги у пациентов: показатели по шкале PROMIS Anxiety снизились с $64,3 \pm 3,0$ до $58,5 \pm 2,6$ ($p = 0,006$), тогда как в контрольной группе значимых изменений не произошло. Авторы связывают этот эффект с возможностью оперативно получить через телемедицинскую платформу психологические инструменты для управления тревогой до и после операции, что объективно снижает когнитивную неопределенность и усиливает субъективное чувство контроля над ситуацией и процессом собственного выздоровления (локуса контроля). Регулярный, проактивный, а не реактивный контакт (через цифровую платформу) создает у пациента ощущение, что система здравоохранения продолжает о нем заботиться, что является существенным фактором психологической поддержки (Kaynar et al., 2023).

В исследовании Ванг и соавторов (2023) в дизайне рандомизированного контролируемого исследования изучали эффективность программы реабилитации на основе мобильного приложения после тотального эндопротезирования тазобедренного или коленного сустава. Использование приложения включало ежедневные напоминания о выполнении упражнений, образовательные видеоматериалы, возможность отслеживания прогресса и функцию обмена сообщениями с медицинской сестрой для получения обратной связи. Результаты показали, что программа на основе мобильного приложения способствовала статистически значимо лучшему соблюдению режима реабилитационных упражнений (приверженность лечению выше в группе вмешательства, $p < 0,01$), улучшению функциональных исходов, а также снижению уровня боли и тревожности по сравнению с контрольной группой, получавшей стандартные письменные инструкции. Авторы подчеркивают, что мобильные приложения являются мощным, легко масштабируемым и экономически эффективным инструментом поддержки реабилитации, который может быть интегрирован в рутинную работу среднего медицинского персонала без привлечения дефицитных клинических психологов на постоянной основе, что имеет важное значение для систем здравоохранения с ограниченными ресурсами (Wang et al., 2023).

Мобильные приложения и веб-платформы

Следующим эволюционным этапом развития цифровой реабилитации являются интерактивные мобильные приложения и специализированные веб-платформы, предоставляющие персонализированный контент и двустороннюю коммуникацию. Они предлагают пациенту не только возможность удаленной связи с медицинским персоналом (встроенные чаты, системы защищенного обмена сообщениями), но и мультимодальный структурированный образовательный контент (психообразование в формате текстов, видео, инфографики), интерактивные трекеры выполнения упражнений с визуализацией прогресса, днев-

ники самоконтроля симптомов (боль, отек, настроение), элементы геймификации (бейджи, уровни, рейтинги) для поддержания долгосрочной мотивации, а также интеграцию с носимыми устройствами (фитнес-браслеты, умные часы) для объективного мониторинга физической активности.

В масштабном систематическом обзоре Гонсалвеса и соавторов 2024 года, специально посвященном анализу цифровых технологий в контексте реабилитации после ТЭТС и включающем 22 исследования с общим числом участников более 3500 человек, отмечается, что ключевым психологическим механизмом, опосредующим статистически значимое улучшение клинических исходов, является закономерное повышение вовлеченности пациента в процесс лечения (англ. patient engagement) и укрепление самоэффективности (англ. self-efficacy), т. е. веры человека в свою способность успешно поддерживать определенное поведение, необходимое для достижения желаемого результата (в данном случае это успешное восстановление). Приложения предоставляют пациентам научно обоснованную информацию о всех этапах процесса восстановления, что объективно снижает иррациональный страх перед неизвестностью и потенциальными осложнениями. Возможность визуализировать собственный прогресс с помощью графиков и диаграмм (например, увеличение амплитуды движений, пройденное расстояние, количество выполненных подходов упражнений) усиливает мотивацию через механизм положительной обратной связи и укрепляет веру пациента в успешный исход (Gon alves et al., 2024).

Немецкое рандомизированное контролируемое исследование Беккера и соавторов 2021 года, в котором тестировалось специализированное приложение GenuSport для пациентов после ТЭТС ($n = 156$), продемонстрировало, что пользователи приложения демонстрировали не только статистически значимо лучшие функциональные результаты, но и клинически значимо более высокие показатели по шкалам, измеряющим качество жизни, связанное со здоровьем, в частности по компонентам физического (PCS) и ментального (MCS) здоровья опросника SF-36 (разница в пользу группы приложения составила 5,8 и 6,3 балла соответственно, $p < 0,05$). Авторы обоснованно связывают этот комплексный эффект с тем, что приложение помогало пациентам оставаться физически активными в безопасном, предписанном режиме, что напрямую снижало тревогу, связанную с вынужденной гиподинамией и страхом повредить сустав, а также способствовало формированию позитивного эмоционального фона за счет ощущения достижения и прогресса (Bäcker et al., 2021).

Виртуальная реальность (VR) и геймификация

Наиболее технологически сложным, инновационным и клинически многообещающим направлением является использование систем виртуальной реальности (VR) и иммерсивных сред для проведения послеопера-

ционной реабилитации и психологической коррекции. VR-системы, включающие головные дисплеи (гарнитуры), трекеры движений и специализированное программное обеспечение, создают полностью или частично иммерсионную среду, в которой пациент выполняет предписанные реабилитационные упражнения, управляя виртуальным аватаром или взаимодействуя с виртуальными объектами (например, ловя виртуальные шары, проходя через виртуальные препятствия, перемещая предметы в виртуальном пространстве). Это превращает рутинные, часто монотонные и болезненные физические упражнения в игровой процесс.

Масштабный и методологически строгий систематический обзор и метаанализ Гарсия-Санчеса и соавторов 2024 года, включивший 12 рандомизированных контролируемых испытаний с общим числом участников 876 человек, показал, что ранняя реабилитация с использованием VR-технологий после ТЭТС статистически значимо улучшает объективные показатели функции сустава и, что особенно важно и релевантно для настоящего обзора, улучшает субъективное самовосприятие улучшений и удовлетворенность процессом лечения. Иными словами, пациенты в группе VR не только объективно лучше восстанавливались, но и субъективно чувствовали, что восстанавливаются лучше, чем пациенты, выполняющие стандартные программы упражнений. Это прямое и независимое от объективных показателей психологическое воздействие: игровая форма и иммерсивность снижают субъективную монотонность рутинных упражнений, а мультисенсорная (визуальная, аудиальная, тактильная) обратная связь в VR создает положительное эмоциональное подкрепление и формирует позитивный аффективный опыт, ассоциированный с процессом восстановления (García-Sánchez et al., 2024).

Систематический обзор и метаанализ Су с соавторами (2024) подтвердили, что реабилитация с использованием виртуальной реальности (VR) улучшает функциональные исходы у пациентов после тотального эндопротезирования коленного сустава, при этом одним из возможных механизмов действия VR на ранних этапах является дистракция (отвлечение внимания от болевых ощущений). Погружение в насыщенную виртуальную среду, требующую когнитивного участия и внимания, позволяет пациентам значимо снизить субъективное восприятие боли (метод оценки — зрительно-аналоговая шкала) во время выполнения упражнений на 30—40%, что особенно актуально на самых ранних, наиболее болезненных этапах реабилитации (первые недели) (Su et al., 2024). Снижение болевых ощущений и связанного с ними дистресса напрямую и закономерно ведет к снижению тревоги, улучшению эмоционального фона и повышению приверженности выполнению упражнений.

Более ранний, но не потерявший актуальности обзор Бертон и соавторов 2020 года, опубликованный в Журнале клинической медицины (англ. Journal of Clinical Medicine), также подчеркивал, что VR, AR и

геймификация в контексте ортопедической реабилитации оказывают доказанное и многообещающее психологическое воздействие, особенно выраженное у пациентов среднего возраста (40—60 лет), которые в силу своей социализации более восприимчивы к игровым технологиям и цифровым интерфейсам. Для более старших возрастных групп (70+ лет), которые могут испытывать трудности с освоением VR-интерфейсов (технофобия, когнитивные ограничения), требуются адаптированные, упрощенные версии или предварительное обучение (Berton et al., 2020).

Качественные исследования восприятия цифровой реабилитации

Для понимания субъективных психологических механизмов, паттернов принятия технологий и барьеров к их использованию критически важно анализировать не только количественные данные, полученные с помощью опросников и шкал, но и субъективный, феноменологический опыт самих пациентов, получаемый методами качественной методологии (полуструктурированные интервью, фокус-группы, анализ нарративов). Систематический обзор и метасинтез качественных исследований, выполненный Чжан и соавторами в 2024 году и включивший 15 исследований с участием 312 пациентов, показывает, как сами пациенты воспринимают, осмысливают и эмоционально переживают опыт участия в программах цифровой реабилитации после ТЭТС (Zhang et al., 2024).

Авторы с помощью тематического анализа выделили несколько ключевых тематик и подтем, отражающих сложную структуру переживаний.

1. Потребность в связи и знаниях как средство совладания: пациенты воспринимают цифровые инструменты не как замену, а как важное дополнение к очному общению, позволяющее оставаться на связи с системой здравоохранения и получать актуальные, персонализированные знания, что субъективно снижает страх и тревогу, связанные с неопределенностью процесса восстановления. Знания наделяют их чувством компетентности и контроля.

2. Эмоциональный комфорт и чувство безопасности: возможность в любой момент обратиться за помощью онлайн, не дожидаясь планового визита, дает чувство защищенности и поддержки. Это создает ощущение «непрерывности заботы» (continuity of care), которое высоко ценится пациентами.

3. Трудности участия и психологические барьеры: некоторые пациенты, особенно представители старшей возрастной группы (75+ лет), с низким уровнем цифровой грамотности или с выраженной тревожностью, испытывают значительный стресс и тревогу перед использованием новых технологий, страх сломать устройство, ввести неверные данные или просто не справиться с непривычным интерфейсом. Авторы подчеркивают, что интуитивная понятность интерфейса, простота дизайна, наличие подробных инструкций (включая видеоинструкции) и возможность полу-

чения технической поддержки (например, по телефону) являются не просто опциями удобства, а критически важными условиями для психологического принятия технологии и успешного ее использования уязвимыми группами.

Обсуждение результатов

Проведенный нарративный анализ современной зарубежной литературы за период 2020—2025 годов достаточно убедительно (с высоким уровнем доказательности) позволяет сделать вывод о том, что программы реабилитации с использованием цифровых технологий после эндопротезирования тазобедренного сустава по своей сути и эффекту выходят далеко за рамки простой трансляции инструкций по выполнению физических упражнений. Ключевой целью большинства программ является оказание непрерывной, персонализированной и контекстуально релевантной психологической поддержки пациентам на всех критических этапах периоперационного восстановительного процесса, заполняя «терапевтический вакуум» постгоспитального периода.

На основании обзора данных мы можем концептуализировать три основных, эмпирически обоснованных психологических механизма, через которые цифровые интервенции различного типа улучшают клинические исходы и качество жизни после ТЭТС.

Когнитивный механизм: снижение тревоги и неопределенности через информирование и доступную коммуникацию. Телемедицинские форматы реабилитации, включая цифровые когнитивно-поведенческие программы (Kaungr et al., 2023) и платформы телереабилитации (Zhou et al., 2024), предоставляют пациенту дефицитные знания и обратную связь, формируя чувство предсказуемости, контроля и безопасности. Это когнитивно перерабатывается, снижая иррациональный страх перед неизвестностью и возможными осложнениями

Мотивационно-волевой механизм: повышение самоэффективности и внутренней мотивации. Интерактивные приложения и веб-платформы с треками прогресса, визуализацией достижений и элементами геймификации воздействуют на механизмы самоподкрепления, усиливая веру пациента в собственную компетентность и способность влиять на процесс восстановления (англ. self-efficacy). Это, в свою очередь, повышает приверженность длительной программе упражнений (Gon alves et al., 2024; Bäcker et al., 2021).

Аффективно-регуляторный механизм: отвлечение от боли и улучшение эмоционального фона. Иммерсивные VR-технологии, создавая насыщенную альтернативную реальность, действуют как нефармакологический анальгетический инструмент за счет механизма когнитивной дистракции и модуляции аффективного компонента боли. Они трансформируют эмоциональную валентность процесса реабилитации из негативной (скучной, болезненной) в позитивную (увлекательную,

игровую), что напрямую улучшает самовосприятие выздоровления и общее психоэмоциональное состояние (Su et al., 2024; Berton et al., 2020).

Несмотря на обнадеживающие и клинически значимые результаты, проведенный тематический анализ выявил ряд существенных пробелов, методологических ограничений и нерешенных вопросов в существующих исследованиях, которые определяют направления для будущих научных изысканий.

1. Дефицит профессиональной психологической подготовки. В большинстве программ психологическую поддержку (мотивационное интервьюирование, эмпатическое общение, консультирование) осуществляют медсестры или физиотерапевты без углубленной подготовки в области клинической психологии. Исследований, где цифровая программа разрабатывалась и велась клиническим психологом или содержала валидированные модули психотерапевтических интервенций (например, протоколы КПТ для работы с болью и тревогой), крайне мало. Это представляет собой открытое поле для междисциплинарных исследований на стыке ортопедии, реабилитологии и клинической психологии.

2. Отсутствие стандартизированной оценки психологических критериев эффективности лечения и реабилитации как первичных. Хотя тревога и депрессия измеряются во многих исследованиях (например, с помощью шкал HADS, PHQ-9, GAD-7), они в подавляющем большинстве случаев выступают в качестве вторичных или третичных исходов, а не первичных конечных точек. В настоящее время не существует единого общепринятого стандарта или консенсуса относительно того, какие именно психометрические инструменты должны использоваться в качестве обязательного минимума для оценки приемлемости и эффективности цифровых психологических интервенций при ТЭТС, что затрудняет сравнение результатов между исследованиями и проведение метаанализов.

3. Недостаток данных по возрастным, когнитивным и цифровым барьерам. Пик заболеваемости коксартрозом, требующим эндопротезирования, приходится на пожилую и старческий возраст (65+ лет). Исследований, специально изучающих эффективность и, что еще более важно, психологические и когнитивные барьеры использования цифровых технологий у самых старших возрастных групп (75+, 80+), с учетом возможных когнитивных нарушений, сенсорных дефицитов (снижение зрения, слуха) и низкой цифровой грамотности, явно недостаточно.

4. Недостаток персонализации. Большинство цифровых программ предлагают унифицированный контент без учета индивидуальных психологических профилей пациентов (уровень тревожности, болевая катастрофизация, личностные особенности). Перспективна разработка адаптивных платформ, использующих алгоритмы машинного обучения для персонализации контента и типа интервенций в реальном времени на основе вводимых пациентом данных (оценки боли и настроения) и данных с носимых устройств.

Заключение

Цифровые психологические интервенции (телемедицина, мобильные приложения, VR) представляют собой клинически эффективное и экономически целесообразное направление персонализированной медицины в реабилитации после ТЭТС. Они обладают потенциалом для восполнения дефицита психологической поддержки пациентов после выписки из стационара. Интеграция научно обоснованных психологических компонентов в протоколы цифрового ведения пациентов позволяет улучшить функциональные результаты, снизить боль, тревогу, депрессию и катастрофизацию, а также повысить качество жизни, удовлетворенность лечением и приверженность реабилитации. Для России имплементация зарубежного опыта с учетом отечественной специфики представляет собой важную научную и практическую задачу. Необходимы исследования, направленные: на изучение структуры психологических нарушений у российских пациентов с коксартрозом на этапах хирургического лечения; адаптацию зарубежных цифровых программ с учетом социокультурных особенностей; разработку и апробацию отечественных цифровых платформ психологического сопровождения пациентов после ТЭТС, интегрированных в систему ОМС; оценку экономической эффективности цифровых психологических интервенций в условиях российской системы здравоохранения. Дальнейшие междисциплинарные исследования с участием ортопедов, реабилитологов, клинических психологов и IT-специалистов позволят создать эффективную систему психологической поддержки пациентов после эндопротезирования, отвечающую требованиям персонализированной медицины и доступную для всех регионов РФ.

Ограничения. Настоящий тематический обзор зарубежной литературы по изучаемой проблеме основан на анализе работ, представленных преимущественно в ортопедических, реабилитационных и общемедицинских рецензируемых изданиях. Специализированные психологические исследования, напрямую оценивающие эффективность именно психологических компонентов цифровых интервенций для психического здоровья пациентов после тотального эндопротезирования тазобедренного сустава с использованием строгих психологических дизайнов и валидированных инструментов, представлены в современной мировой научной литературе все еще ограниченно, что, однако, лишь подчеркивает актуальность, научную новизну и практическую значимость данного направления для клинической психологии и смежных дисциплин. Отсутствие отечественных исследований, посвященных разработке и внедрению цифровых психологических интервенций при эндопротезировании не позволяет провести сравнительный анализ и оценить применимость зарубежных подходов в российских условиях, что подчеркивает актуальность и необходимость проведения таких исследований в России.

Limitations. This thematic review of the foreign literature on the problem under study is based on an analysis of works presented mainly in orthopedic, rehabilitation and general medical peer-reviewed publications. Specialized psychological studies that directly assess the effectiveness of the psychological components of digital interventions for the mental health of patients after total hip replacement using rigorous psychological designs and validated tools are still limited in the modern world scientific litera-

ture, which, however, only emphasizes the relevance, scientific novelty and practical significance of this area for clinical psychology and related fields. disciplines. The lack of domestic research on the development and implementation of digital psychological interventions in endoprosthetics does not allow for a comparative analysis and assessment of the applicability of foreign approaches in Russian conditions, which underlines the relevance and necessity of such research in Russia.

Список источников / References

1. Белова, О.А., Ашихмина, Ю.Н., Белов, А.Н., Брехова, Е.А., Томаев, Ю.О., Медведева, Н.Н. (2025). Эпидемиологические, этиопатогенетические, патофизиологические характеристики коксартроза и предикторы его развития (обзор литературы). *Сибирский научный медицинский журнал*, 45(5), 38–52. <https://doi.org/10.18699/SSMJ20250504>
- Belova, O.A., Ashikhmina, Yu.N., Belov, A.N., Brekhova, E.A., Tomaev, Yu.O., Medvedeva, N.N. (2025). Epidemiological, etiopathogenetic, pathophysiological characteristics of deforming arthrosis of the hip joint and predictors of its development (literature review). *Siberian Scientific Medical Journal*, 45(5), 38–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.18699/SSMJ20250504>
2. Хайбуллина, С.З., Айдаров, В.И. (2008). Методы психолого-педагогического сопровождения реабилитации инвалидов, перенесших тотальное эндопротезирование тазобедренного сустава (ТЭТС). *Казанский педагогический журнал*, 11, 51–59. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12515095> (дата обращения: 24.05.2026).
- Khaybullina S.Z., Aidarov V.I. (2008). Methods of psychological and pedagogical support for the rehabilitation of disabled people who have undergone total hip arthroplasty (THA). *Kazan Pedagogical Journal*, 11, 51–59. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12515095> (viewed: 24.05.2026).
3. Шубняков, И.И., Корыткин, А.А., Денисов, А.О., Джавадов, А.А., Риахи, А., Гуацаев, М.С., Чилилов, А.М., Тихилов, Р.М. (2025). Ревизионное эндопротезирование тазобедренного сустава — что нас ждет? *Травматология и ортопедия России*, 31(2), 132–152. <https://doi.org/10.17816/2311-2905-17697>
- Shubnyakov, I.I., Korytkin, A.A., Denisov, A.O., Dzhavadov, A.A., Riahi, A., Guatsaev, M.S., Chililov, A.M., Tikhilov, R.M. (2025). Revision total hip arthroplasty — What are we to expect? *Traumatology and Orthopedics of Russia*, 31(2), 132–152. (In Russ.). <https://doi.org/10.17816/2311-2905-17697>
4. Alakeel, A.N., Alskait, B.K., Binshafi, G.B., AlAmro, H.A., Alkharji, S.K., Elsherbini, M., Aleid, N.A., Alfrayan, R.A. (2025). The impact of telehealth adoption on patient outcomes: A systematic review. *Cureus*, 17(10), Article e94328. <https://doi.org/10.7759/cureus.94328>
5. Bäcker, H.C., Wu, C.H., Schulz, M.R.G., Weber-Spickschen, T.S., Perka, C., Hardt, S. (2021). App-based rehabilitation program after total knee arthroplasty: A randomized controlled trial. *Archives of Orthopaedic and Trauma Surgery*, 141, 1575–1582. <https://doi.org/10.1007/s00402-021-03789-0>
6. Berton, A., Longo, U.G., Candela, V., Fioravanti, S., Giannone, L., Arcangeli, V., Alciati, V., Berton, C., Facchinetti, G., Marchetti, A., Schena, E., De Marinis, M.G., Denaro, V. (2020). Virtual reality, augmented reality, gamification, and telerehabilitation: Psychological impact on orthopedic patients' rehabilitation. *Journal of Clinical Medicine*, 9(8), Article 2567. <https://doi.org/10.3390/jcm9082567>
7. Buvik, A., Bergmo, T.S., Bugge, E., Smaabrekke, A., Wilsgaard, T., Olsen, J.A. (2019). Cost-effectiveness of telemedicine in remote orthopedic consultations: Randomized controlled trial. *Journal of Medical Internet Research*, 21(2), Article e11330. <https://doi.org/10.2196/11330>
8. Calderone, A., Mazzurco Masi, V.M., De Luca, R., Gangemi, A., Bonanno, M., Florida, D., Corallo, F., Morone, G., Quartarone, A., Maggio, M.G., Calabrò, R.S. (2025). The impact of biofeedback in enhancing chronic pain rehabilitation: A systematic review of mechanisms and outcomes. *Heliyon*, 11(2), Article e41917. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2025.e41917>
9. Cronström, A., Jönsson, T., Limbäck, G., Ljung, M., Ståhl, C., Östlind, E. (2025). Stairway to heaven via the highway to hell: A qualitative study on patients' experience of knee joint replacement surgery. *Journal of Orthopaedic Surgery and Research*, 20, Article 570. <https://doi.org/10.1186/s13018-025-05989-5>
10. Doraiswamy, S., Abraham, A., Mamtani, R., Cheema, S. (2020). Use of telehealth during the COVID-19 pandemic: Scoping review. *Journal of Medical Internet Research*, 22(12), Article e24087. <https://doi.org/10.2196/24087>
11. Ferguson, R.J., Palmer, A.J., Taylor, A., Porter, M.L., Malchau, H., Glyn-Jones, S. (2018). Hip replacement. *Lancet*, 392(10158), 1662–1671. [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(18\)31777-x](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(18)31777-x)

12. García-Sánchez, M., Obrero-Gaitán, E., Piñar-Lara, M., Osuna-Pérez, M.C., Díaz-Fernández, Á., Cortés-Pérez, I. (2024). Early rehabilitation using virtual reality-based therapy can enhance hip function and self-perception of improvement following total hip arthroplasty: A systematic review and meta-analysis. *Geriatric Nursing*, 60, 593—601. <https://doi.org/10.1016/j.gerinurse.2024.10.020>
13. Gonçalves, H.I.T., Ferreira, M.C., Campos, M.J., Fernandes, C.S. (2024). Using digital technology to promote patient participation in the rehabilitation process in hip replacement: A scoping review. *CIN: Computers, Informatics, Nursing*, 42(10), 737—745. <https://doi.org/10.1097/CIN.0000000000001181>
14. Hussain, A., Haroon, H., Ahmed, A., Gilani, S.A. (2022). Digital technologies in management of chronic pain — a systematic review. *The Journal of the Pakistan Medical Association*, 72(6), 1158—1165. <https://doi.org/10.47391/JPMA.3885>
15. Katz, J.N., Arant, K.R., Loeser, R.F. (2021). Diagnosis and treatment of hip and knee osteoarthritis: A review. *JAMA*, 325(6), 568—578. <https://doi.org/10.1001/jama.2020.22171>
16. Kaynar, A.M., Zharichenko, N., Wasan, A.D., Chelly, J.E. (2023). Telemedicine-based digital cognitive behavioral intervention for perioperative anxiety and depression for total knee arthroplasty. *Journal of Pain and Relief*, 12(9), Article 1000005. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10601399/> (viewed: 19.05.2026).
17. Konnyu, K.J., Pinto, D., Cao, W., Aaron, R.K., Panagiotou, O.A., Bhuma, M.R., Adam, G.P., Balk, E.M., Thoma, L.M. (2023). Rehabilitation for total hip arthroplasty: A systematic review. *American Journal of Physical Medicine & Rehabilitation*, 102(1), 11—18. <https://doi.org/10.1097/PHM.0000000000002007>
18. Langenberger, B., Schrednitzki, D., Halder, A.M., Busse, R., Pross, C.M. (2023). Predicting whether patients will achieve minimal clinically important differences following hip or knee arthroplasty. *Bone & Joint Research*, 12(9), 512—521. <https://doi.org/10.1302/2046-3758.129.BJR-2023-0070.R2>
19. Ma, J., Li, C., Zhang, W., Zhou, L., Shu, S., Wang, S., Wang, D., Chai, X. (2021). Preoperative anxiety predicted the incidence of postoperative delirium in patients undergoing total hip arthroplasty: A prospective cohort study. *BMC Anesthesiology*, 21, Article 48. <https://doi.org/10.1186/s12871-021-01271-3>
20. Paredes, A.C., Costa, P., Almeida, A., Pinto, P.R. (2025). Presurgical anxiety and acute postsurgical pain predict worse chronic pain profiles after total knee/hip arthroplasty. *Archives of Orthopaedic and Trauma Surgery*, 145, Article 118. <https://doi.org/10.1007/s00402-024-05681-z>
21. Sharma, L. Osteoarthritis of the knee. (2021). *The New England Journal of Medicine*, 384(1), 51—59. <https://doi.org/10.1056/NEJMcp1903768>
22. Shichman, I., Roof, M., Askew, N., Nherera, L., Rozell, J.C., Seyler, T.M., Schwarzkopf, R. (2023). Projections and epidemiology of primary hip and knee arthroplasty in medicare patients to 2040—2060. *JB & JS Open Access*, 8(1), Article e22.00112. <https://doi.org/10.2106/JBJS.OA.22.00112>
23. Su, S., He, J., Wang, R., Chen, Z., Zhou, F. (2024). The effectiveness of virtual reality, augmented reality, and mixed reality rehabilitation in total knee arthroplasty: A systematic review and meta-analysis. *The Journal of Arthroplasty*, 39(3), 582—590.e4. <https://doi.org/10.1016/j.arth.2023.08.051>
24. Sullivan, M.J.L., Bishop, S.R., Pivik, J. (1995). The pain catastrophizing scale: Development and validation. *Psychological Assessment*, 7(4), 524—532. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.7.4.524>
25. Wang, Q., Hunter, S., Lee, R.L.-T., Chan, S.W.-S. (2023). The effectiveness of a mobile application-based programme for rehabilitation after total hip or knee arthroplasty: A randomised controlled trial. *International Journal of Nursing Studies*, 140, Article 104455. <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2023.104455>
26. Webster, P. (2020). Virtual health care in the era of COVID-19. *Lancet*, 395(10231), 1180—1181. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30818-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30818-7)
27. Wilson, J.M., Farley, K.X., Erens, G.A., Bradbury, T.L., Guild, G.N. (2020). Preoperative depression is associated with increased risk following revision total joint arthroplasty. *The Journal of Arthroplasty*, 35(4), 1048—1053. <https://doi.org/10.1016/j.arth.2019.11.025>
28. Zhang, W., Ji, H., Wu, Y., Xu, Z., Li, J., Sun, Q., Wang, C., Zhao, F. (2024). Patients' needs and experiences of telerehabilitation after total hip and knee arthroplasty: A qualitative systematic review and meta-synthesis. *Digital Health*, 10, Article 20552076241256756. <https://doi.org/10.1177/20552076241256756>
29. Zhou, Z., Zhou, X., Cui, N., Huang, H., Yang, F., Yang, G., Liu, D., Liu, K., Zhang, X., Wang, J. (2024). Effectiveness of tele-rehabilitation after total hip replacement: A systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials. *Disability and Rehabilitation*, 46(20), 4611—4616. <https://doi.org/10.1080/09638288.2023.2280070>
30. Zolio, L., Lim, K.Y., McKenzie, J.E., Yan, M.K., Estee, M., Hussain, S.M., Cicuttini, F., Wluka, A. (2021). Systematic review and meta-analysis of the prevalence of neuropathic-like pain and/or pain sensitization in people with knee and hip osteoarthritis. *Osteoarthritis and Cartilage*, 29(8), 1096—1116. <https://doi.org/10.1016/j.joca.2021.03.021>

Информация об авторах

Элина Александровна Суворова, аспирант, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация; медицинский психолог Клиники высоких медицинских технологий имени Н.И. Пирогова Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4591-214X>, e-mail: elina.aserova@yandex.ru

Алла Вадимовна Шаболтас, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация; главный специалист Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1966-6924>, e-mail: alla.shaboltas@gmail.com

Information about the authors

Elina E. Suvorova, PhD student (Psychology), Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; Medical Psychologist at the N. I. Pirogov Clinic of High Medical Technologies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4591-214X>, e-mail: elina.aserova@yandex.ru

Alla V. Shaboltas, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Leading Researcher, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; Chief Specialist, V. M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1966-6924>, e-mail: alla.shaboltas@gmail.com

Вклад авторов

Суворова Э.А. — разработка плана сбора и анализа материалов, сбор материалов для анализа, обобщение результатов и подготовка к написанию текста статьи;

Шаболтас А.В. — определение методологии исследования, анализ и систематизация литературных источников, участие в интерпретации данных и написании текста статьи.

Авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Elina E. Suvorova — developing a plan for the collection and analysis of materials, collecting materials for analysis, summarizing the results and preparing for writing the text of the article;

Alla V. Shaboltas — definition of research methodology, analysis and systematization of literary sources, participation in data interpretation and writing of the article text.

The authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование представляет собой теоретический анализ и не требует этического согласования.

Ethics statement

This study is a theoretical analysis and did not require ethical approval.

Поступила в редакцию 12.03.2026

Поступила после рецензирования 07.06.2026

Принята к публикации 11.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.03.12.

Revised 2026.06.07.

Accepted 2026.06.11.

Published 2026.06.30.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ LEGAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Обзорная статья | Review paper

Феномен думскроллинга: зарубежные и отечественные подходы к изучению навязчивого потребления негативного контента

Н.В. Кочетков¹ ✉, М.Н. Расходчикова¹, К.А. Расходчикова²

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Российская Федерация

✉ kochetkovnv@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В условиях цифровизации наблюдается навязчивое потребление негативного контента, известного как думскроллинг. В условиях глобальных вызовов современности его масштабы увеличиваются, оказывая деструктивное влияние на психологическое благополучие пользователей. **Цель.** Структурирование проблемной области исследования думскроллинга в зарубежной и отечественной литературе. **Гипотеза.** Думскроллинг имеет устойчивые обратные взаимосвязи с психологическим благополучием. **Методы и материалы.** Аналитический обзор научных публикаций зарубежных и отечественных авторов, опубликованных в 2021—2026 гг. **Результаты.** Эмпирические исследования показывают, что есть прямая связь думскроллинга с тревожностью, депрессией, импульсивностью, склонностью к рискованному поведению, тревогой за будущее, страхом упустить что-то важное, невротизмом, киберхондрией и обратная — со стрессоустойчивостью, жизнестойкостью, психологическим благополучием, мотивацией избегать нездорового поведения, удовлетворенностью жизнью, доброжелательностью и добросовестностью. **Выводы.** Думскроллинг — распространенное и психологически деструктивное явление. Несмотря на осознаваемый вред, он сохраняется, поскольку тяга к негативной информации органична для человека и выгодна в условиях медиарынка. Содержательно этот феномен не нов, а цифровая форма лишь добавляет нюансы, не меняя его психологической сути. В качестве профилактики предлагается развивать критическое мышление и переходить от пассивного думскроллинга к активному думсерфингу — рефлексивному, дозированному обращению с информацией для понимания ситуации.

Ключевые слова: думповедение, думскроллинг, думсерфинг, цифровая среда, негативные новости, психологическое благополучие

Для цитирования: Кочетков, Н.В., Расходчикова, М.Н., Расходчикова, К.А. (2026). Феномен думскроллинга: зарубежные и отечественные подходы к изучению навязчивого потребления негативного контента. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 58—67. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150206>

Doomscrolling: a review of international and russian research on compulsive consumption of negative news content

N.V. Kochetkov¹ ✉, M.N. Raskhodchikova¹, K.A. Raskhodchikova²

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² College of Basic Professional Studies, National University of Science and Technology «MISIS»,

Moscow, Russian Federation

✉ kochetkovnv@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. In the context of digitalization, compulsive consumption of negative content, known as doomscrolling, is observed. Amidst contemporary global challenges, its prevalence is increasing, exerting a destructive impact on users' psychological well-being. **Objective.** To structure the research problem area of doomscrolling as

presented in international and domestic literature. **Hypothesis.** Doomscrolling has a consistent inverse relationship with psychological well-being. **Methods and materials.** An analytical review of scientific publications by international and domestic authors published between 2021 and 2026. **Results.** Empirical studies indicate a direct association between doomscrolling and anxiety, depression, impulsivity, risk-taking behavior, future anxiety, fear of missing out, neuroticism, and cyberchondria, as well as an inverse association with stress tolerance, hardiness, psychological well-being, motivation to avoid unhealthy behavior, life satisfaction, agreeableness, and conscientiousness. **Conclusions.** Doomscrolling is a widespread and psychologically destructive phenomenon. Despite its recognized harm, it persists because the inclination toward negative information is inherent to human nature and proves profitable within the media market. In terms of content, this phenomenon is not novel; the digital format merely adds nuances without altering its psychological essence. As a preventive measure, it is proposed to cultivate critical thinking and transition from passive doomscrolling to active doomsurfing — a reflexive, measured approach to engaging with information aimed at understanding the situation.

Keywords: doombehavior, doomscrolling, doomsurfing, digital environment, negative news, psychological well-being

For citation: Kochetkov, N.V., Raskhodchikova, M.N., Raskhodchikova, K.A. (2026). Doomscrolling: a review of international and russian research on compulsive consumption of negative news content. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 58—67. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150206>

Введение

В эпоху информационных технологий начали появляться новые психологические феномены — фаббинг, киберлафинг, синдром упущенной выгоды, кибербуллинг, невоплощенность в Интернете, номофобия, киберрадикации и т. п. Один из вопросов, который стоит перед учеными: являются ли эти феномены новыми и психологически самоценными или же это известные старые феномены, которые отличаются только тем, что осуществляются в цифровой среде? Если это так, то следующий исследовательский вопрос заключается в том, есть ли какая-то специфика осуществления феномена в реальном мире и виртуальном. К одному из таких дискуссионных явлений относится думскроллинг.

Считается, что термин «думскроллинг» появился в 2018 г.: либо в анонимном посте в одной из соцсетей (Ytre-Arne, Мое, 2021), либо придуман аналитиком и политическим активистом А. Сиддиком (A. Siddique)¹ и стал популярным после ежедневных постов журналистки Карен К. Хо (Karen K. Ho) с упоминанием этого термина и призывом оторваться от экранов². Думскроллинг можно определить как *чрезмерную увлеченность просмотром контента с негативным или вызывающим тревогу содержанием*. Уже через два года ряд иностранных словарей назвал слово «думскроллинг»

словом года³, а в 2023 г. оно получило статус «официального» термина⁴. Первые научные публикации о думскроллинге стали появляться в журналах в 2021—2022 годах — это было вызвано пандемией COVID-19.

Феномен думскроллинга не нов и берет свое начало с эпохи Средневековья, когда публичные наказания и казни собирали большое количество зрителей. Близкими к нему явлениями можно считать болезненное любопытство, веру в опасный мир и руминации.

Болезненное любопытство («morbid curiosity») проявилось на рубеже XIX—XX веков, когда медицинские музеи стали доступны обывателям⁵, которые посещали их не для получения знаний, а для того, чтобы посмотреть на ужасы человеческих патологий (Alberti, 2011). Понятие болезненного любопытства дополняет модели любопытства и показывает, что негативный визуальный контент (изображающие уродство, насилие, смерть и т. п.), несмотря на страх и отвращение, вызывает (говорится про контент) парадоксальные, на первый взгляд, интерес и реакцию приближения к подобным стимулам (Oosterwijk, 2017).

Думскроллинг также тесно связан с феноменом руминации (сосредоточения внимания на негативных переживаниях, их причинах и последствиях⁶); при этом причинно-следственная связь может быть разной: с одной стороны, листание ленты с негативными

¹ Phelps, A. (2025). Why students doomscroll. *The Crimson White. Culture*. URL: <https://thecrimsonwhite.com/121052/culture/why-students-doomscroll/>

² Jennings, R. (2020). Doomscrolling, Explained. *Vox*. URL: <https://www.vox.com/the-goods/21547961/doomscrolling-meaning-definition-what-is-meme>

³ Word of the Year 2020. *Macquarie Dictionary*. URL: <https://www.macquariedictionary.com.au/word-of-the-year/word-of-the-year-2020/>

⁴ 200 New Words and Definitions Added to Merriam-Webster.com. *Merriam-Webster dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/new-words-in-the-dictionary>

⁵ Sappol, M. (2004). «Morbid curiosity»: The Decline and Fall of the Popular Anatomical Museum. *Common place. The journal of early American life*. URL: <https://commonplace.online/article/morbid-curiosity/>

⁶ Rumination: A Cycle of Negative Thinking. (2020). *American psychiatric association*. URL: <https://www.psychiatry.org/news-room/apa-blogs/rumination-a-cycle-of-negative-thinking>

новостями может приводить к заикливанию на них, с другой стороны, для того, чтобы справиться с «плохими» навязчивыми мыслями, которые мешают нормальному существованию, люди обращаются к негативной повестке, чтобы избежать неопределенности, подготовиться к тому, на что навели их мысли.

Этот защитный механизм работает и в случае веры в опасный мир (*dangerous world beliefs*), который является составляющей социальных верований и обозначает убеждение в непредсказуемости, опасности общества (Гулевич, Аникеенок, Безменова, 2014).

Что отличает думскроллинг от увлеченности потреблением информации в «доцифровую эпоху» — чтения газет с негативными новостями, слушания их по радио? Во-первых, ленту новостей на сегодняшний день можно назвать «бесконечной», в отличие от любого физического носителя информации. Во-вторых, в современном информационном поле происходит формирование «информационного пузыря» («*filter bubble*»), которое заключается в том, что если человек что-то читает или смотрит в Интернете, то алгоритмы будут выдавать на основе запросов аналогичную информацию, в том числе и по их модальности⁷. Соответственно, даже минимальная попытка интернет-серфинга приведет к лавинообразной выдаче аналогичных новостей, что, в свою очередь, включает человека в «информационный пузырь» с исключительно негативными новостями.

Цель настоящей работы — обзор предметного поля думскроллинга в отечественной и зарубежной литературе.

Материалы и методы

Методом исследования выступил анализ публикаций. Использовались информационные платформы: Elibrary, Google Scholar, PubMed, Researchgate. Ключевые слова при отборе литературы: «*doomscrolling*», «*doomsurfing*» «думскроллинг». Критериями отбора послужили: соответствие источника цели исследования, публикация в рецензируемых журналах. Цитируемость и дата публикации не учитывались в силу новизны самого явления. В результате были отобраны 37 работ.

Результаты и их обсуждение

Думскроллинг начал бурно изучаться в период пандемии COVID 19 (Ytre-Arne, Мое, 2021), когда большинство людей постоянно искали информацию об этом заболевании, которую сложно было назвать позитивной. Сразу заметим, что так как настоящий обзор ориентирован на современные тенденции в изучении этого феномена, то работы, связанные исключительно

с пандемией, не обрабатывались. Еще одним толчком к изучению думскроллинга явилось землетрясение в Турции в 2023 г., когда погибло более 50000 человек. Это объясняет тот факт, что в этой стране думскроллинг изучается активней, чем в других странах. Еще одним фактором, интенсифицирующем исследования изучаемого феномена, является экологическая повестка, а именно — изменение климата (Dominguez-Rodriguez et al., 2025). Из социальных факторов можно назвать тревогу по поводу трудоустройства у студентов, особенно в контексте бурного развития искусственно-го интеллекта (Cengiz, 2025).

Одна из первых научных работ, предметом которой был думскроллинг — статья индийских психологов, в которой появились понятия «думскроллинг» и «думсерфинг» (Anand et al., 2021), однако какого-то их жесткого теоретического разделения произведено не было. Данная работа просто констатировала наличие нового явления, связанного с цифровизацией окружающего мира, и задало тон всем последующим работам, связанным с изучением влияния думскроллинга на психическое благополучие человека.

Анализируя спектр работ, посвященных этому феномену, можно выделить 5 тематических основных блоков, которые построены в логике научного исследования: методологические аспекты думскроллинга, психодиагностика думскроллинга, эмпирические корреляты и предикторы думскроллинга, его профилактики и перспективы дальнейших изысканий.

Методологические аспекты думскроллинга

На наш взгляд, основной методологической работой в рассматриваемой нами предметной области, является статья шотландского ученого М. Нейзен «Эпистемическая ценность дум-поведения: выходя за рамки прагматических последствий думскроллинга, думчекинга и думсерфинга» (Neijzen, 2024). В ней автор вводит понятие «думповедения», которое включает в себя думскроллинг, думсерфинг и думчекинг. Дум-поведение — это частое или длительное потребление информации в Интернете, которое вызывает у человека тревогу. Такое потребление может быть пассивным (думскроллинг) или активным, когда человек целенаправленно ищет негативную информацию (думсерфинг). Кроме этого, можно говорить о частой проверке негативной информации в различных источниках (думчекинг). Исходя из этих определений можно качественно оценить ту или иную форму поведения: думскроллинг, который обычно осуществляется в социальных сетях, можно оценить, скорее, как поведение, наносящее вред психическому здоровью; думсерфинг (в основном — по новостным сайтам) — это эпистемически ценное поведение, потому что дает возможность разобраться в явлении, понять его причины и, как следствие, построить адекватную картину

⁷ Pariser, E. (2011). *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*, New York: Penguin Press.

мира. Думчекинг может дополнять думсерфинг и тогда его можно отнести к «полезному» поведению, однако, если он осуществляется компульсивно, то его ценность нивелируется.

Механизм думскроллинга можно описать следующим образом: чтобы разобраться в тех или иных явлениях, особенно в случае негативных событий, люди начинают искать информацию, что дает иллюзию субъективного контроля над ситуацией. Подобные новости, в свою очередь, дают этот контроль, но при этом ухудшают эмоциональное состояние и «заставляют» читать негативные новости, что приводит к своеобразному порочному кругу (Kartol, Üztemur, Yaşar, 2023). Кроме этого, думскроллинг выводится из интолерантности к неопределенности, руминаций и эмоционального истощения (Sharpe et al., 2026).

Мотивами поглощения негативного контента являются следующие.

1. Информационные. Они заключаются в том, что негативная информация адаптивна, так как позволяет построить реалистичную модель мира, подготовиться к «плохим» событиям и при этом получать информацию о негативных событиях, не находясь в них самостоятельно. Это снижает неопределенность.

2. Эмоциональные. Они связаны с тем, что люди ценят эмоции, получаемые от негативной информации. Это может происходить из-за того, что подобные реакции переживаются в безопасном пространстве. Особенно важен такой опыт для детей, которым он необходим для становления эмоциональной сферы.

3. Социальные. То, что один человек проявляет интерес к негативным событиям, происходящим у других людей, может вызвать чувство социальной принадлежности. Плюс к этому, такое поведение может быть использовано как инструмент социального сравнения или подтверждения социальных норм путем сравнения своей реакции на ситуацию с реакцией других людей (Niehoff, Oosterwijk, 2020).

Факторы, которые способствуют думскроллингу — любознательность, склонность человека к рефлексии неконтролируемой им ситуации, желание заполнить информационные пробелы; тенденция человека отдавать предпочтение такой информации, которая согласуется с его точкой зрения; проблемное использование Интернета, при котором человек, чтобы отдохнуть, улучшить настроение, начинает проводить чрезмерно много времени в виртуальном пространстве (Anand et al., 2021).

На наш взгляд, одной из самых интересных работ в рассматриваемой тематике является статья М. Алмейда-Амир (M. Almeida-Amir) из Университета Глазго. Автор пишет о том, что в настоящее время в медиaprостранстве даже информация о каких-то асоциальных действиях служит развлекательной цели и не является, по сути, маргинальной. Это притягивает большое количество людей, которые играют пассивную роль наблюдателей, что формирует авторитарную политическую субъектность. Получается, что, с одной стороны, соцсети могут способствовать социализации, а думскроллинг

выполнять консолидирующую роль, способствуя возникновению общественных движений. С другой стороны, скроллинг без рефлексии, осознания смысла происходящего, без чувства ответственности приводит к политическому отчуждению (Almeida-Amir, 2025).

Психодиагностика думскроллинга

Методический инструмент представлен шкалой думскроллинга (Doomscrolling Scale), которая была сконструирована американскими психологами (Sharma, Lee, Johnson, 2022) и валидизирована на большой выборке респондентов ($n = 502$) из 27 стран. Авторы концептуализируют думскроллинг как частный случай медиапривычки, которая включает в себя поведенческие привычки в виде пролистывания новостных лент и концентрацию внимания на негативной информации. Шкала состоит из 15 утверждений и имеет ее краткую версию из 4 утверждений. Она имеет кросс-культурную адаптацию на турецкой (Anli, 2023; Satici et al., 2023), итальянской (Soraci et al., 2025), китайской (Yang et al., 2024) и русской (Максименко, Дейнека, Мортикова, 2022) выборках. Примеры диагностических утверждений: «Я постоянно обновляю свои новостные ленты, чтобы узнать, не случилось ли чего-нибудь плохого», «Когда я нахожусь в Сети, я чувствую напряжение, как будто скоро произойдет что-то плохое» и т. п. (Максименко, Дейнека, Мортикова, 2022).

Также существует шкала «Склонность к думскроллингу» («Propensity to Doomscrolling»), разработанная в 2024 г. в контексте потребления негативной информации о бренде. Данный методический инструмент имеет три теоретических основания: люди ищут негативную информацию, чтобы защитить себя; сталкиваясь с информацией о смерти люди испытывают страх и в попытке уменьшить его ищут еще больше информации о ней; негативные события активируют страх, что приводит к поиску негативной информации (думскроллингу). Шкала состоит из 7 пунктов и 2 шкал: «Воспринимаемая угроза выживанию» (пример утверждения: «Негативные события, происходящие по всему миру, вызывают у меня беспокойство») и «Страх смерти» (пример утверждения: «Меня бы тревожило то, что мне пришлось бы опознать труп (мертвое тело) кого-то из моих знакомых»). Валидность шкалы подтверждена корреляциями получившихся данных по думскроллингу с информационной перегрузкой и киберхондрией (Mandliya et al., 2024).

Эмпирические исследования думскроллинга

Большинство исследований сконцентрированы вокруг темы снижения психологического благополучия в ходе думскроллинга (см., например: Кава, Griffiths, 2025; К r n, Sat c , 2025; Taskin et al., 2024). Его длительное воздействие, неоднозначные ситуации могут привести к викарной травме и эмоциональному выгоранию (Dixit, Ashutosh, 2025). Кроме этого, было показано, что зависимость подростков от социальных

сетей повышает риск увлечения думскроллингом (Akai, Namarta, 2025), который, в свою очередь, связан со стрессом, тревожностью и депрессивной симптоматикой (Sogaci et al., 2025), или же думскроллинг приводит к чрезмерному использованию социальных сетей, что приводит к психологическим расстройствам и ухудшает психологическую адаптацию (Kaya, 2025). Также можно говорить о том, что думскроллинг опосредует связь между зависимостью от социальных сетей и психологическим дискомфортом — зависимость от социальных сетей приводит к дискомфорту, а думскроллинг еще больше усиливает этот эффект (Cano ullari, 2025). Более того, реакции в ходе думскроллинга могут быть аналогичными посттравматическому стрессу (Ang, 2025).

Эмпирические исследования показывают, что есть прямая взаимосвязь думскроллинга с тревожностью, депрессией, стрессом (Sharpe et al., 2026), импульсивностью, склонностью к рискованному поведению, депрессией и тревогой за будущее (Shabahang et al., 2023), страхом упустить что-то важное, невротизмом (Karthik Rajan, Keerthana, Sujatha Sathiya, 2025; Satici et al., 2023). Думскроллинг положительно связан с киберхондрией — чтение негативных новостей может привести к фокусировке на негативной информации, касающейся собственного здоровья (Türk Kurtça, 2025). Найдена положительная корреляция между думскроллингом и тревожностью, связанной с поиском работы, а также с боязнью искусственного интеллекта (Cengiz, 2025). Кроме этого, думскроллинг связан со вторичным травматическим стрессом и социально-технологической уязвимостью (Ang, 2025). Неожиданные взаимосвязи нашли психологи у респондентов из США и Ирана: есть прямая корреляция между думскроллингом и поклонением знаменитостям (celebrity worship). И то и другое может считаться поведенческой зависимостью, имеющей в основании одни и те же механизмы — тревогу, социальный эскапизм и парасоциальное замещение (McCutcheon et al., 2024). Также есть связь между «общим» думскроллингом и думскроллингом, связанным с темой изменения климата (Dominguez-Rodriguez et al., 2025). Думскроллинг прямо связан с мизантропией (только в иранской выборке) и повышенным уровнем экзистенциальной тревожности (Shabahang et al., 2024).

Найдены обратные связи думскроллинга со стрессоустойчивостью (Sharpe et al., 2026), жизнестойкостью (Türk-Kurtça, Kocatürk, 2025), психологическим благополучием, мотивацией избегать нездорового поведения (Shabahang et al., 2023), удовлетворенностью жизнью (Shabahang et al., 2023; Yildirim, Toygar, 2026), доброжелательностью, добросовестностью (Karthik Rajan, Keerthana, Sujatha Sathiya, 2025; Satici et al., 2023) и экстраверсией (Satici et al., 2023). Думскроллинг приводит к уменьшению социального доверия, к тому, что люди начинают проявлять меньшую готовность помогать (Han et al., 2018), а ночной думскроллинг может привести к моральной отстраненности (moral detachment). Это обусловлено

тремя механизмами: снижением чувствительности к страданию; когнитивной перегрузкой, которая приводит к снижению рефлексии; уменьшением эмпатии в результате постоянного потребления негативной информации. Учитывая то, что в конце дня человек утомлен, информационная перегрузка и эмоциональное истощение могут привести к моральной отстраненности, а не к эмпатической реакции (Dixit, Ashutosh, 2025). Интерес представляет отсутствие корреляции между думскроллингом и верой в справедливый мир. Несмотря на то, что на уровне обыденного сознания такая связь присутствует, вполне вероятно, с точки зрения авторов, что вера в справедливый мир способствует адаптивному функционированию человека и пролистывание ленты с негативными новостями не может существенно на нее повлиять (Shabahang et al., 2024). Еще одной контринтуитивной закономерностью является факт того, что социальная поддержка не является защитным фактором думскроллинга (Dominguez-Rodriguez et al., 2025).

Думскроллинг можно назвать механизмом, опосредующим различные взаимосвязи. Интолерантность к неопределенности ведет к думскроллингу, который, в свою очередь, ведет к усилению руминации, а затем — к снижению благополучия (Kaya, Bağatarhan, 2025). Увлеченность негативными новостями усиливает риск для психического здоровья, вызванный интолерантностью к неопределенности (Kaya, Griffiths, 2025), а также чувству беспомощности, которое, в свою очередь, обостряет экзистенциальные тревоги (Zainab, Ahmad, 2025). Вместе со злорадством и эффективностью работы семьи как системы, он играет посредническую роль в связи между экстернальностью счастья и психическим благополучием (K r n, Satici, 2025). Есть данные, что думскроллинг является фактором, способствующим руминациям, являющимся мощным источником стресса, который способствует снижению вовлеченности в работу (Hughes et al., 2024). Можно утверждать, что люди, испытывающие психологический дискомфорт, чаще занимаются думскроллингом и больше беспокоятся о будущем (Kartol, ztemur, Ya ar, 2023). Скроллинг негативных новостей опосредует связь между бессонницей и депрессивной симптоматикой — думскроллинг усугубляет бессонницу, которая, в свою очередь, вызывает депрессивную симптоматику (Yang et al., 2024). Думскроллинг и тревожность являются медиаторами во взаимосвязи между страхом перед землетрясением и неспособностью переносить неопределенность (zmen, 2026). В свою очередь, связь между думскроллингом и невротизмом обусловлена FoMO-эффектом (Karthik Rajan, Keerthana, Sujatha Sathiya, 2025), между думскроллингом и психическим благополучием — осознанностью и вторичным травматическим стрессом (Taskin et al., 2024), между думскроллингом и тревожностью — толерантностью к неопределенности и психологической устойчивостью (T rk-Kurt a, Kocat rk, 2025), между думскроллингом в социальных сетях и гармонией в жизни — психологическим стрессом (Satici et al., 2023).

Исследования демонстрируют различия думскроллинга представителей мужского и женского полов — так, думскроллинг, связанный с темой изменения климата, больше затрагивает женщин, чем мужчин (Dominguez-Rodriguez et al., 2025), а «общим» думскроллингом мужчины занимаются чаще, чем женщины (Shabahang et al., 2023).

В отечественном поле исследований преобладают эмпирические работы, результаты которых повторяют иностранные исследования — думскроллинг ухудшает психологическое благополучие (Максименко, Дейнека, Мортикова, 2022). При этом российские авторы заполняют пробел зарубежных публикаций, касающихся социально-демографических факторов думскроллинга: молодежи труднее контролировать думскроллинг, жители мегаполисов чувствуют информационный невроз в большей степени, а люди с более высоким уровнем субъективного дохода — в меньшей степени (Максименко, Дейнека, 2023). Этими же авторами было показано, что думскроллинг обратно связан со степенью удовлетворения сексуальных потребностей у женщин, но при этом он приводит к желанию психологической близости с партнером (Максименко, Дейнека, 2023). Респонденты говорят об эмоциях в ходе думскроллинга — тревожности, бессилии, апатии, злости — и, в принципе, рассуждают о своем состоянии как о болезни, причем с «использованием медиализированной и психотерапевтической лексики» (Казун, Малыгина, 2024, с. 79). Говоря о подростковом думскроллинге, можно отметить, что больше 50% людей в возрасте 15—19 лет испытывают тревогу при прочтении новостей, что является проблемой для становящейся личности (Ускова, 2022).

В рамках одного из исследований было выявлено, что в показатели ситуативной тревоги в период локдауна наибольший вклад вносили думскроллинг, изменения режима сна и предшествующей привычной бытовой активности (Сюняков и др., 2023).

Интересный вопрос ставит А.Д. Казун: является ли думскроллинг собственным выбором людей? Переизбыток негативных новостей приводит к бездумному их потреблению, отсутствию критического анализа, а, следовательно, такой тип поведения неадаптивен. Однако люди могут рационализировать его, выдавая думскроллинг за рациональный выбор (Казун, 2024).

Рекомендации

Учитывая негативные последствия думскроллинга, необходима профилактика этого явления и реабилитация после него. В качестве предупреждающих мероприятий ученые видят развитие медиаграмотности (Cano ullari, 2025), цифровой гигиены (Anand et al., 2021), а также занятия спортом, проведение времени с семьей и друзьями. Для предотвращения думскроллинга необходимо

отказаться от чтения ленты с тревожными новостями в утренние и вечерние часы (Максименко, Дейнека, 2023), особенно если человек страдает бессонницей (Yang et al., 2024). Еще одним вариантом работы в области предупреждения думскроллинга может являться проведение занятий, направленных на информирование людей об этом явлении и его последствиях, а также о когнитивных искажениях (Anand et al., 2021). В стрессогенных условиях (например, в период пандемии) важно не менять привычный образ жизни, стараться поддерживать один уровень бытовой активности (Сюняков и др., 2023).

Одной из интересных рекомендаций является использование в противовес думскроллингу так называемого «доброскроллинга» («kindness-scrolling») или «скроллинга надежды» («hope scrolling»), т. е. пролистывание ленты с хорошими новостями, однако его воздействие демонстрирует непродолжительный эффект (Sharpe et al., 2026).

Перспективы

Перспективами изучения думскроллинга можно назвать исследование не каких-то обобщенных, усредненных и обезличенных новостей, а их отдельных категорий (Mandliya et al., 2024), например в области экономики, изменения климата, вооруженных конфликтов, здоровья и т. п. Также дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение думскроллинга у представителей различных категорий людей из разных стран (Dominguez-Rodriguez et al., 2025) или с разнообразными клиническими состояниями (Soraci et al., 2025).

Заключение

С содержательной точки зрения думскроллинг сложно назвать новым феноменом — употребление негативных новостей было и до появления Интернета. Осуществление такого поведения в цифровой форме имеет свои нюансы, но принципиально не меняет психологическое наполнение этого явления.

Изучение думскроллинга в отечественной литературе не имеет выраженной специфики, что связано с новизной самого явления и небольшим количеством научных публикаций. Можно предположить, что общей тенденцией будет являться развитие эмпирических работ, нацеленных на поиск предикторов и коррелятов думскроллинга, так как он демонстрирует выраженный деструктивный потенциал по отношению к широкому спектру психологических характеристик — от регуляции настроения до качества когнитивного функционирования и сохранности психического здоровья.

Думскроллинг взаимосвязан с ухудшением психологического состояния, изменением моральных норм,

⁷ Kelly, J. (2024). Should You Be «Hope Scrolling?» This Researcher Says It's Not a Bad Idea. *University of Virginia news*. URL: <https://news.virginia.edu/content/should-you-be-hope-scrolling-researcher-says-its-not-bad-idea>

снижением социального доверия, препятствованием помогающему поведению. Проблема думскроллинга отчасти заключается в том, что, несмотря на эти взаимосвязи, он не исчезнет в силу двух связанных причин — потребление негативных новостей является органичным для природы человека и эта органичность очень хорошо продается в условиях капиталистического общества, обеспечивая обладателей подобной информации хорошим доходом.

Опираясь на литературные данные, мы предполагаем, что для предотвращения негативного влияния думповедения необходимо развивать критическое мышление, заниматься не думскроллингом, а думсерфингом, т. е. не пассивным потреблением информации, часто подаваемой в «клиповом» виде, а активным, рефлексивной ее, и при этом обращаться с ней так, чтобы разобратся в ситуации, а не превращать такое поведение в один из видов отдыха.

Список источников / References

1. Гулевич, О.А., Анিকেенок, О.А., Безменова, И.К. (2014). Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(2), 68—89.
Gulevich, O.A., Anikeenok, O.A., Bezmenova, I.K. (2014). Social beliefs: Adaptation of J. Duckitt's scales. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(2), 68—89. (In Russ.).
2. Казун, А.Д. (2024). «Обложиться информацией, чтобы хоть что-то понимать»: индивидуальные и социальные основания думскроллинга. *Мир России*, 33(2). 77—94. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-77-94>
Kazun, A.D. (2024). «Surround myself with information to understand at least something»: Individual and social reasons for doomscrolling. *The World of Russia*, 33(2). 77—94. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-77-94>
3. Казун, А.Д., Малыгина, Н.С. (2024). Эмоциональный опыт думскроллинга: как справиться с негативными новостями? *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 16(4). 78—95. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.5>
Kazun, A.D., Malygina, N.S. (2024). Coping with negative news: emotional experience of doomscrolling. *Interaction. Interview. Interpretation*, 16(4), 78—95. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.5>
4. Максименко, А.А., Дейнека, О.С. (2023). Инфодемический думскроллинг и проблемы сексуальной удовлетворенности у женщин. *Психиатрия, психотерапия и клиническая психология*, 14(4), 400—410. <https://doi.org/10.34883/PI.2023.14.4.008>
Maksimenko, A.A., Deineka, O.S. (2023). Infodemic doomscrolling and problems of sexual satisfaction in women. *Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology*, 14(4). 400—410. (In Russ.). <https://doi.org/10.34883/PI.2023.14.4.008>
5. Максименко, А.А., Дейнека, О.С., Мортикова, И.А. (2022). Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян. *Общество: социология, психология, педагогика*, (12), 129—136. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.20>
Maksimenko, A.A., Deineka, O.S., Mortikova, I.A. (2022). Infodemic doomscrolling and psychological well-being of Russians. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, (12), 129—136. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.20>
6. Сюняков, Т.С., Захаров, А.В., Гайдук, А.Я., Игнатенко, Ю.С., Кувшинова, Н.Ю., Павличенко, А.В., Спикина, А.А., Федотов, И.А., Яшихина, А.А., Гонда, К., Десауза, А., Фунтулакис, К.Н., Смирнова, Д.А. (2023). Изменения режима сна и потребление информации с негативным контентом в интернете («думскроллинг», «думсерфинг») как управляемые факторы риска развития тревоги в условиях стресса пандемии COVID-19. *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*, 123(10). 88—96. <https://doi.org/10.17116/jnevro202312310188>
Syunyakov, T.S., Zakharov, A.V., Gaiduk, A.J., Ignatenko, J.S., Kuvshinova, N.Y., Pavlichenko, A.V., Spikina, A.A., Fedotov, I.A., Yashikhina, A.A., Gonda, X., Desauza, A., Fountoulakis, K.N., Smirnova, D.A. (2023). Changes in sleep patterns and the doom-scrolling (doom-surfing) phenomenon as modifiable risk factors for anxiety due to continuous stress of the COVID-19 pandemic. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 123(10), 88—96. (In Russ.). <https://doi.org/10.17116/jnevro202312310188>
7. Ускова, Е.В. (2022). Думскроллинг, или бесконтрольное изучение «плохих новостей» в подростковой среде. *Общество: социология, психология, педагогика*, (10), 82—86. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.10.12>
Uskova, E.V. (2022). Doomscrolling, or obsessive monitoring of negative news among adolescents. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, (10), 82—86. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/spp.2022.10.12>
8. Akat, M., Namarta, E. (2025). Doomscrolling and social media addiction in adolescents: A two-wave longitudinal study. *Journal of Addictive Diseases*, 43(4), 377—385. <https://doi.org/10.1080/10550887.2025.2504231>
9. Alberti, S.J.M. (2011). *Morbid Curiosities: Medical museums in nineteenth-century Britain*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199584581.001.0001>
10. Almeida-Amir, M. (2025). Obedient attention: Doomscrolling and the production of authoritarian subjectivity. *Dialogues on Digital Society*, 1(3), 438—441. <https://doi.org/10.1177/29768640251377932>

11. Anand, N., Sharma, M.K., Thakur, P.C., Mondal, I., Sahu, M., Singh, P., J, A.S., Kande, J.S., MS, N., Singh, R. (2021). Doomsurfing and doomscrolling mediate psychological distress in COVID 19 lockdown: Implications for awareness of cognitive biases. *Perspectives in Psychiatric Care*, 58(1), 170—172. <https://doi.org/10.1111/ppc.12803>
12. Ang, C.S. (2025). Doomscrolling and secondary traumatic stress: Psychological distress and just world belief as potential mediating pathways. *Psychiatric Quarterly*, Preprint. <https://doi.org/10.1007/s11126-025-10236-5>
13. Anli, G. (2023). The validity and reliability of the turkish form of the doomscrolling scale. *Dokuz Eylül Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 25(1), 301—316. <https://doi.org/10.16953/deusosbil.1178025>
14. Canoğullari, Ö. (2025). The effect of social media addiction on psychological stress: The indirect role of doomscrolling. *Journal of Theoretical Educational Sciences*, 18(3), 491—508. <https://doi.org/10.30831/akueg.1586146>
15. Cengiz, H. (2025). The relationship between doomscrolling, artificial intelligence anxiety, and job finding anxiety among university students. *OPUS Journal of Society Research*, 22(4), 627—639. <https://doi.org/10.26466/opusjsr.1695844>
16. Dixit, K., Ashutosh, K. (2025). Late-night doomscrolling and moral detachment in digital users. *TPM — Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*, 32(3), 2421—2432. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18172356>
17. Dominguez-Rodriguez, A., Apprich, F., Friehs, M.A., van der Graaf, Sh., Steinrücke, J. (2025). Climate change news and doomscrolling: An examination of influencing factors and psychological effects. *Acta Psychologica*, 255, Article 104925. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2025.104925>
18. Han, L., Sun, R., Gao, F., Zhou, Y. (2018). The effect of negative energy news on social trust and helping behavior. *Computers in Human Behavior*, 92, 128—138. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.11.012>
19. Hughes, I.M., Keith, M.G., Lee J., Gray, Ch.E. (2024). Working, scrolling, and worrying: Doomscrolling at work and its implications for work engagement. *Computers in Human Behavior*, 153, Article 108130. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.108130>
20. Karthik Rajan, C.S., Keerthana, P., Sujatha Sathiya. (2025). Personality and doomscrolling: The mediating role of fear of missing out in an Eastern context. *New Ideas in Psychology*, 80, Article 101208. <https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2025.101208>
21. Kartol, A., Üztemur, S. Yaşar, P. (2023). «I cannot see ahead»: Psychological distress, doomscrolling and dark future among adult survivors following M_w7.7. and 7.6 earthquakes in T rkiye. *BMC Public Health*, 23, Article 2513. <https://doi.org/10.1186/s12889-023-17460-3>
22. Kaya, B. (2025). Pay attention to what your fingers scroll: the roles of doomscrolling and psychological adjustment between adolescents' problematic social media use and psychological distress. *The Journal of Genetic Psychology*, Preprint. <https://doi.org/10.1080/00221325.2025.2584991>
23. Kaya, B., Bağatarhan, T. (2025). The impact of intolerance of uncertainty on psychological well-being: A serial mediating model of doomscrolling and rumination. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, 43, Article 62. <https://doi.org/10.1007/s10942-025-00625-x>
24. Kaya, B., Griffiths, M.D. (2025). Intolerance of uncertainty and mental wellbeing: The mediating and moderating role of doomscrolling. *Behaviour & Information Technology*, 44(10), 2323—2332. <https://doi.org/10.1080/0144929X.2024.2314747>
25. Körün, A.B., Satici, S.A. (2025). Believing happiness lies outside in the digital age: A systemic model of externality of happiness, doomscrolling, schadenfreude, family functioning, and mental well-being. *International Journal of Mental Health and Addiction*, Preprint <https://doi.org/10.1007/s11469-025-01580-5>
26. Mandliya, A., Pandey, J., Hassan, Y., Behl, A., Alessio, I. (2024) Negative brand news, social media, and the propensity to doomscrolling: Measuring and validating a new scale. *International Studies of Management & Organization*, 54(2), 137—158. <https://doi.org/10.1080/00208825.2023.2301219>
27. McCutcheon, L.E., Hwang, H., Mokhtari Chirani, B., Shabahang, R., Aruguete, M.S., Thomas, E.F. (2024). Is doomscrolling related to celebrity worship? A cross-cultural study. *International Journal of Psychology*, 59(6), 885—890. <https://doi.org/10.1002/ijop.13159>
28. Neijzen, M. (2024). The epistemic value of doombehaviour: Beyond the prudential consequences of doomscrolling, doomchecking, and doomsurfing. *Synthese*, 203, Article 185. <https://doi.org/10.1007/s11229-024-04602-2>
29. Niehoff, E., Oosterwijk, S. (2020). To know, to feel, to share? Exploring the motives that drive curiosity for negative content. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 35, 56—61. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2020.07.012>
30. Oosterwijk, S. (2017). Choosing the negative: A behavioral demonstration of morbid curiosity. *PLoS ONE*, 12(7), Article e0178399. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0178399>
31. Özmen, M. (2026). Earthquake fear, doomscrolling, anxiety and intolerance of uncertainty: A longitudinal serial mediation study. *Journal of Health Psychology*, 31(3), 1278—1290. <https://doi.org/10.1177/13591053251387438>
32. Satici, S.A., Gocet Tekin, E., Deniz, M.E., Satici, B. (2023). Doomscrolling scale: Its association with personality traits, psychological distress, social media use, and wellbeing. *Applied Research in Quality of Life*, 18, 833—847. <https://doi.org/10.1007/s11482-022-10110-7>
33. Shabahang, R., Hwang, H., Thomas, E.F., Aruguete, M.S., McCutcheon, L.E., Orosz, G., Hossein Khanzadeh, A.A., Chirani, B.M., Zsila, Á. (2024). Doomscrolling evokes existential anxiety and fosters pessimism about human nature?

- Evidence from Iran and the United States. *Computers in Human Behavior Reports*, 15, Article 100438. <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2024.100438>
34. Shabahang, R., Kim, S., Hossein Khanzadeh, A.A., Aruguete, M.S., Kakabaraee, K. (2023). «Give your thumb a break» from surfing tragic posts: potential corrosive consequences of social media users' doomscrolling. *Media Psychology*, 26(4), 460—479. <https://doi.org/10.1080/15213269.2022.2157287>
  35. Sharma, B., Lee, S.S., Johnson, B.K. (2022). The dark at the end of the tunnel: Doomscrolling on social media newsfeeds. *Technology, Mind, and Behavior*, 3(1), 144—156. <https://doi.org/10.1037/tmb0000059>
  36. Sharpe, A.T., Tyndall, I., Poulus, D.R., Obine, E.A., Sharpe, B.T. (2026). The influence of doomscrolling on mental health: A scoping review. *Mental Health and Digital Technologies*, 3(3), 290—342. <https://doi.org/10.1108/MHDT-10-2025-0068>
  37. Soraci, P., Griffiths, M.D., Bevan, N., Pisanti, R., Trovato, M., Servidio, R., D'Aleo, E., Campedelli, L., Gallo, F., Satici, S.A. (2025). Psychometric analysis of the Italian Doomscrolling Scale: Associations with problematic social media use, psychological distress, and mental well-being. *Current Psychology*, 44, 11872—11883. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-07976-9>
  38. Taskin, S., Yildirim Kurtulus, H., Satici, S.A., Deniz, M.E. (2024). Doomscrolling and mental well-being in social media users: A serial mediation through mindfulness and secondary traumatic stress. *Journal of Community Psychology*, 52(3), 512—524. <https://doi.org/10.1002/jcop.23111>
  39. Türk Kurtça, T. (2025). Generalized anxiety disorder and social media addiction relationships: The role of psychological resilience, doomscrolling and cyberchondria severity. *Psihologija*, 58(3), 319—342. <https://doi.org/10.2298/PSI230921004T>
  40. Türk Kurtça, T., Kocatürk, M. (2025). Beyond the scroll: Exploring how intolerance of uncertainty and psychological resilience explain the association between trait anxiety and doomscrolling. *Personality and Individual Differences*, 233, Article 112919. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2024.112919>
  41. Yang, L., Tan, X., Lang, R., Wang, T., Li, K. (2024). Reliability and validity of the Chinese version of the doomscrolling scale and the mediating role of doomscrolling in the bidirectional relationship between insomnia and depression. *BMC Psychiatry*, 24, Article 565. <https://doi.org/10.1186/s12888-024-06006-5>
  42. Yildirim, U., Toygar, A. (2026). Psychological determinants of life satisfaction among deck cadets: The mediating role of positivity and doomscrolling. *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics*, 32(2), 579—585. <https://doi.org/10.1080/10803548.2025.2557690>
  43. Ytre-Arne, B., Moe, H. (2021). Doomscrolling, monitoring and avoiding: News use in COVID-19 pandemic lockdown. *Journalism Studies*, 22(13), 1739—1755. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1952475>
  44. Zainab, Ahmad, Z. (2025). Doomscrolling, learned helplessness and existential anxiety among emerging adults. *Journal of Professional & Applied Psychology*, 6(4), 615—624. <https://doi.org/10.52053/jpap.v6i4.464>

Информация об авторах

Никита Владимирович Кочетков, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: kochetkovnv@mgppu.ru

Марина Николаевна Расходчикова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3703-4744>, e-mail: rashodchikovamn@mgppu.ru

Ксения Артемовна Расходчикова, студент, кафедра иностранных языков и коммуникативных технологий, Институт базового образования, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС» (ФГАОУ ВО НИТУ МИСИС), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0179-3933>, e-mail: m2206745@edu.misis.ru

Information about the authors

Nikita V. Kochetkov, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: kochetkovnv@mgppu.ru

Marina N. Raskhodchikova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3703-4744>, e-mail: rashodchikovamn@mgppu.ru

Kseniia A. Raskhodchikova, Student, Department of Foreign Languages and Communication Technologies, College of Basic Professional Studies, National University of Science and Technology «MISIS», Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0179-3933>, e-mail: m2206745@edu.misis.ru

Вклад авторов

Кочетков Н.В. — аннотирование, написание и оформление рукописи.

Расходчикова М.Н. — идея исследования; планирование исследования; написание и оформление рукописи; контроль за проведением исследования.

Расходчикова К.А. — поиск научной литературы; написание рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Nikita V. Kochetkov — annotation, writing and design of the manuscript.

Marina N. Raskhodchikova — ideas; planning of the research; control over the research; writing and design of the manuscript.

Kseniia A. Raskhodchikova — search for scientific literature; writing of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование представляет собой теоретический анализ и не требует этического согласования.

Ethics statement

This study is a theoretical analysis and did not require ethical approval.

Поступила в редакцию 28.03.2026

Поступила после рецензирования 21.05.2026

Принята к публикации 28.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.03.28

Revised 2026.05.21

Accepted 2026.05.28

Published 2026.06.30

Обзорная статья | Review paper

Безопасность личности участников боевых действий в цифровом мире

В.Е. Петров ✉

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ v.e.petrov@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Современное общество находится на этапе активного внедрения цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности. Помимо ряда несомненных преимуществ, появление новых цифровых продуктов и услуг, интегрирование личности в цифровую реальность формируют кибер-угрозы и вызовы обществу и государству. Особое значение цифровая реальность приобретает для представителей силовых ведомств, определяя безопасность личности и особенности психологической поддержки при ведении боевых действий. **Цель** — систематизировать направления обеспечения безопасности личности участников боевых действий в цифровом мире, представленные в современных зарубежных публикациях. **Методы.** Исследование проведено методом метаанализа публикаций, представленных в 26 источниках. Применялись: семантический анализ и систематизация сведений. **Результаты** позволили выделить направления публикационной активности, вызывающие наибольший интерес у зарубежных специалистов. Среди них: психологическая оценка, мониторинг и прогнозирование кибер-угроз и личной безопасности в цифровом пространстве; повышение цифровой грамотности и этики, информационно-психологической культуры представителей силовых ведомств; исследование проблем психологического воздействия на личность, особенностей ведения информационно-психологических войн, распространения негативного цифрового контента; анализ личностных качеств-протекторов виктимного поведения в цифровой среде у участников вооруженных конфликтов; изучение влияния деструктивного цифрового контента на продуктивность процесса реабилитации участников боевых действий. Установлено, что основные угрозы безопасности личности в сфере деятельности силовых ведомств связаны, в первую очередь, с возможностью создания цифровой среды деструктивной направленности, информационного пространства, не отвечающего интересам комбатантов; изменением благоприятного отношения общества к представителям силовых ведомств, вооруженным конфликтам или власти; отсутствием полного контроля и обеспечения сохранности персональных данных; трансформацией личности представителей силовых структур, их поведения или психического состояния в направлении, не соответствующем запросам общества или государства. Существуют риски от внедрения цифровых технологий в сферах, соотносимых с экстремальными профессиями, в которых субъект оказывается достаточно информационно-психологически уязвим. **Выводы.** Избыточная увлеченность Интернетом и иными информационными технологиями приводит к значительным изменениям в ценностных ориентациях человека и общества. Материал статьи позволяет критически оценить потенциал цифровизации жизненного пространства и профессиональной деятельности представителей силовых ведомств, а также совершенствовать меры обеспечения безопасности личности участников боевых действий в России.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие, кибер-угрозы, безопасность личности, цифровая среда, информационный контент, участники боевых действий

Для цитирования: Петров, В.Е. (2026). Безопасность личности участников боевых действий в цифровом мире. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 68—77. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150207>

Personal security of combatants in the digital world.

V.E. Petrov ✉

Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

✉ v.e.petrov@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Modern society is at the stage of active implementation of digital technologies in various spheres of life. In addition to a number of undoubtful advantages, the emergence of new digital products and services, and the integration of individuals into digital reality are creating cyber threats and challenges to society and the state. Digital reality is of particular importance for representatives of law enforcement agencies, determining the security of the individual and the specifics of psychological support during combat operations. **Objective.** The aim is to systematize the areas of ensuring the security of the identity of combatants in the digital world, presented in modern foreign publications. **Methods.** The study was conducted by meta-analysis of publications presented in 26 sources. The following methods were used: semantic analysis and systematization of information. **The results** allowed us to identify the areas of publication activity that are of the greatest interest to foreign specialists. Among them: psychological assessment, monitoring and forecasting of cyber threats and personal security in the digital space; improving digital literacy and ethics, information and psychological culture of representatives of law enforcement agencies; studying the problems of psychological impact on personality, the specifics of conducting information and psychological wars, the spread of negative digital content; analyzing personal qualities-protectors of victim behavior in the digital environment among participants in armed conflicts; studying the impact of destructive digital content on the productivity of the rehabilitation process of combatants. It has been established that the main threats to personal security in the field of law enforcement agencies are primarily related to the possibility of creating a destructive digital environment, an information space that does not meet the interests of combatants; a change in the favorable attitude of society towards representatives of law enforcement agencies, armed conflicts or authorities; lack of full control and ensuring the safety of personal data; transformation of the personality of representatives of law enforcement agencies, their behavior or mental state in a direction that does not meet the needs of society or the state. The implementation of digital technologies poses risks in areas related to extreme professions, where individuals become highly vulnerable both in informational and psychological terms. **Conclusions.** Excessive interest in the Internet and other information technologies leads to significant changes in the value orientations of a person and society. The material of the article allows us to critically assess the potential of digitalization of the living space and professional activities of representatives of law enforcement agencies, as well as to improve measures to ensure the security of the identity of participants in military operations in Russia.

Keywords: information and psychological impact, cyber threats, personal security, digital environment, information content, participants in military operations

For citation: Petrov, V.E. (2026). Personal security of combatants in the digital world. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 68—77. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150207>

Введение

Современное общество находится на этапе активного внедрения цифровых технологий в различные сферы и области жизнедеятельности. Появляются новые цифровые продукты, услуги и инструменты, информационные ресурсы, средства коммуникации и электронные системы управления. Существование человека, как и его личность, тесно интегрируется в цифровую реальность. Кратно возрастает влияние цифровой среды на личность, общество и государство. В некоторых случаях подобное влияние имеет далеко не позитивную (конструктивную) направленность, выводя на первый план проблемы безопасности. Однако, если для обычных граждан цифровая виктимность не стоит остро в повестке дня, то для представителей силовых ведомств, а тем более участников боевых действий, безопасность личности приобретает

принципиальное значение. Так, включенность комбатантов в цифровую среду сказывается на процессе их психологической реабилитации, а кибер-угрозы способны дестабилизировать психическое состояние и поведение личного состава любой силовой структуры. Подобное обстоятельство приобретает особую актуальность в связи с проведением Россией специальной военной операции.

Проблема психологической безопасности личности, в том числе применительно к представителям профессий особого риска, находит широкое отражение в публикациях отечественных ученых (И.А. Баева, А.Г. Караяни, А.И. Папкин, В.М. Поздняков, Н.Е. Харламенкова, Н.Л. Шлыкова и др.). Имеются научные изыскания в области цифровой безопасности (В.Н. Лопатин, А.А. Миняев, В.П. Шемякин и др.). Принимая во внимание огромный опыт цифровизации и его анализа, накопленный в зарубежной психологиче-

ской науке, а также наличие исследований в области информационно-психологической безопасности личности и среды, представляется важным изучить соответствующие современные публикации, ассоциированные с указанной проблематикой. Следует отметить, что в терминологический оборот зарубежных исследований введены несколько отличные от использования в России дефиниции «участник боевых действий» понятия: «комбатант» (combatant), «ветеран» (veteran), «лицо, выполняющее военизированные задачи» (participant in military operations). Не отождествляя указанные понятия, в целях наиболее полного раскрытия заявленной проблемы будем исследовать проблемное поле, идентифицирующее любым способом лиц, связанных с выполнением задач в экстремальных условиях в военной или правореализационной сферах.

Цель исследования — систематизировать направления обеспечения безопасности личности участников боевых действий в цифровом мире, представленные в современных зарубежных публикациях. Метаанализ выполнен на основе публикаций, размещенных на следующих Интернет-ресурсах: <https://www.researchgate.net/>, <https://link.springer.com/>, <https://www.cirp.org/journal/>, <https://www.academia.edu/>, <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/>. Всего изучено 26 зарубежных источников, с разных сторон раскрывающих проблему безопасности личности участников боевых действий в цифровом мире. Анализ опирался на следующие критерии: 1) предметом исследования должна выступать безопасность личности представителей силовых ведомств или комбатантов в контексте распространения цифровых технологий; предметом исследования могут являться особенности цифровизации в современном мире или личная безопасность в цифровом пространстве, которые потенциально соотносятся с проблемами участников боевых действий; 2) ограничение публикационного пространства статьями, изданными за последние 15 лет (2011—2026), отражающими оригинальные научные исследования и раскрывающими перспективы в заявленной области, не являющимися по своему содержанию враждебными по отношению к России. Оценена актуальность проблемы влияния цифровой среды на деятельность комбатантов и представителей экстремальных профессий. Полученные сведения систематизированы и сведены в пять перспективных направлений научных изысканий в области безопасности личности участников боевых действий в современном цифровом мире.

Результаты

Анализ публикаций показал, что междисциплинарные проблемы безопасности личности и общества в цифровом мире широко представлены в трудах зарубежных специалистов. Ведется поиск особенностей и преимуществ современного цифрового общества, удовлетворяющих различные запросы и потребности

людей Э. Тирзиман (Tirziman, 2025); Ф. Кориб (Qorib, 2025); Г. Ши, Х. Панг, З. Се (Shi, Pang, Xie, 2024) и др.). На первый план выводятся технические и инфраструктурные аспекты, которые способствуют реализации конкретной модели цифровой среды. Не остается без внимания представление в цифровом пространстве конкретных видов деятельности (профессий) и сфер социальной активности. Несколько реже анализируются этические, моральные, правовые, виктимологические и деонтологические аспекты цифровой безопасности. Подчеркивая потенциал цифровизации и его проникновения в жизнь общества, Ф. Кориб (Qorib, 2025) обращает внимание на роль цифровых медиа как катализатора спросоциальностьоциальных изменений и механизма неравенства, риска и дисбаланса в межличностных отношениях. Опасность бесконтрольной цифровизации, по мнению авторского коллектива в составе А. Сагикызы, А. Сабитова, А. Молдагалиевой, К. Оралбек (Sagikyzy et al., 2025), видится в возникающих конфликтах между офлайн-ценностями и их виртуальными аналогами, в вытеснении истинных ценностей ложными, неконтролируемом распространении персональных сведений. Трансформация ценностных ориентаций человека и общества может столь масштабной, что человечность и иные традиционные социальные скрепы в будущем цифровом мире будут представлены анахронизмами. Таким образом, при априори позитивной оценке по отношению к внедрению цифровых инструментов в жизнедеятельность общества, отмечаются опасения и критические замечания, акцентирующие внимание на необходимость более глубокого переосмысления проблемы информационно-психологической безопасности людей. При всей значимости указанного вопроса, его проблемное поле локализовано скорее на гражданском обществе, нежели на представителях экстремальных профессий. Тем не менее встречаются публикации, связанные с обеспечением цифровой безопасности личности (наиболее емкая дефиниция в семантически близком ряду — медиабезопасность, интернет-безопасность, информационная безопасность, сетевая или электронная безопасность) представителей силовых ведомств и участников вооруженных конфликтов.

На основе проведенного анализа публикационного пространства научные изыскания в области безопасности личности участников боевых действий в современном цифровом мире могут быть систематизированы в следующих направлениях.

1. *Психологическая оценка, мониторинг и прогнозирование кибер-угроз и личной безопасности в цифровом (медиа, Интернет и т. п.) пространстве, связанных с деятельностью представителей силовых ведомств или участием в вооруженных конфликтах.* В публикациях предпринимаются попытки исследования междисциплинарных проблем, инициированных новой цифровой реальностью. Так, А. Эхтешами, А. Гаджизаде Анараки провели анализ существующих кибер-угроз и предложили внутриорганизационные решения для повышения личной безо-

пасности сотрудников антинаркотических программ провинции Керман (Ehteshami, Anaraki, 2024). По мнению указанных специалистов, ведущими мероприятиями, использующими цифровые ресурсы в военной сфере, являются: повышение разведывательной работы (мониторинг угроз безопасности) в интернет-пространстве и интеллектуальное управление на основе AI-технологий. Угрозы исходят от неконтролируемого распространения цифровых профилей личности или доступа к BIG DATA, содержащих сведения о представителях силовых ведомств. Корреспондирующей этому задачей является защита персональных данных от утечек и кибер-воздействия противника.

В ряде зарубежных публикаций подчеркнута деструктивность цифрового воздействия как на отдельную личность, так и на межличностные отношения, малые и большие социальные группы. В исследовании К.Л. Клэри, С. Пена, Д.С. Смита затронуты вопросы негативного стрессового влияния на военнослужащих, которые могут привести к проблемам с их психическим здоровьем (Clary, Pena, Smith, 2023). Интернализованная стигма по отношению к военной службе позиционируется как реальная угроза безопасности государства. Отдельная роль в стигматизации отводится цифровому контенту, делающему акцент на негативных аспектах прохождения службы. Высказана точка зрения о том, что молодые военнослужащие более информационно уязвимы, нежели ветераны. Рассматривается комплекс мер по профилактике психотравматического влияния на личность военнослужащих. Близкие по смыслу идеи высказываются другими зарубежными специалистами. Например, влияние цифровой среды на безопасность полицейских Турции поставлено в центр внимания исследования М.А. Падир, С. Догрусев, Б. Тансель и др. На выборке 628 человек показана подверженность личного состава депрессиям и суицидальным проявлениям под воздействием профессионального стресса (Padir et al., 2025). Утверждается, что особо мощное влияние оказывается медиаконтентом. Личностная сензитивность усиливает эффект негативного воздействия на сотрудников полиции, снижает их стрессоустойчивость. В целом, цифровая безопасность позиционируется как слагаемое ресурсности личности.

Акцент на стрессогенном характере военной службы в Китае сделан Л. Ванг, Ю. Цай, Дж. Чжао и др. Показано, что информационно-психологическая нагрузка негативно влияет на здоровье и работоспособность военнослужащих ($n = 673$). Изучена взаимосвязь между психологическим стрессом, психологической устойчивостью, отклонениями во внимании (внимание к позитивной информации, внимание к негативной информации), стратегиями эмоциональной регуляции (когнитивная переоценка, ингибирование экспрессии) и ключевыми физиологическими маркерами (гемоглобин, ширина распределения эритроцитов и др.). В качестве фактора, моделирующего информационно-психологическое стрессовое воздействие, были использованы

цифровые технологии. Подчеркнута необходимость включения технологий управления стрессом и соблюдения цифровой гигиены в программу подготовки военнослужащих (Wang et al., 2025).

Предприняты попытки разработки психологической основы обеспечения безопасности в динамично развивающейся цифровой среде. Например, теоретическая концепция безопасности в медиапространстве представлена М. Сун, В. Цзя, Г. Хуан и др. Поднята проблема взаимосвязи между навыками работы с цифровыми медиа и психическим здоровьем людей. На основе анализа данных опроса жителей Шанхая ($n = 916$) показана противоречивость цифровых медианавыков. Владение цифровыми технологиями в жизни и профессиональной деятельности снижает уровень депрессии, но способствует распространению дезинформации. Сделан акцент на том, что обращение к медиаконтенту будет соответствовать безопасности личности только при условии критического использования соответствующих данных (Sun et al., 2024). Несмотря на то, в указанном выше исследовании напрямую не затрагивается проблема воздействия на участников боевых действий, авторская позиция заслуживает внимания в силу того, что комбатанты являются частью общества с характерными для него проблемами.

Модель изучения цифрового мониторинга и моральной травматизации сотрудников раскрыта в статье Г. Ши, Х. Панг, З. Се. Детализированы возможности использования цифровых технологий в области управления организациями и человеческими ресурсами. Реальностью становится цифровой контроль (мониторинг) за личными данными и поведением сотрудников. Утверждается, что при глобальной цифровизации снижается частота проявлений неэтичных поступков (Shi, Pang, Xie, 2024). Подчеркнуто, что обратной стороной проблемы внедрения современных цифровых технологий является необходимость соблюдения конфиденциальности персонально значимой информации. В этой связи актуальны вопросы обеспечения информационной безопасности людей.

Таким образом, в данном направлении публикационной активности психологическая оценка, мониторинг и прогнозирование киберугроз личной и безопасности в цифровом пространстве подчеркивается как самостоятельное проблемное поле, актуализирующее ряд научных междисциплинарных исследований.

2. *Повышение цифровой грамотности и этики, информационно-психологической культуры представителей силовых ведомств, в том числе в части порядка восприятия и обращения к Интернету, медиа и иной информации.* Принципиально важно то, что указанные проблемы актуальны не только для комбатантов, но и для населения в целом. Например, в рамках анализа проблем обеспечения общественной и личной безопасности З. Сюй, С. Янг, Л. Лян ориентируют на развитие цифровой грамотности населения (Xu, Jahng, Liang, 2024). В активном использовании цифровых продуктов авторами видится ряд угроз: снижение социально-

го контроля, нарушение идентичности, искажение нормативной реальности. Негативное влияние информационного контента усиливается в экстремальных условиях существования. Именно создание надежной онлайн-среды, повышение цифровой грамотности и поведенческий контроль рассматриваются как условие реализации экологичной для личности среды. Значимость цифровой и медиаграмотности населения разделяется рядом специалистов (И. Спивак (Spivak, 2025), А.Т. Алон, И.Д. Рахими, Х. Тахар (Alon, Rahimi, Tahar, 2024) и др.). При этом подчеркивается необходимость соотнесения преимуществ использования цифровых технологий и рисков от распространения некорректного или вредоносного контента.

Развивая заявленную проблему, среди перспективных путей купирования киберугроз А. Эхтешами и А. Гаджизаде Анараки видят централизованную реализацию программ повышения информационно-психологической культуры личного состава силовых ведомств в части работы с цифровыми продуктами, а также широкое освещение проблем информационной безопасности в СМИ (Ehteshami, Anaraki, 2024).

Акцент на необходимости повышения цифровой грамотности населения и развития информационно-психологической устойчивости, совершенствования психологической подготовки будущих представителей силовых ведомств сделан в многочисленных исследованиях. Так, рассматриваются вопросы информационно-психологической безопасности молодежи — будущих военнослужащих (Л. Букша, Е. Назарская и др.). Особое внимание уделено деструктивности информационного пространства и негативному влиянию интернет-ресурсов на психику будущего специалиста (Букша, Назарская, 2024). Личностными предикторами виктимности выступают сензитивность к информационному стрессу, сниженная критичность мышления, высокая внушаемость, отсутствие навыков саморегуляции и цифровой гигиены. Показано, что проблемы, «обретенные» обучающимися в период подготовки к военной службе в образовательных организациях, «преследуют» субъекта в последующей жизнедеятельности.

Таким образом, повышение цифровой грамотности и этики, информационно-психологической культуры, как населения, так и представителей силовых ведомств, рассматривается в качестве задач обеспечения безопасности личности и общества национального уровня.

3. *Исследование проблем психологического воздействия на личность, особенностей ведения информационно-психологических войн, распространения негативного цифрового контента.* Данное направление раскрывает возможности использования психологических технологий воздействия и защиты личного состава в рамках противостояния внешним угрозам. Так, проблема национальной безопасности Исламской Республики Иран в эпоху гибридных и когнитивных войн представлена в работе Р. Салех, Ф. Тагипур, Х. Пейкари. В исследовании, ориентированном на разработку и объяснение концептуальной модели обеспечения информационно-психологической безо-

пасности, рассматриваются механизмы воздействия средств массовой информации, эффективные для усиления оборонительной «мягкой силы», психологической устойчивости и легитимизации боевых действий в рамках национальной безопасности Исламской Республики Иран (Saleh, Taghipour, Peykari, 2026). Влияние цифровых технологий на безопасность в военной сфере зависит от таких аспектов, как управление информацией в режиме реального времени, построение стратегического поведения, присутствие военных журналистов или иных профессиональных специалистов в месте ведения боевых действий, упреждающие психологические операции, разумное использование цифровых медиа, институциональная координация между СМИ и военными организациями. Должна быть обеспечена безопасность личности как в штатных, так и в экстремальных условиях (например, при противодействии психологическим операциям противника или в боевых условиях).

Военно-стратегические концепции, основанные на сетевой интеграции, системах цифровой разведки и формах информационно-психологического воздействия, представлены в статье К. Футкардзе, П. Гелашвили. Сравняется реализация информационно-психологических операций в высокотехнологичных моделях ведения войны США и Китая, а также НАТО в целом (Phutkaradze, Gelashvili, 2025). Центральная роль отведена информационно-психологическим операциям, которые вместе с технологическими и цифровыми инструментами нового поколения определяют структуру и динамику современного поля боя. Сделан вывод о том, что национальная безопасность Грузии зависит не только от военного потенциала, но и от защиты суверенного киберпространства, систем управления данными и укрепления информационной устойчивости. Интеграция технологических инноваций в оборонную систему является продуктом стратегического видения, цифровой трансформации и расширения международного сотрудничества в части информационно-психологической безопасности.

На анализ психосоциальных детерминант и механизмов психологических угроз в профессиональной деятельности сотрудников служб безопасности ориентировано исследование Э. Ковач, С. Худакова, Л. Канаворова. Описаны психосоциальные риски, связанные с выполнением профессиональных задач в априори сложных для личности условиях (Kováč, Hudáková, Kanávrová, 2025). Среди угроз безопасности отмечены: информационно-психологическое давление, распространение недостоверных (в том числе порочащих имидж сотрудников, дестабилизирующих деятельность) сведений, психологические войны в Интернете, деструктивное вмешательство технологий искусственного интеллекта в жизнь общества.

Проблема распространения ложного информационного контента и фейковых новостей поднята в работе А.Т. Алон, И.Д. Рахими, Х. Тахар. Анализ профилей 609 пользователей социальных сетей показал, что протективную психосоциальную модель можно предста-

вить тремя составляющими: скептицизмом, воспринимаемой точностью и диагностичностью контента (Alon, Rahimi, Tahar, 2024). Онлайн-активность может затрагивать распространение персонально значимой информации, угрожающей личной безопасности. Особую актуальность подобные «утечки» имеют для экстремальных профессий. Вариантом разрешения противоречий в системе «цифровое развитие — безопасность личности» является повышение цифровой грамотности населения и развитие качеств-протекторов (критическое мышление, информационный скептицизм, целостность восприятия информации и т. п.).

Виктимность присутствует в распространении недостоверных персонифицированных цифровых профилей и фейкового контента, конфиденциальных сведений на основе BIG-DATA-технологий, тотального цифрового контроля за жизнедеятельностью людей. Подобные аспекты лежат в основе ведения современных информационно-психологических войн, деструктивного влияния на личный состав силовых ведомств.

Информационно-психологическое воздействие на личность может обусловить возникновение девиантных форм поведения. Например, в исследовании Х. Мэш, Р. Шор, Дж.А. Найфе и др. указано, что «поглощенность Интернетом», длительное нахождение в условиях информационно-психологического стресса потенцирует риски аутоагрессивного поведения у военнослужащих США (Mash et al., 2025).

Таким образом, направление исследования проблем психологического воздействия на личность, особенностей ведения информационно-психологических войн, распространения негативного цифрового контента представлено как одно из ведущих в зарубежной психологии.

4. *Анализ личностных качеств участников вооруженных конфликтов, выступающих протектором виктимного поведения в цифровой среде.* Спектр исследуемых характеристик личности достаточно широк — стрессоустойчивость, жизнестойкость, информационная стресс-толерантность, критичность мышления, адекватность восприятия медиа-контента, защитные механизмы, копинг-ресурсы, способности саморегуляции и др. Так, например, влияние стресса на жизнестойкость и надежность несения службы во время военно-медицинских полевых учений изучено Р. Коул, Э. Пирс, Э.П. Эспехо. Тренинг осознанности (ментальной силы и жизнестойкости — (MSRT)) имитировал выполнение задач по предназначению в психологически напряженных условиях, в том числе с восприятием пострадавших и эмоционально-когнитивного давления. Авторами подтверждены возможности саморегуляции и психологической защиты от психотравмирующего воздействия (Cole et al., 2025). Критическое отношение к потребляемому негативному информационно-психологическому контенту позиционируется как базовый элемент культуры и безопасности военнослужащих.

В статье М. Попеску рассматривается проблема безопасности военнослужащих, анализируются перспективы укрепления их психологической защищен-

ности. Показано, что информационно-психологическая безопасность выступает необходимым индикатором сильной личности, способной противостоять современным вызовам в экстремальных условиях (Popescu, 2025). На уровне личности потенциал составляют: цифровая разборчивость, критичность восприятия и анализа интернет-контента, информационно-психологическая устойчивость, стресс-регуляция поведения. На уровне общества необходима взвешенная политика в части конфиденциальности сведений об участниках боевых действий, гармонизации отношений социума к военнослужащим.

Отмечается значимость целостности личности в вопросах информационно-психологической безопасности. Так, личностные ресурсы информационно-психологической устойчивости военнослужащих позиционируются А. Брумару, С. Ионицей как условие их безопасности (Brumaru, Ioniță, 2024). В исследовании К. Старберд и Л. Пален, посвященном цифровому волонтерству, показан личностный выбор соучаствующей деятельности, в основе которого лежит комплекс смыслообразующих характеристик (принятие цифрового пространства, его противоречивости и неопределенности; критическое отношение к медиасведениям; поглощенность и вера в интернет-технологии (Starbird, Palen, 2011)).

Таким образом, в зарубежном публикационном пространстве широко представлен вопрос о качествах личности представителей силовых ведомств, выступающих протекторами виктимного поведения в цифровой среде. Паттерн особенностей личности трансформирован под проблему устойчивости к негативному информационно-психологическому влиянию, ресурсности в условиях агрессивной цифровой среды, дестабилизирующего воздействия на личный состав представителей экстремальных профессий.

5. *Изучение влияния деструктивного цифрового контента на продуктивность процесса реабилитации участников боевых действий.* В центр научной дискуссии выносятся значимость комфортной информационно-психологической среды для гармонизации психоэмоционального состояния комбатантов, жизнестойкости и мотивации реабилитируемых, а также для успешности (продуктивности) реализации медиковосстановительных мероприятий в целом. Подчеркнуто, что психологическая травма имеет не только психосоматическую или социально-психологическую природу, но и информационно-психологическую. Проведя анализ особенностей реабилитационного процесса раненых военнослужащих, Р. Абрамцев, С. Симоненко, О. Костюнина, К. Дымек связали улучшение качества жизни и поддержки адаптации в посттравматический период с экологичной для личности информационной средой (Abramciow et al., 2025). В противовес враждебности, недостоверности, противоречивости информационного поля ставится моральная поддержка, осознание значимости выполненного воинского долга, разделение трудностей будущей жизнедеятельности. Комплекс мер информационно-пси-

хологической защиты и социальной помощи обуславливают положительные изменения в эмоциональной регуляции, функциях памяти и исполнительных процессах на этапе послеоперационного восстановления военнослужащих ($n = 36$), снижение выраженности симптомов посттравматического стрессового расстройства, психосоциальное восстановление участников вооруженных конфликтов.

Комплексное медико-психологическое исследование, проведенное авторским коллективом А.Л. Питерсон, Т.Х. Блаунт, Э.Б. Фoa и др. среди военнослужащих — ветеранов боевых действий, подтвердило неблагоприятный прогноз лечения и восстановления при пролонгированном интенсивном действии информационно-психологических факторов негативного плана (трансляция в СМИ вооруженных конфликтов; размещение психотравмирующего фото- и видео-контента (Peterson et al., 2023)). Взаимосвязь мотивации выживания в вооруженном конфликте, смысложизненных ориентаций, информационно-психологического давления и тяжести посттравматических расстройств представлена в работе Д. Ефремовой. Автор высказывает мнение о том, что успех реабилитации военнослужащих-инвалидов во многом зависит от конструктивности/деструктивности информационной среды, агрессивности/дружелюбия интернет-пространства по отношению к участникам боевых действий, поддержки/враждебности со стороны социума (Ефремова, 2025). Сочетание указанных ключевых факторов позволяет оценить механизмы формирования мотивации к выживанию в вооруженных конфликтах и перспективы реабилитационного процесса.

Таким образом, в публикациях по данному направлению однозначно доказано влияние деструктивного цифрового контента на продуктивность процесса реабилитации участников боевых действий, подчеркнута важность создания экологичной и безопасной для личности информационной среды.

Распространены исследования, носящие *комплексный характер*, затрагивающие одновременно различные аспекты безопасности личности в цифровом мире. Например, метаанализ литературных источников по проблеме посттравматических стрессовых расстройств у миротворцев проведен авторским коллективом в составе Л. Кармона, К. Камило, В.С. Карвалью, М.Дж. Чамбел. Утверждается, что действие психотравмирующих факторов охватывает не только боевой стресс, но и иные обстоятельства, которые могут негативно влиять на психику миротворцев (Carmona et al., 2024). Значимы: семья, сообщество, ресурсная поддержка, негативное восприятие масштаба боевых действий и травм, жизненные события. Показано, что выраженность стрессовых реакций в большей степени зависит от индивидуальных (личностных) факторов, чем от контекстуальных. Контекстуальные факторы, присущие миротворческим миссиям (например, боевые действия, присутствие в зоне с экстремальными условиями деятельности), невозможно компенсиро-

вать. Однако субъективное восприятие стресса и сопротивление негативному информационно-психологическому воздействию можно изменить. Именно акцент на повышении цифровой устойчивости, информационной безопасности предлагается делать в работе с представителями добровольческого корпуса.

Встречаются публикации, ориентированные на *исследование частных (специальных) проблем* цифровой безопасности. Так, проблема психологической травматизации и безопасности жен комбатантов поднята С.Дж. Козза, К.М. Огл, Дж.Э. Фишер. Показано, что «погружение» супругов в негативный информационный контент ($n=111$), при выраженности у них тревожности, обуславливает генерализацию симптоматики психологической травматизации лишь в несколько меньшем объеме, чем у самих участников боевых действий (Cozza et al., 2022). Подчеркнуто, что феномен «негативного ожидания» истощает психосоматические ресурсы личности.

Помимо вышеприведенных точек зрения в зарубежных публикациях могут встречаться и иные научные взгляды на проблему безопасности личности участников боевых действий в цифровом мире и пути ее решения. Однако ключевые положения вполне могут быть систематизированы в рамках указанных выше пяти направлений.

Обсуждение результатов

Таким образом, проведя анализ зарубежных подходов к исследованию проблемы безопасности личности участников боевых действий в цифровом мире, можно сделать следующие выводы.

1. Актуальными для специалистов направлениями научных изысканий в указанной области являются: 1) психологическая оценка, мониторинг и прогнозирование киберугроз и личной безопасности в цифровом пространстве; 2) повышение цифровой грамотности и этики, информационно-психологической культуры представителей силовых ведомств; 3) исследование проблем психологического воздействия на личность, особенностей ведения информационно-психологических войн, распространения негативного цифрового контента; 4) анализ личностных качеств-протекторов виктимного поведения в цифровой среде у участников вооруженных конфликтов; 5) изучение влияния деструктивного цифрового контента на продуктивность процесса реабилитации участников боевых действий.

2. Среди основных угроз безопасности личности в сфере деятельности силовых ведомств, в первую очередь, следует выделить: 1) возможность создания цифровой среды деструктивной направленности, информационного пространства, не отвечающего интересам участников боевых действий; 2) изменение благоприятного отношения общества к представителями силовых ведомств, вооруженным конфликтам или власти на

негативное или враждебное; 3) исключение возможности полного контроля и обеспечения сохранности персональных данных (в том числе в связи выполнением задач в экстремальных условиях); 4) трансформация личности представителей силовых структур, их поведения или психического состояния в направлении, не соответствующем запросам общества или государства.

3. В зарубежных исследованиях проблематика безопасности личности участников боевых действий в цифровом мире представлена ограниченно в сравнении с анализом подходов и достижений в области развития цифрового общества. Во многом это связано с отсутствием принципиального подхода к выделению категории «участник боевых действий» («участник войны» и т. п.). Хотя проводятся соответствующие научные исследования, но общество за рубежом и государства не сфокусированы на решении проблем комбатантов. Доминирует позитивное восприятие процесса внедрения информационных технологий в современную жизнь. Однако специалистами разделяется мнение о существовании киберугроз личной безопасности, о деструктивном потенциале негативного контента медиасреды, невозможности обеспечить сохранность персональных данных.

Заключение

Изучение зарубежного опыта позволяет критически оценить потенциал цифровизации жизненного про-

странства и профессиональной деятельности представителей силовых ведомств, а также совершенствовать меры обеспечения безопасности личности участников боевых действий. Следует учитывать, что существуют риски от внедрения цифровых технологий в сферах, соотносимых с экстремальными профессиями, в которых субъект оказывается достаточно информационно-психологически уязвим. Избыточная увлеченность Интернетом и иными информационными технологиями приводит не только к значительным трансформациям в ценностных ориентациях человека и общества, но и к дополнительному информационно-психологическому давлению, снижению уровня контроля над персональными сведениями. Перенос результатов изученной проблематики на российскую действительность, следует подчеркнуть актуальность научно обоснованного и ответственного внедрения и использования цифровых технологий в практику деятельности силовых ведомств, необходимость разумной осторожности и прогностичности в разработке цифровых инструментов, в какой-либо степени связанных с участниками боевых действий. Важен акцент на учете национальных интересов при цифровизации жизнедеятельности в России, а также на необходимости проведения экспертизы цифровой среды на безопасность для личности и общества. Статья позволяет расширить представления о возможностях обеспечения информационно-психологической безопасности применительно к участникам специальной военной операции и членам их семей.

Список источников / References

1. Букша, Л.Ф., Назарская, Е.Н. (2024). Анализ дисфункциональных процессов информационно-психологического воздействия на психологическую устойчивость обучающихся призывного возраста. *Педагогика. Вопросы теории и практики*, 9(10), 1041—1049. <https://doi.org/10.30853/ped20240132>
Buksha, L.F., Nazarskaya, E. (2024). Analysis of dysfunctional processes of informational and psychological impact on the psychological stability of military age students. *Pedagogy. Theory & Practice*, 9(10), 1041—1049. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/ped20240132>
2. Ефремова, Д.Н. (2025). Психологические аспекты мотивации выживания участников боевых действий. *Современная терапия в психиатрии и неврологии*, 3, 30—35. <https://doi.org/10.32416/2304-9707-2025-3-30-35>
Efremova, D. (2025). Psychological aspects of survival motivation of military participants. *Modern Therapy in Psychiatry and Neurology Journal*, 3, 30—35. (In Russ.). <https://doi.org/10.32416/2304-9707-2025-3-30-35>
3. Abramciow, R., Symonenko, S., Kostyunina, O., Dymek, K. (2025). Integrated psychological rehabilitation following combat trauma: Cognitive and affective recovery in military personnel. *Acta Neuropsychologica*, 23(4), 487—501. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0055.4329>
4. Alon, A.T., Rahimi, I.D., Tahar, H. (2024). Fighting fake news on social media: A comparative evaluation of digital literacy interventions. *Current Psychology*, 43, 17343—17361. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-05668-4>
5. Brumar, A., Ioniță, C.C. (2024). Analysing reserve forces as an enabler factor for active military. In: *2024: Proceedings of the international scientific conference strategies XXI — the complex and dynamic nature of the security environment* (pp. 27—36). Bucharest: Carol I National Defence University Publishing House. <https://doi.org/10.53477/3045-2309-23-03>
6. Carmona, L., Camilo, C., Carvalho, V.S., Chambel, M.J. (2024). Post-traumatic stress disorder in peacekeepers: A systematic literature review and meta-analysis. *European Journal of Psychotraumatology*, 15(1), Article 2413735. <https://doi.org/10.1080/20008066.2024.2413735>
7. Clary, K.L., Pena, S., Smith, D.C. (2023). Masculinity and stigma among emerging adult military members and veterans: Implications for encouraging help-seeking. *Current Psychology*, 42, 4422—4438. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01768-7>

8. Cole, R., Pearce, E., Espejo, E.P. Sessoms, P.H., Flash, Z.A., Steffens, K., Schwartz, J., Shen, C.S. (2025). The impact of mindfulness on stress and resilience during military medical field exercises. *Military Medicine*, Article usaf571. <https://doi.org/10.1093/milmed/usaf571>
9. Cozza, S.J., Ogle, C.M., Fisher, J.E. Zhou, J., Zuleta, R.F., Fullerton, C.S., Ursano, R.J. (2022). The effect of war injury and combat deployment on military wives' mental health symptoms. *Depress Anxiety*, 39(10—11), 686—694. <https://doi.org/10.1002/da.23274>
10. Ehteshami, A., Anaraki, A.H. (2024). Strategies to improve personal security in anti-narcotics operations in kerman police command. *Quarterly of Supervision and Inspection*, 18(68), 85—112. <https://doi.org/10.22034/si.2023.101860>
11. Kováč, E., Hudáková, S., Kanávorová, L. (2025). Psychosocial determinants and mechanisms of psychological strain in the security personnel profession. *Young Science*, 13(7), 138—148. URL: <https://www.mladaveda.sk/casopis/2025-07/> (viewed: 10.06.2026).
12. Mash, H.B.H., Shor, R., Naifeh, J.A., Aliaga, P.A., Fullerton, C.S., Kao, T.C., Sampson, N.A., Stein, M.B., Kessler, R.C., Ursano, R.J. (2025). Risk of suicide attempt in US army infantry, combat engineer, and combat medic soldiers. *Military Medicine*, 190(11—12), e2489—e2498. <https://doi.org/10.1093/milmed/usaf232>
13. Padır, M.A., Doğrusever, C., Tansel, B. Vangözü, M.S. (2025). Equipping police officers with resources: Perceived control of internal states and suicide tendencies among Turkish police officers, unraveling the serial mediating roles of resilience and depression. *Current Psychology*, 44, 10482—10493. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-07891-z>
14. Peterson, A.L., Blount, T.H., Foa, E.B., Brown, L.A., McLean, C.P., Mintz, J., Schobitz, R.P., DeBeer, B.R., Mignogna, J., Fina, B.A., Evans, W.R., Synett, S., Hall-Clark, B.N., Rentz, T.O., Schrader, C., Yarvis, J.S., Dondanville, K.A. Hansen, H., Jacoby, V.M. ... Consortium to Alleviate PTSD. (2023). Massed vs intensive outpatient prolonged exposure for combat-related posttraumatic stress disorder: A randomized clinical trial. *JAMA Network Open*, 6(1), Article e2249422. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2022.49422>
15. Phutkaradze, K., Gelashvili, P. (2025). Specific features of innovative technological support in modern warfare. *Defence and Science*, 4, 272—279. <https://doi.org/10.61446/ds.4.2025.10474>
16. Popescu, M. (2025). Securitatea psihologică a militarilor. In: *Perspective interdisciplinare asupra predării și învățării științelor: Conferință științifică națională cu participare internațională: Eveniment online, 11 aprilie 2025* (pp. 222—231). Chișinău: Universitatea Pedagogică de Stat «Ion Creangă» din Chișinău. <https://doi.org/10.46727/c.11-04-2025.p222-231>
17. Qorib, F. (2025). Digital media and information society. *Jurnal Representamen*, 11(1), 119—131. <https://doi.org/10.30996/representamen.v11i01.11840>
18. Sagikyzy, A., Sabitov, A., Moldagaliyeva, A., Oralbek, K. (2025). Social problems of humanity in the system of network identity and the conflict of ethical values in the digital society. *Journal of Philosophy Culture and Political Science*, 93(3). <https://doi.org/10.26577/jpcp20259333>
19. Saleh, R.K., Taghipour, F., Peykari, H. (2026). The role of combat information dissemination in cognitive deterrence and strengthening the national security of the Islamic Republic of Iran. *Digital Transformation and Administration Innovation*, 4(1(11)). <https://doi.org/10.61838/dtai.195>
20. Shi, G., Pang, H., Xie, Z. (2024). How does workplace digital monitoring activate employees' unethical behavior. *Current Psychology*, 43, 35390—35405. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-07026-w>
21. Spivak, I. (2025). Digital and media literacy as a basis for resilience to disinformation in the digital society. In: *5th International conference on economics, accounting and finance (ICEAF)* (pp. 130—131). <https://doi.org/10.36690/ICEAF-2025-130-131>
22. Starbird, K., Palen, L. (2011). Voluntweeters: Self-organizing by digital volunteers in times of crisis. In: *Proceedings of the Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI)* (pp. 1071—1080). Vancouver: ACM Press. <https://doi.org/10.1145/1978942.1979102>
23. Sun, M., Jia, W., Huang, G., Yu, W., Payton, B. (2024). Empowering or backfiring? The paradoxical effects of digital media skills on depression through (mis) information sharing on social media. *Current Psychology*, 43, 27969—27981. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06413-7>
24. Tîrziman, E. (2025). Digital society: Specific concepts and features. *Romanian Journal of Library and Information Science*, 21(1), 13—21. <https://doi.org/10.26660/rjbsi.2025.21.1.03>
25. Wang, L., Cai, Y., Zhao, J., Ma, Y., Peng, J., Gong, H., Liu, Y., Chen, R., Song, R., Luo, Y., Fan X., Xiao, Q. (2025). Psychological stress and physiological outcomes: Investigating the impact of attention biases and emotional regulation in Chinese military service members. *BMC Public Health*, 25(1), Article 3589. <https://doi.org/10.1186/s12889-025-23924-5>
26. Xu, Z., Jahng, S., Liang, L. (2024). Reshaping digital literacy: Investigating the determinants of user intentions to identify false content in short-video platforms. *Current Psychology*, 43, 23749—23763. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06144-9>

Информация об авторах

Владислав Евгеньевич Петров, доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры «Научные основы экстремальной психологии», факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Information about the authors

Vladislav E. Petrov, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Department «Scientific Foundations of Extreme Psychology», Faculty of «Extreme Psychology», Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Декларация об этике

Исследование представляет собой теоретический анализ зарубежных публикаций по проблеме безопасности личности и не требует этического согласования.

Ethics statement

The study is a theoretical analysis of foreign publications on the issue of personal security and does not require ethical approval.

Поступила в редакцию 22.01.2026

Поступила после рецензирования 03.06.2026

Принята к публикации 09.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.01.22

Revised 2026.06.03

Accepted 2026.06.09

Published 2026.06.30

Обзорная статья | Review paper

Искусственный интеллект в исследовательских и психологических практиках: международный опыт применения и обнаруженные риски

М.И. Розенова¹ ✉, А.С. Огнев^{2,3}, Э.В. Лихачева^{2,3,4}

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Финансовый университет, Москва, Российская Федерация

³ Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

⁴ Российский новый университет, Москва, Российская Федерация

✉ profi1234@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность: Исследования последних лет ориентированы на особенности внедрения технологий искусственного интеллекта и их последствиях. Накопленный опыт требует систематизации и обсуждения, особенно в части возможных рисков для психического здоровья пользователей. **Цель:** выявить направления и результаты исследований внедрения искусственного интеллекта в психологические и исследовательские практики. Определить наибольшие зоны рисков использования новых технологий. **Метод:** научно-критический анализ, обобщение и систематизация публично представленных материалов международных исследований. **Гипотеза:** положительные стороны внедрения машинных технологий в психологическую практику и исследования связаны с расширением их возможностей, повышением эффективности и доступности, а система значимых рисков сопряжена с развитием зависимости от алгоритмов, этическими проблемами и когнитивной уязвимостью пользователей, возникающей при постоянном взаимодействии. **Результаты:** положительные аспекты внедрения искусственного интеллекта связаны с автоматизацией и персонализацией терапии, консультирования и обучения, реализацией уникальных и масштабных форматов исследований, а негативные стороны сопряжены с формированием зависимости, воздействием на способности к критическому мышлению и принятию решений как основы разумного познания и поведения. Постоянство и глобальность применения антропо-подобных технологий в потенциале может затронуть глубинные механизмы человеческого развития и взаимодействия. Основой профилактики выступает этическая интеграция сверхтехнологий в деятельность специалистов и пользователей. **Выводы.** Выявленные направления и результаты внедрения искусственного интеллекта подчеркивают сложный характер реализации интегрированных моделей и форм современной психологической работы и исследований. Признавая высокий потенциал и эффективность искусственного интеллекта, специалисты призывают к внимательному анализу рисков и последствий его применения.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, этические риски, цифровые технологии в психологической практике, зависимость от алгоритмов, исследования

Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных по государственному заданию Министерства просвещения РФ в Московском педагогическом государственном университете по теме «Психолого-педагогическое регулирование генеративных систем в образовании».

Для цитирования: Розенова, М.И., Огнев, А.С., Лихачева, Э.В. (2026). Искусственный интеллект в исследовательских и психологических практиках: международный опыт применения и обнаруженные риски. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 78—90. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150208>

Artificial Intelligence in Research and Psychological Practices: International Experience and Identified Risks

M.I. Rozenova¹ ✉, A.S. Ognev^{2,3}, E.V. Likhacheva^{2,3,4}

¹Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

²Financial University, Moscow, Russian Federation

³Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

⁴Russian New University, Moscow, Russian Federation

✉ profi1234@yandex.ru

Abstract

Context and relevance: Recent research has focused on the specifics of the introduction of artificial intelligence technologies and their consequences. The accumulated experience requires systematization and discussion, especially regarding the possible risks to the mental health of users. **Objective:** to identify the directions and results of research on the introduction of artificial intelligence in psychological and research practices. Identify the greatest risk areas for using new technologies. **Method:** scientific and critical analysis, generalization and systematization of publicly presented materials of international research **Hypothesis:** The positive aspects of the introduction of machine technologies into psychological practice and research are related to the expansion of their capabilities, increased efficiency and accessibility, and the system of significant risks is associated with the development of dependence on algorithms, ethical problems and cognitive vulnerability of users that arise from constant interaction. **Results:** The positive aspects of the introduction of artificial intelligence are related to the automation and personalization of therapy, counseling and training, the implementation of unique and large-scale research formats, and the negative aspects are associated with the formation of dependence, the impact on the ability to critical thinking and decision-making as the basis of intelligent cognition and behavior, the persistence and globality of the use of anthropo-like technologies may potentially affect the underlying mechanisms of human development and interaction. The basis of prevention is the ethical integration of super-technologies into the activities of specialists and users. **Conclusions.** The identified directions and results of the introduction of artificial intelligence emphasize the complex nature of the implementation of integrated models and forms of modern psychological work and research. Recognizing the high potential and effectiveness of artificial intelligence, experts call for a careful analysis of the risks and consequences of its use.

Keywords: generative artificial intelligence, ethical risks, digital technologies in psychological practice, dependence on algorithms, research

Funding: The article was prepared based on the results of research carried out at Moscow State Pedagogical University under a state assignment from the Ministry of Education of the Russian Federation («Psychological and pedagogical regulation of generative systems in education»).

For citation: Rozenova M.I., Ognev A.S., Likhacheva E.V. (2026). Artificial Intelligence in Research and Psychological Practices: International Experience and Identified Risks. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 78—90. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150208>

Введение и краткий обзор

Поворотным моментом в развитии новых возможностей искусственного интеллекта (artificial intelligence, AI) принято считать 2017 год, после которого стали доступны трансформенные интегративные модели, работающие на новом уровне сложности и производительности (Zhai, C., Wibowo, 2023, 2024).

М. Сондерс (Saunders M.) обращает внимание на историческое наследие, на то, что идеи о потенциале развития технологий уже давно были высказаны (например, Чарльзом Кеем Огденом (Charles Kay Ogden)), в частности, о создании электронных тел и сетевых коммуникаций, что соответствует современным разработкам в области искусственного интеллекта и виртуальной реальности (Saunders, 2025).

В короткий промежуток времени, нескольких последних лет, в исследовательских, образовательных

и психологических практиках случилась практически революция, связанная с новыми технологиями обучения, научного анализа, исследования различных функций психики и поведения, а также с разработками интеллектуальных терапевтических (с возможностью высокой индивидуализации) систем.

Разработки ИИ в психологии затронули, прежде всего, наиболее востребованные сферы клинической практики, касающиеся диагностики, общения, системной поддержки, средств взаимодействия с людьми с ограниченными возможностями здоровья. Робото- и аватаро-терапия радикально преобразили клинический арсенал специалистов для оперативной (скрининговой) и более глубокой диагностики, а также для терапевтических взаимодействий.

Известный проект «Аватар» (используемый в дополнение к фармакологической терапии), позволяющий осуществлять общение через компьютерные

интерфейсы с пациентами, имеющими шизофренические расстройства, зрительные и слуховые галлюцинации, позволил снизить интенсивность и частоту галлюциногенного материала и улучшить качество жизни людей (Craig, et al., 2018). Робот KASPAR, наделенный выразительными чертами лица, и робот Neo, улучшающий распознавание лиц и реакций на взаимодействие, используется для тренировки социальных навыков в терапии детей с аутизмом (Calderita, et al., 2014), Робот-система RP-VITA сделал ультра-продвинутой экспертно-диагностическую деятельность в области психиатрии и психического здоровья, позволяя реализовать удаленное взаимодействие врача и пациента, постоянный контроль самочувствия, регулярную психологическую и неврологическую поддержку (Craig, et al., 2018). Системы ИИ помогают детально и точно понимать потребности пациентов, делать доступными индивидуальные программы поддержки с учетом актуального состояния человека.

Большую популярность приобрели системы укрепления психологического здоровья (Han, 2025): *Replica* (для эмоциональной поддержки и дружеского общения), *Woebot* (для усиления эффектов когнитивно-поведенческой терапии), *You per* (для поддержания эмоционального благополучия), *Tess* (помощник в выборе стратегий преодоления).

Активно применяются возможности технологий в коррекции состояний, возникающих в момент и после катастроф. Р. Фаттахипур и коллеги (Fattahipour, R. et al.) показали, что искусственный интеллект может играть ключевую роль в диагностике и лечении психологических проблем, возникающих вследствие стихийных бедствий и техногенных катастроф. Авторы предложили SWOT-анализ выделения сильных и слабых («зоны риска») сторон ИИ в системе оказания первой психологической помощи (Fattahipour et al., 2025). Исследование ИИ-оценки стратегий преодоления психологических последствий землетрясения студентами университетов (Sulak, Koklu, 2025) зафиксировало значимость и эффективность машинных технологий как средства помощи в управлении субъективными переживаниями в экстремальных ситуациях.

Нельзя не упомянуть об активном росте публикаций в сфере внедрения ИИ в управление человеческими ресурсами, где доминируют вопросы автоматизации и «снятия» предвзятости при подборе персонала (Tursunbayeva et al., 2026). Например, Хендри Сучипто (H. Sucipto) провел анализ проблем интеграции искусственного интеллекта в сферу управления и на материале 37 научных статей выявил такие преимущества внедрения ИИ, как повышение эффективности и качества управленческих решений. Вместе с тем были обнаружены проблемы, связанные с нарушением конфиденциальности данных, необходимостью повышения квалификации персонала и негативным психологическим воздействием на работников, повышающим общий уровень тревожности, ухудшающим настроение, усиливающим неопределенность в карьерных

перспективах. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на очевидные выгоды интеграции ИИ в управление, требуется детальная разработка *правил его безопасного использования* и учета современных реалий (Sucipto, 2024). К сходным выводам пришли психоневрологи Джин Дж., Цзян Дж. и Ляо Х. (Jin, G., Jiang, J., Liao, H.) на основе обзора 51 статьи: центральной проблемой расширения применения ИИ в производственно-управленческих системах является страх за сохранение своего рабочего места, который становится значимой детерминантой ухудшения эмоционального состояния сотрудников и снижения их готовности к внедрению инноваций (Jin, Jiang, Liao, 2024).

Активное применение ИИ находит в сфере психологического обеспечения спортивных достижений, особенно в части прогнозирования результатов и диагностики зон требуемой помощи и коррекции. Например, Ю. Конг и З. Дуан (Kong Y., Duan Z.) разработали модель распознавания поведения боксеров на основе сверточной нейронной сети с учетом психологических характеристик спортсменов. Модель «BERT fusion 3D-ResNet» достигла 96,9%, точности прогноза, обеспечивая глубокое понимание психологического состояния спортсменов, и позволила эффективнее помогать им в подготовке и непосредственно во время соревнований (Kong, Duan, 2024).

Сфера образования одной из первых начала применять ИИ в исследованиях и педагогических практиках. В частности, есть работы о взаимосвязи личностных качеств студентов и способов применения ими ИИ (Rodríguez-Ruiz, Marín-López, Espejo-Siles, 2025). Установлено, что низкий уровень самоконтроля коррелирует с повышенным использованием ИИ, а высокая самооценка снижает вероятность обращения к машинным технологиям (Rodríguez-Ruiz, Marín-López, Espejo-Siles, 2025).

Функциональные возможности ИИ в образовании привлекательны с точки зрения автоматизированной и дифференцированной оценки результативности учащихся. В одной из научно-практических работ была предложена новая шкала (AI-SAS) для оценки отношения учащихся к системам оценивания на основе искусственного интеллекта. В процессе апробации шкала прошла процедуру валидации и оказалась надежной для использования в образовательной практике (Boduroglu, Yigitler, 2026).

Большое внимание (в контексте внедрения ИИ в жизнь и профессиональную деятельность) в зарубежных публикациях уделяется *психологическим аспектам взаимодействия* человека с особой формой искусственного интеллекта в форме *антропоморфных роботов*. Николас Спатола и Серена Марчези (Spatola N., Marchesi S.) на основе обобщения множественных данных указывают, что уже после непродолжительного взаимодействия с подобными имитационно-антропоморфными устройствами люди склонны их «очеловечивать», приписывая этим механизмам намерения, аналогичные человеческим (Spatola, Marchesi,

Wykowska, 2022). Собственные эксперименты авторов обнаружили, что степень атрибутивности человеческих намерений искусственному интеллекту определяются степенью когнитивной сложности задач, которые люди решают с помощью ИИ; при этом имеет значение степень субъективной когнитивной сложности, т. е. насколько конкретная задача когнитивно сложна для конкретного субъекта (Spatola, Marchesi, Wykowska, 2022).

Аналогичные феномены выявлены и при работе человека с большими языковыми моделями из группы ChatGPT. Обнаружен факт воздействия высокой степени убедительности генерируемых такими системами текстов (например, с описанием психических состояний и постановкой клинического диагноза) на человека: получающие ответ люди склонны приписывать применяемой языковой модели эмоции, мысли и намерения (Nadar-Shoval, Elyoseph, Lvovsky, 2023)

Специфика и психологические последствия взаимодействия человека с различными видами ИИ заставляют многих исследователей искать ответы на вопросы *об оптимальных границах применения* таких мощных интеллектуализированных инструментов в жизнедеятельности людей.

Методология. Небольшой экскурс в актуальность, распространенность и варианты апробации ИИ в разных сферах, где фигурирует психологический фактор, позволил сформулировать основные **исследовательские вопросы**, поставленные нами в данной работе.

1. Как технологии ИИ помогают в решении практических задач, имеющих в своем содержании психологические факторы.

2. Какие риски и последствия обнаружены при использовании систем ИИ в психологических, академических и исследовательских практиках.

В качестве метода применен системно-аналитический тематический обзор, помогающий ответить на поставленные исследовательские вопросы посредством отбора, идентификации и интеграции существующих данных. В поиске использовались онлайн-агрегаторы зарубежных рецензируемых научных статей, опубликованных издательствами Taylor & Francis, Routledge и Dove Medical Press с использованием следующих адресов их размещения: <https://www.researchgate.net/>; <https://www.tandfonline.com/>; <https://link.springer.com/>; <https://www.scirp.org/index>; <https://arxiv.org/>; <https://uwaterloo.ca/>; <https://www.unesco.org/en>. В поисковых запросах использовались формулировки: «генеративный искусственный интеллект в психологии, психологических исследованиях, в обучении и образовании»; «риски и последствия внедрения искусственного интеллекта в психологические практики и исследования»; «диалоговые модели ИИ и формирование зависимости от них»; «генеративный ИИ в психологической науке и практике»; «последствия внедрения ИИ в сферы деятельности, где есть психологический фактор». Критерии отбора статей: полнотекстовый вариант, соответствие теме, предпочтительный временной диапазон 2020—

2025 годы (за исключением нескольких более ранних работ). Критерии исключения: недоступность текста без оплаты, несоответствие теме, отнесение к диссертации. Общее количество найденных статей 250, из которых отобрано для просмотра 70, с учетом ограничений количества источников в статье; в окончательный вариант вошла 31 статья.

Особенности внедрения ИИ и его последствия в психологической терапевтической и академической практике

Одной из наиболее сложных, затратных и конфликтных видов деятельности всегда считалась сфера профессий помогающего типа, внутри которой фаворитами считались специальности интеллектуализированной помощи, требующей длительной и сложной подготовки, постоянного волевого усилия и необходимости личностных трансформаций и личностного роста.

Свойства искусственного интеллекта, связанные с возможностью заменить им реальных людей в профессиях типа «человек—человек» (по Е.А. Климову), делают его особенно предпочтительным, как с точки зрения экономии труда и управления (эргономичность, малозатратность, интенсификация и скорость, легкость достижения формализованных результатов, минимизация проблем субъективности), так и с точки зрения самого субъекта труда (возможность переложить рутину на «технологии», новизна, яркость и доступность).

В зарубежных научных публикациях постоянно расширяется тематика, связанная с проблемами применения ИИ в психологии и сопряженных с ней областях. В качестве популярных направлений можно назвать: применение ИИ в системах обучения, переобучения и повышения квалификации (Sherrill et al., 2025); применение ИИ в сфере диагностики в целом, и ранней диагностики психических расстройств в частности; для анализа симптомов и предоставления точной информации о состоянии пациента (Baran, Cetin, 2025), для активного мониторинга в целях предупреждения суицидального поведения: анализа сетевого контента и сообщений пациентов для раннего выявления сигналов тревоги (Atmakuru et al., 2025); для тренировки эмоционального интеллекта: создания интерактивных платформ для развития способностей к управлению эмоциями и социальным поведением (Saha, Ghosh, Khan, 2026); для разработки персонализированных программ психологической реабилитации, позволяющих каждому пациенту получать индивидуализированную помощь (Poulsen et al., 2025).

На основе изучения совместного труда психотерапевта-человека и искусственного интеллекта, при обучении и развитии навыков у психотерапевтов, А.М. Шеррилл (Sherrill A.) с коллегами предложили применять ИИ как средство повышения квалификации специалистов для интеграции новых технологий в практику работы профессионалов. Авторы выяви-

ли необходимость учета *динамики совместной работы* специалиста с ИИ, и *обязательность структурирования требований* к компетенциям, осваиваемым в процессе подготовки. Модель «сотрудничества с ИИ» авторы считают основой взаимодействия при повышении квалификации, наиболее оптимальным инструментом для освоения доказательных методов лечения, позволяющим расширить доступ терапевтов к лучшим существующим методикам работы. Авторы также настаивают на первостепенности *этических* компонентов в подготовке специалистов — прозрачности, справедливости и конфиденциальности (Sherrill et al., 2025).

В контексте создания интеллектуальных терапевтических систем многие авторы рассматривают применение ИИ для повышения точности диагностики и разработки наиболее эффективных методов лечения психических расстройств. Например, приводятся доказательства высокой точности и эффективности ИИ при проведении диагностических процедур (Abrar et al., 2026). В работе Л. Спизка (Spytska L.) показана высокая положительная эффективность чат-бота «Friend», созданного для оказания психологической поддержки в кризисных ситуациях, в сравнении с традиционной психотерапией (Spytska, 2025).

Большие языковые модели в области психологической медицины повышают точность и управляемость консультирования на основе мультиагентности взаимодействия, где «сети» выступают средством получения знаний и информации, что повышает уровень онтологического понимания конкретной ситуации и проблемы (Liu, Zheng, Cui, 2024).

Одновременно растет количество работ обсуждающих этико-философские вопросы, в частности относимые к использованию дипфейков в психотерапии, где акцентируются проблемы не только этики «согласия», но и формирования эмоциональной зависимости от дипфейков (Kraaijeveld, Ivanova, 2026).

Отношение психологов и терапевтов к внедрению ИИ

М. Демир (Demir M.) и коллеги представили качественный анализ взглядов профессионалов в области психического здоровья на само внедрение искусственного интеллекта. Участники исследования видят в нем эффективный инструмент для наблюдения и управления состоянием пациентов, но высказывают озабоченность по поводу потери личного контакта, угроз информационной безопасности и рисков эксплуатации уязвимых категорий лиц. Исследование выявило двойственное отношение к ИИ, необходимость четких этических рамок и регуляторов для предотвращения злоупотреблений (Demir et al., 2026). Подобные материалы побуждают исследователей и практиков к переосмыслению многих классических концепций и их новому пониманию.

Изучение отношения клинических психологов к внедрению генеративного искусственного интеллекта

(GenAI) в терапевтическую практику выявило барьеры его использования: отсутствие знаний о технологиях ИИ и возможность нарушений конфиденциальности информации (de la Fuente Tambo, Iglesias Moreno, Armayones Ruiz, 2025).

Дж. Вагнер и А.С. Швинд (Wagner, J., Schwind, A.S.) в отношении психотерапевтов к ИИ выявили следующее: положительное отношение определяется предполагаемой пользой ИИ в диагностике и разработке индивидуальных планов лечения, а негативные аспекты определяются страхом утраты работы и недостатком знаний о технологиях ИИ (Wagner, Schwind, 2025).

Карен Йирмия и Питер Фонаги (Yirmiya K, Fonagy P.) обращают внимание на сопряженность применения технологий ИИ с такими глубинными механизмами человеческого развития, как привязанность и формируемая на ее основе способность к восприятию себя и других. Авторы настаивают на серьезности вопроса о *регламентации применения* технологий генеративного ИИ в психотерапевтической практике, поскольку соблазны «перевода» терапевтического процесса на «высокотехнологичные рельсы» рождают небезопасные риски с мало предсказуемыми последствиями (Yirmiya, Fonagy, 2025). Современные системы ИИ уже способны *имитировать* такие важные составляющие терапевтико-консультативного взаимодействия, как эмпатия и диалог. Однако в реальности машинные алгоритмы (пока, во всяком случае) не могут обеспечить настоящее и подлинное *эмоциональное присутствие* и взаимность, что ставит под сомнение формирование глубокого доверия и значимых терапевтических связей, являющихся основой терапевтического процесса и исцеления. В своих опасениях К. Йирмия и П. Фонаги опираются на теории привязанности (Джон Боулби) и ментализации (Питер Фонаги и Энтони Бейтман (1989)), согласно которым на основе *качества привязанности*, формируемой у ребенка к значимому Другому, развиваются способности к *ментализации* — осмысленному пониманию того, что происходит с самим собой и с другими людьми в терминах субъективных состояний и ментальных процессов. Сбои в формировании привязанности с неизбежностью отражаются на качестве процессов ментализации и способствуют развитию психических расстройств разного рода, в том числе депрессии, пограничного расстройства личности, ПТСР, РПП. Нарушения привязанности и ментализации способствуют уязвимости к психической и психологической травме, гиперчувствительности и ошибкам в межличностных взаимодействиях, ослабленности в выражении аффекта и произвольного контроля внимания (Yirmiya, Fonagy, 2025).

К механизмам эмпатии и ментализации, как основы терапевтического взаимодействия, авторы добавляют *эпистемологическое доверие* — степень уверенности в знаниях, убеждениях и надежности мнения другого человека, основанной на убежденности в компетент-

ности и искренности собеседника или источника информации. Опираясь на названные механизмы человеческого развития и взаимодействия, К. Йирмия и П. Фонаги называют уже проявленные конкретные риски использования ИИ — псевдоментализацию и гиперментализацию, приводящие к неоправданному доверию пациентов по отношению к получаемой информации (Yirmiya, Fonagy, 2025).

В качестве «противоядия» авторы называют *этичную* интеграцию ИИ в психологические и клинические практики, а главным средством такой интеграции рассматривают систему профессиональной подготовки психотерапевтов и специалистов по психологической поддержке клиентов, в которой процессуально отработаны вопросы *этики и границ применения ИИ* (Yirmiya, Fonagy, 2025). На сегодняшний день эти и многие другие исследователи подчеркивают *недопустимость полного исключения живого человека* из взаимодействия в системе «клиент—терапевт».

Принимая во внимание сомнения, высказываемые учеными и практиками, можно предположить, что при тотальном применении систем ИИ в форматах социальной и психологической поддержки может происходить целостное нарушение глубинных механизмов привязанности, идентификации и ментализации, свойственных *живому* человеческому существу. Обнаруженные последствия широкого применения таких вариантов ИИ, как большие языковые модели, в качестве средств интерпретации психических состояний реальных людей, включая их эмоции, убеждения и намерения (Elyoseph at al., 2024), актуализируют сделанное предположение.

Таким образом, в психологических и терапевтических практиках технологии ИИ значительно улучшают возможности, но наряду с преимуществами обнаруживается и ряд проблем: например, при постоянном обращении к приложениям возникают риски развития аддиктивности (зависимости), не отрегулированы вопросы этики, границ и ответственности (Williams, Lim, 2024).

Сходные проблемы отмечаются в образовательно-академических практиках. Конкретизацию рисков, выявленных в процессе активного внедрения ИИ, можно сделать с опорой на обзорное исследование Ц. Чжай, С. Вибово, Л.Д. Ли, посвященное факторам и последствиям чрезмерной зависимости от диалоговых моделей ИИ в академической сфере (в образовательном и исследовательском контексте) (Zhai, Wibowo, Li, 2024). На основе анализа отобранных 14 статей авторы рассмотрели, какие факторы создают уязвимость пользователей ИИ к формированию зависимости от диалоговых моделей и какие риски и последствия возникают в результате такой зависимости. На основе проработки изученных материалов мы сформировали интегрированную таблицу, в которой выделили специфические возможности ИИ, порождаемые ими эффекты и условия их формирования, а также последствия по каждой из описанных характеристик (табл. 1).

Несмотря на то, что приводимые в табл. 1 данные получены преимущественно на материале изучения академической сферы, эти результаты заслуживают внимания и с точки зрения использования высоких технологий в иных профессиональных областях.

Таблица 1

Возможности ИИ, порождаемые ими эффекты и последствия для пользователей
The capabilities of AI, the effects they generate, and the consequences for users

Особенности действия и работы ИИ / Features of AI operation and operation	Условия возникновения эффектов / Conditions for the occurrence of effects	Создаваемые эффекты под влиянием применения моделей ИИ / The created effects are influenced by the use of AI models	Последствия / Effects
1	2	3	4
Быстрая генерация нужной информации по запросу / Fast generation of necessary information on request	Если пользователь принимает сгенерированные ИИ рекомендации (или информацию) некритично (без проверки на достоверность) / If the user accepts the recommendations (or information) generated by AI uncritically (without checking for authenticity)	Чрезмерное доверие к контенту от ИИ / Excessive reliance on AI content	Ошибки при решении задач контексте принятия решений. Формируется привычка отдавать предпочтение быстрым и оптимальным решениям (перед медленными, связанными с практическими соображениями и ограничениями). Способствует развитию некритичности мышления / Errors in solving problems in the context of decision-making. A habit is formed of giving preference to fast and optimal solutions (over slow ones related to practical considerations and limitations). Promotes uncritical thinking
Постоянная доступность для использования / Constant availability for use	Регулярность и активность взаимодействия с ИИ / The regularity and activity of interaction with AI	Повышает зависимость от ИИ-систем, как источника информации / increases dependence on AI systems as a source of information	Снижает способности к запоминанию. Снижает заинтересованность в обучении / Reduces the ability to memorize. Reduces interest in learning

Особенности действия и работы ИИ / Features of AI operation and operation	Условия возникновения эффектов / Conditions for the occurrence of effects	Создаваемые эффекты под влиянием применения моделей ИИ / The created effects are influenced by the use of AI models	Последствия / Effects
1	2	3	4
Галлюцинации (форма конфобуляции — «ложная информация в правдоподобной форме», т.е. генерирование правдоподобного но не достоверного, вводящего в заблуждение контента) / Hallucinations (a form of confobulation — «false information in a plausible form», i.e. generating plausible but not reliable, misleading content)	Если не используются рациональные стратегии оценки и эвристики, но используются ментальные ярлыки / If rational evaluation strategies and heuristics are not used, but mental shortcuts are used	Размываются границы между фактом и вымыслом. Снижается точность различения контента (создан ли он на основе достоверной информации, появляется проблема выявления несуществующих ссылок) / The boundaries between fact and fiction are blurring. The accuracy of distinguishing content decreases (whether it was created on the basis of reliable information, there is a problem of identifying non-existent links)	Снижаются потенциалы аналитического и критического мышления. Подрывается доверие к информации от ИИ в целом. Может влиять на принятие решений. Ведет к этическим и правовым дилеммам / The potentials of analytical and critical thinking are decreasing. Trust in information from AI in Central Asia is being undermined. It can influence decision-making. Leads to ethical and legal dilemmas
Алгоритмические искажения — возникают при обучении ИИ на некачественных базах данных, содержащих предвзятости / Algorithmic distortions occur when AI is trained on low-quality databases containing prejudice.	Если пользователь уверен или убежден, что имеет дело с объективными данными / If the user is confident or convinced that they are dealing with objective data	Усиливаются искажения при анализе информации. Возникает зависимость от непроверенных результатов, предоставляемых ИИ. Гендерная предвзятость: культурно-гендерные признаки работают даже если конфиденциальные атрибуты опущены во входных данных — алгоритмы работают на основе этих атрибутов (проявлен приоритет женских имен и образов над мужскими) / Distortions in the analysis of information are increasing. There is a dependence on the untested results provided by AI. Gender bias: cultural and gender attributes work even if confidential attributes are omitted in the input data -algorithms work based on these attributes (priority of female names and images over male ones is shown)	Усугубляется предвзятость и усиливаются предрассудки. Ведет к ошибкам классификации и неверным интерпретациям. Ведет к нарушениям в исследованиях и в психологических практиках / Bias is aggravated and prejudice is intensified. It leads to classification errors and incorrect interpretations. Leads to disruptions in research and psychological practices
Нарушение конфиденциальности / Violation of confidentiality	Усиливаются при игнорировании этических и правовых норм / They increase when ethical standards are ignored	Незаконное использование данных / Illegal use of data	Нарушение прав частной жизни. Этические и правовые проблемы / Violation of privacy rights. Ethical and legal issues
Проблемы прозрачности / Transparency issues	Скрытость алгоритмов, даже в условиях полного описания программы (никто не понимает, как ведется обработка информации в сетях). Наличие секретности в создании моделей ИИ, в контексте прав собственности и получения доходов / Algorithms are hidden, even in the context of a complete description of the program (no one understands how information is processed in networks). The presence of secrecy in the creation of AI models, in the context of property rights and income generation	Дезориентация в механизмах создания контента или рекомендаций / Disorientation in content creation or recommendation mechanisms	Повышение тревожности. Возникновение трудноформулируемых сомнений. Этические дилеммы / Increased anxiety. The emergence of difficult-to-formulate doubts. Ethical dilemmas
Генеративные модули — вариационные автокодировщики (ВАЭ) — помогают в разделах «писательского блока» и создании авторского контента / Generative modules — variational autoencoders (VAE) — help in the sections of the	Стремление к созданию интересного контента / Striving to create interesting content	Помогают в работе со сложными частями рукописи. Помогают снять «писательское застойное состояние», обрести вдохновение и способствуют появлению инновационных подходов к решению проблем. Обеспеченные знаниями из психологии и нейробиологии, могут создавать персонализированные интерактивные среды обучения / They help with	Может развиваться зависимость от таких технологий / Dependence on such technologies may develop

Особенности действия и работы ИИ / Features of AI operation and operation	Условия возникновения эффектов / Conditions for the occurrence of effects	Создаваемые эффекты под влиянием применения моделей ИИ / The created effects are influenced by the use of AI models	Последствия / Effects
1	2	3	4
"writer's block" and the creation of author's content		complex parts of the manuscript. They help to remove the "writer's stagnation", gain inspiration and contribute to the emergence of innovative approaches to solving problems. Provided with knowledge from psychology and neuroscience, they can create personalized interactive learning environments.	
Повышение точности ИИ в прогнозировании / Improving AI accuracy in forecasting	Систематическое применение. Большое количество удачных подтвержденных прогнозов / Systematic application. A large number of successful confirmed forecasts	Все больше доверия к ИИ, и все более полагаются на него в принятии решений / There is more and more trust in AI, and more and more reliance on it in decision-making	Подавление творчества и новаторского мышления (у студентов и преподавателей). Снижение качества образования / Suppression of creativity and innovative thinking (among students and teachers). Declining quality of education
Генерация заранее сформулированных ответов / Generating pre-formulated responses	Систематичность запросов к ИИ / The consistency of AI requests	Ограничение свободы в выражении собственного мнения и своих уникальных мыслей / Restriction of freedom to express one's own opinion and one's own unique thoughts	Утрата навыков мыслительного усилия и самостоятельности мышления / Loss of mental effort skills and independent thinking
Слабость и низкая эффективность систем распознавания сгенерированного контента в научных работах (не более 15% точности выявления) / Weakness and low efficiency of recognition systems for generated content in scientific papers (no more than 15% detection accuracy)	Отсутствие прозрачности в алгоритмах / Lack of transparency in algorithms	Проблема баланса между самостоятельной деятельностью и помощью ИИ. Проблемы понимания авторства. Повышение количества сгенерированных текстов и исследований. Повышение плагиата в научных работах. Недостаток оригинальности текстов. Склонность к избытку текста. Использование тонких и расплывчатых формулировок / The problem of the balance between independent activity and the help of AI. Problems of understanding authorship. Increase the number of generated texts and studies. Increasing plagiarism in scientific papers. The lack of originality of the texts. A penchant for excessive text. The use of subtle and vague language	Проблема соблюдения этических и академических принципов. Приток ИИ-статей в научную сферу. Подрыв доверия к научным исследованиям и снижению престижа научных публикаций / The problem of compliance with ethical and academic principles. The influx of AI articles into the scientific field. Undermining the credibility of scientific research and reducing the prestige of scientific publications
Имитационная антропоморфность систем ИИ / Imitation anthropomorphism of AI systems	Особенности когнитивной сложности задачи. Уровень когнитивной сложности самого пользователя и его субъективная оценка сложности решаемой задачи / Features of the cognitive complexity of the task. The level of cognitive complexity of the user and his subjective assessment of the complexity of the task being solved	Приписывание алгоритмам собственных намерений / Attributing personal intentions to algorithms	Утрата дифференциации субъекто-объектных отношений. Развитие зависимости. Снижение реальных контактов и взаимодействий, в силу чего усиливаются неуверенность и страхи перед реальным миром, влекущие психологические и экзистенциальные проблемы / Loss of differentiation of subject-object relations. The development of addiction. A decrease in real contacts and interactions, which increases insecurity and fears of the real world, leading to psychological and existential problems

Искусственный интеллект в исследованиях

Современные ученые в полной мере используют возможности применения искусственного интеллекта в своей работе. Например, новые технологии позволили применить для анализа эволюции жанров научно-фантастических фильмов в их влиянии на общественное восприятие и последствия для поведения человека в окружающем мире, такие новшества, как одновременное предъявление стимулов (вирту-

альных сцен) и анкетирование участников (Zheng, Wang, 2024).

Активное развитие ИИ привело к тому, что ученые ищут возможности заменить человека в исследованиях о человеке: значительная часть зарубежных исследований касается того, какие формы ИИ могут использоваться в изучении процессов познания и в разработке моделей для проведения исследований без прямого участия реальных испытуемых (Taylor, Taylor, 2021).

Дж. и Грэм Тейлор (J.E.T. Taylor, G.W. Taylor) отмечают, что работа с такими моделями позволяет существенно интенсифицировать процесс сбора данных и избежать тех проблем, которые в ряде случаев возникают при работе с реальными испытуемыми. Основная идея авторов — призыв к психологам адаптировать методы психологии (и прежде всего когнитивной) к пониманию механизмов работы ИИ и его варианта «Искусственного познания» (ХАИ), по принципу изучения «черного ящика» человеческого поведения, для создания «ментальных конструкторов ИИ». Основу такого подхода, по мнению авторов, должны составить эксперименты, проверяемые

гипотезы и выявление причинно-следственных связей о поведении моделей ИИ (подобно тому, как это делают в когнитивных науках), что повысит эффективность машинного обучения. Авторы также предлагают вывести изучение искусственного познания в отдельную междисциплинарную сферу, в целях улучшения качества ИИ, за счет использования знаний из философии, психологии, антропологии и проверки моделей ИИ с помощью данных, получаемых от людей (Taylor, Taylor, 2021).

На основе анализа источников мы сформировали таблицу сравнения исследовательских особенностей человека и алгоритмов ИИ (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение психологических исследований, проводимых людьми и системами ИИ
Comparison of psychological research conducted by humans and AI systems

Параметры сравнения / Comparison Parameters	Особенности машинно-программных исследований (ИИ как автор, исполнитель и участник исследования) / Features of machine-software research (AI as the author, performer and participant of the research)	Особенности исследований, проводимых людьми / Features of research conducted by humans
1. Объем и скорость исследований / Scope and speed of research	Высочайшая скорость и большие массивы сбора данных: практически нет ограничений в скорости и массивах (например, в Open AI изучение поведения агентов обучения строилось на объеме в 500 миллионов тестовых испытаний) / The highest speed and large data collection arrays: there are practically no restrictions in speed and arrays (for example, in Open AI, the study of the behavior of learning agents was based on a volume of 500 million test trials)	Ограниченное число участников: как правило, участвуют студенты, преимущественно в интервале осеннего семестра, для легкости мотивировки их участия. Необходимость тратить грантовые средства на привлечение участников / Limited number of participants: as a rule, students participate, mainly during the fall semester, for ease of motivation of their participation. The need to spend grant funds to attract participants
2. Уровень производительности / Performance level	Есть компромисс между производительностью и сложностью модели / There is a trade-off between performance and model complexity	У людей когнитивная сложность не гарантирует высокую производительность: человек может ориентироваться на высокое качество в ущерб количеству / In humans, cognitive complexity does not guarantee high productivity: a person can focus on high quality at the expense of quantity
3. Этические рамки / Ethical framework	У алгоритмов нет этических ограничений и необходимости административно-организационного согласования. Однако нарастает количество работ, требующих и обосновывающих необходимость формирования этических стандартов в сфере сбора данных и обращения с ними, а также правил устранения предвзятости данных / The algorithms have no ethical limitations and no need for administrative and organizational coordination. However, there is an increasing amount of work that requires and justifies the need to establish ethical standards in the field of data collection and management, as well as rules for eliminating data bias	Всегда есть этические ограничения и необходимость согласования с Наблюдательными советами университетов / There are always ethical limitations and the need for coordination with the Supervisory Boards of universities
4. Проблемы объективности и адекватности результатов / Problems of objectivity and adequacy of results	Модели ИИ могут галлюцинировать и фальсифицировать эксперименты. Однако появляются стратегии поиска и устранения предвзятости и галлюцинирования программ / AI models can hallucinate and falsify experiments. However, strategies are emerging to find and eliminate bias and hallucination	Возможны предвзятости, связанные с социально-культурными особенностями, установками и научными ориентациями исследователей. Однако стремление к истине, профессионализм и рефлексивный анализ выступают протективными ресурсами устранения проблемы / There may be biases related to socio-cultural characteristics, attitudes, and scientific orientations of researchers. However, the pursuit of truth, professionalism and reflexive analysis act as protective resources to eliminate the problem
5. Уровень сложности и границы возможностей / The level of difficulty and the limits of possibilities	Ограничения задаются возможностями программы (алгоритмов) и емкостью технических устройств / The limitations are set by the capabilities of the program (algorithms) and the capacity of the technical devices	Ограничения замысла связаны с фантазией и подготовленностью исследователя / The limitations of the design are related to the imagination and preparedness of the researcher

Параметры сравнения / Comparison Parameters	Особенности машинно-программных исследований (ИИ как автор, исполнитель и участник исследования) / Features of machine-software research (AI as the author, performer and participant of the research)	Особенности исследований, проводимых людьми / Features of research conducted by humans
6. Методологические особенности / Methodological features	<p>Автоматически генерируются новые гипотезы / New hypotheses are automatically generated</p> <p>Искусственное познание ориентируется не на средние значения, а на анализ отклонений от среднего, как более истинного показателя (как в психологии индивидуальных различий) / Artificial cognition focuses not on averages, but on the analysis of deviations from the average, as a more true indicator (as in the psychology of individual differences)</p>	<p>Ученые действуют по линии опровержения гипотез, а не генерируют множество новых / Scientists act along the lines of refuting hypotheses, rather than generating a multitude of new ones</p> <p>Обобщения могут строиться на базе результатов, полученных в искусственных условиях на нерепрезентативных выборках, и они переносятся на популяцию в целом (при обучении исследователей долго тренируют делать выводы о поведении в популяции на основе закономерностей в выборке) / Generalizations can be based on the results obtained in artificial conditions on unrepresentative samples, and they are transferred to the population as a whole (during training, researchers are trained for a long time to draw conclusions about behavior in the population based on patterns in the sample)</p>
7. Рефлексия, интерпретация и аргументация / Reflection, interpretation and argumentation	<p>Нейронные сети фокусируются на подмножествах доступной информации. В алгоритмах по методу «Post-hoc» (постфактумное объяснение) работает рационализация причин поведения модели ИИ («черного ящика № 1») после ознакомления с объяснением. Поведение DNN-моделей (глубокого обучения) объясняют другие интроспективные модели, что приводит к появлению «черного ящика № 2», который выступает инструментом глубокого обучения (контролируемое обучение пока недоступно) / Neural networks focus on subsets of available information. Algorithms using the "Post-hoc" method (after-the-fact explanation) rationalize the reasons for the behavior of the AI model ("black box No. 1") after reviewing the explanation. The behavior of DNN models (deep learning) is explained by other introspective models, which leads to the appearance of "black box No. 2", which acts as a deep learning tool (supervised learning is not yet available)</p>	<p>Рационализируют и защищают свои решения на основе знаний и личного опыта / They rationalize and defend their decisions based on knowledge and personal experience</p>
8. Источники ошибки / Sources of error	<p>Машины могут давать сбой и быть опасны в случаях сбоя программы. В целях компенсации принимаются законы, обязывающие предупреждать граждан о том, как ИИ принимает решения / Machines can malfunction and be dangerous if the program fails. In order to compensate, laws are being passed that require citizens to be warned about how AI makes decisions</p>	<p>Ошибки детерминированы свойствами субъекта (невнимательность, неверность замысла, неточность методологии, предвзятость, низкая ответственность) / Errors are determined by the properties of the subject (inattention, incorrect design, inaccuracy of methodology, bias, low responsibility)</p>

Заключение и выводы

Приведенный обзор позволяет оценить *опыт внедрения* моделей ИИ в различные психологические и исследовательские практики, а также в некоторые виды деятельности, где важной составляющей выступает психологический фактор.

Исследования последних лет показывают, что современные технологии ИИ имеют как позитивные, так и негативные стороны и могут создавать определенные проблемы для человека как субъекта активности и познания.

Безопасность внедрения новых сверхмощных технологий требует тщательного анализа возможных рисков и разработки мер защиты психического здоровья пользователей.

Позитивные аспекты применения технологий ИИ в психологических практиках определяются тем, что

они расширяют и облегчают доступ к психологическим услугам, повышают объективность и точность диагностики, способствуют результативности терапии, обеспечивают высокую индивидуализацию, постоянное мониторинга и поддержки.

В качестве проявленных рисков внедрения ИИ фиксируются: возможное развитие зависимости и чрезмерного доверия (при постоянстве использования, антропологичности алгоритмов, повышении диагностической и интерпретационной точности); размытость и трудность регуляции этических стандартов; нечеткость границ ответственности (в оперировании данными и за итоговые результаты); скрытость механизмов действия алгоритмов, даже при полном их описании.

Внедрение моделей ИИ оказывает двойное воздействие на пользователей: с одной стороны, сокращает время поиска и изучения, улучшает навыки,

упрощает выполнение различных задач и повышает эффективность деятельности. С другой стороны, обнаруживаются риски возникновения этических проблем, снижения когнитивных способностей (в аспекте критического мышления, креативности и оригинальности), нивелировки процессов принятия решений и формирования зависимости от моделей ИИ.

Основными факторами формирования чрезмерной зависимости от диалоговых моделей ИИ выступают такие машинные характеристики, как способность к генерации ложной информации (галлюцинации), алгоритмическая предвзятость, проблемы конфиденциальности и прозрачности.

В качестве наиболее значимой проблемы внедрения ИИ на сегодняшний день исследователи называют снижение потенциалов критического анализа, что создает угрозы возникновения нарушений разумного понимания и поведения.

В исследовательских практиках намечена тенденция изучения человека без участия самого человека и отмечена востребованность изучения самих моделей ИИ методами, разработанными в когнитивной психологии.

Профилактические рекомендации касаются необходимости повышать медиаграмотность пользователей (интегрируя ее в образовательные и просветительские программы); развивать компетентность в отношении понимания механизмов работы ИИ и критического анализа сгенерированного контента; активно поддерживать когнитивное развитие и актуализировать этические основы использования технологий ИИ.

Перспективные направления исследований будут определяться, с одной стороны, появляющимися новыми возможностями самих технологий, особенно в исследовательском поле, в частности в исследовании внутренних «черных ящиков» самого ИИ и особенностей его познания; с другой стороны, повышенную актуальность будут иметь исследования, связанные с изучением формирования и социально-субъективного восприятия этических стандартов в ИИ-среде, особенно тех, которые регулируют профессионально-психологическое взаимодействие; также продолжатся наблюдения за последствиями взаимодействия человека и машинных алгоритмов в аспекте когнитивных, эмоциональных, личностных и отношенческих изменений, что будет выступать основой дальнейших технологических преобразований.

Список источников / References

1. Abrar, M., ur Rehman, M., Khalid, S., Ullah, R. (2026). The intersection of artificial intelligence and assistive technologies in the diagnosis and intervention of mental health conditions. *Artificial Intelligence Review*, 59, Article 40. <https://doi.org/10.1007/s10462-025-11447-9>
2. Atmakuru, A., Shahini, A., Chakraborty, S., Seoni, S., Salvi, M., Hafeez-Baig, A., Tan, R.S., Barua, P.D., Molinari, F., Acharya, U.R. (2025). Artificial intelligence-based suicide prevention and prediction: A systematic review (2019—2023). *Information Fusion*, 114, Article 102673. <https://doi.org/10.1016/j.inffus.2024.102673>
3. Baran, F.D.E., Cetin, M. (2025). AI-driven early diagnosis of specific mental disorders: A comprehensive study. *Cognitive Neurodynamics*, 19, Article 70. <https://doi.org/10.1007/s11571-025-10253-x>
4. Boduroglu, E., Yigiter, M.S. (2026). Artificial intelligence scoring attitudes: Scale development and validation. *Education and Information Technologies*, 31, 701—726. <https://doi.org/10.1007/s10639-025-13836-7>
5. Calderita, L.V. Manso, L.J., Bustos, P., Suárez-Mejías, C., Fernández, F., Bandera, A. (2014). Therapist: towards an autonomous socially interactive robot for motor and neurorehabilitation therapies for children. *JMIR Rehabilitation and Assistive Technologies*, 1(1), Article e1. <https://doi.org/10.2196/rehab.3151>
6. Craig, T.K., Rus-Calafell, M., Ward, T., Leff, J.P., Huckvale, M., Howarth, E., Emsley, R., Garety, P.A. (2018). AVATAR therapy for auditory verbal hallucinations in people with psychosis: A single-blind, randomised controlled trial. *The Lancet Psychiatry*, 5(1), 31—40. [https://doi.org/10.1016/s2215-0366\(17\)30427-3](https://doi.org/10.1016/s2215-0366(17)30427-3)
7. de la Fuente Tambo, D., Iglesias Moreno, S., Armayones Ruiz, M. (2025). Barriers and enablers for generative artificial intelligence in clinical psychology: A qualitative study based on the COM-B and theoretical domains framework (TDF) models. *BMC Psychology*, 13(1), Article 1181. <https://doi.org/10.1186/s40359-025-03500-7>
8. Demir, M., Aydo du, F., Alabay, M.B., Yaşar, H.K., Bozkurt, A. (2026). More than an algorithm: Mental health professionals confront the promise and ethical perils of artificial intelligence. *Universal Access in the Information Society*, 25, Article 24. <https://doi.org/10.1007/s10209-025-01297-1>
9. Elyoseph, Z., Refoua, E., Asraf, K., Lvovsky, M., Shimoni, Y., Hadar-Shoval, D. (2024). Capacity of generative AI to interpret human emotions from visual and textual data: Pilot evaluation study. *JMIR Mental Health*, 11, Article e54369. <https://doi.org/10.2196/54369>
10. Fattahipour, R., Shariffar, S., Teymouri, F., Marzaleh, M.A. (2025). Mental health promotion in disasters: Exploring the synergy of artificial intelligence, spirituality, and psychology: A SWOT analysis. *Discover Psychology*, 5, Article 41. <https://doi.org/10.1007/s44202-025-00371-2>
11. Hadar-Shoval, D., Elyoseph, Z., Lvovsky, M. (2023). The plasticity of ChatGPT's mentalizing abilities: Personalization for personality structures. *Frontiers in Psychiatry*, 14, Article 1234397. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1234397>
12. Han, D.Y. (2025). Artificial intelligence in and beyond healthcare psychology. *Journal of Clinical Psychology in Medical Settings*, 32, 600—607. <https://doi.org/10.1007/s10880-025-10101-4>

13. Jin, G., Jiang, J., Liao, H. (2024). The work affective well-being under the impact of AI. *Scientific Reports*, 14, Article 25483. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-75113-w>
14. Kong, Y., Duan, Z. (2024). Boxing behavior recognition based on artificial intelligence convolutional neural network with sports psychology assistant. *Scientific Reports*, 14, Article 7640. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-58518-5>
15. Kraaijeveld, S.R., Ivanova, D. (2026). Using deepfakes for psychotherapy: Ethical and philosophical issues. *AI Ethics*, 6, Article 79. <https://doi.org/10.1007/s43681-025-00918-y>
16. Liu, X., Zheng, X., Cui, W. (2024). Psychological counseling with integration of knowledge graph and multi-agent collaboration. *Journal of Shanghai Jiaotong University (Science)*, Preprint. <https://doi.org/10.1007/s12204-024-2785-1>
17. Poulsen, A., Hickie, I.B., Chong, M.K., LaMonica, H.M., Turner, A., Iorfino, F. (2025). Personalised care, youth mental health, and digital technology: A value sensitive design perspective and framework. *Ethics and Information Technology*, 27(4), Article 61. <https://doi.org/10.1007/s10676-025-09866-x>
18. Rodriguez-Ruiz, J., Marín-López, I., Espejo-Siles, R. (2025). Is artificial intelligence use related to self-control, self-esteem and self-efficacy among university students? *Education and Information Technologies*, 30, 2507—2524. <https://doi.org/10.1007/s10639-024-12906>
19. Saha, A., Ghosh, A., Khan, K. (2026). Artificial intelligence (AI) and social emotional learning (SEL): A comprehensive review. *International Journal of Engineering in Computer Science*, 8(1), 75—85. <https://doi.org/10.33545/26633582.2026.v8.i1b.252>
20. Saunders, M. (2025). «More or Less Conscious»: Consciousness to-day and to-morrow. *Neuroethics*, 18, Article 7. <https://doi.org/10.1007/s12152-024-09579-w>
21. Sherrill, A.M., Wiese, C.W., Abdullah, S. Arriaga, R.I. (2025). Teaming with artificial intelligence to learn and sustain psychotherapy delivery skills: Workplace, ethical, and research implications. *Journal of Technology in Behavioral Science*, 10, 740—748. <https://doi.org/10.1007/s41347-025-00484-4>
22. Spatola, N., Marchesi, S., Wykowska, A. (2022). Cognitive load affects early processes involved in mentalizing robot behaviour. *Scientific Reports*, 12(1), Article 14924. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-19213-5>
23. Spytka, L. (2025). The use of artificial intelligence in psychotherapy: Development of intelligent therapeutic systems. *BMC Psychology*, 13, Article 175. <https://doi.org/10.1186/s40359-025-02491-9>
24. Sucipto, H. (2024). The impact of artificial intelligence (AI) on human resource management practices. *Management Studies and Business Journal (PRODUCTIVITY)*, 1(1), 138—145. <https://doi.org/10.62207/xy9mx18>
25. Sulak, S.A., Koklu, N. (2025). Assessment of university students' earthquake coping strategies using artificial intelligence methods. *Scientific Reports*, 15, 31897. <https://doi.org/10.1038/s41598-025-17555-4>
26. Taylor, J.E.T., Taylor, G.W. (2021). Artificial cognition: How experimental psychology can help generate explainable artificial intelligence. *Psychonomic Bulletin & Review*, 28, 454—475. <https://doi.org/10.3758/s13423-020-01825-5>
27. Tursunbayeva, A., Fernandez, V. Gallardo-Gallardo, E., Moschera, L. (2026). Artificial intelligence and digital data in recruitment. Exploring business and engineering candidates' perceptions of organizational attractiveness. *European Management Journal*, 44(2), 235—244. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2025.03.002>
28. Wagner, J., Schwind, A.-S. (2025). Investigating psychotherapists' attitudes towards artificial intelligence in psychotherapy. *BMC Psychology*, 13, Article 719. <https://doi.org/10.1186/s40359-025-03071-7>
29. Williams, G.Y., Lim, S. (2024). Psychology of AI: How AI impacts the way people feel, think, and behave. *Current Opinion in Psychology*, 58, Article 101835. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2024.101835>
30. Yirmiya, K., Fonagy, P. (2025). Mentalizing without a mind: Psychotherapeutic potential of generative AI. *Journal of Medical Internet Research*, 27, Article e79156. <https://doi.org/10.2196/79156>
31. Zhai, C., Wibowo, S., Li, L.D. (2024). The effects of over-reliance on AI dialogue systems on students' cognitive abilities: A systematic review. *Smart Learning Environments*, 11, Article 28. <https://doi.org/10.1186/s40561-024-00316-7>
32. Zheng, S., Wang, W. (2024). Artificial intelligence and environment behavior psychology based evolution of science fiction movie genres. *Current Psychology*, 43, 26511—26538. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06279-9>

Информация об авторах

Марина Ивановна Розенова, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6976-5587>, e-mail: profil234@yandex.ru

Александр Сергеевич Огнев, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»); ведущий сотрудник Центра философии образования, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО «МПГУ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2944-6615>, e-mail: ASOgnyov@fa.ru

Эльвира Валерьевна Лихачева, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей психологии и психологии труда, Гуманитарный институт Российского нового университета (АНОК ВО «Российский новый университет» РосНОУ); научный сотрудник Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; научный сотрудник Центра философии образования, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО «МПГУ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0033-601X>, e-mail: zin-ev@yandex.ru

Information about the authors

Marina I. Rozenova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6976-5587>, e-mail: profi1234@yandex.ru

Alexander S. Ognev, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Deputy Director of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation»); Leading Researcher at the Center for Philosophy of Education, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2944-6615>, e-mail: ASOgnyov@fa.ru

Elvira V. Likhacheva, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of General Psychology and Labor Psychology, Humanitarian Institute of the Russian New University; Research Fellow at the Center for Political Research at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation; Researcher at the Center for Philosophy of Education, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0033-601X>, e-mail: zin-ev@yandex.ru

Вклад авторов

Все авторы внесли равный вклад в разработку проблемы и написание статьи и приняли участие в обсуждении результатов, согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

All the authors made an equal contribution to the development of the problem and the writing of the article, and participated in the discussion of the results, agreed on the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование представляет собой теоретический анализ и не требует этического согласования.

Ethics statement

This study is a theoretical analysis and did not require ethical approval.

Поступила в редакцию 02.04.2026

Поступила после рецензирования 16.05.2026

Принята к публикации 09.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.04.02

Revised 2026.05.16

Accepted 2026.06.09

Published 2026.06.30

Обзорная статья | Review paper

Информационно-цифровая безопасность в контексте осведомленности молодежи Монголии о социальных рисках

Ц. Цэцэнбилэг^{1,2} ✉, О.С. Хатанболд¹

¹ Институт философии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия

² Институт иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

✉ tsetsenbilegts@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В условиях современного общества формируется принципиально иная структура производства и потребления информации. Роль инструментов для получения, моделирования и передачи данных непрерывно возрастает. Интернет-технологии превратились в «среду обитания» современных поколений, трансформировав или заменив важные сферы жизнедеятельности. Наряду с очевидными преимуществами, «новый мир» принес колоссальное количество уязвимости в отношении безопасности личности и субъектов труда. В системах актуальной защиты от информационных рисков осведомленность и разборчивость пользователей являются одной из ключевых составляющих. Несмотря на то, что молодежь изначально (фактом рождения) изрядно компетентна в возможностях интернет-пространства и погружена в него, ее уязвимость к негативному и деструктивно-мошенническому влиянию, также остается высокой. **Цель** исследования состояла в выявлении осведомленности монгольской молодежи об информационно-цифровой безопасности и определении социальных рисков, связанных с использованием цифровых технологий. **Методы выборки.** Социологический опрос проведен на многоступенчатой стратифицированной выборке из 800 молодых людей в возрасте 18—34 лет, представляющих различные регионы Монголии. **Обработка данных** проводилась с применением дескриптивной статистики, сравнительного анализа, метода К-средних (k-means), регрессионного, кластерного, факторного и дисперсионного анализа (ANOVA), индексных расчетов. **Гипотеза.** Осведомленность молодежи о цифровых рисках может оказаться значительно выше, чем реальные навыки обеспечения своей безопасности в информационно-цифровой среде. **Результаты** свидетельствуют о недостаточном уровне цифровой грамотности молодежи. Распространена инфантильная недооценка рисков («со мной этого не случится») и слабость рефлексивной позиции. Молодые люди знают или слышали о цифровых рисках (осознают недопустимость передачи третьим лицам своих банковских данных, паролей от интернет-сервисов и кодов доступа к социальным сетям, понимают прямую связь между защитой информации и сохранением своей репутации в цифровом мире), но практические навыки защиты остаются слабыми. Сферы образования, профессиональной подготовки, экономики и досуга определяются молодежью в качестве наиболее уязвимых в процессе цифровизации. Городская молодежь несколько лучше осведомлена о положительных и отрицательных сторонах цифровизации, однако и те и другие обладают недостаточными знаниями о конкретных методах самозащиты. Молодые люди без образования или с начальным уровнем образования слабо осведомлены о социальных последствиях цифровизации, в отличие от тех, у кого уровень образования выше. Молодые люди склонны активно участвовать и высказываться в дискуссиях, возникающих в «сетях» и цифровом пространстве, но при этом слабо учитывают вопросы безопасности. Проявился феномен переоценки объективности и достоверности информации, полученной в цифровой среде. **Выводы.** Оценка уровня осведомленности о рисках цифровой среды и их последствиях выявила критический разрыв: пользователи осознают наличие потенциальных угроз, однако не обладают достаточными практическими знаниями для применения защитных мер. Минимизация социальных рисков, связанных с цифровизацией, требует смещения акцента с ограничений времени в Сети, родительского контроля или чрезмерного законодательного регулирования в сторону формирования индивидуального сознания. Ключевым фактором становится воспитание культуры разумного и этичного поведения в цифровом пространстве, а также повышение личной моральной ответственности каждого пользователя.

Ключевые слова: цифровизация, социальные риски, молодежь Монголии, осведомленность, информационная безопасность, цифровая грамотность

Для цитирования: Цэцэнбилэг, Ц., Хатанболд, О.С. (2026). Информационно-цифровая безопасность в контексте осведомленности молодежи Монголии о социальных рисках. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 91—101. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150209>

Information and digital security in the context of awareness of Mongolia's youth about social risks

Tsetsenbileg Ts.^{1,2} ✉, Khatanbold O. Sartuul¹

¹ Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia

² Institute of Foreign Languages P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

✉ tsetsenbilegts@gmail.com

Abstract

Context and relevance. In modern society, a fundamentally different structure of information production and consumption is being formed. The role of tools for obtaining, modeling, and transmitting data is continuously increasing. Internet technologies have become the «habitat» of modern generations, transforming or replacing important spheres of life. Along with the obvious advantages, the «new world» has brought a huge amount of vulnerability regarding the security of individuals and labor subjects. In current information risk protection systems, user awareness and intelligibility are one of the key components. Despite the fact that young people are initially immersed (by birth) and fairly competent in the possibilities of the Internet space, their vulnerability to negative and destructive fraudulent influence remains high. **The purpose** of the study was to identify the awareness of Mongolian youth about information and digital security and to identify the social risks associated with the use of digital technologies. **Method and selection.** The sociological survey was conducted on a multi-stage stratified sample of 800 young people aged 18–34 representing various regions of Mongolia. The data was processed using descriptive statistics, comparative analysis, k-means, regression, cluster, factor and variance analysis (ANOVA), and index calculations. **Hypothesis.** The awareness of young people about digital risks may be significantly higher than the real skills of ensuring their safety in the information and digital environment. **The results** indicate an insufficient level of digital literacy among young people. There is a widespread infantile attitude of underestimating risks («this will not happen to me») and the weakness of a reflexive position. Young people know or have heard about digital risks (they are aware of the inadmissibility of transferring their bank data, passwords from Internet services and access codes to social networks to third parties, they understand the direct link between protecting information and preserving their reputation in the digital world), but practical protection skills remain weak. The fields of education, vocational training, economics and leisure are identified by young people as the most vulnerable in the process of digitalization. Urban youth are somewhat more aware of the positive and negative sides of digitalization, but both have insufficient knowledge of specific methods of self-defense. Young people without an education or with a primary level of education are poorly aware of the social consequences of digitalization, unlike those with a higher level of education. Young people tend to actively participate and speak out in discussions that arise in the “networks” and the digital space, but they do not take security issues into account. The phenomenon of overestimating the objectivity and reliability of information obtained in the digital environment has emerged. **Conclusions.** An assessment of the level of awareness about the risks of the digital environment and their consequences revealed a critical gap: users are aware of potential threats, but do not have sufficient practical knowledge to apply protective measures. Minimizing the social risks associated with digitalization requires shifting the focus from online time constraints, parental control, or excessive legislative regulation towards the formation of individual consciousness. The key factor is fostering a culture of reasonable and ethical behavior in the digital space, as well as increasing the personal moral responsibility of each user.

Keywords: digitalization, social risks, youth of Mongolia, awareness, information security, digital literacy

For citation: Tsetsenbileg, Ts., Khatanbold, O.S. (2026). Information and digital security in the context of awareness of Mongolia's youth about social risks. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 91–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150209>

Введение

В условиях современного общества формируется принципиально иная структура производства и потребления информации. Роль инструментов для получения, моделирования и передачи данных непрерывно возрастает: от появления фотокамеры в XIX веке до возникновения «Всемирной паутины» (Интернета) и развития технологий искусственного интеллекта (ИИ, AI) в наши дни. Внедрение персональных компьютеров и мобильных средств связи в конце 80-х годов XX века, а также развитие Интернета в начале 90-х,

ознаменовали начало новой эры. Информационные новшества полностью изменили привычный ритм человеческой и общественной жизни. Современное поколение не может представить ни дня без Интернета, который заменяет собой все: от общения с близкими и походов в кино, до образования и путешествий. Интернет стал не просто связующим звеном между человеком и миром, но превратился в специфическую культуру нашего времени, во многом (а порой и полностью) подменив собой важные сферы жизнедеятельности (Park et al., 2024, Carroll et al., 2023; Zhuravlov et al., 2020).

Согласно данным национальной статистики Монголии за 2021 год, при общей численности населения в 3 409 млн человек 4,137 млн человек зарегистрированы как постоянные пользователи Интернета, к 2024 году количество пользователей возросло до 4,887 тыс. при численности населения 3,546 (на 2024 год), т. е. пользователей зарегистрировано больше, чем жителей¹.

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что новые технологии и созданное на их основе цифровое пространство стали не только важнейшей частью жизни, но и подтверждают растущую потребность в развитии цифровой психологии и социологии как отдельных отраслей научного знания. С другой стороны, существующее неравенство в доступе к Интернету связано с определенными социальными проблемами и является отражением степени активного участия индивидов в цифровом пространстве. Суть данного процесса заключается в трансформации общества и переходе на новый этап развития под влиянием цифровизации, что ведет к обновлению всей системы общественных отношений (Чулуунбаатар, Хатанболд, 2014).

Очевидно, что в результате этого процесса реформируются социальная структура, экономика, образовательные отношения, ценностные ориентации и повседневный образ жизни. Мир вступил в эпоху активного участия индивидуума не только в получении, но и в создании, моделировании информации, превращении ее в неотъемлемую часть работы, отдыха и повседневной коммуникации (Жиллнер, 2001, Веселов и др., 2023).

Информация из Интернета становится мощным фактором в современной политической практике, коммерческой деятельности и художественном творчестве, что диктует необходимость глубокого осмысления данных условий (Жиллнер, 2001).

В эпоху Интернета и цифровых технологий коренным образом меняются формы обучения, развития, досуга и взаимодействия детей, открывая широкие возможности для самовыражения и получения знаний (Marshall et al., 2018). Вместе с тем необходимо обратить внимание на рост рисков: столкновения детей с неподобающим контентом (сцены насилия, порнография), а также угрозы со стороны киберпреступности, превращающей детей в жертв или нарушителей закона (Joshi, Singh, 2017; Wiederhold, 2024; Fletcher, 2022).

Понятийно-терминологические основы исследования

Структура и компоненты информационной безопасности. В рамках рассматриваемой проблематики представляется целесообразным показать возможности обеспечения информационной безопасности в практической деятельности.

Информационную безопасность можно рассматривать как процесс и методологию, направленную на защиту личной, строго конфиденциальной информации и больших данных (в печатном, электронном и других форматах) от несанкционированного доступа, использования, а также от злоупотребления, разглашения, уничтожения, изменения или прерывания работы с ней². В то же время, информационную безопасность (InfoSec) понимают и как совокупность практик, направленных на защиту конфиденциальной информации, центров обработки данных и облачных приложений. Протоколы информационной безопасности предотвращают несанкционированный доступ, использование, раскрытие, нарушение или уничтожение данных³. Защищаемая информация может быть любой: электронной, физической (документы) или нематериальной (знания).

В русскоязычном варианте триада информационной безопасности (Confidentiality (конфиденциальность), Integrity (добросовестность), Availability (доступность)) обозначается как КЦД — *конфиденциальность* (доступ к ресурсам только тех пользователей или устройств, которые прошли авторизацию), *целостность* (полнота и достоверность данных, уверенность в том, что они не подверглись несанкционированным изменениям в процессе хранения), *доступность* (надежность и своевременность («в любой момент») доступа к ресурсам для тех, кто имеет на это право) (Веселов и др., 2023).

Конфиденциальность предполагает, что «любая информация не будет открыта или разглашена лицам, организациям или общественности, не имеющим на то законного разрешения» (Beckers, 2015). Конфиденциальность — это элемент безопасности, который реализуется для защиты информации от тех, кто пытается использовать ее без разрешения. К наиболее распространенным примерам нарушения конфиденциальности электронной информации можно отнести кражу ноутбука, кражу пароля для входа в систему или отправку строго конфиденциального электронного письма не тем людям.

Целостность информационных данных это сохранение и обеспечение точности и полноты информации

¹ National Statistics Office of Mongolia. (2024). Number of internet users and computers, by region, aimags and the Capital, and by year (Note: Due to revisions and updates to the survey forms and methodology for the information and communications sector, no data enrichment has been applied to the statistics from 2024 onward.). URL: https://www.1212.mn/en/statcate/table-view/Industry,%20service/Telecommunication/DT_NS0_1300_012V1_y.px?subtables=NUMBER%20OF%20INTERNET%20USERS%20AND%20COMPUTERS,%20by%20region,%20aimags%20and%20the%20Capital (viewed: 02.06.2026).

² SANS Institute. (2016). Information Security. <https://www.sans.org/security-resources/glossary-of-terms/information-security>

³ DOT Security. (2024, October 10). What are the 3 Components of Information Security? URL: <https://dotsecurity.com/insights/blog-what-are-the-components-information-security> (viewed: 02.06.2026).

на протяжении всего ее жизненного цикла, при этом данная информация не может быть изменена несанкционированным или незамеченным образом (Efrim, 2005). Эта гарантия данных, соответствует модели ACID* (atomicity/атомарность, consistency/согласованность, isolation/изолированность, durability/долговечность), предназначенной для передачи и обработки информации (Haerder, Reuter, 1983)⁴.

В более широком смысле, гарантия целостности информационных данных — это принцип информационной безопасности, который охватывает человеческие (социальные) отношения, а также, коммерческую честность и гарантию доступа к информации (Efrim, 2005; Stoneburner, Hayden, Feringa, 2004; Boritz, 2005; Kanahaiya, Pramod, 2023; Kelley at al., 2023).

Названные элементы «*триады информационной безопасности*» (по DOT Security, 2024), стали основными направлениями в сфере информационной безопасности, которые позволяют эффективно внедрять различные «*политики*» и новшества без ущерба для производительности любой организации» (Sarkar, Shukla, 2023). Триада информационной безопасности реализуется через *организованный процесс управления рисками*, который включает (по DOT Security, 2024):

- *выявление* потенциальных *угроз*, уязвимостей и воздействий на информацию и связанные с ней активы;
- *принятие решений* о том, *как реагировать на риск* (избеганием, снижением, принятием и т. п.) и *устранение* сбоев непосредственно, в процессе оценки рисков;
- при необходимости снижения риска *выбор*, *планирование* и *внедрение* соответствующих *мер контроля безопасности*.

Представленная модель триады подразумевает ежедневный мониторинг операционной деятельности и внесения необходимых корректировок для постоянно-го улучшения в решении возникающих проблем.

Еще одно направление информационной безопасности («*infosec*») — это *практические действия по защите информации* путем снижения информационных рисков (Marshall et al., 2018). Это та часть управления информационными рисками, которая включает предотвращение ненадлежащего несанкционированного доступа к данным, их незаконного использования, разглашения, прерывания доступа, уничтожения, использования в коррупционных целях, внесения сторонних изменений, проверки, записи и обесценивания (Joshi, Singh, 2017). Таким образом, это любые виды деятельности, направленные на снижение негативного воздействия.

Системы информационной безопасности, как правило, включают средства контроля для обеспечения собственной надежности, в частности, для защиты ядра и основных функций системы от преднамеренных и случайных угроз (Beckers, 2015).

Для стандартизации информационной безопасности необходимо сотрудничество исследователей и специалистов разного профиля (Розенова, Огнев, Лихачева, 2025а), что позволит оптимизировать руководящие принципы, политики и отраслевые стандарты безопасности — пароли, антивирусное программное обеспечение, программы шифрования, юридические документы об ответственности, а также повысить осведомленность в области безопасности.

К настоящему моменту уже есть разветвленные стандарты, закрепленные законами и правилами, регулирующими доступ, обработку, хранение, передачу и уничтожение данных. Однако внедрение любых стандартов и руководств имеет ограниченную эффективность, если не удастся сформировать *культуру* постоянного улучшения и соблюдения требований. Например, в «*Руководящих принципах по безопасности информационных систем и сетей*» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), пересмотренных в 1992 и 2002 годах, предложены девять общепризнанных принципов: «осведомленность, ответственность, реагирование, этика, демократия, оценка рисков, разработка и внедрение правил безопасности, а также управление безопасностью». На основе этих принципов в 2004 году были предложены еще 33 дополнительных принципа проектирования безопасности информационных технологий NIST (Stoneburner, Hayden, Feringa, 2004), которые были детерминированы результатами практики.

Риски и угрозы информационной безопасности в цифровой среде

Существуют десятки форм угроз, которые могут представлять риск для информационной безопасности (атаки на программное обеспечение, кража интеллектуальной собственности, кража личных данных, кража оборудования и информации, саботаж и информационный разбой). Кража интеллектуальной собственности продолжает наносить значительный ущерб во многих сферах деятельности, в том числе предпринимателям в сфере информационных технологий (ИТ) (Zhuravlov et al., 2020). Распространенной тенденцией стала кража жизненно важной личной информации путем проникновения в частные данные с использованием методов социальной инженерии. Повсеместное использование мобильных устройств увеличило объем таких данных и привело к резкому росту киберпреступности, основанной на краже, уничтожении или распространении личных данных, что стало серьезным вызовом для цифрового развития (Wiederhold, 2024; Розенова, Огнев, Лихачева, 2025а).

⁴ Модель ACID, используемая в информатике, понимается как набор транзакционных свойств базы данных, предназначенных для обеспечения валидности данных независимо от ошибок программного обеспечения, перебоев в подаче электроэнергии и других сторонних рисков.

Современный мир наработал множество способов защиты от названных угроз и атак (Stoneburner, Hayden, Feringa, 2004; Efrim, 2005; Haerder, Reuter, 1983), но наиболее важным средством является *системная профилактика*, включающая как технологические системы защит (совершенствование программного обеспечения, увеличение IT-затрат, постоянство мобильного мониторинга и прочее), так и работу с населением (постоянство информирования и активного обучения (Розенова, Огнев, Лихачева, 2025b)

Тотальная цифровизация определила изменение способов влияния и распространения идей через цифровую среду, что создало риск превращения общества в «конформистов», чрезмерно зависимых от виртуального мира⁵ (Verma, 2024; Cross, Lee, 2022; Vize, Byrd, Stepp, 2023). Например, наука еще не в полной мере оценила реальную роль Интернета в современной политике. Идеологический экстремизм, терроризм и киберугрозы продолжают негативно влиять на национальную безопасность. Возникла острая необходимость научного изучения методов защиты от этих угроз. Ярким примером является использование социальных сетей для организации массовых протестов, что требует принятия мер по управлению общественным сознанием (Чулуунбаатар, Хатанболд, 2014).

Быстрый рост Интернета стал почвой для вовлечения молодежи в деятельность экстремистских организаций и негативных сообществ. Сетевые группы в форме реального социального взаимодействия в Интернете стали активно влиять на общественные дискуссии (пикеты, демонстрации, группы массовых суицидов или аутоагрессии и т. п.) (Цэцэнбилэг, Хатанболд, 2024). Поэтому ограничение, контроль и выявление позитивных и негативных сторон цифрового взаимодействия стали важнейшей задачей для институтов национальной безопасности и научных организаций (Цэцэнбилэг, Хатанболд, 2024).

Цель исследования. Наш исследовательский интерес определился необходимостью выявления социальных рисков для молодежи, связанных с использованием цифровых технологий, на основе анализа осведомленности монгольской молодежи об информационно-цифровой безопасности.

В статье представлена часть результатов большого социологического исследования, проведенного в рамках совместного проекта «Социальные риски молодежи Беларуси и Монголии в условиях цифровизации» (ШУТ ХТБ-2022/01) на базе Улан-Баторского парка науки и технологий МУИС.

Выборку исследования составила многоступенчатая стратифицированная выборка из 800 молодых людей в возрасте 18—34 лет, представляющих различные регионы Монголии: Увс (Западный регион), Оворхангай

(Хангайский регион), Дорноговь (Центральный регион), Дорнод (Восточный регион), а также из городов Дархан и Улан-Батор. По результатам исследования была издана коллективная монография и опубликованы статьи в соавторстве с белорусскими коллегами (Цэцэнбилэг, Хатанболд, 2024; Шкурова, Новицкий, Цэцэнбилэг, 2024).

Обработка данных проводилась с применением дескриптивной статистики, сравнительного анализа, метода К-средних (k-means), регрессионного, кластерного и факторного анализа, дисперсионного анализа (ANOVA) и индексных расчетов.

Результаты исследования осведомленности монгольской молодежи о цифровых рисках

В ходе исследования выявилось следующее: 65,3% респондентов хорошо знают о компьютерных вирусах, 61% — о дезинформации (фейковых новостях), 59,1% — об интернет-зависимости и 51,5% — о киберкражах и мошенничестве, 35,9% опрошенных слышали о возможности управления человеческим сознанием и поведением через информацию. Более подробно информация представлена в сводной таблице (табл. 1).

В силу многочисленности и емкости таблиц, отражающих исследовательские результаты, в тексте мы приводим описание уже проведенного качественно-содержательного анализа, который показал, что среди молодежи в возрасте 18—32 лет сельские жители чаще, чем городские, считают, что риски возросли с началом эпохи цифровизации. Хотя молодежь знает или слышала о цифровых рисках, практические навыки защиты остаются слабыми. Полученные результаты свидетельствуют о недостаточном уровне цифровой грамотности. Наиболее распространенной установкой молодежи является убеждение, что «со мной этого не случится», свидетельствующей о слабости рефлексивной позиции по отношению к своему и чужому опыту и легкомысленном отношении к кибербезопасности.

В отношении *последствий цифровизации, нарушения информационной безопасности* были определены молодыми респондентами как последствия с наиболее высоким уровнем риска. Молодые люди глубоко осознают недопустимость передачи третьим лицам своих банковских данных, паролей от интернет-сервисов и кодов доступа к социальным сетям, содержащим конфиденциальную информацию. Наблюдается высокая степень осмотрительности: молодежь стремится обеспечивать безопасность личных данных, понимая прямую связь между защитой информации и сохранением своей репутации в цифровом мире.

⁵ Fletcher, E. (2022, January 25). Social media a gold mine for scammers in 2021 (Data Spotlight). Washington: Federal Trade Commission. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/data-visualizations/data-spotlight/2022/01/social-media-gold-mine-scammers-2021> (viewed: 02.06.2026).

Таблица 1 / Table 1

Осведомленность молодежи о цифровых рисках (примененные варианты ответов:

1 — знаю, 2 — слышал, 3 — не знаю)

Young People's Awareness of Digital Risks (Response options used: 1 — I know, 2 — I've heard, 3 — I don't know)

№ п/п	Показатель / Indicator	Знаю / I know (%)	Слышал / Heard (%)	Не знаю / Don't know (%)	Среднее значение / Average value
1	Компьютерные вирусы / Computer viruses	65,3	24,1	10,6	1,5
2	Интернет-зависимость / Internet addiction	59,1	28,6	12,3	1,5
3	Информационная война / Information war	38,8	32,1	29,1	1,9
4	Фейковые новости / Fake news	61,0	25,9	13,1	1,5
5	Конфиденциальные учетные данные / Confidential credentials	29,5	33,3	37,3	2,1
6	Киберкражи, мошенничество / Cyber theft, fraud	51,5	34,8	13,8	1,6
7	Управление сознанием и поведением / Cyber theft, fraud	36,5	35,9	27,6	1,9
8	Право на неприкосновенность частной жизни / Right to privacy	43,1	34,9	22,0	1,8
9	Право на защиту репутации / The right to protect one's reputation	49,3	28,5	22,3	1,7
ИТОГО		1,7			

Вторым по значимости аспектом влияния цифровизации молодежь назвала *последствия криминального характера*. В последние годы масштабы виктимизации (превращения в жертву) в результате киберпреступлений значительно увеличились. Особую тревогу вызывает рост психологического давления на подростков: злоумышленники «отлавливают» размещенную в Сети информацию или случайные негативные/девиантные действия молодых людей, используя их для дальнейшего шантажа и угроз (Розенова, Огнев, Лихачева, 2025a). Эти процессы становятся фундаментом для распространения преступности в цифровой среде (Sarkar, Shukla, 2023; Wiederhold, 2024)

Факторизация результатов оценки осведомленности монгольской молодежи о рисках и последствиях цифровизации

Обобщенные результаты исследования подтверждают, что в плане информационной безопасности для молодежи наиболее важными аспектами являются:

«Никому не передавать свои пароли и коды (банковские, интернет-сервисы и т. д.)», «Обеспечение безопасности личных данных для защиты своей репутации» и «Использование Интернета в образовательных целях».

Было выявлено, что социальные риски, проявляющиеся в молодежной среде, характеризуются многогранностью и взаимозависимостью. Сферы образования, профессиональной подготовки, экономики и досуга оказались наиболее уязвимыми к социальным рискам, сопровождающим процесс цифровизации.

Для уточнения и обобщенного понимания результатов изучения последствий цифровизации мы применили процедуры факторизации данных, с помощью которых были выделены два основных фактора: *Фактор 1*, отразивший недостаточную осведомленность о последствиях цифровизации, но наличие фактологической основы о феноменологии рисков в цифровой среде, и *Фактор 2*, объединивший знания о механизмах и последствиях функционирования цифровой среды (табл. 2).

На основе выделенных факторов был рассчитан индекс осведомленности молодежи о рисках цифровизации в разрезе «город — сельская местность» (табл. 3).

Таблица 2 / Table 2

Факторные интеграции оценки молодежью последствий влияния цифровизации

Factor integration of youth assessment of the consequences of digitalization

№ п/п	Показатель	Фактор 1	Фактор 2
1	Информация в СМИ влияет на мысли и поведение человека / Information in the media affects a person's thoughts and behavior,	0,108	0,775
2	Каналы СМИ (газеты, радио, ТВ, сайты) могут быть как частными, так и государственными / Media channels (newspapers, radio, TV, and websites) can be both private and public	0,245	0,729
3	Цифровая коммуникация включает сбор и хранение данных о пользователях / Digital communication includes the collection and storage of user data,	0,332	0,683
4	Анонимность в Интернете зачастую неэффективна; каждого пользователя можно идентифицировать / Online anonymity is often ineffective; every user can be identified	0,120	0,794
5	Размещение определенной информации в Интернете может негативно сказаться на личной жизни и карьере / Sharing certain information on the internet can have a negative impact on your personal life and career,	0,240	0,692

№ п/п	Показатель	Фактор 1	Фактор 2
6	Интернет можно использовать в образовательных целях / The Internet can be used for educational purposes,	0,569	0,416
7	Никому нельзя передавать свои пароли и коды (банки, интернет и др.) / You should not share your passwords and codes with anyone (banks, the internet, etc.)	0,715	0,160
8	Необходимо обеспечивать безопасность личных данных для защиты репутации / It is necessary to ensure the security of personal data in order to protect your reputation,	0,700	0,246
9	Киберпреступность (мошенничество через чаты/мессенджеры) / Cybercrime (fraud via chat rooms/messengers)	0,801	0,259
10	Причинение психологического вреда подросткам / Causing psychological harm to teenagers	0,857	0,173
11	Сексуальные домогательства в отношении подростков / Sexual harassment of teenagers	0,850	0,133
12	Отправка или вымогательство интимных фото и видео / Sending or extorting intimate photos and videos	0,795	0,237

Таблица 3 / Table 3

Индекс осведомленности о рисках цифровизации (%)
Digitalization Risk Awareness Index (in percent)

№ п/п	Регион / Region	Осведомлены / Informed	Средний уровень / Intermediate level	Не осведомлены / Not informed
1	Город / City	37,1%	32,7%	30,3%
2	Сельская местность / Countryside	29,2%	35,9%	34,9%

Качественно-количественный анализ позволил заключить следующее: *городская молодежь* в целом осознает наличие как положительных, так и отрицательных сторон цифровизации, однако обладает недостаточными знаниями о конкретных методах самозащиты. Доля абсолютно не осведомленных молодых людей в городе составляет 30,3%. *Сельская молодежь* демонстрирует более низкие показатели: доля не осведомленных о рисках составляет почти 35% (34,9%).

Мы также рассмотрели осведомленность молодежи о рисках цифровизации в соотношении с ее образовательным уровнем. Результаты отражены в табл. 4.

Из табл. 4 видно, что 75% молодых людей без образования или с начальным уровнем образования имеют недостаточные знания о социальных последствиях цифровизации. Молодежь с неполным средним, полным средним и средним специальным образованием обладает средним уровнем знаний о негативных последствиях социальной среды. Можно сделать вывод, что молодые люди с высшим образованием

(степень бакалавра) относительно лучше осведомлены в данном вопросе.

В рамках исследования при анализе корреляции вышеупомянутых показателей было выявлено, что среди молодежи в возрасте 18–32 лет частота написания писем в редакции газет, журналов, телевидения и радио, а также звонки или SMS-сообщения в прямые эфиры радио- и телепередач находятся на сопоставимом уровне. При расчетах мы опирались на корреляцию и ковариацию, исходя из допущения, что группы переменных с высокой степенью корреляции представляют схожие факторы.

Качественный анализ результатов исследования выявил общие тенденции: опрошенные молодые люди выражают свое мнение в ходе программ с открытыми дискуссиями; пишут письма на FM-радио или передают свои комментарии по телефону; следят за страницами определенных инфлюенсеров, оставляя комментарии и делясь публикациями; обращаются с жалобами и предложениями по конкретным вопросам в правительственный информационный центр для граждан «11–11».

Таблица 4 / Table 4

Индекс осведомленности молодежи о рисках цифровизации в детерминации уровня образования
Index of youth awareness of the risks of digitalization in determining the level of education

№ п/п	Уровень образования / Level of education	Осведомлены / Informed	Средний уровень / Intermediate level	Не осведомлены / Not informed
1	Без образования / No education	25,0%	0,0%	75,0%
2	Начальное / Initial	20,0%	20,0%	60,0%
3	Неполное среднее / Incomplete secondary	30,0%	50,0%	20,0%
4	Полное среднее / Complete secondary education	30,3%	38,9%	30,8%
5	Среднее специальное / Secondary specialized	28,3%	38,3%	33,3%
6	Высшее (бакалавр) / Higher (bachelor's degree)	37,5%	30,2%	32,2%
7	Высшее (магистр) / Higher (Master's)	29,3%	39,0%	31,7%

Для активных пользователей Интернета характерно выражение своей позиции, комментирование и обмен мнениями в формате постов в социальных сетях. Результаты исследования также подтвердили, что, несмотря на осведомленность о настройках приватности и необходимости обеспечения информационной безопасности в цифровой среде, навыки их практического применения среди молодежи остаются на недостаточном уровне.

Практика использования социальных сетей среди молодежи

В вопросе использования социальных сетей молодежь отдает приоритет доступу через мобильные устройства с использованием передачи данных. Основными платформами для получения желаемой информации выступают социальные сети. Согласно результатам, 76,5% молодых людей имеют один аккаунт в одной из социальных сетей, при этом доля активных пользователей, проводящих в социальных сетях более 2 часов в день, достаточно высока и составляет 43,4%. Респонденты отмечают, что зачастую заходят в социальные сети привычно, без конкретной цели, как только открывают мобильный телефон. Около 29,9% опрошенных являются активными создателями контента: они ведут собственные «страницы» (page), ежедневно делятся публикациями и «сторис».

Что касается защиты персональных данных, 36,8% молодых людей в возрасте 18—32 лет слышали о настройках конфиденциальности и знают о них, однако на практике в повседневной деятельности большинство их не используют. Несмотря на массовое использование социальных сетей, меры по обеспечению безопасности личной информации остаются слабыми, а уровень практических знаний о последствиях цифровизации — недостаточным.

Исследование показало, что молодежь склонна отождествлять понятие «социальные сети» непосредственно с платформами, которые используются для обмена в Интернете. Это свидетельствует не только о повсеместном доступе к Интернету, но и о росте числа молодых людей, проявляющих высокую активность в Сети (более 2 часов ежедневно). Положительной тенденцией является стремление молодежи перепроверять полученную информацию в Интернете для ее верификации. Однако респонденты по-прежнему склонны обращаться к прямым эфирам радио и телевидения при возникновении проблемных ситуаций. Также наблюдается феномен «иллюзии знания», когда информация, полученная из социальных сетей, от друзей или из телепередач, ошибочно принимается за достоверное научное или объективное знание.

Полученные в исследовании результаты указывают на высокий уровень рисков, связанных с Интернетом

и социальными сетями. Стремление к быстрому и легкому получению информации, с одной стороны, ведет к позитивным результатам, но с другой стороны чревато искажением фактов, контактами с недоброжелателями, финансовыми потерями, а также риском стать жертвой психологического, физического или сексуального насилия.

Выводы

Проведенное исследование и анализ его результатов свидетельствуют о том, что последствия цифровизации в Монголии носят двойственный характер. Результаты подтверждают прямое влияние интернета на поведение и социальные установки человека. Оценка уровня осведомленности о рисках цифровой среды и их последствиях выявила критический разрыв: пользователи осознают наличие потенциальных угроз, однако не обладают достаточными практическими знаниями для применения защитных мер. Данное обстоятельство указывает на высокую вероятность эскалации масштабных рисков в долгосрочной перспективе.

Современное общество и его реалии продолжают доказывать, что важнейшим аспектом является формирование в себе морали, обладающей нормами мышления, которая по своей сути опирается на поведение, нравственность, личностное развитие и коммуникацию человека (Жиллнер, 2001), объединяя в себе четыре этих элемента.

В рамках представленного исследования была предпринята попытка детально проанализировать информационно-социальные риски набирающей обороты цифровизации с целью прогнозирования и предотвращения их потенциальных негативных последствий в повседневной жизни молодежи. Результаты продемонстрировали, что понимание и представление о социальных рисках, возникающих вследствие цифровизации, среди молодых людей остаются на недостаточном уровне. Традиционно социальные риски воспринимаются населением через призму экономических или природных факторов, в отношении которых потребность в превентивных мерах осознается более четко.

С другой стороны, минимизация социальных рисков, связанных с цифровизацией, требует смещения акцента с простых ограничений времени в сети, родительского контроля или чрезмерного законодательного регулирования в сторону формирования индивидуального сознания. Ключевым фактором становится воспитание культуры разумного и этичного поведения в цифровом пространстве, а также повышение личной моральной ответственности каждого пользователя. Для демократического общества ограничение фундаментальных конституционных прав граждан на поиск и распространение информации не является приемлемым методом.

Напротив, в условиях современного цифрового мира критически важным становится научное обоснование и практическая реализация этического образования путем выявления социальных факторов, влияющих на моральный облик личности во всех сферах общественной жизни.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что основным путем повышения нрав-

ственного уровня современного монгольского общества является улучшение качества и результативности этического образования. На первый план выходит задача формирования гражданина, обладающего высокой цифровой этикой, что должно рассматриваться как фундамент социального развития и ключевой фактор человеческого прогресса.

Список источников / References

1. Веселов, Ю.В., Карапетян, С.Р., Белова, М.В., Скворцов, Н.Г., Чернов, Г.И., Дудина, В.И. (2023). *Доверие в цифровом мире: Монография* (Ю.В. Веселов, общ. ред.). Москва: Ай Пи Ар Медиа.
Veselov, Yu.V., Karapetyan, S.R., Belova, M.V., Skvortsov, N.G., Chernov, G.I., Dudina, V.I. (2023). *Trust in the digital world: A monograph* (Yu.V. Veselov, ed.). Moscow: IPR Media. (In Russ.).
2. Розенова, М.И., Огнев, А.С., Лихачева, Э.В. (2025b). Стратегии профилактики деструктивно-манипулятивного цифрового мошенничества. В: *Материалы IV научного форума с международным участием: Экстремальная психология в экстремальном мире* (с. 48—54). М.: Спутник+. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89202974> (дата обращения: 02.06.2026).
Rozenova, M.I., Ognev A.S., Likhacheva E.V. (2025b). Strategies for preventing destructive and manipulative digital fraud. In: *Proceedings of the IV scientific forum with international participation: Extreme psychology in an extreme world* (pp. 48—54). Moscow: Sputnik+. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89202974> (viewed: 02.06.2026).
3. Жиллнер, Э. (2001). *Соел ба түүний үүдэл: рационализм ба иррационалист хэлбэрийн түүхэн үүрэг, роль* (Э.Н. Хян., Х.О. Орч, ред.). Улаанбаатар: Бемби сан.
Gillner, E. (2001). *Culture and its roots: The historical role of racism and irrationalist forms* (Eh.N Xian, Kh.O. Orch, eds). Ulaanbaatar: Bembi San.
4. Розенова, М.И., Огнев, А.С., Лихачева, Э.В. (2025a). Психологические механизмы деструктивного манипулирования и стратегии профилактики цифрового мошенничества. *Современная зарубежная психология*, 14(2), 26—37. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140203>
Rozenova, M.I., Ognev, A.S., Likhacheva, E.V. (2025a). Psychological mechanisms of destructive manipulation and strategies for preventing digital fraud. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 14(2), 26—37. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140203>
5. Цэцэнбилэг, Ц., Хатанболд, О. (Ред.). (2024). *Цахимжилтын нөхцөл дэх Монгол, Беларусийн: Залуучуудын нийгмийн эрсдэл*. Улаанбаатар: Тод бичиг.
Tsetsenbileg, Ts., Hatbold, Oh. (Eds). (2024). *Social risks of youth in Mongolia and Belarus in the context of digitization*. Ulaanbaatar: Tod Bichig.
6. Чулуунбаатар, Г., Хатанболд, О. (2014). Төлөөллийн ардчилал: Онол, үзэл баримтлалын зарим асуудал. *Философи, эрхийн судлал*, 29(1-32), 142—163.
Chulunbaatar, G., Hatbold, O. (2014). Tilly democracy: On, some issues of Izzul doctrine. *Philosophy and Legal Studies*, 29(1-32), 142—163.
7. Шкурова, Е.В., Новицкий, Е.Н., Цэцэнбилэг, Ц. (2024). Особенности цифровых практик молодежи в Беларуси и Монголии. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, 2, 58—67. URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology/ru/article/view/6313> (дата обращения: 02.06.2026).
Shkurova, A.V., Navitsky, Ya.N., Tsetsenbileg, Ts. (2024). Features of digital practices of youth in Belarus and Mongolia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2, 58—67. (In Russ.). URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology/ru/article/view/6313> (viewed: 02.06.2026).
8. Beckers, K. (2015). *Pattern and Security Requirements: Engineering-Based Establishment of Security Standards*. Springer.
9. Boritz, J.E. (2005). IS practitioners' views on core concepts of information integrity. *International Journal of Accounting Information Systems*, 6(4), 260—279. <https://doi.org/10.1016/j.accinf.2005.07.001>
10. Carroll, M., Chan, A., Ashton, H., Krueger, D. (2023). Characterizing manipulation from AI systems. In: *EAAMO '23: Equity and Access in Algorithms, Mechanisms, and Optimization* (article 6). New York: Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/3617694.3623226>
11. Cross, C., Lee, M. (2022). Exploring fear of crime for those targeted by romance fraud. *Victims & Offenders*, 17(5), 735—755. <https://doi.org/10.1080/15564886.2021.2018080>
12. Joshi, C., Singh, U.K. (2017). Information security risks management framework — A step towards mitigating security risks in university network. *Journal of Information Security and Applications*, 35, 128—137. <https://doi.org/10.1016/j.jisa.2017.06.006>

13. Kanahaiya, L.A., Pramod, K. (2023). Online Fraud. In: C.M. Gupta (Ed.), *Financial Crimes: A Guide to Financial Exploitation in a Digital Age* (pp. 97—108). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29090-9_7
14. Kelley, N.J., Hurley-Wallace, A.L., Warner, K.L., Hanoch, Y. (2023). Analytical reasoning reduces internet fraud susceptibility. *Computers in Human Behavior*, 142, Article 107648. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107648>
15. Marshall, C., Byron, M., Crossler, R.E., Correia, J. (2018). InfoSec process action model (IPAM): Systematically addressing individual security behavior. *Database for Advances in Information Systems*, 49(SI), 49—66. <https://doi.org/10.1145/3210530.32105>
16. Park, P.S., Goldstein, S., O’Gara, A., Chen, M., Hendrycks, D. (2024). AI deception: A survey of examples, risks, and potential solutions. *Patterns*, 10(5), Article 100988. <https://doi.org/10.1016/j.patter.2024.100988>
17. Zhuravlov, L.P., Pomytkina, L.V., Lytvynchuk, A.I., Mozharovska, T.V., Zhuravlov, V.F. (2020). Psychological security in the conditions of using information and communication technologies. In: *Proceedings of the 1st Symposium on Advances in Educational Technology (AET 2020)* (pp. 216—223). <https://doi.org/10.5220/0010930200003364>
18. Sarkar, G., Shukla, S.K. (2023). Behavioral analysis of cybercrime: Paving the way for effective policing strategies. *Journal of Economic Criminology*, 2, Article 100034. <https://doi.org/10.1016/j.jeconc.2023.100034>
19. Stoneburner, G., Hayden, C., Feringa, A. (2004). *Engineering Principles for Information Technology Security (A Baseline for Achieving Security)*, Revision A. Gaithersburg: National Institute of Standards and Technology. <https://doi.org/10.6028/NIST.SP.800-27rA>
20. Verma, A. (2024). The impact of call spoofing on trust and communication: A user perception study. *International Journal of Safety and Security Engineering*, 14(2), 487—498. <https://doi.org/10.18280/ijsse.140216>
21. Vize, C.E., Byrd, A.L., Stepp, S.D. (2023). The relative importance of psychopathy features as predictors of externalizing behaviors in youth: A multimethod examination. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 45(1), 1—17. <https://doi.org/10.1007/s10862-022-10017-5>
22. Wiederhold, B.K. (2024). Digital desires, real losses: the complex world of online romance fraud. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 27(5), 300—302. <https://doi.org/10.1089/cyber.2024.29311.editorial>

Информация об авторах

Цэцэнбилэг Цэвээн кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социологии, Институт философии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия; доцент, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5987-9310>, e-mail: tsetsenbilegts@gmail.com.

Хатанболд Ойдов Сартуул, доктор политических наук (Ph.D.), член-корреспондент Монгольской академии наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии Монгольской академии наук, заместитель председателя Подкомиссии по общественным наукам МАС, Улан-Батор, Монголия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7867-6850>, e-mail: khatanboldo@gmail.com

Information about the authors

Tsetsenbileg Tseveen, Candidat of Science (Sociology), Associate Professor, Leading Researcher at the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia); Associate Professor at the Institute of Foreign Languages of the P. Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia (Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5987-9310>, e-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Khatanbold Oidov Sartuul, Doctor of Political Sciences (Ph.D.), Corresponding Member of the Mongolian Academy of Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences, Deputy Chairman of the Subcommittee on Social Sciences of the IAU, Ulaanbaatar, Mongolia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7867-6850>, e-mail: khatanboldo@gmail.com

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку проблемы и написание статьи и приняли участие в обсуждении результатов, согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

All the authors made an equal contribution to the development of the problem and the writing of the article, and participated in the discussion of the results, agreed on the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено респондентами и законными представителями респондентов.

Ethics statement

Written informed consent for participation in this study was obtained from the participants and the legal representatives of the respondents.

Поступила в редакцию 17.04.2026

Поступила после рецензирования 17.04.2026

Принята к публикации 29.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.04.17.

Revised 2026.04.17.

Accepted 2026.05.29.

Published 2026.06.30.

Вне тематики номера
Outside of the theme rooms

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
SOCIAL PSYCHOLOGY

Обзорная статья | Review paper

Сородительство в контексте семейных отношений

В.А. Дорошенко ✉, **С.С. Савеньшева**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ vlada.doroshenko@list.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Родительство и супружеские отношения в современной психологии рассматриваются как близкие, взаимовлияющие отношения. Сородительство («coparenting») — новый для отечественной психологии феномен, который определяется как отношение партнеров друг к другу в их роли родителей, подразумевающее совместную ответственность за воспитание ребенка. **Цель.** Проанализировать понятие, структуру феномена «сородительства» и его связь с супружескими и детско-родительскими отношениями. **Результаты.** Сородительство можно разделить на поддерживающее или подрывающее поведение родителей по отношению друг к другу. М.Е. Feinberg разработал 4-компонентную модель сородительства, объединив данные из разных концепций. Она включает: 1) согласие/несогласие в вопросах воспитания детей; 2) разделение труда; 3) поддержку/подрыв со стороны сородителя; 4) совместное управление динамикой семьи. Анализ современных исследований сородительства показывает, что в сфере супружеских отношений сородительство связано с качеством брака и удовлетворенностью браком, а также с уровнем вовлеченности родителей в воспитание ребенка. Сородительство и супружеские отношения оказывают влияние на развитие детско-родительских отношений. Разногласия между родителями, конкурентное поведение, низкий уровень поддержки, раздражение и стресс в процессе воспитания и супружеские конфликты негативно сказываются на качестве общения между родителями и детьми. **Выводы.** Сородительство может являться промежуточной переменной между качеством брака и поведением родителей по отношению к ребенку, но не определяться только ими. Сородительство еще недостаточно изученное явление в семейной психологии, требуется дальнейшее исследование факторов и условий его формирования и развития.

Ключевые слова: сородительство, воспитание, детско-родительские отношения, супружеские отношения, удовлетворенность браком

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01028, <https://rscf.ru/project/25-28-01028/>.

Для цитирования: Дорошенко, В.А., Савеньшева, С.С. (2025). Сородительство в контексте семейных отношений. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 102–110. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150210>

Coparenting in the context of family relations

V.A. Doroshenko ✉, **S.S. Savenysheva**

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ vlada.doroshenko@list.ru

Abstract

Context and relevance. Parenting and marital relations in modern psychology are considered as close, mutually influencing relationships. Coparenting is a new phenomenon to Russian psychology, which is defined as the relationship of

partners to each other in their role as parents, implying joint responsibility for the upbringing of a child. **Objective.** To analyze the concept and structure of the phenomenon of «coparenting» and its connection with marital and parent-child relations. **Results.** Coparenting can be divided into supporting or undermining behavior of parents towards each other. M.E. Feinberg developed a 4-component model of coparenting by combining data from different concepts. It includes: 1) agreement/disagreement in parenting; 2) division of labor; 3) co-parent support/disruption; 4) co-management of family dynamics. Analysis of contemporary research on coparenting shows that in the sphere of marital relations, coparenting is related to the quality of marriage and marital satisfaction, as well as to the level of parental involvement in child-rearing. Coparenting and marital relations influence the development of parent-child relations. Disagreements between parents, competitive behavior, low level of support, irritation and stress in the process of parenting and marital conflicts negatively affect the quality of communication between parents and children. **Conclusions.** Coparenting can be an intermediate variable between the quality of the partnership and the parents' behavior towards the child but it is not determined solely by them. Coparenting is still an understudied phenomenon in family psychology, and further research is required into the factors and conditions of its formation and development.

Keywords: coparenting, parenting, parent-child relationships, marital relationships, marital satisfaction

Funding. The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant № 25-28-01028, <https://rscf.ru/project/25-28-01028/>.

For citation: Doroshenko, V.A., Savenysheva, S.S. (2025). Coparenting in the context of family relations. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 102—110. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150210>

Введение

В настоящее время тема родительства, установок и подходов к родительству, проблем в родительстве становится все более актуальной — изучаются феномены осознанного, ответственного, интенсивного родительства, родительского стресса и их влияния на родителей и ребенка. В меньшей степени исследуется связь супружеских отношений и детско-родительских отношений. Сородительство — совместное воспитание детей родителями, — на наш взгляд, лежит на пересечении сфер родительства и супружеских отношений, и до последнего времени оно рассматривалось не как самостоятельный феномен, а, скорее, как один из аспектов супружеских отношений, проявляющихся в реализации родительских функций. Однако современные исследования показывают, что оно сохраняется и в семьях после развода и не всегда связано с качеством супружеских отношений, что позволяет выделить его как отдельный феномен.

В последние годы отцы все больше включаются в процесс воспитания детей и тема сородительства — особенностей совместного воспитания детей родителями — становится все более актуальной. По результатам исследований, сородительство оказывает большое влияние на развитие и адаптацию ребенка, находит отражение в отношениях между супругами и является неоспоримо важным аспектом в семейных процессах.

Проблема сородительства активно исследуется за рубежом в течение последних 30 лет, но отечественные исследователи практически не уделяли данному феномену внимания. Таким образом, проблема сородительства (согласованности и взаимоподдержки в воспитании ребенка) является новой для отечественной психологии.

Интересно, что изначально термин «сородительство» использовался для описания отношений между родителями после развода с сохранением внимания к

ребенку. Сегодня же он активно используется в различных областях, в изучении тем родительства и в программах семейного вмешательства. Переход к изучению сородительства в полных семьях начался около 25 лет назад, и это является достаточно новой областью, что не помешало собрать зарубежным исследователям хорошую научную базу для дальнейших исследований.

Важно отметить, что феномен сородительства не является частью более широкого феномена родительства, так как в родительстве затрагивается тема отношений родителя и ребенка, отношения к родительству, тогда как в сородительстве мы говорим о взаимодействии родителей в воспитании ребенка. Сородительство не является только частью сферы супружеских отношений, многие аспекты сородительства не входят в характеристики супружеских отношений (например, поддержка авторитета другого родителя в воспитании), кроме того, сородительство может происходить и вне рамок данных отношений (семьи после развода). Таким образом, можно отметить, что исследование данного понятия находится на стыке разных областей, таких как воспитание детей, супружеские отношения и др., что делает его изучение более сложным (Campbell, 2023). И значительная часть исследований посвящена изучению их взаимосвязей и взаимовлияния; мы остановимся на этом подробнее в данной статье. С другой стороны, исследователи в последние годы активно изучают сородительство в разных контекстах, например в исследовании качества сородительства во время пандемии COVID-19 (Sezer, Acar, 2024; Wu et al., 2024).

Понятие и структура «сородительства»

Данное понятие является новым для отечественной психологии, поэтому встает вопрос о передаче смысла данного термина. Прямой перевод термина

«coparenting» — «совместное воспитание» — имеет право использоваться для описания, но он не описывает всей сути данного феномена в русском языке. Нами «coparenting» переводится как «сородительство», что, на наш взгляд, является более удачным вариантом для передачи заложенного в термине смысла.

Перейдем к определению термина «сородительство». М.Э. Фейнберг (M.E. Feinberg) определяет сородительство как отношение родителей друг к другу в их родительской роли. Также оно подразумевает совместную ответственность за воспитание ребенка и не подразумевает равное распределение обязанностей между со-родителями. Комфортное распределение полномочий определяется партнерами, и уровень равенства ответственности может различаться от пары к паре. Большое влияние на данный аспект оказывают культурные и социальный контексты (Feinberg, 2003).

В нашей работе мы рассматриваем вариант выступления в качестве сородителей матерей и отцов детей, но хочется отметить, что сородителями могут быть не только супруги, отец и мать ребенка, но также разведенные пары, мать ребенка и бабушка/дедушка и пр. То есть структурные особенности таких отношений являются относительно неважными (Feinberg, 2003).

Прежде чем перейти к факторам, с которыми связано сородительство, следует остановиться на его структуре, которая раскрывает понимание феномена. Можно отметить, что в научной литературе не существует общей теории сородительства, но представлены различные концепции, которые выделяют разные компоненты сородительства. Так, Дж.П. Макхейл (J.P. McHale) выделил 4 составляющие сородительства: 1) поведение, поддерживающее чувство семейной ценности; 2) «скрытое» сородительство (скрытое общение между родителями и ребенком); 3) «открытое» сородительство (подрывающее поведение партнера и конфликты в присутствии ребенка); 4) совместные дисциплинарные меры (выговоры со стороны родителей) (McHale et al., 2024). Г.Х. Броуди и коллеги (Brody et al., 1998) говорили о трех видах сородительства: а) поддерживающее (один родитель явно/скрыто поддерживает другого), б) неподдерживающее или соревновательное (один родитель подрывает цели второго) и в) смешанное (включает в себя поддерживающее и соревновательное сородительство). Г. Марголин и коллеги (Margolin et al., 2001) описали 3-компонентную модель сородительства и выделили: 1) сотрудничество (поддержка и уважение друг друга, взаимный обмен информацией о детях), 2) конфликт (подрыв в воспитании другого родителя, критика, споры и ссоры, претензии, унижения), 3) триангуляция (создание коалиции «родитель—ребенок» путем вовлечения ребенка в межродительский конфликт).

М.Э. Фейнберг (M.E. Feinberg) разработал 4-компонентную модель сородительства, собрав данные из разных источников. Эта модель является наиболее общей (ей хотим уделить большее внимание) и включает в себя следующие аспекты (Feinberg, 2003).

1. Согласие/несогласие в вопросах воспитания детей. Данный компонент подразумевает степень согласия родителей друг с другом касательно воспитания детей (дисциплина, образование, поведение, общение с друзьями, ценности и др.). Большое количество разногласий может привести к межродительскому конфликту. Однако наличие разногласий не говорит об обязательном конфликте, так как родители могут обсуждать разногласия и находить компромисс, с уважением относясь к мнению друг друга.

2. Разделение труда между сородителями подразумевает распределение ответственности сородительства и бытовых задач, связанных с уходом за ребенком. В распределении обязанностей играет роль субъективная удовлетворенность каждого родителя. Она связана с оправданием собственных ожиданий: насколько реальность родителя соотносится с его убеждениями. Когда ожидания остаются неоправданными, возникают чувство несправедливости и обида. На данный компонент сородительства влияет «гибкость» родителей: «гибкие» партнеры адаптируются и подстраиваются под ситуацию, готовы к изменению договоренностей, не имея жестких взаимных требований.

3. Поддержка/подрыв со стороны сородителя. Поддержка заключается в признании и уважении вклада партнера, поддержка его решений и авторитета в целом. Подрыв, в свою очередь, включает унижение, осуждение, порицание другого родителя и критику в его сторону.

4. Совместное управление динамикой семьи. Управление семейными взаимодействиями — важная ответственность родителей. М.Э. Фейнберг (M.E. Feinberg) выделяет три направления: а) ответственность родителей и их контроль за детьми, б) установление границы в межродительских отношениях (вовлечение или исключение других членов семьи), в) вклад сородителей в семейные взаимоотношения (в том числе при отсутствии открытого конфликта). Таким образом, можно выделить три важных аспекта управления семьей: межродительский конфликт, коалиция и баланс. В целом, сородители устанавливают баланс внутри семьи в триадных отношениях и определяют инициативность каждого в различных ситуациях (Feinberg, 2003).

В дополнение к своей факторной (концептуальной) модели М.Э. Фейнберг (M.E. Feinberg) описал экологическую модель предпосылок и последствий сородительства, которая заслуживает отдельного внимания. Системная экологическая модель сородительства выделяет индивидуальные, семейные и внесемейные факторы, влияющие на совместное воспитание, а также смягчающие и опосредующие семейные процессы. К индивидуальным факторам относятся характеристики детей (например, темперамент) и родителей (установки, эмоциональное и психологическое здоровье: враждебность, депрессия и др.). Индивидуальные характеристики детей могут провоцировать критику сородителя, подрыв воспитания и разногласия, в то время как индивидуальные особенности родителей

вливают и на их супружеское общение, и на сородительство в целом. Среди семейных факторов стоит выделить самый важный — супружеские отношения, в рамках которых родители поддерживают друг друга, находят компромиссы и, что важно, формируют свои сородительские отношения. Среди внесемейных факторов автор выделяет внесемейную (социальную) поддержку и стресс, вызванный окружающей средой. Поддержка укрепляет сородительство, а стресс — подрывает. То есть социальная поддержка помогает сородителям в преодолении стресса и прямо или косвенно повышает уровень сородительства в паре. В данной модели смягчающий и опосредующий процессы выступают как посредничество и модерация. Так, сородительство выступает как посредник влияния на важные детские, родительские и семейные результаты, а также как смягчающий фактор между риском и семейными процессами. Относительно модерации отмечается еще один аспект — выделение факторов сородительства, влияющих на воспитание и адаптацию ребенка. Таким образом, сородительство представляется как защитный фактор, который модулирует взаимосвязь между рисками и результатами (Feinberg, 2003).

Опираясь на модель М.Э. Фейнберга (M.E. Feinberg), В.Л.А. Эгерен (V.L.A. Egeren) и Д.П. Хокинс (D.P. Hawkins) выделили 4 следующих составляющих сородительства (Egeren, Hawkins, 2004): 1) солидарность (отличительная черта сородительства, подразумевающая эмоциональное качество совместного развития партнеров как родителей и формирование единой подсистемы); 2 и 3) — это поддержка или подрыв совместного воспитания; 4) совместное воспитание. Последний аспект характеризуется степенью ответственности каждого родителя за установление ограничений и чувством справедливости каждого партнера в распределении обязанностей. Непосредственно во время взаимодействия он оценивается следующими способами: баланс вовлеченности (степень взаимодействия родителя с ребенком относительно сородителя) и взаимное вовлечение (насколько оба сородителя взаимодействуют с ребенком одновременно) (Feinberg, 2003).

Д. Тойберт (D. Teubert) и М. Пинкварт (M. Pinquart) также выделяют 4 компонента сородительства: сотрудничество, согласие в воспитании детей, конфликт и триангуляция (Teubert, Pinquart, 2010). Данная концепция схожа с концепцией М.Э. Фейнберга (M.E. Feinberg), однако главное отличие заключается в разделении поддержки и подрыва со стороны со-родителей, что соотносится с концепцией Г. Марголин и коллег (G. Margolin et al.) (Feinberg, 2003; Margolin, Gordis, John, 2021).

Таким образом, большинство концепций основываются на поддерживающем и подрывающем поведении сородителей. Некоторые исследователи также выделяют согласие в вопросах воспитания детей, солидарность и сотрудничество, а также разделение труда касательно детей. Отдельные модели включают в себя более общие конструкты, такие как конфликт, альянс и триангуляция, управление динамикой семьи.

Сородительство и супружеские отношения

Ранее мы говорили, что часто сородителями чаще всего являются супруги, поэтому актуальным является рассмотрение сородительства в контексте супружеских отношений. Хочется отметить, что сородительство включает в себя момент воспитания и ухода за ребенком и не подразумевает другие отношения между родителями (романтические, финансовые и т. д.), но тем не менее сородительство не существует отдельно от них (Feinberg, 2003).

Безусловно, родители сильно влияют на чувства, мысли и поведение друг друга (Han et al., 2023), поэтому сородительство не может не быть связанным с качеством их общения вне родительских ролей — супружеских отношений. Существует понятие «эффект перелива гипотезы» О. Эрель (O. Erel) и Б. Бурман (B. Burman), которое говорит о влиянии проблем из одной области межличностного общения на другие сферы (Erel, Burman, 1995). Таким образом, чувства любви и теплоты в романтической сфере переходят в поддержку в сородительских отношениях, а обида и разочарование, являющиеся причиной конфликтов в отношениях между партнерами, проявляется в сородительских отношениях в виде подрыва воспитания, конфликтов, отсутствии поддержки со стороны партнера (Campbell, 2023; Riina, McHale, 2015).

Важным моментом является разграничение самих понятий. Сородительство и качество супружеских отношений являются разными понятиями. Однако стоит отметить, что разделить сородительство и супружеские отношения непросто без явного поддерживающего или конкурентного поведения сородителей в общении с ребенком (Egeren, Hawkins, 2004).

Рассматривая связь супружеских отношений и сородительства стоит обратиться к началу формирования сородительства в супружеской паре. Исследователи изучают развитие сородительства, начиная с критического периода перехода к родительству. Родители и пары, которые впервые приобретают опыт родительства, могут быть на разных жизненных этапах адаптации и, вследствие этого, столкнуться с трудностями в развитии сородительства. Результаты лонгитюдного исследования показали, что раннее сородительство в новых парах развивается благодаря слиянию индивидуальных и межличностных процессов. Авторы выделяют 4 пути развития сородительства: 1) равноправное/поддерживающее совместное воспитание; 2) переход от дифференциальной адаптации к плавному сородительству; 3) переход от главенства матери к взаимодействующей команде; 4) сложные «американские горки» сородительства (Ranta et al., 2025).

К.Ф. Перес и коллеги (C.F. Pérez et al.) также провели лонгитюдное исследование: глубинные интервью с парами во время беременности и два раза в течение года после рождения ребенка. Они выделили три основных представления о сородительстве: традиционное, неоднозначное и совместно-ответственное. 1. Традиционное сородительство отличается гендерными стереотипами в паре. Беременные женщины принимают решение уйти с работы и взять на себя полную ответственность за бытовые

дела, в то время как мужчина выступает в роли добытчика и обеспечивает семью. 2. Неоднозначное сородительство подразумевает наличие противоречий у партнеров относительно обязанностей. Несмотря на попытки прийти к соглашению во время беременности, после рождения ребенка родителям сложнее придерживаться демократичного стиля общения. Из-за желания избежать конфликтов такие пары начинают избегать открытых диалогов о проблемах. 3. Совместно-ответственное сородительство характерно для меньшинства пар. В таких парах обязанности распределяются эффективно и соглашения основываются на равенстве (Pérez, Leon, Philipp, 2024).

Далее рассмотрим современные исследования, посвященные взаимосвязям сородительства с различными характеристиками супружеских отношений, в том числе удовлетворенностью браком, качеством брака, конфликтностью отношений и др. (Pedro, Ribeiro, Shelton, 2012). Исследование В.Л.А. Эгерен (V.L.A. Egeren) и Д.П. Хокинс (D.P. Hawkins) показало, что восприятие процесса воспитания ребенка совместным делом связано с более позитивной оценкой качества брака (Egeren, Hawkins, 2004); и, наоборот, поведение партнеров в браке, вера матери в родительскую роль отца являются предиктором поддерживающего сородительства (Schorpe-Sullivan, Mangelsdorf, 2012).

Другие исследования затрагивают как положительные, так и отрицательные аспекты общения между супругами и их связь с сородительством.

Критика со стороны супруги, по сообщению отцов, способствует менее позитивному межсупружескому взаимодействию, что, логично, снижает качество брака. И, наоборот, чувство поддержки и уважения со стороны партнера у матерей связано с их позитивным супружеским поведением, как и опыт отцов, которые получили подкрепление (Egeren, Hawkins, 2004).

Межсупружеские отношения, в свою очередь, оказывают влияние на сородительское поведение: так, меньшее участие отцов в родительстве и более высокое конкурентное сородительство предсказывается снижением уровня супружеского удовлетворения отцов. Снижение качества брака со стороны отцов может иметь более прямое влияние на уровень сородительства, в то время как снижение качества брака со стороны матерей может косвенно влиять на сородительство посредством их поддержки родительских обязанностей своих супругов (Christopher et al., 2015). Исследование С. Эджи и коллег (S. Ece et al.) показывает отрицательную связь удовлетворенности браком с конфликтом и триангуляцией и положительную связь с сотрудничеством в воспитании (Ece et al., 2024). Усиление супружеского конфликта со стороны отцов предсказывает более низкий уровень сородительства, а со стороны матерей — более низкую поддержку матерями родительства отцов (Christopher et al., 2015).

В современном обществе до сих пор большая часть воспитания детей лежит на матери, хотя сейчас отмечается повышение уровня включенности отца, и исследователи сородительства также изучают различия между сородителями разного пола. В работе П.Х. Куо и коллег

(P.X. Kuo et al.) результаты показали гендерные различия между матерями и отцами в связи между удовлетворенностью браком и сородительством. Идентичность как «ухаживающего» у обоих родителей связана с их собственной удовлетворенностью браком, но эти взаимодействия влияли только на качество сородительства, по сообщениям матерей (Kuo, Xu, Yang, 2024). Недавние метааналитические данные показали, что пол родителя смягчает связь между удовлетворенностью браком и качеством сородительства (Ronaghan, Gaulke, Theule, 2024).

Изменение гендерных ролей в современном обществе вызывает интерес к участию отцов в воспитании своих детей. Исследования говорят о том, что к большей вовлеченности отца приводит высокий уровень сородительства в паре. Так, поддерживающее сородительство связано с более высоким уровнем вовлеченности, а межсупружеские конфликты и критика — с более низким уровнем вовлеченности (Liu et al., 2023).

Отношение матерей и их помощь с включением отцов в сородительство играют важную роль. Однако есть и другие последствия включения отцов: исследование Д. д'Орси и коллег (D. d'Orsi et al.) показало, что большая вовлеченность отца в задачи по уходу за ребенком связана с меньшей удовлетворенностью матери своей родительской ролью (d'Orsi et al., 2023).

Таким образом, исследования иллюстрируют сильные взаимосвязи между сородительством и качеством супружеских взаимоотношений. Однако важно понимать, что низкий уровень качества брака не всегда является препятствием высокого уровня сородительства в паре. Так, исследование У. Ли и коллег (Y. Le et al.) показало высокий процент удовлетворенности родителей сородительством (80%) несмотря на то, что большинство пар (86%) изначально заявили о проблемах в супружеских отношениях (Le et al., 2021).

Сородительство и детско-родительские отношения

Исследований взаимосвязи сородительства с отношением к ребенку у родителей значительно меньше, чем с показателями супружеских отношений. Так, лонгитюдное исследование Л.Э. Альтенбургер и коллег продемонстрировало, что поддерживающее поведение матери является важным фактором в общении отцов с детьми. Так, матери либо поощряли участие отцов, либо препятствовали и понижали качество их воспитания (Altenburger et al., 2018). Часто в детско-родительских отношениях негативные изменения происходят как следствие межродительского конфликта. Конфликт оказывает наиболее негативное влияние, когда его тема касается детей (Feinberg, 2003). В исследовании О. Копыстинской (O. Kopystynska) и коллег результаты показали, что для отцов деструктивный межродительский конфликт связан с жестким воспитанием, что предполагает, что воспитание со стороны мужчин уязвимо и зависит от качества отношений с матерью (Kopystynska, Barnett, Curran, 2020).

В целом, взаимосвязь стилей воспитания и сородительства пока еще недостаточно изучена, однако можно отметить, что один и тот же стиль воспитания может быть по-разному связан с разными компонентами сородительства (Liu et al., 2023).

Основываясь на описанном ранее «эффекте перелива» (Erel, Burman, 1995), аспекты супружеских отношений влияют и на детско-родительские отношения (Le et al., 2021).

О. Эрель (O. Erel) и Б. Бурман (B. Burman) выделяют две гипотезы о связи между супружескими и детско-родительскими отношениями: 1) положительная связь (поддерживающие отношения со-родителей говорят об их готовности к чуткому реагированию на потребности ребенка, а конфликтные отношения делают их эмоционально истощенными и менее чувствительными); 2) отрицательная связь (неудовлетворенность браком повышает внимание родителя к ребенку, и это выступает как компенсация недостатка теплой привязанности в супружеских отношениях) (Erel, Burman, 1995).

В исследованиях наблюдаются разные подходы к месту сородительства в контексте супружеских и детско-родительских отношений. Так, Д. Тойберт (D. Teubert) и М. Пинкварт (M. Pinqart) пишут о том, что сородительство — это опосредующий механизм между супружескими и детско-родительскими отношениями (Teubert, Pinqart, 2010). Исследование М.Ф. Педро и коллег (M.F. Pedro et al.) также проиллюстрировало, что сородительство опосредует связь между удовлетворенностью браком и родительскими практиками партнеров (Pedro, Ribeiro, Shelton, 2012).

Д.И. Антавати и коллеги (D.I. Antawati et al.) рассматривают сородительство в качестве промежуточной переменной между качеством брака и поведением сородителей. Но они ставят вопрос о направлении связи. Они выделили два процесса взаимосвязи между этими тремя переменными (Antawati, Hendriani, Nurdibyanandaru, 2020): а) сородительство как промежуточная переменная между качеством брака и родительским поведением (подтверждением этого является исследование С.Дж. Шоппе Салливан (S.J. Schoppe-Sullivan) и С.К. Мангельсдор (S.C. Mangelsdor), которые показали, что качество брака влияет на уровень сородительства, который, в свою очередь, влияет на родительское поведение (Schoppe-Sullivan, Mangelsdor, 2012)); б) перекрестный эффект. В исследовании М.Ф. Педро и коллег (M.F. Pedro et al.) было выявлено, что удовлетворенность браком у матери влияет на сородительство отца и родительское поведение матери (Pedro, Ribeiro, Shelton, 2012).

Диагностика сородительства

Проблема сородительства является очень актуальной, вследствие чего учеными были разработаны и адаптированы различные методики для изучения данного феномена (Mollà Cusi et al., 2020). На теоретической модели М.Э. Фейнберга (M.E. Feinberg)

была разработана методика «Brief Co-parenting Relationship Scale» (CRS) (Feinberg, Brown, Kan, 2012), которая также имеет полную версию, — инструмент измерения, который остается актуальным и сейчас. Авторы акцентируют внимание в разработке методики сородительства на поддержке и подрыве воспитания, так как динамика именно этого аспекта имеет серьезные последствия для воспитания ребенка. У методики появляются новые адаптации и валидации в разных странах (например: Seijo et al., 2024; Więsyk et al., 2024).

Х. Тиссо (H. Tissot), Марин ван Хель (M. Van Heel), М.Э. Фейнберг (M.E. Feinberg) и коллеги провели исследование, целью которого была оценка и анализ методики CRS в десяти странах на основе 7-факторной модели сородительства М.Э. Фейнберга (M.E. Feinberg) (Tissot et al., 2024). Результаты показали большое значение сородительства для качества семейных отношений, развития ребенка, психического развития ребенка и др. во многих странах. Однако было отмечено отсутствие на данный момент межстрановой перспективы, которая могла бы определить общепризнанные и вариативные измерения сородительства. Существуют отдельные исследования кросс-культурных сравнений сородительства (Zhu, Pruett, Alschech, 2023).

Появляются также новые методы измерения сородительства: например, «Шкала компетентности сородительства» (CCS) (May et al., 2023) и «Анкета для оценки совместного воспитания детей» (CECOP) (Mollà Cusi et al., 2024). В том числе разрабатываются методы для изучения сородительства в пренатальный период: например, «Шкала отношений сородительства — пренатальная версия» (CRS-CPV) (Lindroos et al., 2023).

Выводы

Опираясь на анализ результатов зарубежных исследований по изучению сородительства, можно сформулировать следующие выводы.

1. Сородительство является важным понятием в психологии и подразумевает под собой отношение сородителей друг к другу и их совместную заботу о ребенке. Во многих семьях отношения между супругами включают в себя не только уход за детьми, но и другие аспекты: эмоциональную вовлеченность; поддержку усилий; защиту; непрерывное участие в ежедневной жизни — касательно ребенка; уступки; взаимоподдержку; поиск компромиссов в сложных ситуациях — касательно сородителей.

2. Существуют различные теории и концепции сородительства (Brody, Flor, Neubau, 1998; Egeren, Hawkins, 2004), центральной среди которых является 4-компонентная модель сородительства М.Э. Фейнберга (M.E. Feinberg) и его экологическая модель предпосылок и последствий сородительства (Feinberg, 2003). В основе большинства концепций лежит поддерживаю-

щее и подрывающее поведение сородителей по отношению друг к другу. Помимо данных аспектов исследователи выделяют следующие составляющие данного понятия: сотрудничество и согласие в вопросах воспитания детей, разделение труда касательно детей, управление динамикой семьи, общение сородителей и желание сообщать информацию о ребенке друг другу, вклад в ребенка, ценность участия, взаимное уважение мнений по теме воспитания, сотрудничество и солидарность, конфликт, альянс и триангуляция.

3. Исследование взаимосвязей сородительства и супружеских отношений показало положительную связь сородительства с качеством супружеских отношений и отрицательную связь с конфликтами в паре. При этом низкий уровень качества брака не всегда гарантирует низкий уровень сородительства.

4. Исследования взаимосвязи сородительства и детско-родительских отношений немногочисленны и показывают влияние поддержки в воспитании отца со стороны матери. Также сородительство может выступать в качестве промежуточной переменной между качеством брака и поведением сородителей. Вследствие этого актуальными остаются групповые вмешательства для пар по теме совместного воспитания детей (Masui, Yamazaki, 2024).

Заключение

Феномен сородительства является новым понятием в отечественной психологии и лежит на пересечении сфер супружеских и детско-родительских отношений. Сородительство определяется как отношение партнеров друг к другу в их роли родителей, подразумевая совместную ответственность за воспитание ребенка, и наиболее часто включает в себя такие компоненты, как согласие/несогласие в вопросах воспитания детей, разделения труда, поддержка/подрыв со стороны сородителя, совместное управление динамикой семьи.

Анализ современных исследований сородительства показывает, что в сфере супружеских отношений сородительство связано с качеством брака и удовлетворенностью браком, а также с уровнем вовлеченности родителей в воспитание ребенка. Сородительство и супружеские отношения оказывают влияние на развитие детско-родительских отношений. Разногласия между родителями, конкурентное поведение, низкий уровень поддержки, раздражение и стресс в процессе воспитания и супружеские конфликты негативно сказываются на качестве общения между родителями и детьми. Сородительство может являться промежуточной переменной между качеством брака и детско-родительскими отношениями. Таким образом изучение данного феномена позволит лучше понять как проблемы и конфликты, возникающие в паре после рождения, так и механизмы влияния супружеских отношений на детско-родительские отношения.

Перспективными и практически важными направлениями разработки данного феномена могут быть изучение формирования сородительства еще до рождения ребенка в супружеской паре (с точки зрения психопрофилактики конфликтов), особенности сородительства в кровной и приемной семье, поддержка сородительства после развода. В отечественной психологии для изучения данного феномена необходима адаптация или разработка методов диагностики сородительства.

Ограничения. Можно отметить пока недостаточное количество лонгитюдных исследований, необходимых для понимания взаимовлияния супружеских отношений, сородительства и детско-родительских отношений, а также метаанализов исследований сородительства.

Limitations. There is a lack of longitudinal studies necessary to understand the direction of influence of marital relationships, coparenting, and parent-child relationships, as well as meta-analyses of coparenting studies.

Список источников / References

1. Altenburger, L.E., Schoppe-Sullivan, S.J., Kamp Dush, C.M. (2018). Associations between maternal gatekeeping and fathers' parenting quality. *Journal of Child and Family Studies*, 27(8), 2678—2689. <https://doi.org/10.1007/s10826-018-1107-3>
2. Antawati, D.I., Hendriani, W., Nurdibyanandaru, D. (2020). Determinant of coparenting behavior in intact family: A literature review. *Journal of Educational Health and Community Psychology*, 9(3), 362—386. <https://doi.org/10.12928/jehcp.v9i3.17015>
3. Brody, G.H., Flor, D.L., Neubau, E. (1998). Coparenting processes and child competence among rural African-American families. In: M. Lewis, C. Feiring (Eds.), *Families, risk, and competence* (pp. 227—243). Mahwan: Lawrence Erlbaum Associates.
4. Campbell, C.G. (2023). Two decades of coparenting research: A scoping review. *Marriage & Family Review*, 59(6), 379—411. <https://doi.org/10.1080/01494929.2022.2152520>
5. Christopher, C., Umemura, T., Mann, T., Jacobvitz, D. Hazen, N. (2015). Marital quality over the transition to parenthood as a predictor of coparenting. *Journal of Child and Family Studies*, 24, 3636—3651. <https://doi.org/10.1007/s10826-0172-0>
6. d'Orsi, D., Verissimo, M., Diniz, E. (2023). Father involvement and maternal stress: The mediating role of coparenting. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(8), Article 5457. <https://doi.org/10.3390/ijerph20085457>

7. Ece, C., Gurmen, M.S., Acar, I.H., Buyukcan-Tetik A. (2024). Examining the dyadic association between marital satisfaction and coparenting of parents with young children. *Current Psychology*, 43(2), 1473—1482. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04363-0>
8. Egeren, L.A.V., Hawkins, D.P. (2004). Coming to terms with coparenting: Implications of definition and measurement. *Journal of Adult Development*, 11(3), 165—178. <https://doi.org/10.1023/b:jade.0000035625.746>
9. Erel, O., Burman, B. (1995). Interrelatedness of marital relations and parent-child relations: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 118(1), 108—132. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.118.1.108>
10. Feinberg, M.E. (2003). The internal structure and ecological context of coparenting: A framework for research and intervention. *Parenting, science and practice*, 3(2), 95—131. https://doi.org/10.1207/s15327922par0302_17
11. Feinberg, M.E., Brown, L.D., Kan, M.L. (2012). A multi-domain self-report measure of coparenting. *Parenting, science and practice*, 12(1), 1—21. <https://doi.org/10.1080/15295192.2012.638870>
12. Han, G., Alfredsson, E., Cox, L., Psouni, E. (2023). Variation in coparenting quality in relation to child age: Links to coparents' relationship satisfaction and education. *Scandinavian Journal of Psychology*, 64(5), 632—643. <https://doi.org/10.3390/children10121884>
13. Kopystynska, O., Barnett, M.A., Curran, M.A. (2020). Constructive and destructive interparental conflict, parenting, and coparenting alliance. *Journal of Family Psychology*, 34(4), 414—424. <https://doi.org/10.1037/fam0000606>
14. Kuo, P.X., Xu, W., Yang, Z. (2024). Dyadic associations between marital satisfaction and coparenting quality: Gender differences and the moderating role of caregiving identity. *Frontiers in Sociology*, 9, Article 1422404. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2024.1422404>
15. Le, Y., O'Reilly Treter, M., Roddy, M.K., Doss, B.D. (2021). Coparenting and parenting outcomes of online relationship interventions for low-income couples. *Journal of Family Psychology*, 35(7), 1033—1039. <https://doi.org/10.1037/fam0000850>
16. Lindroos, E., Rääkkönen, E., Malinen, K., Rönkä, A.K. (2023). Prenatal version of the coparenting relationship scale among Finnish couples expecting their firstborn. *Journal of Child and Family Studies*, 32(10), 2944—2960. <https://doi.org/10.1007/s10826-023-02659-0>
17. Liu, S., Zhang, D., Wang, X., Ying, J., Wu, X. (2023). A network approach to understanding parenting: Linking coparenting, parenting styles, and parental involvement in rearing adolescents in different age groups. *Developmental Psychology*, 59(4), 786—800. <https://doi.org/10.1037/dev0001470>
18. Margolin, G., Gordis, E.B., John, R.S. (2001). Coparenting: A link between marital conflict and parenting in two-parent families. *Journal of Family Psychology*, 15(1), 3—21. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.15.1.3>
19. Masui, Y., Yamazaki, A. (2024). Prenatal coparenting and attachment style in Japanese pregnant women: A cross-sectional survey. *Plos one*, 19(8), Article e0309212. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0309212>
20. May, C., Atherton, C., Colyvas, K., Mancini, V., Campbell, L.E. (2023). Development of a Brief Coparenting Measure: The Coparenting Competence Scale. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(13), Article 6322. <https://doi.org/10.3390/ijerph20136322>
21. McHale, J.P., Irace, K., Cowan, P., Cowan, C.P., Odgaard, E. (2024). A method and approach for evaluating coparenting events during couples group interventions. *Frontiers in Psychology*, 15, Article 1463773. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1463773>
22. Mollà Cusí, L., Günther-Bel, C., Vilaregut Puigdesens, A., Meritxell Campreciós, O., Josep Lluís, M.C. (2020). Instruments for the assessment of coparenting: A systematic review. *Journal of Child and Family Studies*, 29, 2487—2506. <https://doi.org/10.1007/s10826-020-01769-3>
23. Mollà Cusí, L., Vilaregut Puigdesens, A., Callea, A., Roca, M., Pretel-Luque, T., Matalí Costa, J.L. (2024). Questionnaire for the assessment of coparenting (CECOP): Development and validation. *Journal of Child and Family Studies*, 33(10), 3177—3190. <https://doi.org/10.1007/s10826-024-02886-z>
24. Pedro, M.F., Ribeiro, T., Shelton, K.H. (2012). Marital satisfaction and partners' parenting practices: The mediating role of coparenting behavior. *Journal of Family Psychology*, 26(4), 509—522. <https://doi.org/10.1037/a0029121>
25. Pérez, C.F., Leon, M.J., Philipp, D. (2024). Development of coparenting during the transition to parenthood: Integrating parents' representations with observed interactions. *Infant Mental Health Journal*, 45(5), 483—496. <https://doi.org/10.1002/imhj.22133>
26. Ranta, M., Paloniemi, S., Böök, M.L., Ronkä, A. (2025). Learning and developmental pathways in early coparenting among Finnish first-time parental couples'. *Journal of Adult Development*, 32, 348—364. <https://doi.org/10.1007/s10804-024-09505-7>
27. Riina, E.M., McHale, S.M. (2015). African American couples' coparenting satisfaction and marital characteristics in the first two decades of marriage. *Journal of Family Issues*, 36(7), 902—923. <https://doi.org/10.1177/0192513X13495855>
28. Ronaghan, D., Gaulke, T., Theule, J. (2024). The association between marital satisfaction and coparenting quality: A meta-analysis. *Journal of Family Psychology*, 38(2), 236—245. <https://doi.org/10.1037/fam0001149>
29. Schoppe-Sullivan, S.J., Mangelsdorf, S.C. (2012). Parent characteristics and early coparenting behavior at the transition to parenthood. *Social Development*, 22(2), 363—383. <https://doi.org/10.1111/sode.12014>
30. Seijo, D., Fariña, F., Fernández, M.P., Arce, R. (2024). Adaptation of the coparenting relationship scale questionnaire to Spanish parents with offspring. *Children*, 11(5), Article 535. <https://doi.org/10.3390/children11050535>
31. Sezer, Ş.N., Acar, I.H. (2024). The roles of mother-perceived coparenting and child routines on children's social-emotional competence during the COVID-19 pandemic. *Journal of Child and Family Studies*, 33(8), 2471—2485. <https://doi.org/10.1007/s10826-024-02870-7>

32. Teubert, D., Pinquart, M. (2010). The association between coparenting and child adjustment: A meta-analysis. *Parenting: Science and practice, 10*(4), 286—307. <https://doi.org/10.1080/15295192.2010.49>
33. Tissot, H., Van Heel, M., Feinberg, M.E., Gedaly, L.R., Barham, E.J., Calders, F., Camisasca, E., de Carvalho, T.R., Çetin, M., Dennis, C.-L., Favez, N., Figueiredo, B., Galdiolo, S., Khawaja, M., Lamela, D., Latham, R.M., Luo, N., Mosmann, C., Nakamura, Y., ... Xu, W. (2024). Measurement invariance of the Coparenting Relationship Scale (CRS) across 10 countries. *Journal of Family Psychology, 38*(5), 697—706. <https://doi.org/10.1037/fam0001228>
34. Więsyk, S., Wojtasiński, M., Tużnik, P., Lachowska, B., Feinberg, M.E., Favez, N. (2024). Polish adaptation of the coparenting relationship scale: A self-report measure used to assess subjective quality of the relationship between parents. *European Journal of Psychological Assessment, 41*(6), 436—448. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000825>
35. Wu, D., Jiang, Y., Zheng, L., Ren, W., Lin, X. (2024). The power of routines: Impact of parent-grandparent coparenting relationship quality on post-lockdown child adjustment over the COVID-19 pandemic in China. *Children and Youth Services Review, 164*, Article 107869. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107869>
36. Zhu, T., Pruett, M.K., Alschech, J. (2023). Coparenting in english-speaking and chinese families: A cross-cultural comparison using the survey tool CoPAFS. *Children, 10*(12), Article 1884. <https://doi.org/10.3390/children10121884>

Информация об авторах

Владислава Александровна Дорошенко, аспирантка кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6455-6852>, e-mail: vlada.doroshenko@list.ru

Светлана Станиславовна Савеньшева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7529-1493>, e-mail: owlsveta@mail.ru

Information about the authors

Vladislava A. Doroshenko, Postgraduate student, Department of Developmental & Differential Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6455-6852>, e-mail: vlada.doroshenko@list.ru

Svetlana S. Savenysheva, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Developmental Psychology & Differential Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7529-1493>, e-mail: owlsveta@mail.ru

Вклад авторов

Дорошенко В.А. — обзор теоретических исследований; аннотирование; написание и оформление рукописи.

Савеньшева С.С. — идея исследования; обзор теоретических исследований; написание рукописи.

Авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Vladislava A. Doroshenko — review of theoretical research; annotation; writing and design of the manuscript.

Svetlana S. Savenysheva — ideas; review of theoretical research; writing of the manuscript.

The authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование представляет собой теоретический анализ и не требует этического согласования.

Ethics statement

This study is a theoretical analysis and did not require ethical approval.

Поступила в редакцию 27.04.2025

Поступила после рецензирования 02.11.2025

Принята к публикации 09.04.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.04.27.

Revised 2025.11.02.

Accepted 2025.04.09.

Published 2026.06.30.

КОГНИТИВНАЯ ПЕДАГОГИКА COGNITIVE PEDAGOGY

Обзорная статья | Review paper

Эффект выученного невнимания в категориальном научении: природа, проявления и значение для категоризации

В.В. Матушкина¹ ✉, А.А. Котов², Т.Н. Котова³

¹ Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Красноярск, Российская Федерация

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ matushkinavaleria@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В обзоре рассматривается эффект выученного невнимания (трудности в обращении внимания на информацию, которая ранее была нерелевантной) на примере категориального научения. **Цель теоретического обзора:** сформулировать основные этапы изучения данного эффекта, обозначить ключевые работы, объясняющие факторы, влияющие на данный эффект (фактор задачи и семантической нагруженности). **Результаты.** Приводятся доказательства того, что эффект рассматривается в настоящее время в разных теоретических подходах: как эффект собственно категориального научения (в основном перцептивными категориям), как проявление более общей группы так называемых «ловушек научения», а также как закономерность развития научения в онтогенезе. В рамках последнего подхода эффект выученного невнимания представляет наибольший интерес в последние несколько лет в связи с развитием категориального научения у детей в раннем детстве и дошкольном возрасте: развитием необходимых когнитивных функций и использованием специальных стратегий научения, наиболее эффективных в данном возрасте. **Выводы.** Формулируются основные проблемы в изучении данного эффекта, связанные с типами категориальных правил и возможностью экспериментального контроля селективного внимания; также формулируются наиболее перспективные направления дальнейшего исследования данного эффекта.

Ключевые слова: категориальное научение, выученное невнимание, ловушки научения, селективное внимание

Для цитирования: Матушкина, В.В., Котов, А.А., Котова, Т.Н. (2026). Эффект выученного невнимания в категориальном научении: природа, проявления и значения для категоризации. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 111–119. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150211>

The effect of learned inattention in category learning: origin, and significance for categorization

V.V. Matushkina¹ ✉, A.A. Kotov², T.N. Kotova³

¹ Federal Research Center «Krasnoyarsk Science Center» of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Krasnoyarsk, Russian Federation

² National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation

³ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy), Moscow, Russian Federation

✉ matushkinavaleria@gmail.com

Abstract

Context and Relevance. This review examines the effect of learned inattention (the difficulty in attending to information that was previously irrelevant) using the example of categorical learning. **The purpose of this theoretical review:**

© Матушкина В.В., Котов А.А., Котова Т.Н., 2026

CC BY-NC

to formulate the main stages of studying this effect, identify key works, and describe the explanatory factors influencing this effect (the task factor and semantic load factor). **Results.** Evidence is presented that the effect is currently considered in different theoretical approaches: as an effect of category learning proper (mainly to perceptual categories), as a manifestation of a more general group of so-called «learning traps», and as a regularity of learning development in ontogenesis. Within the framework of the latter approach, the effect of learned inattention has been of most interest in the last few years in connection with the development of category learning in children in early childhood and preschool age: the development of the necessary cognitive functions and the use of special learning strategies that are most effective at this age. **Conclusions.** The discussion formulates the main problems in the study of this effect, related to the types of category rules and the possibility of experimental control of selective attention, and also formulates the most promising directions for further research on this effect.

Keywords: category learning, learned inattention, learning traps, selective attention

For citation: Matushkina, V.V., Kotov, A.A., Kotova, T.N. The effect of learned inattention in category learning: nature, origin, and significance for categorization. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 111–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150211>

Введение

Категориальное научение — это отдельный вид научения, в результате которого мы приобретаем и сохраняем новые правила категоризации. Категориальное научение начинается с рождения, продолжается всю жизнь и задействует множество когнитивных функций. Человек обладает возможностями приобретать большое количество категорий, фиксирующих необходимые для него закономерности, обобщения, связи в реальном мире (Seitz F.I. et al., 2023). Разные теории были предложены для объяснения того, как устроено обобщение в ходе наблюдения за отдельными примерами и опыта взаимодействия с ними. В некоторых из этих теорий подчеркивается, что такие возможности человека обусловлены тем, что мы можем создавать разные типы категорий и сохранять их в отдельных системах долговременной памяти (Amer, Hasher, 2014).

Вместе с тем категориальное научение нельзя рассматривать исключительно как адаптивный и кумулятивный процесс. Оно, как и другие когнитивные процессы, характеризуется специфическими ограничениями, обусловленными взаимодействием научения и принятия решения в условиях неопределенности: задача формирования нового правила категоризации требует и специфической организации внимания, и обработки обратной связи, и запоминания результатов проверки гипотез. В данном обзоре мы рассмотрим одно из наиболее важных ограничений, получивших название эффекта выученного невнимания (Kovacs et al., 2021). В настоящее время этот эффект рассматривается в разных теоретических подходах и его изучение демонстрирует связь между компонентами категориального научения.

Эффект выученного невнимания и категориальное научение

Большинство исследований в области категориального научения сфокусированы на том, как обучающиеся

формируют новое правило категоризации для множества примеров. В типичной задаче им предъявляют набор примеров в отношении которых они, чаще всего, не имеют каких-либо предварительных знаний. Выдвигая гипотезы и сравнивая их с полученной обратной связью, обучающиеся могут постепенно уточнять содержание этих гипотез и прийти к такому правилу, использование которого может значительно увеличить успешность различения примеров на группы, т. е. могут обнаружить правило категоризации. Обычно рост успешности категоризации сопровождается тем, что участники в дальнейшем не вносят существенные изменения в сформированное правило, поскольку наступает процесс его автоматизации (Hoffman, Rehder, 2010).

В реальной жизни, однако, часто все же необходимо или дополнить, или существенно исправить правило при его применении в новых условиях. Для этого может понадобиться создать правило по отношению к той информации, которая до этого считалась нерелевантной. Исследования показывают (Unger, Sloutsky, 2023), что человеку обратить внимание на новую релевантную информацию значительно сложнее после предварительного научения, чем без него. Этот феномен называют «эффект выученного невнимания».

При его изучении было прежде всего показано, что выраженность эффекта различается в зависимости от типа индуктивной задачи (Unger, Sloutsky, 2023): в задачах где нужно сделать индуктивный вывод эффект выражен слабее, чем в задачах на простую классификацию. В задаче на вывод нужно, зная категорию примера, определить у него релевантное значение признака. Поскольку и в той и в другой задаче нужно в итоге вывести правило категоризации, разница между ними определяется стратегией научения и направлением внимания. В задаче на классификацию внимание сфокусировано на различиях в значениях признаков между примерами разных категорий. В задаче на вывод внимание распределено на связи между признаками и их значениями. Из-за этого эффект выученного невнимания в задачах на вывод значительно слабее, поскольку даже не очень важные части все же получают долю внимания.

В последующих работах с помощью айтрекера была подтверждена разница в стратегиях распределения внимания (Frankenhuis, Gornik, 2023). Хофман А.Б. и Редер Б. предложили участникам задачу, в которой для различения двух категорий (А и В) был в первой сессии важен один признак, а после этого во второй сессии научения нужно было различать на этих же самых примерах другие две категории (С и D) по другому признаку. В самом конце, в третьей сессии, необходимо было различить две категории по одной из первых двух пар (например, А и С), в этом случае релевантным был третий признак. Уже при первых двух сессиях научения этот третий признак можно было бы заметить, и в случае, если выученного невнимания не было, научение этому третьему признаку должно было быть успешнее, чем первым двум. Оказалось, что на успешность переключения на третий признак оказывала влияние задача: при задаче на вывод переключение было успешнее, чем при задаче на классификацию. Окулографические измерения выявили и различия во времени рассматривания третьего признака при научении в первых двух сессиях: в задаче на вывод время не отличалось от времени рассматривания прежних двух релевантных признаков, а в задаче на классификацию время было существенно меньше.

Котов и Дагаев использовали такую же схему научения новым категории, которая была представлена в эксперименте Хоффмана А.Б. и Рейдера Б. (Hoffman, Rehder, 2010), но в одном из условий признаки с бессмысленных символов были заменены на знакомые, связанные с предыдущим опытом участников и содержащие разные семантические связи между частями (теоретически нагруженное условие). При этом задача, которая предъявлялась участникам, была задачей классификации, т. е. относилась к тому типу, в котором эффект выученного невнимания, как правило, сильно выражен. Результаты показали, что эффект выученного невнимания был лишь в теоретически нейтральном экспериментальном условии и не наблюдался в теоретически нагруженном. Таким образом, эффект выученного невнимания может значительно ослабляться поддержкой семантической памяти.

И все же мы не можем утверждать, что любой семантический или вербальный опыт будет снижать эффект невнимания. Так, в другом исследовании (Жердева, Котов, 2022) авторы выдвинули предположение, что такой фактор, как называемость, или легкость вербализации материала (Yamauchi, Markman, 1998) научения, может также снижать эффект выученного невнимания: если отдельные признаки или свойства объекта будут иметь легко вербализуемые названия, то они могут получать больше внимания, даже если не являются релевантными. Иными словами, активация названий в семантической памяти для отдельных признаков или свойств, по предположению авторов исследования, должна была бы усиливать внимание к ним. Результаты проведенного эксперимента

не подтвердили это: легкость вербализации не приводит к снижению эффекта выученного невнимания.

Мы рассмотрели исследования, в которых был впервые описан эффект выученного невнимания в задаче на категориальное научение, а также факторы влияющие на усиление и ослабление проявления данного эффекта (фактор задачи и фактор семантической памяти). В следующих частях обзора мы рассмотрим данный эффект в более широкой перспективе — как один из вариантов трудностей научения, вызванных предшествующим опытом, и как закономерность онтогенеза научения.

Выученное невнимание как частный случай ловушек научения

В процессе обучения на собственном опыте человек формирует понимание окружающего мира. Нередко возможна ситуация, когда у обучающегося появляются чрезмерно устойчивые ложные представления об изучаемом объекте, обусловленные не только селективным вниманием, но и другими факторами, причем не только когнитивного плана. Например, ребенок, который пробует разные продукты и обнаруживает, что ему не нравятся шпинат и огурцы, в результате этого опыта может обобщить и ошибочно полагать, что не любит все овощи, и избегать овощей в будущем, так и не узнав, что ему, возможно, нравится брокколи. Такой пример относится к феномену, получившему название «ловушки научения» (Olschewski, Rieskamp, 2021). Эти ловушки возникают при сочетании несколько факторов: с одной стороны, это сама ситуация научения, когда кто-то (человек или животное) стремится получить необходимое новое знание. С другой стороны, этот кто-то находится в ситуации неопределенности, обусловленной недостатком предыдущих знаний. Сочетание этих условий приводит к тому, что обучающийся начинает формировать преждевременные обобщения и объяснения. Эти обобщения выступают опорой, которая значительно снижает степень неопределенности, и именно из-за этого в дальнейшем научении от них трудно отказаться и внести нужные изменения в знание в свете новой информации (Easdale, L.C., Le Pelley, M.E., Beesley, T, 2019; Rowe, et al. 2006).

В уже упомянутой выше работе Рич А.С. и Гурекис Т.М. (Rich, Gureckis, 2018) выделяют несколько других типов ловушек научения. Так, в ситуации, когда человек неоднократно сталкивается с потенциальным объектом и должен решить, взаимодействовать с ним или нет для получения последующего результата, может возникнуть «ловушка шума». Ловушка шума «заставляет» сделать ложное предположение о неудачности будущего опыта, по сравнению с предыдущим, поскольку в будущем есть элемент случайности. Попадая под влияние этой ловушки, люди склонны отдавать предпочтение не новым объектам, а уже ранее испытанному опыту и предпочитают взаимодействовать с теми людьми

ми и объектами, с которыми уже имели опыт общения. Другая, связанная с этой, ловушка научения, которая возникает из-за ожидания стабильных результатов, — это недооценка редких событий. Когда люди изучают каждую альтернативу, они хорошо усваивают наиболее часто встречающиеся результаты и становятся достаточно уверенными, чтобы сделать окончательный выбор, но их выбор часто не учитывает редкие события. Таким образом, в убеждениях людей о ценности вариантов при принятии окончательных решений систематически недооцениваются редкие результаты. Например, водитель делает выбор о вождении без ремня безопасности, не учитывая возможность редкого события, аварии. Еще одной подобной ловушкой является ловушка простоты: человек приходит к выводу, что окружающая среда имеет более простую структуру, чем она есть на самом деле, что мешает ему исследовать дальше и прийти к более сложному и более правильному убеждению. Предыдущие ловушки научения, в том числе те, которые основаны на стохастичности и сходстве, могут также быть рассмотрены как примеры этой ловушки. Стабильная среда проще, чем меняющаяся, а среда, в которой одинаковые перспективы дают одинаковые результаты, проще, чем среда, в которой они меняются.

Если первый тип ловушек обусловлен редким опытом или случайностью событий, то другой тип ловушек научения — ловушки сходства — формируется при исследовании множества объектов и они уже обусловлены возможностями по обобщению этих объектов. Ловушкой научения в этом случае будет то, что опыт с одних примеров категории может обобщаться в большей степени, чем с других примеров, что препятствует построению прогнозов и модификации научения. Например, Нив Й. и коллеги (Niv et al., 2002) обнаружили, что пчелы избегают тот вид цветов, отдельные представители которого производят разное количество нектара, даже если в среднем цветы этого вида производят нектара больше, чем другой вид цветов, отдельные представители которого производят примерно одинаковое количество нектара. В данном случае обобщение было построено лишь на тех примерах цветов у которых нектара было меньше.

Этот вид ловушек научения важен не только тем, что формируется искаженное обобщение, но и тем, что оно закрепляется и препятствует дальнейшему его развитию. Так, в исследовании Фазио Р. и коллег (Fazio, Eiser, Shook, 2004) участникам нужно было различить две категории изображений, которые были по легенде бобами на другой планете, необходимыми для питания и выживания. Бобы различались степенью округлости и количеством пятен, при определенном сочетании которых бобы относились либо к группе полезных, либо к группе вредных. Особенностью экспериментальной схемы было то, что участникам нужно научиться различать примеры бобов для того, чтобы получать желаемый результат (прожить как можно дольше на этой планете). Участники могли выбирать вариант испытать пример — попробовать определенный боб или нет. Только если они выбирали пробовать, они могли полу-

чить обратную связь, узнать результат — к какой группе относится пример. Но если они выбирали вариант не испытывать пример, то такой информации у них не могло быть. Такая схема научения приводила к формированию асимметрии в научения и обобщения — более успешным научение и последующее обобщение было на примерах вредных бобов, чем полезных. То есть то, как выглядят вредные бобы, учащиеся понимали лучше, чем то как выглядят полезные. Они считали более важными негативные примеры и соответственно научались в первую очередь на них.

Выученное невнимание безусловно представляет собой один из вариантов ловушек научения, однако вариант, связанный не столько с ожиданиями или обобщениями, сколько с формированием избирательного внимания. Принято считать, что люди придерживаются рациональной стратегии при научении — оптимизируя распределение внимания, повышая его к релевантным частям и подавляя к нерелевантным (Kovacs et al., 2021). Таким образом, при встрече с новыми примерами в дальнейшем внимание уже будет в большей степени направлено на определенные признаки. Это становится ловушкой научения лишь тогда, когда ситуация изменяется и человек начинает игнорировать признаки, которые теперь становятся важными. Эффект выученного невнимания становится сильнее при условии высокой степени неопределенности задачи, при которой требуется определенный режим распределения внимания (Castro et al., 2020; Lee et al., 2024; Liu et al., 2025). Часть исследований демонстрирует, что причиной такого типа ловушек скорее всего является развитие избирательного внимания и когнитивного контроля в онтогенезе (Bjorklund, 2022). Мы рассмотрим эти данные в следующей части.

Обобщая сказанное, мы видим, что эффект выученного невнимания, хотя и имеет специфические механизмы возникновения, может быть рассмотрен в контексте условий появления других ловушек научения. Многие авторы (Olschewski, Rieskamp, 2021). описывают эти условия как компромисс между исследованием, или созданием знаний, и их использованием: в результате разрешения данного компромисса создается оптимальный вариант знания. Будучи созданным и используемым, это знание является таким, которому человек доверяет и не меняет его в дальнейшем. Разные механизмы, лежащие в основе разных ловушек научения, определяют то, где и по каким причинам будет установлен этот баланс между исследованием и использованием. Эффект выученного невнимания отличается от других ловушек научения тем, что на баланс влияют факторы, связанные с селективным вниманием.

Эффект выученного невнимания и развитие селективного внимания

В последние несколько лет изучение эффекта выученного невнимания проводится в области когнитивного развития в связи с открытием, что дети дошколь-

ного возраста не демонстрируют данный эффект в отличие от взрослых (Bjorklund, 2022; Dubravec, Roebers, Meier, 2026; Tandoc et al., 2024). В указанном исследовании взрослые и дети 4–5 лет выполняли задание на научение новым искусственным категориям. Им нужно было при категоризации изображений ориентироваться (обращать внимание) на один из признаков, в то время как большая часть значений других признаков варьировалась случайно и еще один признак имел постоянное значение в двух группах. После того, как обучавшиеся научались использованию правила, категориальный признак изменялся — им становился тот признак, который ранее не изменялся. Исследователи обнаружили, что взрослые участники в отличие от детей медленнее находили новый категориальный признак. Главное объяснение, которое они выдвинули, заключалось в том, что эффект выученного невнимания был присущ только взрослым участникам, которые могли в ходе научения задействовать селективное внимание. Дети дошкольного возраста вместо селективного внимания использовали другой тип внимания — распределенное, при котором все признаки получали одинаковое количество внимания. В тот момент времени, как задача изменилась и категориальным признаком стал другой признак, распределенное внимание позволило переключиться на него. В недавнем исследовании авторы подтвердили свое предположение, используя также айтрекер: дети в отличие от взрослых действительно уделяли внимание всем признакам, как до, так и после переключения на новый признак, даже если для категоризации большая часть из них была не важна (Blanco, Sloutsky, 2019). С помощью айтрекера в данном исследовании измеряли количество времени рассматривания отдельного признака в каждой пробе категоризации. Стандартный паттерн распределения внимания у взрослых был таким, что релевантный признак получал все больше внимания, а нерелевантные все меньше в ходе научения. После переключения на новый признак взрослые продолжали также уделять значительное количество внимания бывшему релевантному признаку, что очевидно мешало нахождению и переключению на новый признак. Детский паттерн распределения внимания был принципиально другим: даже в случае нахождения релевантного признака дети рассматривали приблизительно то же количество времени и другие, нерелевантные, признаки и не теряли к ним внимание в ходе научения. После переключения задачи на новый релевантный признак данный паттерн распределения внимания позволял сразу находить и включать в фокус внимания эту новую информацию. Похожий на детский паттерн распределения внимания был также зафиксирован у голубей (Blanco, Turner, Sloutsky, 2022).

Почему у детей используется распределенное внимание, которое замедляет научение и заставляет уделять часть внимания нерелевантной информации? Предположение авторов исследования заключается, кроме предположения о простой незрелости селек-

тивного внимания и контроля за его управлением, в том, что распределенное внимание может быть очень выгодной стратегией научения. Дети имеют меньше опор в семантических знаниях, и распределение внимания позволяет им легче приобретать новое знание, больше исследовать новые ситуации. Как показывают другие авторы (Kruschke, Blair, 2000; Fazio, Eiser, Shook, 2004), дети следуют другой стратегии — доминирование стратегии исследования над использованием. Возможно, в этом и заключается характеристика их возраста и социальной ситуации развития, поддерживающей эту стратегию. Смена стратегии у детей будет определяться в более старшем возрасте переходом к формальному образованию (Ashby, Smith, Rosedahl, 2020). Таким образом, дети в отличие от взрослых зависят от факторов, таких как социальные условия, меньшее количество знаний и незрелость произвольного и селективного внимания, позволяющих им избежать ловушек научения, связанных с выученным невниманием (Sloutsky, V.M., Deng, W., 2019; Sloutsky, V.M., Fisher, A.V., 2004).

Однако, как замечают авторы исследования (Blanco, Sloutsky, 2019), даже части этих факторов достаточно для значительного снижения эффекта выученного невнимания. Например, с возрастом у пожилых людей разрушается когнитивный контроль и в результате они больше уделяют внимание нерелевантной информации, например лучше запоминают информацию о дистракторах (Rich, Gureckis, 2018) и замечают дистракторы (Котов, Дагаев, 2013), лучше замечают и обобщают регулярности, которые находятся вне фокуса сознания.

Сами авторы этого исследования склоняются к объяснению эффекта выученного невнимания в рамках модели категориального научения COVIS (Amer, Hasher, 2014), согласно которой есть две независимые системы научения — на основе вербальных правил и на основе имплицитного научения. Дети на ранних этапах развития реализуют научение только за счет имплицитной системы. Созревание вербальной системы происходит значительно позднее и, по-видимому, сопровождается возникновением опоры на селективное внимание и механизмы произвольного контроля за выбором (Liquin, Gopnik, 2022). Дети в возрасте четырех лет могут в отдельных случаях научения (при упрощении задачи) использовать селективное внимание для выбора релевантной информации и только после пяти лет — для подавления внимания к нерелевантной информации (Gao, Turner, Sloutsky, 2024; Rich, Gureckis, 2018; Turner, Sloutsky, 2024; Wan, Sloutsky, 2024).

Заключение

В обзоре мы проанализировали особенности проявления эффекта выученного невнимания, в задачах на категориальное научение и разные типы факторов, влияющие на его проявление. Мы показали, что эффект выученного невнимания может рассматри-

ваться с разных теоретических перспектив. Во-первых, как вариант ловушек научения — указывать на трудности в продолжении научения, обусловленные тем, что человек стремится как можно раньше сформировать обобщения и правила, которые снижают неопределенность. Во-вторых, эффект выученного невнимания выступает важной характеристикой, связанной с закономерностями развития категориального научения в онтогенезе.

В дальнейшем наиболее перспективными выступают следующие направления исследований. В контексте изучения эффекта как проявления ловушек научения кажется важным рассмотрение различий и сходства эффекта выученного невнимания с другими эффектами. Например, сравнение ловушек обобщения и невнимания указывает на то, что избирательность внимания на одних признаках может также сопровождаться избирательностью в отношении отдельной группы примеров: для работы селективного внимания и категоризации нет существенной разницы в том, что является фокусом внимания — отдельные свойства или целые примеры. В настоящее время нет исследований, в которых бы рассматривались одновременно несколько ловушек научения. Такие исследования могут точнее показать, в каких условиях каких ловушек мы можем ожидать и с какими когнитивными функциями они связаны. Сравнение ловушек научения позволит также точнее определить способы их контроля в разных образовательных средах.

В отношении именно выученного невнимания остается также открытым вопрос, какие факторы препятствуют его формированию. Если распределенное внимание у детей помогает избежать выученного невнимания, то вероятно, факторы, нарушающие работу селективного внимания у взрослых, на начальных этапах научения могли бы также приводить к этому. Например, были описаны закономерности ослабления селективного внимания вследствие возрастания когнитивной загрузки, например в результате уменьшения времени на ответ (Mack, Preston, Love, 2020; Lee et al., 2024). Поскольку селективное внимание усиливается вербализацией, то, вероятно, трудности в вербализации могут снижать эффект выученного невнимания. Похожая закономерность — снижение эффекта выученного невнимания вследствие ослабления селективного внимания — была зафиксирована у пожилых людей, как мы описали выше. Однако возможны и необходимы исследования на молодых участниках, в которых эта закономерность была бы проверена экспериментально.

Очевидна связь эффекта выученного невнимания с обработкой семантической информации. При том, что эффект очевидно зависит в первую очередь от структуры и организации внимания, именно у человека категории связаны с речью (Zettersten, M., Luryan, G., 2019). и поэтому объединены в семантические сети. Семантические сети могут сами по себе генерировать распределение внимания: активация одной части сети

приводит к активации другой. Наше недавнее исследование (Жердева, Котов, 2022; Зверева, Матушкина, Котов, 2025) показало, что смена внимания на новый категориальный признак (или уменьшение эффекта выученного невнимания) происходит легче, когда признаки, образующие примеры категорий, имеют между собой семантические связи. Мы использовали в данном исследовании материал, представляющий собой текстовые описания двух видов животных. Часть признаков была очевидно связана между собой (например, «живет там, где полгода морозная зима» и «покрыто толстым мехом»), а не связана (например, «живет там, где полгода морозная зима» и «имеет округлые уши»). Научение в таких условиях, где семантическое знание позволяет выделять, активировать в памяти целые области знаний, наивные теории и когнитивные схемы, естественным образом накладывает ограничения на эффект выученного невнимания.

Другим направлением может быть изучение эффекта выученного невнимания на разных типах категорий в рамках моделей категориального научения, основанных на множественных системах научения, как, например, модель COVIS (Amer, Hasher, 2014). Согласно таким моделям, существуют категории, в большей степени опирающиеся на селективное внимание, и категории, опирающиеся, скорее, на распределенное внимание (прототипы). Если научение на начальных этапах будет касаться категорий по типу прототипов (т. е. не требующих селективного внимания), то при переключении на категории другого типа, основанных на работе селективного внимания, эффекта не должно возникать. Как отмечалось выше, эффект выученного невнимания не проявляется у животных (Blanco, Turner, Sloutsky, 2022), что подтверждает эволюционные механизмы, лежащие в основе категориального научения. Животные используют те системы научения, в основе которых не лежит селективное внимание. Все используемые животными когнитивные процессы (процедурная память, перцептивная обработка, ассоциативное научение и др.) связаны с максимальным распределением внимания по частям информации. Это замедляет научение новым категориям, но дает преимущества при смене правил, становится легче выделить новую релевантную информацию. В случае поздних этапов эволюции доминирующей системой научения становится вербальная, использующая помимо вербализации опору на селективное внимание. Это позволяет быстрее находить релевантную информацию и формировать категории с небольшим количеством признаков, но при этом создает трудности в переключении внимания при переучивании.

Отдельным направлением могло бы стать продолжение исследований разницы между детьми и взрослыми: какие именно условия приводят к тому, что для детей даже до 8 лет опора на селективное внимание не свойственна. Зависит ли это скорее от незрелости селективного внимания или от условий развития, поощряющих исследование реальности, а не исполь-

зование? Важно сравнить не только разные факторы между собой, но и действие этих факторов в разных возрастах, поскольку еще нет ни одной теоретической модели, которая бы объяснила переход от категориального научения, основанного на распределенном вни-

мания, к научению, основанному на селективном внимании. Сравнение категориального научения у детей в разных возрастах, от четырех до 10 лет, позволит обнаружить качественные переходы в развитии этой способности.

Список источников / References

1. Жердева, М., Котов, А. (2022). Эффект выученного невнимания в задаче на понятийную гибкость: Роль называемости частей объекта. *Психологические исследования*, 15(84), Статья 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v15i84.1201>
Zherdeva, M.P., Kotov, A.A. (2022). The effect of learned inattention on conceptual flexibility task: The role of object parts nameability. *Psychological Studies*, 15(84), Article 6. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v15i84.1201>
2. Зверева, Е., Матушкина, В., Котов, А. (2025). Эффект выученного невнимания в задаче категориального научения с семантической связью между признаками. *Психологические исследования*, 18(99), Статья 2. <https://doi.org/10.54359/r94zc524>
Zvereva E., Matushkina V., Kotov A. (2025). The learned inattention effect in a category learning task with semantic connection between features. *Psychological Studies*, 18(99), Article 2. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/r94zc524>
3. Котов, А.А., Дагаев, Н.И. (2013). Роль предыдущих знаний в порождении эффекта понятийной гибкости. *Психологические исследования*, 6(29), Статья 7. <https://doi.org/10.54359/ps.v6i29.696>
Kotov, A.A., Dagaev, N.I. The role of background knowledge in the development of conceptual flexibility effect. *Psychological Studies*, 6(29), Article 7. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i29.696>
4. Amer, T., Hasher, L. (2014). Conceptual processing of distractors by older but not younger adults. *Psychological science*, 25(12), 2252–2258. <https://doi.org/10.1177/0956797614555725>
5. Ashby, F.G., Smith, J.D., Rosedahl, L.A. (2020). Dissociations between rule-based and information-integration categorization are not caused by differences in task difficulty. *Memory & cognition*, 48(4), 541–552. <https://doi.org/10.3758/s13421-019-00988-4>
6. Bjorklund, D.F. (2022). Children's evolved learning abilities and their implications for education. *Educational Psychology Review*, 34(4), 2243–2273. <https://doi.org/10.1007/s10648-022-09688-z>
7. Blanco, N.J., Sloutsky, V.M. (2019). Adaptive flexibility in category learning? Young children exhibit smaller costs of selective attention than adults. *Developmental Psychology*, 55(10), 2060–2076. <https://doi.org/10.1037/dev0000777>
8. Blanco, N.J., Turner, B.M., Sloutsky, V.M. (2022). The benefits of immature cognitive control: How distributed attention guards against learning traps. *Journal of Experimental Child Psychology*, 226, Article 105548. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2022.105548>
9. Castro, L., Savic, O., Navarro, V., Sloutsky, V.M., Wasserman, E.A. (2020). Selective and distributed attention in human and pigeon category learning. *Cognition*, 204, Article 104350. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2020.104350>
10. Dubravac, M., Roebbers, C.M., Meier, B. (2026). Task switching hurts memory in adults but not in children. *Acta Psychologica*, 264, Article 106552. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2026.106552>
11. Easdale, L.C., Le Pelley, M.E., Beesley, T. (2019). The onset of uncertainty facilitates the learning of new associations by increasing attention to cues. *Quarterly journal of experimental psychology*, 72(2), 193–208. <https://doi.org/10.1080/17470218.2017.1363257>
12. Fazio, R.H., Eiser, J.R., Shook, N.J. (2004). Attitude formation through exploration: Valence asymmetries. *Journal of Personality and Social Psychology*, 87(3), 293–311. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.87.3.293>
13. Frankenhuys, W.E., Gopnik, A. (2023). Early adversity and the development of explore—exploit tradeoffs. *Trends in Cognitive Sciences*, 27(7), 616–630. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2023.04.001>
14. Gao, M., Turner, B.M., Sloutsky, V.M. (2024). The role of attention in category representation. *Cognitive Science*, 48(4), Article e13438. <https://doi.org/10.1111/cogs.13438>
15. Hoffman, A.B., Rehder, B. (2010). The costs of supervised classification: The effect of learning task on conceptual flexibility. *Journal of Experimental Psychology. General*, 139(2), 319–340. <https://doi.org/10.1037/a0019042>
16. Kovacs, P., H lie, S., Tran, A.N., Ashby, F.G. (2021). A neurocomputational theory of how rule-guided behaviors become automatic. *Psychological Review*, 128(3), 488–508. <https://doi.org/10.1037/rev0000271>
17. Kruschke, J.K., Blair, N.J. (2000). Blocking and backward blocking involve learned inattention. *Psychonomic Bulletin and Review*, 7(4), 636–645. <https://doi.org/10.3758/bf03213001>
18. Lee, W.J., Li, A.X., Lee, J.E., Hayes, B.K. (2024). Learning traps and change blindness in dynamic environments. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 50(9), 1345–1360. <https://doi.org/10.1037/xlm0001390>
19. Liquin, E.G., Gopnik, A. (2022). Children are more exploratory and learn more than adults in an approach-avoid task. *Cognition*, 218, Article 104940. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104940>

20. Liu, Y., Newell, B.R., Lee, J.E., Hayes, B.K. (2025). Examining the relationship between early experience, selective attention, and the formation of learning traps. *Cognitive Science*, 49(5), Article e70070. <https://doi.org/10.1111/cogs.70070>
21. Mack, M.L., Preston, A.R., Love, B.C. (2020). Ventromedial prefrontal cortex compression during concept learning. *Nature communications*, 11(1), Article 46. <https://doi.org/10.1038/s41467-019-13930-8>
22. Niv, Y., Joel, D., Meilijson, I., Ruppin, E. (2002). Evolution of reinforcement learning in uncertain environments: A simple explanation for complex foraging behaviors. *Adaptive Behavior*, 10(1), 5–24. <https://doi.org/10.1177/10597123020101001>
23. Olschewski, S., Rieskamp, J. (2021). Distinguishing three effects of time pressure on risk taking: Choice consistency, risk preference, and strategy selection. *Journal of Behavioral Decision Making*, 34(4), 541–554. <https://doi.org/10.1002/bdm.2228>
24. Rich, A.S., Gureckis, T.M. (2018). The limits of learning: Exploration, generalization, and the development of learning traps. *Journal of Experimental Psychology: General*, 147(11), 1553–1570. <https://doi.org/10.1037/xge0000466>
25. Rowe, G., Valderrama, S., Hasher, L., Lenartowicz, A. (2006). Attentional disregulation: A benefit for implicit memory. *Psychology and aging*, 21(4), 826–830. <https://doi.org/10.1037/0882-7974.21.4.826>
26. Seitz, F.I., von Helversen, B., Albrecht, R., Rieskamp, J., Jarecki, J.B. (2023). Testing three coping strategies for time pressure in categorizations and similarity judgments. *Cognition*, 233, Article 105358. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105358>
27. Sloutsky, V.M., Deng, W. (2019). Categories, concepts, and conceptual development. *Language, Cognition and Neuroscience*, 34(10), 1284–1297. <https://doi.org/10.1080/23273798.2017.1391398>
28. Sloutsky, V.M., Fisher, A.V. (2004). When development and learning decrease memory: Evidence against category-based induction in children. *Psychological science*, 15(8), 553–558. <https://doi.org/10.1111/j.0956-7976.2004.00718.x>
29. Tandoc, M.C., Nadendla, B., Pham, Th., Finn, A.S. (2024). Directing attention shapes learning in adults but not children. *Psychological science*, 35(10), 1139–1154. <https://doi.org/10.1177/09567976241263347>
30. Turner, B.M., Sloutsky, V.M. (2024). Cognitive inertia: Cyclical interactions between attention and memory shape learning. *Current directions in psychological science*, 33(2), 79–86. <https://doi.org/10.1177/09637214231217989>
31. Unger, L., Sloutsky, V.M. (2023). Category learning is shaped by the multifaceted development of selective attention. *Journal of Experimental Child Psychology*, 226, Article 105549. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2022.105549>
32. Wan, Q., Sloutsky, V.M. (2024). Exploration, distributed attention, and development of category learning. *Psychological Science*, 35(10), 1164–1177. <https://doi.org/10.1177/09567976241258146>
33. Yamauchi, T., Markman, A.B. (1998). Category learning by inference and classification. *Journal of Memory and language*, 39(1), 124–148. <https://doi.org/10.1006/jmla.1998.2566>
34. Zettersten, M., Lupyan, G. (2019). Finding categories through words: More nameable features improve category learning. *Cognition*, 196(4), Article 104135. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2019.104135>

Информация об авторах

Валерия Вячеславовна Матушкина, аспирант, Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН), Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2403-9490>, e-mail: matushkinavaleria@gmail.com

Алексей Александрович Котов, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4426-4265>, e-mail: al.kotov@gmail.com

Татьяна Николаевна Котова, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра прикладных психолого-педагогических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2583-1922>, e-mail: tkotova@gmail.com

Information about the authors

Valeriya V. Matushkina, Federal Research Center «Krasnoyarsk Science Center» of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Krasnoyarsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2403-9490>, e-mail: matushkinavaleria@gmail.com

Alexey A. Kotov, Candidate of Science (Psychology), National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4426-4265>, al.kotov@gmail.com

Tatyana N. Kotova, Candidate of Science (Psychology), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2583-1922>, e-mail: tkotova@gmail.com

Вклад авторов

Матушкина В.В. — аннотирование, написание и оформление рукописи; поиск материалов.

Котов А.А. — замысел статьи, сбор и анализ материалов;

Котова Т.Н. — разработка идеи статьи, оформление границ обсуждаемых понятий.

Все авторы приняли участие в обсуждении статьи и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Valeriya V. Matushkina — writing of the original draft (annotation, manuscript preparation, and formatting), literature search and data acquisition.

Alexey A. Kotov — conceptualisation of the study, collection and analysis of materials.

Tatyana N. Kotova — development of the core idea, definition and delineation of the conceptual framework.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование представляет собой теоретический анализ и не требует этического согласования.

Ethics statement

This study is a theoretical analysis and did not require ethical approval.

Поступила в редакцию 11.11.2024

Поступила после рецензирования 15.04.2026

Принята к публикации 13.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2024.11.11.

Revised 2026.04.15.

Accepted 2026.05.13.

Published 2026.06.30.

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ MEDICAL PSYCHOLOGY

Обзорная статья | Review paper

Переосмысление психотерапии моральной травмы: от синдромной к функциональной концептуализации в работе с военнослужащими и ветеранами

О.А. Сагалакова ✉, Д.В. Труевцев, О.В. Жирнова

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ olgasagalakova@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Моральная травма признается как феномен, отличающийся от ПТСР и требующий специальных психотерапевтических подходов, что ставит под вопрос эффективность синдромных моделей терапии травмы. Ограниченность стандартных, ориентированных на страх протоколов привела к появлению новых вмешательств, развитие которых еще не было рассмотрено в контексте смены научной парадигмы. **Цель.** Провести систематический анализ психологических вмешательств при моральной травме у военнослужащих, продемонстрировав переход от попыток устранить моральную боль к стратегиям построения осмысленной жизни и обосновав сдвиг от синдромной к функциональной модели психотерапии. **Методы.** Систематический аналитический обзор литературы в базах PubMed, PsycINFO, Scopus, Google Scholar и др. за 2010—2025 гг., включающий РКИ, метаанализы и теоретические работы. **Результаты.** Определены три волны развития терапевтических подходов: адаптация «золотых стандартов» терапии ПТСР (PE, CPT), показавшая их ограничения при моральной травме; разработка узкоспециализированных протоколов, направленных на ядро моральной травмы (вину, стыд); формирование функционально-контекстуальных и экзистенциальных подходов «третьей волны» (ACT, CFT, DBT и mindfulness-интервенции), смещающих фокус с редукции симптомов на повышение психологической гибкости, развитие самосострадания и восстановление связи с ценностями. Представлен сравнительный анализ их теоретических оснований, механизмов изменений и доказательной базы. **Выводы.** Наиболее перспективные подходы рассматривают моральную травму не как дефицит, а как экзистенциальный кризис, требующий интеграции, тем самым задавая рамку для перехода к функциональной, ценностно-ориентированной модели психотерапии.

Ключевые слова: моральная травма, ветераны, военнослужащие, ПТСР, психотерапия, систематический обзор, третья волна КПТ, терапия принятия и ответственности (АКТ), функциональный подход, культурно-историческая психология

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-01847, <https://rscf.ru/project/24-28-01847/>

Для цитирования: Сагалакова, О.А., Труевцев, Д.В., Жирнова, О.В. (2026). Переосмысление психотерапии моральной травмы: от синдромной к функциональной концептуализации в работе с военнослужащими и ветеранами. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 120—131. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150212>

Rethinking moral injury: the shift from a syndromal to a functional model of psychotherapy for military personnel and veterans

О.А. Sagalakova ✉, D.V. Truevtsev, O.V. Zhirnova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ olgasagalakova@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Moral injury is recognized as a phenomenon distinct from PTSD that requires specialized psychotherapeutic approaches, which calls into question the effectiveness of purely syndromal models of trauma

© Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В., 2026

treatment. The limitations of standard fear-focused protocols have led to the emergence of new interventions, yet their development has not been examined within a paradigm-shift perspective. **Objective.** To conduct a systematic analysis of psychological interventions for moral injury in military personnel, demonstrating the transition from attempts to eliminate moral pain to strategies for building a meaningful life and substantiating the shift from a syndromal to a functional model of psychotherapy. **Methods.** A systematic analytical review of the literature in PubMed, PsycINFO, Scopus, Google Scholar, and other databases for 2010—2025, including randomized controlled trials, meta-analyses, and theoretical papers. **Results.** Three waves of therapeutic approaches were identified: adaptation of PTSD gold-standard treatments (PE, CPT), which demonstrated important limitations when working with moral injury; development of highly specialized protocols targeting the core of moral injury (guilt, shame); and the emergence of functional-contextual and existential third-wave approaches (ACT, CFT, DBT, and mindfulness-based interventions) that shift the focus from symptom reduction to increasing psychological flexibility, cultivating self-compassion, and restoring a connection with personal values. A comparative analysis of their theoretical foundations, mechanisms of change, and evidence base is presented. **Conclusions.** The most promising approaches conceptualize moral injury not as a deficit to be removed but as an existential crisis requiring integration, thereby outlining a framework for the transition toward a functional, values-oriented model of psychotherapy.

Keywords: moral injury, veterans, military personnel, PTSD, psychotherapy, systematic review, third wave CBT, Acceptance and Commitment Therapy (ACT), functional approach, cultural-historical psychology

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 24-28-01847, <https://rscf.ru/project/24-28-01847/>

For citation: Sagalakova, O.A., Truevtsev, D.V., Zhirnova, O.V. (2026). Rethinking moral injury: the shift from a syndromal to a functional model of psychotherapy for military personnel and veterans. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 120—131. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150212>

Введение

Клинический и исследовательский интерес к последствиям боевого опыта все больше смещается от феноменов, основанных на страхе, к глубоким экзистенциальным страданиям, известным как моральная травма (МТ). Концепция, предложенная Б. Литцем и коллегами, определяет МТ как тяжелое дистрессовое состояние, возникающее вследствие совершения, неспособности предотвратить или наблюдения действий, нарушающих глубоко укоренившиеся моральные убеждения и ценности, а также вследствие предательства со стороны значимых фигур (Litz et al., 2009). Подобные потенциально морально травмирующие события (ПМТС) способны разрушить фундаментальные представления человека о себе, мире и других (Bonson et al., 2024; King et al., 2023).

Несмотря на тесную связь МТ и посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), концептуальное разграничение этих феноменов положило начало современному изучению проблемы (Litz et al., 2009). Если ПТСР основано на страхе и реакции на угрозу жизни, то МТ центрирована вокруг вины, стыда, гнева и экзистенциального кризиса, возникающих из-за нарушения моральных норм; соответственно, травматический опыт кодируется на разных уровнях. Это концептуальное смещение задает терапевтическую рамку, в которой восстановление при МТ включает горевание, самопрощение, прощение других и повторное вовлечение в ценностно ориентированную жизнь, и становится отправной точкой для смены парадигмы — от попыток «стереть» страх к восстановлению утраченного смысла.

Вместе с тем область терапии МТ сталкивается с системными затруднениями — дефицитом строгой операционализации и риском размывания конструкта (Maguen et al., 2017), сложностью разработки шкал для надежной оценки динамики (Williamson, Stevelink, Greenberg, 2018; Levinstein et al., 2024), а главное — с недостаточностью стандартных травмоцентрированных протоколов для проработки центральных переживаний вины, стыда и ценностно-смысловых конфликтов. Это указывает на ограничения синдромной модели, ориентированной на редукцию симптомов, и обосновывает необходимость ее дополнения функциональной концептуализацией, анализирующей, как именно МТ влияет на поведение человека и его способность жить в соответствии со своими ценностями.

Целью настоящей статьи является систематический анализ и сравнение доказательной базы современных психологических вмешательств при МТ у военнослужащих и ветеранов с обоснованием перехода от синдромной к функциональной модели психотерапии. Для этого последовательно анализируются ограничения «золотых стандартов» терапии ПТСР, сопоставляются специализированные протоколы и подходы «третьей волны», обозначаются перспективы их интеграции, в том числе с отечественной культурно-исторической традицией.

Материалы и методы

Настоящая работа представляет собой систематический аналитический обзор научной литературы. Поиск источников осуществлялся в международных и

российских базах данных: PubMed/MEDLINE, PsycINFO, Scopus, Web of Science, Google Scholar, eLibrary. Использовались ключевые слова и их комбинации на русском и английском языках по трем осям: проблема (moral injury / моральная травма, PTSD / ПТСР, guilt / вина, shame / стыд, combat stress), подходы к вмешательству (Acceptance and Commitment Therapy, Compassion Focused Therapy и наименования других протоколов, см. таблицу) и популяция (veterans, military personnel, combatants).

В обзор включались рецензируемые статьи, систематические обзоры, метаанализы и рандомизированные контролируемые исследования 2010—2025 гг., с особым акцентом на работах последних пяти лет. Анализились публикации на английском и русском языках; не рассматривались диссертации, тезисы конференций и нерцензуемые материалы (за исключением основополагающих клинических руководств).

Результаты

Несмотря на то что МТ часто сопутствует ПТСР, эти феномены все более отчетливо признаются различающимися. Военнослужащие с ПТСР с большей вероятностью испытывают флешбэки, кошмары и усиленную реакцию испуга, тогда как при МТ выражены гнев, вина, стыд, депрессия и социальная изоляция (Williamson et al., 2023). Разные типы ПМТС (совершенство, бездействие, предательство) вызывают неодинаковые реакции (Litz et al., 2009), что делает стандартные методы вмешательства при ПТСР недостаточными для охвата всего спектра последствий МТ.

«Золотые стандарты» терапии ПТСР и их ограничения при моральной травме

Теоретическая база традиционных вмешательств при ПТСР — пролонгированной экспозиции (Prolonged Exposure, PE, Э. Фoa) и когнитивно-процессуальной терапии (Cognitive Processing Therapy, CPT, П. Резик) — формируется в рамках модели страха. Эти протоколы рассматриваются как методы первой линии в клинических рекомендациях по лечению ПТСР у ветеранов (Schnurr et al., 2022; Resick, Monson, Chard, 2017) и исходят из предположения, что расстройство поддерживается условной реакцией страха и дезадаптивными когнициями об опасности мира; их основной механизм — угасание страха через экспозицию и реструктуризацию когниций.

Наряду с PE и CPT в «золотой стандарт» терапии ПТСР включены когнитивная терапия, сфокусированная на травме (Trauma-Focused Cognitive Therapy, TF-CT; А. Элерс, Д. Кларк), и десенсибилизация и переработка движениями глаз (EMDR, Ф. Шапиро), рекомендованные ведущими клиническими руководствами — VA/DoD (Schnurr et al., 2024) и APA (American Psychological Association, 2025). Их эффективность при ПТСР у ветеранов подтверждена в РКИ; для работы с

МТ у военнослужащих и ветеранов разработаны методические руководства (Hurley, 2021). Однако специфическая эффективность TF-CT и EMDR именно при выраженной МТ пока остается недостаточно исследованной — существующие работы преимущественно описывают модификации протоколов и отдельные случаи; сравнительных РКИ на клинически значимых выборках с изолированной МТ не проведено.

Применение инструментов, созданных для работы со страхом, к моральному страданию ограничено (Litz et al., 2009). Ядро переживаний при МТ — не страх, а вина, стыд и экзистенциальный кризис, которые не угасают от повторения травматических сцен. Если при ПТСР доминирует переживание «мир опасен», то при МТ — «я плохой»; многократная экспозиция к событию, вызывающему стыд, без моральной переработки может приводить к ретравматизации. Приемлемость стандартных протоколов при сочетании ПТСР и МТ остается предметом обсуждения (Held et al., 2018), а при МТ убеждения о вине часто имеют реальную основу, что делает прямое оспаривание когниций неуместным (Gray, Nash, Litz, 2017). Х. Мюррей и А. Элерс (2021) предложили адаптацию когнитивной модели ПТСР для случаев, поддерживаемых моральными переживаниями.

Специализированные вмешательства, сфокусированные на ядре моральной травмы — вине, стыде и предательстве

В ответ на ограничения «золотых стандартов» разработано поколение узкоспециализированных протоколов. Их принципиальное отличие состоит в том, что они не пытаются вписать МТ в модель страха, а признают ее самостоятельную феноменологию и создают прицельные инструменты для работы с ее ядром — виной, стыдом, горем и опытом предательства.

Адаптивное раскрытие (Adaptive Disclosure, AD): интеграция горя, вины и страха

Протокол AD, разработанный Б. Литц и коллегами (Litz et al., 2009; Gray et al., 2012), представляет собой интегративную терапию, отходящую от чисто экспозиционных моделей и признающую боевой опыт как узел страха, горя и моральной боли. Центральный компонент — техника воображаемого диалога с милосердным моральным авторитетом, обеспечивающая мысленный опыт принятия, прощения и понимания, что напрямую адресует интернализированный стыд. Эффективность AD подтверждена в РКИ, показавшем преимущество перед поддерживающим консультированием (Walker, O'Donnell, Litz, 2024). В усовершенствованной версии (AD-Enhanced) интегрированы техники «третьей волны» (mindfulness, самосострадание); в РКИ при ПТСР с травматической утратой и МТ AD-E продемонстрировала преимущества перед терапией, ориентированной на настоящее, однако эффекты оказались умеренными и нестабильными во времени (Litz et al., 2024).

Терапия по снижению вины, связанной с травмой (Trauma-informed Guilt Reduction Therapy, TrIGR)

Если АД работает с комплексным опытом, TrIGR — высокоточный инструмент, нацеленный на иррациональную вину. Протокол разработан группой С. Норман; его краткосрочная структурированная форма обусловлена необходимостью оперативной профилактики сопутствующих МТ поведенческих рисков — зависимостей, межличностных нарушений (Norman et al., 2022). Терапия прицельно работает с «индексным событием» — действием или бездействием, служащим источником вины; ключевая техника — анализ «застывших точек» как искажений, поддерживающих вину (искажение ретроспективного взгляда, преувеличение контроля). Через сократический диалог и распределение ответственности терапевт помогает реалистично переоценить персональный вклад, отделяя адекватное сожаление от иррациональной вины; завершающий этап — работа с ценностями и самопрощением. РКИ на 145 ветеранах США показало превосходство TrIGR над поддерживающей терапией в снижении связанных с виной когниций ($d = 0,92$), симптомов ПТСР ($d = 0,81$) и депрессии ($d = 0,43$) (Norman et al., 2022).

Терапия «Последствия убийства» (The Impact of Killing, IOK)

IOK — узкоспециализированный краткосрочный подход группы С. Магуэн для работы с одним из самых тяжелых и табуированных аспектов боевого опыта — актом лишения жизни. Протокол применяется после первичной терапии ПТСР и нацелен на остаточные симптомы, связанные с актом причинения смерти: вину, стыд, духовный кризис, трудности самопрощения. IOK интегрирует КБТ с элементами экзистенциальной и межличностной психотерапии; включает этапы дестигматизации, когнитивной работы, содействия самопрощению и восстановления ценностно-ориентированного поведения. Исследования показали значимое снижение связанного с убийством дистресса (Maguen et al., 2017; Burkman et al., 2022).

Вмешательства, ориентированные на ценностно-смысловую и духовный кризис при моральной травме

Для многих ветеранов МТ проявляется как всеобъемлющий кризис смысла, духовности и связи с сообществом — экзистенциальный вакуум, остающийся даже после того, как иррациональная вина скорректирована. В ответ появилось новое поколение вмешательств, смещающих фокус с самого события на его последствия, а с редукции симптомов — на восстановление осмысленной жизни. Характерной их чертой является отход от индивидуальной терапии в пользу групповых и peer-led-форматов, что находит обоснование в исследованиях, демонстрирующих принципиальную роль социальной принадлежности в снижении суицидального риска (Levi-Belz et al., 2024).

Построение Духовной Силы (Building Spiritual Strength, BSS)

Протокол BSS (Дж. Харрис, капелланская служба VA) адресует духовное и экзистенциальное измерение МТ — утрату веры в справедливость, человечество или высшие силы. Это структурированное духовно-интегрированное вмешательство, реализуемое капелланами или психологами как дополнение к традиционной психотерапии. Программа выстроена не вокруг религиозных догм, а вокруг личных духовных ресурсов ветерана, что делает ее доступной вне зависимости от религиозной идентичности. Терапия включает работу с виной, стыдом и гневом через призму ценностей, исследование возможностей прощения и переосмысление опыта для его интеграции в новый жизненный нарратив. РКИ (Harris et al., 2018) показало, что BSS снижает симптомы ПТСР наравне с другими подходами, но значительно превосходит их в редукции духовного дистресса — чувства покинутости и наказания высшими силами, тесно связанного с суицидальным риском.

Восстановление и Перестройка (Restore and Rebuild, R&R)

Протокол R&R разработан группой В. Уильямсон как ответ на острый дефицит доказательной базы терапии МТ (Williamson, Stevelink, Greenberg, 2018); он обогащен техниками АСТ и CFT, включает освоение когнитивного разделения, упражнений самосострадания и самопрощения. Отличительная черта — peer-led-формат: группу ведет пара клинициста и обученного ветерана-равного, что снижает стигму и создает пространство взаимной валидации. Пилотное исследование осуществимости (Williamson et al., 2023) подтвердило приемлемость подхода (100% завершение, нулевой отсев), но отсутствие контрольной группы обязывает к осторожной интерпретации эффектов; в настоящее время реализуется полномасштабное многоцентровое РКИ (Williamson et al., 2024).

Функциональный подход как смена парадигмы: подходы «третьей волны»

Фундаментальный сдвиг в осмыслении терапии МТ связан с переходом к подходам «третьей волны» КБТ, общая философия которых состоит не в изменении содержания болезненных мыслей и эмоций, а в изменении отношения к ним и их функции в жизни человека. МТ переосмысливается не как набор симптомов, подлежащих устранению, а как результат патологической борьбы с моральной болью (Farnsworth et al., 2017); вместо борьбы с этой болью человека учат жить осмысленной жизнью вместе с ней (Walser et al., 2024).

Подходы, основанные на mindfulness (MBIs)

Практика осознанности образует самостоятельное семейство протоколов; согласно определению Дж. Кабат-Зинн, mindfulness — безоценочное внимание к настоящему моменту; его цель — развитие метакогнитивной осведомленности, способности наблюдать вну-

тренний опыт как преходящие события. Семейство MBIs включает MBSR и MMFT (Mindfulness-based Mind Fitness Training), работающие с руминациями и низкой толерантностью к дистрессу. Исследования MMFT показали, что программа превентивно повышает устойчивость к травматическим событиям у военнослужащих (Jensen et al., 2020). Специально адаптированный для МТ онлайн-протокол ММММ (Mindfulness to Manage Moral Injury), обучающий управлению вниманием и безоценочному принятию психологической боли, показал предварительную успешность в пилотном РКИ (Kelley et al., 2025).

Терапия принятия и ответственности (ACT-MI)

ACT (С. Хейс) предлагает наиболее концептуально разработанную функциональную модель работы с МТ; ее целью является развитие психологической гибкости (Hayes, Strosahl, Wilson, 2012); адаптацией для МТ (ACT-MI) занимается группа Р. Уолсер, Дж. Фарнсворт, У. Эванс (Walser et al., 2024). ACT рассматривает МТ функционально — как избегание боли, нарушающее жизнедеятельность, — и трансформирует ее из сигнала к избеганию в сигнал к ценностному действию (Borges et al., 2022). Шесть базовых процессов ACT развиваются применительно к МТ: проактивность — как искупительные действия, «Я-как-контекст» адресует разрушенную идентичность, прощение трактуется как действие (Farnsworth et al., 2017). Эффективность ACT подтверждена в метаанализах (Gloster et al., 2020); обзор зафиксировал перспективность ACT-MI у ветеранов (Donahue et al., 2024).

Терапия, сфокусированная на сострадании (CFT): работа со стыдом и самокритикой

CFT (П. Гилберт) опирается на трехсистемную модель эмоциональной регуляции (системы угрозы, драйва, успокоения). Поскольку прямая борьба с системой угрозы контрпродуктивна, CFT развивает способность активировать систему успокоения через культивирование сострадания к себе — практики сострадательного дыхания, образы безопасного места, работу с самокритичными убеждениями.

Систематический обзор (Brown, Ashcroft, 2025), охвативший 21 исследование (N = 450) за 2000—2024 гг., выявил стабильные улучшения самосострадания (g = 0,23—4,14), снижение самокритики (g = 0,29—1,56) и внешнего стыда (g = 0,54—1,22) в клинических группах. В

исследовании 127 военных ветеранов стыд оказался сильнейшим предиктором МТ ($\beta = 0,425$, $r = 0,765$); у ветеранов зафиксирована гиперактивация системы угрозы при гипеоактивации системы успокоения, что делает CFT теоретически оптимальным подходом (Morgan et al., 2025). Групповая терапия с элементами CFT значительно снижает деструктивные стыд-ориентированные копинг-стратегии у военнослужащих с МТ (Diekmann et al., 2023).

Диалектико-поведенческая терапия (DBT)

DBT (М. Линехан) важна для работы с тяжелыми поведенческими последствиями травмы; ее философия — диалектический баланс принятия и изменения, теоретическая основа — биосоциальная теория эмоциональной дисрегуляции. Как и другие подходы «третьей волны», DBT центрирована на функции поведения. Протокол DBT-PE (с продленной экспозицией, М. Харнед) разработан для работы непосредственно с травмой; его безопасность и эффективность при ПТСР у пациентов с высоким суицидальным риском подтверждены в пилотном нерандомизированном исследовании (Harned et al., 2021). Исследований эффекта DBT или DBT-PE на МТ как самостоятельный конструкт в военных популяциях пока не проведено.

Обсуждение результатов

Эволюция терапии МТ разворачивается как последовательный концептуальный сдвиг — от моделей, центрированных на страхе, к подходам, работающим с экзистенциальными, ценностными и функциональными аспектами страдания. Для систематизации этого сдвига в таблице сопоставлены теоретические основания, мишени и механизмы изменений со статусом доказательности, характеристиками ведущих исследований и размерами эффекта.

Обсуждение различий и механизмов

Анализ, представленный в таблице, позволяет выделить три поколения терапевтических подходов при МТ: модели, направленные на исправление когнийций и угасание реакций (PE, CPT, TrIGR); подходы, ориентированные на восстановление смысловых и социальных связей (RR, BSS); функционально-контекстуальные методы, обучающие изменению отношения к внутреннему опыту (ACT, CFT, DBT).

Таблица

Сводный анализ терапевтических подходов при МТ: теоретические основания, мишени, механизмы и доказательная база

Подход	Теоретическая основа и мишень	Механизм изменений	Статус доказательности, выборка и контроль	Размер эффекта	Вывод и источник
PE / CPT	Модель страха, рационализм, бихевиоризм. Мишень: дезадаптивные когнийции, условная реакция страха	Экспозиция (PE), когнитивная реструктуризация (CPT)	Для ПТСР — очень высокий (крупное РКИ). Для МТ — дискуссионно. PE vs CPT: N = 916 ветеранов	PE незначительно превосходит CPT по ПТСР (SMD 0,99 vs 0,71, $p = 0,01$), клинически различие не значимо. Оба эффективны при ПТСР	Эффективны для ПТСР, но ограничены в работе с ядром МТ; требуются РКИ для работы со стыдом и виной (Schnurr et al., 2022; Evans et al., 2021)

Подход	Теоретическая основа и мишень	Механизм изменений	Статус доказательности, выборка и контроль	Размер эффекта	Вывод и источник
AD / AD-E	Интегративная (экспозиция и диалог). Мишень: комплексный опыт — горе, вина, предательство	Экспозиция и воображаемый диалог с моральным авторитетом; в AD-E — интеграция mindfulness и самосострадания	Умеренный, развивающийся. РКИ AD-E vs PCT, N = 174 ветерана США с ПТСР и МТ	Краткосрочное превосходство AD-E над активным контролем (d = 0,39); эффекты не сохранились через 3—6 мес.	Эффективный интегративный подход для ПТСР с МТ; требует стабилизации эффектов (Litz et al., 2024; Walker, O'Donnell, Litz, 2024)
TrIGR	КБТ «второй волны». Мишень: иррациональная, дезадаптивная вина	Анализ «застраивших точек», распределение ответственности, работа с самопрощением	Очень высокий для вины, высокий для ПТСР. РКИ TrIGR vs SCT, N = 145 ветеранов США	Вина: d = 0,92 (post + FU); ПТСР: d = 0,81; депрессия: d = 0,43. Ответ на терапию ПТСР: 67% vs 40% в контроле	Эффективный узкоспециализированный инструмент для снижения вины (Norman et al., 2022)
ИОК	КБТ с элементами экзистенциального и межличностного подхода. Мишень: дистресс, связанный с актом убийства	Дестигматизация, когнитивная работа, самопрощение, восстановление ценностного поведения	Развивающийся. Пилотное РКИ + текущее РКИ. N = 33 ветерана США; контроль — лист ожидания	Умеренный (d ≈ 0,59) для ПТСР, связанного с убийством; ω ² = 0,20 для общих психиатрических симптомов	Эффективное специфическое вмешательство, доказательная база растет (Maguen et al., 2017; Burkman et al., 2022)
BSS	Гуманистическая, экзистенциальная, духовно-интегрированная. Мишень: духовный кризис, самоосуждение, разрыв с сообществом	Обретение смысла, групповая поддержка, духовное раскрытие, прощение	Развивающийся. РКИ, N = 138 ветеранов США с ПТСР+МТ; контроль: PCGT	Равный эффект по ПТСР (68—70% улучшение, d ≈ 1,0); превосходство в редукции духовного дистресса (F = 10,48; p = 0,001)	Перспективный духовно-интегрированный подход, реализуемый капелланами; снижает стигму (Harris et al., 2018)
R&R	«Третья волна» (элементы АСТ, CFT) и реет-led. Мишень: моральное страдание и социальная изоляция	Когнитивное разделение, самосострадание, самопрощение; реет-led группа (клиницист и ветеран-равный)	Развивающийся. Пилотное исследование осуществимости; многоцентровое РКИ в процессе. N = 20 ветеранов Великобритании	Большие эффекты на ПТСР (d ≈ 2,3), МТ-дистресс (−9,05 балла; p = 0,001), депрессию (d ≈ 2,3). Интерпретация осторожная — нет контроля	Перспективный протокол с превосходной приемлемостью (100% завершение); требует РКИ с контролем (Williamson et al., 2023, 2024)
MBIs (MMFT, MMMI)	«Третья волна», mindfulness. Мишень: руминации, низкая толерантность к дистрессу	Развитие метакогнитивной осведомленности, безоценочного принятия	ММФТ: высокий для превенции МТ (РКИ, N = 203 морпеха). МММИ: развивающийся (пилотное РКИ, N = 56 ветеранов США)	ММФТ: когнитивная производительность g = 0,87; снижение кортизола. МММИ: значимое превосходство над активным контролем (d = 0,66); большие снижения МТ, вины, негибкости	ММФТ — превенция МТ; МММИ — высокая осуществимость, нужны масштабные РКИ (Jensen et al., 2020; Kelley et al., 2025)
АСТ-МИ	Функциональный контекстуализм. Мишень: психологическая ригидность, избегание моральной боли	Развитие психологической гибкости через принятие, разделение, ценности, проактивность	Очень ранняя стадия. 2 пилотных открытых исследования без контроля (N = 13 и N = 5 ветеранов США); РКИ в процессе	Очень большие эффекты на процессы АСТ — гибкость (g = 1,44), децентрацию (g = 1,39), ценностное поведение (g = 1,06—1,30)	Основано на функциональной модели МТ; требует проверки в РКИ с контролем (Walser et al., 2024)
CFT	Эволюционная психология, теория привязанности, нейронаука. Мишень: стыд и беспощадная самокритика	Активация системы успокоения через культивирование трех потоков сострадания	Развивающийся. Групповая терапия (элементы CFT) у немецких военных; N = 85 (45 — эксперимент, 40 — лист ожидания)	Средние эффекты: атака на себя (f = 0,27), уход (f = 0,32); близкий к высокому — атака на других (f = 0,36)	Значимая эффективность; снижает стыд-ориентированные копинги (Diekmann et al., 2023; Morgan et al., 2025; Brown, Ashcroft, 2025)
DBT (+PE)	Диалектическая философия, биосоциальная теория. Мишень: эмоциональная и поведенческая дисрегуляция	Обучение навыкам (стабилизация) и экспозиция травмы	Развивающийся для ПТСР. Пилотное нерандомизированное КИ, N = 35 пациентов клиники (16 DBT+PE vs 19 DBT)	DBT+PE (все, кто начал): g = 1,1; завершившие: g = 1,4; DBT: g = 0,5. Протокол безопасен у пациентов с суицидальным риском	Перспективный подход для тяжелых последствий травмы с коморбидной дисрегуляцией; на военных выборках с МТ не проверен (Harned et al., 2021)

Примечание: d (d Коэна), g (g Хеджеса) — стандартизированные показатели размера эффекта: ~0,2 — малый, ~0,5 — средний, ~0,8 — большой; ω² (Omega-squared) — ~0,01 — малый, ~0,06 — средний, ~0,14 — большой (предпочтителен для малых выборок); f (f Коэна) для сравнения нескольких групп в ANOVA: ~0,10 — малый, ~0,25 — средний, ~0,40 — большой.

Table

Comparative analysis of therapeutic approaches to moral injury: theoretical foundations, targets, mechanisms, and evidence base.

Approach	Theoretical basis and target	Mechanism of change	Evidence status, sample, and control	Effect size	Conclusion and source
PE / CPT	Fear model; rationalism, behaviorism. Target: maladaptive cognitions, conditioned fear response.	Exposure (PE), cognitive restructuring (CPT).	For PTSD — very high (large RCT). For MI — debatable. PE vs CPT: N = 916 veterans.	PE marginally outperforms CPT on PTSD (SMD 0.99 vs 0.71, $p = 0.01$); the difference is not clinically significant. Both effective for PTSD.	Effective for PTSD but limited in addressing the core of MI; RCTs targeting shame and guilt are needed (Schnurr et al., 2022; Evans et al., 2021).
AD / AD-E	Integrative (exposure and dialogue). Target: complex experience — grief, guilt, betrayal.	Exposure and imaginal dialogue with a moral authority; in AD-E — integration of mindfulness and self-compassion.	Moderate, emerging. RCT of AD-E vs PCT, N = 174 U.S. veterans with PTSD and MI.	Short-term superiority of AD-E over active control ($d = 0.39$); effects not maintained at 3—6 months.	Effective integrative approach for PTSD with MI; requires stabilization of effects (Litz et al., 2024; Walker, O'Donnell, Litz, 2024).
TrIGR	Second-wave CBT. Target: irrational, maladaptive guilt.	Analysis of “stuck points,” responsibility attribution, work on self-forgiveness.	Very high for guilt, high for PTSD. RCT of TrIGR vs SCT, N = 145 U.S. veterans.	Guilt: $d = 0.92$ (post + FU); PTSD: $d = 0.81$; depression: $d = 0.43$. PTSD treatment response: 67% vs 40% in control.	Effective highly specialized tool for reducing guilt (Norman et al., 2022).
IOK	CBT with existential and interpersonal elements. Target: distress related to the act of killing.	Destigmatization, cognitive work, self-forgiveness, restoration of values-based behavior.	Emerging. Pilot RCT + ongoing RCT. N = 33 U.S. veterans; control — waitlist.	Moderate ($d \approx 0.59$) for killing-related PTSD; $\omega^2 = 0.20$ for general psychiatric symptoms.	Effective specific intervention; evidence base is growing (Maguen et al., 2017; Burkman et al., 2022).
BSS	Humanistic, existential, spiritually integrated. Target: spiritual crisis, self-condemnation, disconnection from community.	Meaning-making, group support, spiritual disclosure, forgiveness.	Emerging. RCT, N = 138 U.S. veterans with PTSD + MI; control: PCGT.	Equal effect on PTSD (68—70% improvement, $d \approx 1.0$); superiority in reducing spiritual distress ($F = 10.48$; $p = 0.001$).	Promising spiritually integrated approach delivered by chaplains; reduces stigma (Harris et al., 2018).
R&R	Third wave (elements of ACT, CFT) and peer-led. Target: moral suffering and social isolation.	Cognitive defusion, self-compassion, self-forgiveness; peer-led group (clinician and veteran peer).	Emerging. Pilot feasibility study; multisite RCT in progress. N = 20 UK veterans.	Large effects on PTSD ($d \approx 2.3$), MI distress (−9.05 points; $p = 0.001$), depression ($d \approx 2.3$). Cautious interpretation — no control.	Promising protocol with excellent acceptability (100% completion); requires a controlled RCT (Williamson et al., 2023, 2024).
MBIs (MMFT, MMMI)	Third wave, mindfulness. Target: rumination, low distress tolerance.	Development of meta-cognitive awareness and nonjudgmental acceptance.	MMFT: high for MI prevention (RCT, N = 203 Marines). MMMI: emerging (pilot RCT, N = 56 U.S. veterans).	MMFT: cognitive performance $g = 0.87$; reduction in cortisol. MMMI: significant superiority over active control ($d = 0.66$); large reductions in MI, guilt, inflexibility.	MMFT — MI prevention; MMMI — high feasibility, large-scale RCTs needed (Jensen et al., 2020; Kelley et al., 2025).
ACT-MI	Functional contextualism. Target: psychological rigidity, avoidance of moral pain.	Development of psychological flexibility through acceptance, defusion, values, committed action.	Very early stage. 2 uncontrolled open pilot studies (N = 13 and N = 5 U.S. veterans); RCT in progress.	Very large effects on ACT processes — flexibility ($g = 1.44$), decentering ($g = 1.39$), values-based behavior ($g = 1.06$ —1.30).	Grounded in a functional model of MI; requires testing in a controlled RCT (Walser et al., 2024).
CFT	Evolutionary psychology, attachment theory, neuroscience. Target: shame and relentless self-criticism.	Activation of the soothing system through cultivation of the three flows of compassion.	Emerging. Group therapy (CFT elements) in German service members; N = 85 (45 — experimental, 40 — waitlist).	Medium effects: self-attack ($f = 0.27$), withdrawal ($f = 0.32$); near-large — attack-other ($f = 0.36$).	Significant efficacy; reduces shame-oriented coping (Diekmann et al., 2023; Morgan et al., 2025; Brown, Ashcroft, 2025).
DBT (+PE)	Dialectical philosophy, biosocial theory. Target: emotional and behavioral dysregulation.	Skills training (stabilization) and trauma exposure.	Emerging for PTSD. Pilot nonrandomized trial, N = 35 clinic patients (16 DBT+PE vs 19 DBT).	DBT+PE (all who started): $g = 1.1$; completers: $g = 1.4$; DBT: $g = 0.5$. Protocol is safe in patients at suicidal risk.	Promising approach for severe trauma sequelae with comorbid dysregulation; not yet tested in military MI samples (Harned et al., 2021).

Note. d (Cohen's d), g (Hedges's g) — standardized effect-size measures: ~ 0.2 — small, ~ 0.5 — medium, ~ 0.8 — large; ω^2 (omega-squared) — ~ 0.01 — small, ~ 0.06 — medium, ~ 0.14 — large (preferred for small samples); f (Cohen's f) for comparing several groups in ANOVA: ~ 0.10 — small, ~ 0.25 — medium, ~ 0.40 — large.

Исторически прослеживается последовательное движение от стратегий привыкания и когнитивной переработки дисфункциональных убеждений (РЕ, СРТ) — через целенаправленную работу с комплексным опытом потерь и моральными эмоциями вины и стыда (AD, IOK) — к процессам когнитивного разделения, развитию самосострадания, диалектическому балансу и активации ценностного поведения (ACT, CFT, DBT).

Вслед за сменой мишеней трансформируется и роль терапевта — от экспертно-технической позиции, предполагающей проведение структурированных процедур по протоколу, к роли морального свидетеля и соучастника экзистенциального переосмысления. Наиболее принципиален фундаментальный сдвиг в отношении к самому переживанию МТ — от трактовки вины, стыда и нравственного отчаяния как симптомов, подлежащих устранению, к пониманию их как важнейших сигналов ценностной системы личности, требующих не редукции, а интеграции в обновленный образ себя.

Связь МТ с поведенческими рисками — суицидом, зависимостями, импульсивной агрессией — нередко остается ведущей клинической мишенью даже при редукции симптомов ПТСР, что указывает на продуктивность диалога между синдромным и функциональным подходами. В нелинейной динамической модели антивиталяного и суицидального поведения (Сагалакова, Труевцев, Сагалаков, 2016) показана роль социальных эмоций и моральных переживаний. Диссоциация и повторяющееся негативное мышление выступают опосредующими звеньями нелинейного перехода от травматического опыта к суициду, в том числе в контексте «эффекта Аякса» при боевом стрессе. Это требует интеграции работы со стыдом, виной и ценностями с мониторингом диссоциации, руминативных процессов и поведенческих рисков на всех этапах терапии МТ (Сагалакова, Труевцев, Жирнова, 2025a; 2025b).

Перспективы интеграции с культурно-историческим подходом

Переход к функциональным моделям «третьей волны» открывает органичные перспективы для интеграции с культурно-исторической психологией (КИП) Л.С. Выготского. Обе традиции разделяют немеханистический, диалектический взгляд на психику — развитие понимается не как линейное накопление, а как преодоление кризиса через качественную перестройку системы. МТ в этом контексте — не дефицит, подлежащий устранению, а острый экзистенциальный кризис, который, по Выготскому, является необходимым моментом развития.

Центральное понятие АСТ — психологическая гибкость — созвучно представлению о зрелой личности в КИП, способной сознательно перестраивать смысловые системы в ответ на кризисы. Метакогнитивные техники «третьей волны» реализуют принцип опосредствования: когнитивное разделение («у меня есть мысль, что я плохой» вместо «я плохой») — акт введения знака-посредни-

ка, создающий дистанцию между человеком и его опытом. Процесс терапии разворачивается по логике интериоризации и переключается с психотерапией переживания, разработанной Ф.Е. Василюком. Эта рамка созвучна категории поступка, по М.М. Бахтину, и понятию личностного смысла, по А.Н. Леонтьеву, — психотерапия МТ выступает не как устранение симптома, а как работа по восстановлению смыслового отношения субъекта к пережитому. Синтез КБТ «третьей волны» и КИП уже становится предметом исследований (Холмогорова, Зарецкий, 2011) и может служить фундаментом культурно-сенситивных отечественных моделей помощи при МТ.

Заключение

Проведенный анализ выявляет смену парадигмы в психотерапии МТ, реализующуюся через три концептуальные волны — от попыток прямого применения «золотых стандартов» ПТСР через создание узкоспециализированных протоколов для ядра МТ (вины, стыда) к функционально-контекстуальным подходам, знаменующим переход от трактовки морального страдания как патологии к его экзистенциальному осмыслению.

Институциональная логика развития психотерапии в зарубежной клинической практике способствует оформлению новых доказательных моделей в формате синдромного «золотого стандарта». Функционально-контекстуальные подходы могут в будущем быть частично ассимилированы в рамки «стандарта терапии МТ». Значимость функциональной парадигмы состоит не в противопоставлении синдромной модели, а в расширении концептуальной рамки, позволяющей учитывать ценностно-смысловое и экзистенциальное измерение МТ вне зависимости от текущей диагностической конфигурации.

Перспективным вектором развития представляется дополнение синдромной логики функциональной концептуализацией, смещающей акцент с редукции симптомов на восстановление осмысленной, ценностно-ориентированной жизни. Разработка интегративных персонализированных моделей, сочетающих доказательные практики «третьей волны» с теоретической базой КИП, является приоритетным направлением дальнейшего развития психологической помощи при МТ.

Ограничения. Настоящий обзор имеет ряд ограничений: доказательная база большинства вмешательств при МТ остается предварительной — преобладают пилотные исследования на малых выборках при дефиците сравнительных РКИ; выборки культурно и гендерно однородны (преимущественно мужчины-ветераны западных армий), что ограничивает обобщаемость и указывает на необходимость кросс-культурной адаптации протоколов.

Limitations. The evidence base for moral injury interventions remains nascent, with most studies being small-sample pilot trials and comparative RCTs largely absent; samples are predominantly male veterans of Western militaries, limiting generalizability.

Список источников / References

1. Сагалакова, О.А., Труевцев, Д.В., Сагалаков, А.М. (2016). *Нарушение когнитивной регуляции социальной тревоги при антивитальном поведении*. Томск: Томский государственный университет.
Sagalakova, O.A., Truvtsev, D.V., Sagalakov, A.M. (2016). *Impaired cognitive regulation of social anxiety in antivital behavior*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russ.).
2. Сагалакова, О.А., Труевцев, Д.В., Жирнова, О.В. (2025а). «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе. *Психология и право*, 15(4), 275—297. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150415>
Sagalakova, O.A., Truvtsev, D.V., Zhirnova, O.V. (2025a). “The Ajax Effect”: The role of moral injury-related dissociation in the formation of suicidal behavior under combat stress. *Psychology and Law*, 15(4), 275—297. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150415>
3. Сагалакова, О.А., Труевцев, Д.В., Жирнова, О.В. (2025б). Психологическая роль диссоциации и негативного повторяющегося мышления в динамике суицидального поведения при посттравматическом стрессовом расстройстве. *Неврологический вестник*, 57(2), 180—193. <https://doi.org/10.17816/nb642098>
Sagalakova, O.A., Truvtsev, D.V., Zhirnova, O.V. (2025b). The psychological role of dissociation and repetitive negative thinking in the development of suicidal behavior in posttraumatic stress disorder. *Neurology Bulletin*, 57(2), 180—193. (In Russ.). <https://doi.org/10.17816/nb642098>
4. Холмогорова, А.Б., Зарецкий, В.К. (2011). Может ли культурно-историческая концепция Л.С. Выготского помочь нам лучше понять, что мы делаем как психотерапевты? *Культурно-историческая психология*, 7(1), 108—118. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2011_n1/39686 (дата обращения: 03.06.2026).
Kholmogorova, A.B., Zaretsky, V.K. (2011). Can Vygotsky’s cultural-historical concept help us to better understand what we do as therapists? *Cultural-Historical Psychology*, 7(1), 108—118. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2011_n1/39686 (viewed: 03.06.2026).
5. American Psychological Association. (2025). *APA Clinical Practice Guideline for the Treatment of Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) in Adults: Guideline Update Panel for the Treatment of PTSD in Adults Approved by APA Council of Representatives, February 2025*. Washington: American Psychological Association. URL: <https://www.apa.org/ptsd-guideline> (viewed: 03.06.2026).
6. Bonson, A., Murphy, D., Aldridge, V., Greenberg, N., Williamson, V. (2024). Veterans’ experiences of moral injury, treatment and recommendations for future support. *BMJ Military Health*, 170(e2), e104—e109. <https://doi.org/10.1136/military-2022-002332>
7. Borges, L.M., Barnes, S.M., Farnsworth, J.K., Drescher, K.D., Walser, R.D. (2022). Case conceptualizing in acceptance and commitment therapy for moral injury: An active and ongoing approach to understanding and intervening on moral injury. *Frontiers in Psychiatry*, 13, Article 910414. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2022.910414>
8. Brown, N., Ashcroft, K. (2025). The effectiveness of compassion focused therapy for the three flows of compassion, self-criticism, and shame in clinical populations: A systematic review. *Behavioral Sciences*, 15(8), Article 1031. <https://doi.org/10.3390/bs15081031>
9. Burkman, K., Gloria, R., Mehlman, H., Maguen, S. (2022). Treatment for moral injury: Impact of killing in war. *Current Treatment Options in Psychiatry*, 9, 101—114. <https://doi.org/10.1007/s40501-022-00262-6>
10. Diekmann, C., Issels, L., Alliger-Horn, C., Rau, H., Fischer, K., Thiel, M., Willmund, G.D., Zimmermann, P. (2023). Traumatized German soldiers with moral injury — value-based cognitive-behavioral group therapy to treat war-related shame. *Frontiers in Psychiatry*, 14, 1173466. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2023.1173466>
11. Donahue, M.L., Fruge, J.E., Andresen, F.J., Twohig, M.P. (2024). Acceptance and commitment therapy (ACT) among U.S. veterans: A systematic review. *Journal of Contextual Behavioral Science*, 32, Article 100731. <https://doi.org/10.1016/j.jcbs.2024.100731>
12. Evans, W.R., Russell, L.H., Hall-Clark, B.N., Fina, B.A., Brown, L.A., Foa, E.B., Peterson, A.L. (2021). Moral injury and moral healing in prolonged exposure for combat-related PTSD: A case study. *Cognitive and Behavioral Practice*, 28(2), 210—223. <https://doi.org/10.1016/j.cbpra.2020.12.006>
13. Farnsworth, J.K., Drescher, K.D., Evans, W., Walser, R.D. (2017). A functional approach to understanding and treating military-related moral injury. *Journal of Contextual Behavioral Science*, 6(4), 391—397. <https://doi.org/10.1016/j.jcbs.2017.07.003>
14. Gloster, A.T., Walder, N., Levin, M.E., Twohig, M.P., Karekla, M. (2020). The empirical status of acceptance and commitment therapy: A review of meta-analyses. *Journal of Contextual Behavioral Science*, 18, 181—192. <https://doi.org/10.1016/j.jcbs.2020.09.009>
15. Gray, M.J., Nash, W.P., Litz, B.T. (2017). When self-blame is rational and appropriate: The limited utility of Socratic questioning in the context of moral injury: Commentary on Wachen et al. (2016). *Cognitive and Behavioral Practice*, 24(4), 383—387. <https://doi.org/10.1016/j.cbpra.2017.03.001>

16. Gray, M.J., Schorr, Y., Nash, W., Lebowitz, L., Amidon, A., Lansing, A., Maglione, M., Lang, A.J., Litz, B.T. (2012). Adaptive disclosure: An open trial of a novel exposure-based intervention for service members with combat-related psychological stress injuries. *Behavior Therapy*, 43(2), 407—415. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2011.09.001>
17. Harned, M.S., Schmidt, S.C., Korslund, K.E., Gallop, R.J. (2021). Does adding the dialectical behavior therapy prolonged exposure (DBT PE) protocol for PTSD to DBT improve outcomes in public mental health settings? A pilot nonrandomized effectiveness trial with benchmarking. *Behavior Therapy*, 52(3), 639—655. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2020.08.003>
18. Harris, J.I., Usset, T., Voecks, C., Thuras, P., Currier, J., Erbes, C. (2018). Spiritually integrated care for PTSD: A randomized controlled trial of «Building Spiritual Strength». *Psychiatry Research*, 267, 420—428. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.06.045>
19. Hayes, S.C., Strosahl, K.D., Wilson, K.G. (2012). *Acceptance and commitment therapy: The process and practice of mindful change* (2nd ed.). New York: The Guilford Press.
20. Held, P., Klassen, B.J., Brennan, M.B., Zalta, A.K. (2018). Using prolonged exposure and cognitive processing therapy to treat veterans with moral injury-based PTSD: Two case examples. *Cognitive and Behavioral Practice*, 25(3), 377—390. <https://doi.org/10.1016/j.cbpra.2017.09.003>
21. Hurley, E.C. (2021). *A clinician's guide for treating active military and veteran populations with EMDR therapy*. New York: Springer Publishing Company.
22. Jensen, A.E., Bernards, J.R., Jameson, J.T., Johnson, D.C., Kelly, K.R. (2020). The benefit of mental skills training on performance and stress response in military personnel. *Frontiers in Psychology*, 10, Article 2964. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02964>
23. Kelley, M.L., Bravo, A.J., Burgin, E.E., Gaylord, S.A., Vinci, C., Strowger, M., Gabelmann, J.M., Currier, J.M. (2025). Using mindfulness to manage moral injury in veterans: Feasibility and satisfaction of a pilot randomized controlled trial. *Journal of Clinical Psychology*, 81(6), 425—433. <https://doi.org/10.1002/jclp.23778>
24. King, H.A., Perry, K.R., Ferguson, S., Hicken, B.L., Jackson, G.L., Lynch, C., Woolson, S.L., Wortmann, J.H., Nieuwsma, J.A., Parry, K.J. (2023). Identifying potentially morally injurious events from the Veteran perspective: A qualitative descriptive study. *Journal of Military, Veteran and Family Health*, 9(2), 27—39. <https://doi.org/10.3138/jmvfh-2022-0049>
25. Levi-Belz, Y., Blank, C., Groweiss, Y., Neria, Y. (2024). The impact of PTSD symptoms on suicide ideation in time of terror and war: A nationwide prospective study on the moderating role of loneliness. *Psychiatry Research*, 338, Article 115996. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2024.115996>
26. Levinstein, Y., Zerach, G., Levi-Belz, Y., Bonanno, G.A. (2024). Trajectories of moral injury and their associations with posttraumatic stress symptoms among recently discharged Israeli veterans. *Journal of Psychiatric Research*, 177, 321—329. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2024.07.025>
27. Litz, B.T., Stein, N., Delaney, E., Lebowitz, L., Nash, W.P., Silva, C., Maguen, S. (2009). Moral injury and moral repair in war veterans: A preliminary model and intervention strategy. *Clinical Psychology Review*, 29(8), 695—706. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2009.07.003>
28. Litz, B.T., Yeterian, J., Berke, D., Lang, A.J., Gray, M.J., Nienow, T., Frankfurt, S., Harris, J.I., Maguen, S., Rusowicz-Orazem, L. (2024). A controlled trial of adaptive disclosure—enhanced to improve functioning and treat posttraumatic stress disorder. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 92(3), 150—164. <https://doi.org/10.1037/ccp0000873>
29. Maguen, S., Burkman, K., Madden, E., Dinh, J., Bosch, J., Keyser, J., Schmitz, M., Neylan, T.C. (2017). Impact of killing in war: A randomized, controlled pilot trial. *Journal of Clinical Psychology*, 73(9), 997—1012. <https://doi.org/10.1002/jclp.22471>
30. Morgan, L., Beattie, D., Irons, C., Ononaiye, M. (2025). The role of compassion in moral injury among military veterans: Implications for treatment. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 17(4), 805—812. <https://doi.org/10.1037/tra0001646>
31. Murray, H., Ehlers, A. (2021). Cognitive therapy for moral injury in post-traumatic stress disorder. *Cognitive Behaviour Therapist*, 14, Article e8. <https://doi.org/10.1017/S1754470X21000040>
32. Norman, S.B., Capone, C., Panza, K.E., Haller, M., Davis, B.C., Schnurr, P.P., Shea, M.T., Browne, K., Norman, G.J., Lang, A.J., Kline, A.C., Golshan, S., Allard, C.B., Angkaw, A. (2022). A clinical trial comparing trauma-informed guilt reduction therapy (TriGR), a brief intervention for trauma-related guilt, to supportive care therapy. *Depression and Anxiety*, 39(4), 262—273. <https://doi.org/10.1002/da.23244>
33. Resick, P.A., Monson, C.M., Chard, K.M. (2017). *Cognitive processing therapy for PTSD: A comprehensive manual*. New York: The Guilford Press.
34. Schnurr, P.P., Chard, K.M., Ruzek, J.I., Chow, B.K., Resick, P.A., Foa, E.B., Marx, B.P., Friedman, M.J., Bovin, M.J., Caudle, K.L., Castillo, D., Curry, K.T., Hollifield, M., Huang, G.D., Chee, C.L., Astin, M.C., Dickstein, B., Renner, K., Clancy, C.P., ... Shih, M.C. (2022). Comparison of prolonged exposure vs cognitive processing therapy for

- treatment of posttraumatic stress disorder among US veterans: A randomized clinical trial. *JAMA Network Open*, 5(1), Article e2136921. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2021.36921>
35. Schnurr, P.P., Hamblen, J.L., Wolf, J., Collier, R., Collie, C., Fuller, M.A., Holtzheimer, P.E., Kelly, U., Lang, A.J., McGraw, K., Morganstein, J.C., Norman, S.B., Papke, K., Petrakis, I., Riggs, D., Sall, J.A., Shiner, B., Wiechers, I., Kelber, M.S. (2024). The management of posttraumatic stress disorder and acute stress disorder: Synopsis of the 2023 U.S. Department of Veterans Affairs and U.S. Department of Defense clinical practice guideline. *Annals of Internal Medicine*, 177(3), 363—374. <https://doi.org/10.7326/M23-2757>
36. Walker, H.E., O'Donnell, K.P., Litz, B.T. (2024). Past, present, and future of cognitive behavioral-based psychotherapies for moral injury. *Current Treatment Options in Psychiatry*, 11, 288—299. <https://doi.org/10.1007/s40501-024-00330-z>
37. Walser, R.D., Evans, W.R., Farnsworth, J.K., Drescher, K.D. (2024). Initial steps in developing acceptance and commitment therapy for moral injury among combat veterans: Two pilot studies. *Journal of Contextual Behavioral Science*, 32, Article 100733. <https://doi.org/10.1016/j.jcbs.2024.100733>
38. Williamson, V., Murphy, D., Bonson, A., Aldridge, V., Serfioti, D., Greenberg, N. (2023). Restore and Rebuild (R&R) — a feasibility pilot study of a co-designed intervention for moral injury-related mental health difficulties. *European Journal of Psychotraumatology*, 14(2), Article 2256204. <https://doi.org/10.1080/20008066.2023.2256204>
39. Williamson, V., Murphy, D., Bonson, A., Biscoe, N., Leightley, D., Aldridge, V., Greenberg, N. (2024). Restore and Rebuild (R&R): A protocol for a phase 2, randomised control trial to compare R&R as a treatment for moral injury-related mental health difficulties in UK military veterans to treatment as usual. *BMJ Open*, 14(5), Article e082562. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2023-082562>
40. Williamson, V., Stevelink, S.A.M., Greenberg, N. (2018). Occupational moral injury and mental health: Systematic review and meta-analysis. *British Journal of Psychiatry*, 212(6), 339—346. <https://doi.org/10.1192/bjp.2018.55>

Информация об авторах

Ольга Анатольевна Сагалакова, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории экспериментальной патопсихологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1952>, e-mail: olgasagalakova@mail.ru

Дмитрий Владимирович Труевцев, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории экспериментальной патопсихологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-2759>, e-mail: truevtsev@gmail.com

Ольга Владимировна Жирнова, младший научный сотрудник лаборатории экспериментальной патопсихологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-8286>, e-mail: olga.zhirnova.2015@mail.ru

Information about the authors

Olga A. Sagalakova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Experimental Pathopsychology, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1952>, e-mail: olgasagalakova@mail.ru

Dmitry V. Truettsev, Candidate of Science (Psychology) Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Experimental Pathopsychology, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-2759>, e-mail: truevtsev@gmail.com

Olga V. Zhirnova, Junior Researcher, Laboratory of Experimental Pathopsychology, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-8286>, e-mail: olga.zhirnova.2015@mail.ru

Вклад авторов

Сагалакова О.А. — идея и концептуализация исследования; планирование исследования; методология; анализ литературы; аннотирование; написание рукописи; верификация данных; редактирование и подготовка финальной версии; финальная вычитка; руководство исследованием.

Труевцев Д.В. — идея и концептуализация исследования; планирование исследования; методология; анализ литературы; аннотирование; написание рукописи; верификация данных; редактирование и подготовка финальной версии; руководство исследованием.

Жирнова О.В. — поиск и отбор источников; курирование данных; написание отдельных разделов; оформление списка источников; корректура.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Olga A. Sagalakova — conceptualization (ideas and research design); planning of the research; methodology; formal analysis; annotation; writing — original draft; validation; writing — review & editing; supervision.

Dmitry V. Truevtsev — conceptualization (ideas and research design); planning of the research; methodology; formal analysis; annotation; writing — original draft; validation; writing — review & editing; supervision.

Olga V. Zhirnova — investigation; data curation; writing — original draft (selected sections); writing — review.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (МГППУ) на заседании этической комиссии учёного совета факультета «Экстремальная психология» (протокол № 15-21/13-ЭК 1 от 21.04.2026).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE) at a meeting of the ethics commission of the Academic Council of the Faculty of Extreme Psychology (protocol No. 15-21/13-EC 1 of 21.04.2026).

Поступила в редакцию 01.11.2025

Поступила после рецензирования 20.04.2026

Принята к публикации 02.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.11.01.

Revised 2026.04.20

Accepted 2026.06.02

Published 2026.06.30

Обзорная статья | Review paper

Факторы и методы исследования родительской приверженности лечению детей с РАС (по материалам зарубежных исследований)

К.Р. Ефимов¹ ✉, М.В. Иванов^{1,2}

¹ Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация

² Научный центр психического здоровья, Москва, Российская Федерация

✉ KirYef616@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Родительская приверженность лечению детей с расстройствами аутистического спектра играет ключевую роль в эффективности терапевтических и образовательных вмешательств. Однако этот феномен остается недостаточно изученным, что определяет необходимость систематического анализа существующих исследований. **Цель.** Выявление факторов, влияющих на родительскую приверженность, анализ методологических подходов и определение перспективных направлений для дальнейших исследований на основе зарубежных работ. **Гипотеза.** Предполагается, что приверженность определяется комплексом индивидуальных, семейных и социально-культурных факторов, а ее изучение требует мульти-методного подхода. **Методы и материалы.** Проведен систематический анализ репрезентативной выборки зарубежных публикаций. Использованы методы: 1) идентификация ключевых терминов, 2) категоризация факторов приверженности, 3) анализ теоретических моделей, 4) оценка валидности методов, 5) выявление тенденций. **Результаты.** Установлено, что ключевыми факторами являются: тяжесть симптомов РАС, родительский стресс, убеждения о лечении, доступность терапии, социальная поддержка и стигма. Преобладают количественные методы, но растет интерес к качественным и смешанным подходам. **Заключение.** Результаты подчеркивают необходимость комплексной поддержки семей с учетом индивидуальных и контекстуальных факторов. Перспективные направления: персонализированные вмешательства, учет культурных особенностей, вовлечение родителей в исследования цифровых технологий.

Ключевые слова: родительская приверженность лечению, теоретический анализ, расстройства аутистического спектра, факторы приверженности, клиническая психология семьи

Для цитирования: Ефимов К.Р., Иванов М.В. (2026). Факторы и методы исследования родительской приверженности лечению детей с РАС: обзорная статья. Современная зарубежная психология, 15(2), 132—141. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150213>

Parental treatment adherence in children with ASD factors and research methods (based on foreign studies)

K.R. Yefimov¹ ✉, M.V. Ivanov^{1,2}

¹ Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

² Mental Health Research Centre, Moscow, Russian Federation

✉ KirYef616@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Parental adherence to treatment for children with Autism Spectrum Disorder (ASD) plays a crucial role in the effectiveness of therapeutic and educational interventions. However, this phenomenon remains understudied, necessitating a systematic analysis of existing research. **Objective.** The aim was to identify factors influencing parental adherence, analyze methodological approaches, and determine promising directions for future research based on international studies. **Hypothesis.** It was hypothesized that adherence is determined by a complex of individual, family, and socio-cultural factors, and its study requires a multi-method approach. **Methods and materials.** A systematic analysis of a representative sample of international publications was conducted. The following methods were used: (1) identification of key terms, (2) categorization of adherence factors, (3) analysis of theoretical models, (4) assessment of method validity, and (5) identification of trends. **Results.** It was found that the key factors

are: severity of ASD symptoms, parental stress, treatment beliefs, therapy accessibility, social support, and stigma. Ecological and cognitive models, as well as social learning theories, dominate the field. Quantitative methods prevail, but there is growing interest in qualitative and mixed-method approaches. **Conclusions.** The results emphasize the need for comprehensive family support that considers individual and contextual factors. Promising directions include: personalized interventions, consideration of cultural characteristics, parent involvement in research, and digital technologies.

Keywords: treatment adherence, parental adherence, theoretical analysis, Autism Spectrum Disorder, adherence factors, family clinical psychology

For citation: Yefimov, K.R., Ivanov, M.V. (2026). Parental treatment adherence in children with ASD: factors and research methods. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 132—141. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150213>

Введение

Целью данного обзора является анализ современных зарубежных исследований по теме родительской приверженности лечению детей с РАС, систематизация ключевых концепций, факторов, методов и результатов, а также выявление направлений для будущих исследований. Родительская приверженность лечению детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) является критически важным многомерным фактором, влияющим на эффективность терапии и качество жизни семьи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации существующих знаний, выявления ключевых факторов, влияющих на приверженность, и разработки эффективных стратегий поддержки семей.

В настоящее время отмечается рост интереса к изучению темы родительской приверженности лечению детей с расстройствами аутистического спектра не только у нас в стране, но и за рубежом. Можно отметить, что работы отечественных ученых вносят значительный вклад в концептуализацию и методы исследования родительской приверженности, что способствует повышению эффективности терапевтических вмешательств (Ефимов, Иванов, 2024).

Данная работа посвящена обзору работ из различных западных и восточных стран, посвященных проблеме родительской приверженности лечению детей с расстройствами аутистического спектра. Анализ зарубежных источников предполагал наличие определенных исследовательских вопросов: *какие основные термины и концепции используются в исследованиях родительской приверженности лечению детей с РАС? Какие факторы (со стороны ребенка, родителей, лечения, социального контекста) влияют на приверженность лечению? Какие методы и дизайны исследований применяются для изучения данной проблемы? Каковы основные результаты существующих исследований? Какие пробелы и перспективные направления выделяются в литературе?* Так, представляет интерес книга Ходис и др. (Hodis et al., 2025), где подробно разбираются современные диагностические критерии по DSM-5-TR, подчеркивается концепция нейроразнообразия и предлагается модель SPACE.

Материалы и методы

Анализ методологического аппарата зарубежных исследований родительской приверженности лечению позволил выявить широкий спектр применяемых дизайнов и методов, отражающих комплексный характер изучаемого феномена. Для поиска источников использовались базы данных PubMed, ScienceDirect, ResearchGate и Google Scholar. Ключевые слова включали: *parental adherence ASD, ASD families caregiver compliance ASD, family resilience*. Критерием отбора служил срок публикации — за последние 10 лет. К обзору приобщались как литературные обзоры, так и эмпирические исследования качественного и количественного характера сбора данных. Был проведен тематический анализ и кластеризация терминов, а также систематизация методов и результатов зарубежных исследований.

В зависимости от целей исследования авторы используют следующие дизайны. *Количественные*, которые наиболее распространены, включают поперечные (срезовые) исследования для одномоментной оценки переменных (Tang et al., 2012), ретроспективные когортные исследования для анализа данных за длительный период (Sadeh et al., 2023) и рандомизированные контролируемые испытания (РКИ) для оценки эффективности интервенций (Leadbitter et al., 2025; Bordini et al., 2020). *Качественные* применяются для глубинного изучения опыта и переживаний родителей. Используются такие дизайны, как феноменологический и описательный, со сбором данных через интервью (Senoo et al., 2024). *Смешанные методы* комбинируют количественные и качественные подходы для получения более целостной картины (Hemdi, 2017). *Систематические обзоры и мета-анализы*, в свою очередь, синтезируют результаты множества исследований для выявления общих тенденций (Tachibana et al., 2017; Trembath et al., 2019).

Для сбора данных доминируют опросники и стандартизированные шкалы, часто применяемые в онлайн-формате (Zhao et al., 2024). Для углубленного изучения субъективного опыта используются полуструктурированные и глубинные интервью (Hemdi, 2017; Senoo et al., 2024). Реже встречается анализ вторичных данных, например медицинских карт (Sadeh et al., 2023).

Для анализа данных применяется широкий спектр методов, определяемых целью исследования. В коли-

качественных работах доминируют *статистические методы* (описательная статистика), *корреляционный* (Liao et al., 2025) и *регрессионный анализ* (Tang et al., 2012) для выявления связей между переменными, а также *анализ опосредования* для изучения сложных механизмов влияния (Rovane et al., 2020). В качественных исследованиях применяется *тематический-* (Hemdi, 2017) и *контент-анализ* (Senoo et al., 2024). В современных работах также используются продвину- тые методы, например *линейные смешанные модели* для лонгитюдных данных (Leadbitter et al., 2025) и *класси- фикационные деревья (CART)* для прогнозирования исходов (Bettencourt et al., 2024).

Результаты

Основные понятия

В рамках данного обзора была проведена иденти- фикация и категоризация терминов, наиболее часто встречающихся в релевантных зарубежных исследова- ниях. Первоначально была проведена идентификация терминов, которые наиболее часто упоминаются в работах и отражают суть исследуемой проблемы. Выявлены основные тематические области исследова- ния, представленные в табл. 1.

Анализ исследований позволяет выделить такие значимые конструкты, как «экспериментальное избе- гание» в работе Эндрюс и др. (Andrews et al., 2022) и «воспринимаемая социальная поддержка» в исследо- вании Кайа и др. (Kaaya et al., 2024), которые требуют внимания при изучении приверженности лечению. Особое внимание уделяется выявлению взаимосвязей между конструктами, что позволяет построить концеп- туальную модель исследования.

Как показывает таблица, исследования охватывают комплекс взаимосвязанных конструктов. Например,

работы Чан с соавт. и Мартин с соавт. (Chan et al., 2016; Martin et al., 2019) демонстрируют взаимосвязь между выраженностью симптомов РАС, родительским стрес- сом и применением жестких методов воспитания. Более поздние исследования вводят в научный оборот такие значимые конструкты, как «экспериментальное избегание» (Andrews et al., 2022) и «воспринимаемая социальная поддержка» (Kaaya et al., 2024), которые также требуют учета при изучении приверженности лечению. Кроме того, расширяет понятийный аппарат конструкт «родительская компетентность», валидиро- ванный в работе Оздемир с соавт. (zdemir et al., 2024) как важный фактор качества ухода и следования реко- ментациям. В рамках анализа также была уточнена операционализация ключевых понятий. Так, привер- женность лечению в нашем исследовании определяет- ся как совокупность психологической вовлеченности родителя и степени соответствия его поведения реко- ментациям специалистов (Ефимов, Иванов, 2024).

Понимание приверженности лечению детей с аутизмом

Анализ зарубежных исследований позволяет описать родительскую приверженность лечению детей с РАС как комплексное, многомерное явление, выходящее за рамки простого следования предписаниям. Оно включа- ет в себя поведенческий, когнитивный и эмоциональ- ный компоненты, на которые оказывают влияние убеж- дения, ресурсы и социальный контекст (Rovane et al., 2020; Trembath et al., 2019, 2019). Исследование Кайа и др. (Kaaya et al., 2024) наглядно демонстрирует, как резкое изменение социального контекста (пандемия COVID- 19) привело к снижению воспринимаемой социальной поддержки у родителей и увеличению гиперактивности у детей с РАС, что напрямую повлияло на привержен- ность к лечению. Для всестороннего анализа необходи- мо учитывать, как различные исследования концептуа-

Таблица 1 / Table 1

Значимые категории областей исследования родительской приверженности лечению детей с РАС в зарубежных источниках

Major Categories in the Study of Parental Treatment Adherence for Children with ASD (International Review)

Категория / Category	Ключевые термины / Key Terms
Диагностические и клинические харак- теристики РАС / Diagnostic and Clinical Characteristics of ASD	Расстройства аутистического спектра (РАС), выраженность симптомов, адаптив- ное поведение, коммуникативные навыки, проблемное поведение / Autism Spectrum Disorder (ASD), symptom severity, adaptive behavior, communication skills, challenging behavior
Родительский опыт и факторы, влияю- щие на него / Parental Experience and Influencing Factors	Родительский стресс, психическое здоровье, родительская перегрузка, установ- ки, семейная устойчивость, аффилированная стигма / Parental stress, mental health, parental overload, attitudes, family resilience, affiliate stigma
Лечение и вмешательства / Treatment and Interventions.	Приверженность лечению, фармакотерапия, поведенческая терапия, инклюзив- ное образование, родительские вмешательства / Treatment adherence, pharmaco- therapy, behavioral therapy, inclusive education, parent-mediated interventions
Результаты лечения, их оценка и его влияние на ребенка и семью / Treatment Outcomes and Their Assessment	Эффективность лечения, родительское поведение, качество сна / Treatment effec- tiveness, parenting behavior, sleep quality
Воспитательные стратегии / Parenting Strategies	Дисциплина, положительное и нежелательное воспитание, нарушение эмоцио- нальной регуляции / Discipline, positive and negative parenting, emotional regulation

Таблица 2 / Table 2

Основные термины и понятия, встречающиеся в проанализированных работах
Key Terms and Concepts from the Reviewed Studies

Категории / Categories	Основные термины и понятия / Key Terms and Concepts
Целевая группа / Target Group	Аутизм, расстройства аутистического спектра (РАС/ASD) / Autism, Autism Spectrum Disorder (ASD) (Sadeh et al., 2023; Tachibana et al., 2017; Alegría et al., 2024; Zhao et al., 2024; Kilmer et al., 2024; Trembath et al., 2019; Bordini et al., 2020; Whippey et al., 2019; Andrade et al., 2024)
Ключевое понятие приверженности лечению / Core Adherence Concept	Приверженность лечению / Treatment adherence (Sadeh et al., 2023; Zhao et al., 2024; Kilmer et al., 2024; Andrade et al., 2024)
Участники процесса лечения / Treatment Process Participants	Родители/опекуны / Parents/Caregivers (Zhao et al., 2024; Kilmer et al., 2024; Trembath et al., 2019; Andrade et al., 2024)
Различные методы лечения и поддержки / Various Treatments and Supports	Вмешательства, медикаментозное лечение, генетическое тестирование, дистанционное образование / Interventions (Tachibana et al., 2017; Trembath et al., 2019; Andrade et al., 2024), Pharmacological treatment/Medication (Sadeh et al., 2023), Genetic testing (Zhao et al., 2024), Distance education (Andrade et al., 2024)
Оценка результативности лечения / Treatment Outcome Assessment	Эффективность лечения / Treatment effectiveness (Sadeh et al., 2023; Tachibana et al., 2017; Trembath et al., 2019; Andrade et al., 2024)
Сопутствующие факторы и проблемы / Associated Factors and Issues	Сон, стресс, неблагоприятные детские переживания / Sleep (Sadeh et al., 2023), Stress (Alegría et al., 2024), Adverse childhood experiences (Kilmer et al., 2024)

лизируют приверженность лечению, выявляя явные и неявные определения, а также способы ее измерения. Важно отметить, что приверженность лечению может рассматриваться с разных сторон. Например, Садех и др. (Sadeh et al., 2023) рассматривают приверженность лечению мелатонином как фактор, связанный с улучшением ночных пробуждений и образовательной функцией, подчеркивая важность оценки приверженности для понимания эффективности медикаментозного лечения нарушений сна у детей с РАС. Сяо и др. (Zhao et al., 2024) рассматривают приверженность генетическому тестированию как сложный процесс, на который влияют характеристики родителей и детей, а также доверие к информации от врачей, подчеркивая роль врачей в содействии генетическому тестированию и поддержке родителей в процессе принятия решений. Килмер (Kilmer et al., 2024) рассматривают приверженность диагностическим процедурам как фактор, на который могут влиять неблагоприятные детские переживания у родителей, подчеркивая важность учета опыта родителей при направлении детей на диагностику РАС и предоставления ресурсов для поддержки их психического здоровья. Андраде и др. (Andrade et al., 2024) рассматривают приверженность вмешательствам как фактор, который может быть улучшен с помощью дистанционного образования для родителей. Трэмбат и др. (Trembath et al., 2019) рассматривают приверженность вмешательствам, опосредованным родителями, как сложный процесс, на который влияют различные факторы, связанные с детьми, родителями и дизайном исследования.

Следование медицинским рекомендациям является наиболее распространенным пониманием приверженности лечению, которая предполагает активное участие родителей в реализации планов лечения, включая посещение назначенных встреч, выполнение психолого-

педагогических упражнений дома и соблюдение медикаментозных режимов. Например, Тэнг и др. (Tang et al., 2012) исследуют, как выраженность симптомов и адаптивное поведение влияют на родительскую приверженность соблюдения рекомендаций врача, подразумевая, что приверженность измеряется степенью, в которой родители реализуют предписанные стратегии лечения. Мэндик Маравич и др. (Mandic Maravic et al., 2024) акцентируют внимание на родительских установках, отношении и потребности в профессиональном сопровождении фармакотерапии, что указывает на то, что приверженность лечению включает активное участие родителей в обсуждении и принятии решений о фармакотерапии. Ровейн и др. (Rovane et al., 2020) рассматривают, как родительское отношение к лечению связано с приверженностью лечению и родительским стрессом, подразумевая, что позитивное восприятие лечения способствует более высокой приверженности.

Многофакторность родительской приверженности лечению детей с РАС является центральным выводом большинства проанализированных исследований. Выявленные детерминанты были систематизированы в четыре основные группы, представленные в табл. 3.

Различия и сходства

Анализ демографических характеристик выборок в рассмотренных исследованиях показывает, что большинство респондентов — это матери детей дошкольного и младшего школьного возраста, проживающие в городских условиях в странах Северной Америки, Европы и Восточной Азии. При этом временной интервал с момента постановки диагноза ребенку варьировался от недавно диагностированных случаев до длительного (более 5 лет) опыта жизни с РАС, однако данный параметр редко выступал предметом отдель-

Таблица 3 / Table 3

Факторы родительской приверженности лечению детей с РАС
Factors of Parental Treatment Adherence in Children with ASD

Группа факторов / Factor Group	Ключевые характеристики / Key Characteristics	Влияние и примеры / Impact and Examples
Характеристики ребенка / Child Characteristics	Выраженность симптомов, адаптивное поведение, коммуникативные навыки / Symptom severity, adaptive behavior, communication skills	Более выраженные симптомы могут ассоциироваться с более высокой приверженностью лечению, так как родители острее ощущают необходимость помощи / More pronounced symptoms may be associated with higher adherence, as parents more acutely perceive the need for help (Tang et al., 2012).
Характеристики родителей / Parent Characteristics	Родительский стресс, психическое здоровье, установки, информированность / Parental stress, mental health, attitudes, awareness	Высокий уровень стресса — один из наиболее значимых негативных предикторов приверженности лечению. Чувство беспомощности и вины затрудняет принятие решений о терапии / A high level of stress is one of the most significant negative predictors of adherence (Liao et al., 2025). Feelings of helplessness and guilt complicate therapy-related decision-making (Mandic Maravic et al., 2024).
Характеристики лечения / Treatment Characteristics	Необходимость, уместность, эффективность, обременительность / Necessity, appropriateness, effectiveness, burden	Обременительные режимы лечения могут снижать приверженность лечению, особенно на фоне высокого родительского стресса / Burdensome treatment regimens can reduce adherence, especially against a background of high parental stress (Rovane et al., 2020).
Социальный и экологический контекст / Social and Ecological Context	Социальная поддержка, семейная устойчивость, стигма, доступ к помощи / Social support, family resilience, stigma, access to care	Семейная устойчивость является позитивным предиктором, в то время как стигма и кризисные ситуации (например, пандемия) — негативными / Family resilience is a positive predictor, while stigma and crisis situations (e.g., a pandemic) are negative predictors (Liao et al., 2025; Kaya et al., 2024).

ного анализа. Анализ показывает, что исследования фокусируются на разных аспектах приверженности лечению, таких как медикаментозное лечение (Sadeh et al., 2023), генетическое тестирование (Zhao et al., 2024), вмешательства, опосредованные родителями (Trembath et al., 2019), разные возрастные группы детей, разные типы вмешательств и разные факторы, влияющие на приверженность лечению. Кроме того, исследования используют разные методы исследования, такие как ретроспективные когортные исследования (Sadeh et al., 2023), систематические обзоры и метаанализы (Tachibana et al., 2017, Trembath et al., 2019, Andrade et al., 2024), рандомизированные контролируемые исследования (Bordini et al., 2020), опросы (Zhao et al., 2024), разработка и валидация шкал (Alegria et al., 2024) и пилотные исследования (Whippey et al., 2019). Ван Тетеринг и др. (van Tetering et al., 2023) используют рандомизированное контролируемое исследование (RCT) с длительным катамнезом (12 месяцев), что позволяет оценивать отдаленные эффекты комплексных интервенций. Оздемир и др. (Özdemir et al., 2024) проводят методологическое исследование, направленное на адаптацию и валидацию опросника родительской компетентности.

Выявляются противоречия, расхождения в методологии или результатах, а также уникальные аспекты, которые затрагиваются только в отдельных исследованиях. Например, некоторые исследования фокусируются на конкретных типах лечения, таких как фармакотерапия (Mandic Maravic et al., 2024; Sadeh et al., 2023, 2023), в то время как другие рассматривают пове-

денческие вмешательства (Tang et al., 2012; Rovane et al., 2020). В некоторых исследованиях используются количественные методы (Tang et al., 2012; Liao et al., 2025), в то время как в других — качественные (Senoo et al., 2024; Hemdi, 2017). Кластерный анализ позволил выделить группы исследований, имеющих общие цели, подходы или результаты. Например, можно выделить *исследования, посвященные факторам, влияющим на родительский стресс* (Liao et al., 2025; Martin et al., 2019; Chan et al., 2016). Они фокусируются на изучении влияния симптомов РАС, адаптивного поведения, социальной поддержки и экономических трудностей на родительский стресс. В исследованиях, посвященных *эффективности различных типов лечения*, оценивается эффективность фармакотерапии, поведенческих вмешательств, инклюзивного образования и психообразовательных программ (Leadbitter et al., 2025; Sadeh et al., 2023, 2023; Rovane et al., 2020; Senoo et al., 2024). Исследования, в которых используются *качественные методы*, направлены на понимание опыта и перспектив родителей больных детей (Senoo et al., 2024; Hemdi, 2017). Наконец, следует выделить *исследования, акцентирующие внимание на культурном контексте*, в которых изучается то, как социокультурные аспекты влияют на опыт родителей (Hemdi, 2017; Chan et al., 2016; Senoo et al., 2024).

Сравнительный анализ публикаций из разных регионов позволяет выявить определенную специфику. Для западных (европейских и американских) исследований характерен акцент на индивидуальных правах семьи, эффективности конкретных протоколов лече-

ния и роли государственных сервисов. В свою очередь, в работах из азиатских стран (например, Китая, Турции) чаще подчеркивается влияние коллективистских ценностей, семейной иерархии и социальной стигмы на принятие решений о лечении и открытость обращения за помощью.

Направления и подходы в исследовании проблемы

В результате проведенного анализа были выявлены следующие основные направления и подходы в исследовании родительской приверженности лечению детей с РАС:

1. Изучение факторов, влияющих на приверженность лечению (Sadeh et al., 2023, Zhao et al., 2024, Kilmer et al., 2024, Trembath et al., 2019). Этот подход, центральный для большинства работ, предполагает выявление факторов, связанных с ребенком (Tang et al., 2012), родителями (Liao et al., 2025; Mandic Maravic et al., 2024), лечением (Rovane et al., 2020) и социальным контекстом (Hemdi, 2017; Найс и др., 2025). Особое внимание уделяется родительскому стрессу и психическому здоровью, влияющим на принятие решений о лечении и взаимодействие с ребенком (Liao et al., 2025; Martin et al., 2019; Chan et al., 2016, Kaya et al., 2024).

2. Оценка эффективности различных вмешательств (Tachibana et al., 2017, Bordini et al., 2020, Andrade et al., 2024, Andrews et al., 2022). Этот аспект включает оценку фармакотерапии, поведенческих вмешательств, инклюзивного образования и психообразовательных программ (Leadbitter et al., 2025; Sadeh et al., 2023, 2023; Rovane et al., 2020; Senoo et al., 2024).

3. Разработка и валидация инструментов для измерения приверженности лечению, стресса и других связанных конструктов (Alegria et al., 2024, zdemir et al., 2024).

4. Изучение влияния неблагоприятных детских переживаний на приверженность лечению (Kilmer et al., 2024, van Tetering et al., 2023).

5. Оценка осуществимости и приемлемости новых подходов к лечению, таких как усиленное периоперационное ведение (Whippey et al., 2019).

6. Изучение роли социальных и культурных факторов (Hemdi, 2017; Chan et al., 2016; Senoo et al., 2024).

Итак, можно выделить следующие теоретические подходы для объяснения родительской приверженности лечению детей с РАС: 1) *экологические модели*, рассматривают родительскую приверженность лечению как результат взаимодействия между множеством факторов, включая характеристики ребенка, характеристики родителей, характеристики семьи, характеристики сообщества и характеристики культуры; 2) *экологические модели*, акцентируют внимание на роли родительских убеждений, установок и ожиданий в формировании приверженности лечению; 3) *теории социального научения*, подчеркивают важность социального моделирования, подкрепления и самоэффективности в формировании родительской приверженности лечению.

Анализ современных зарубежных исследований родительской приверженности лечению детей с расстройствами аутистического спектра выявил ряд перспективных направлений, требующих дальнейшего изучения. В первую очередь, значительный потенциал имеет использование технологических решений, включая онлайн-платформы и телемедицину, для обеспечения доступной и эффективной поддержки родителям (Leadbitter et al., 2025; Hemdi, 2017). Принципиально важным представляется активное вовлечение родителей в процесс исследования, что позволит повысить релевантность и применимость полученных результатов в реальной клинической практике. Наконец, перспективным направлением является изучение долгосрочных последствий родительской приверженности лечению для развития и благополучия детей с РАС, а также применение методов машинного обучения для выявления сложных закономерностей и прогностических факторов, влияющих на результаты лечения (Bettencourt et al., 2024). Анализ исследований позволяет конкретизировать эти направления. Во-первых, это разработка и валидация инструментов для оценки связанных с приверженностью лечению конструктов, таких как родительская компетентность (Оздемир и др. 2024). Во-вторых, это оценка эффективности комбинированных вмешательств, например объединяющих психологическую гибкость (АСТ) и поведенческие техники (ВРТ) в формате телепомощи (Andrews et al., 2022). В-третьих, это изучение влияния контекстуальных кризисов (пандемия) на семейное функционирование и приверженность лечению (Kaya et al., 2024), что указывает на необходимость разработки кризис-устойчивых моделей поддержки. Наконец, это комплексные лонгитюдные RCT, нацеленные на модификацию образа жизни и оценку долгосрочных перспектив у детей с РАС и сопутствующими ментальными расстройствами (van Tetering et al., 2023).

Обсуждение результатов

Анализ современных зарубежных исследований в области родительской приверженности лечению детей с РАС позволяет сделать ряд важных выводов, как теоретического, так и практического характера.

Теоретические выводы

Во-первых, данные убедительно показывают, что приверженность функционирует не как сумма отдельных факторов, а как динамическая система, где, например, родительский стресс (*индивидуальный уровень*) опосредуется семейной устойчивостью (*семейный уровень*) и модифицируется стигмой (*социальный уровень*). Во-вторых, необходим *экологический подход*, учитывающий взаимодействие индивидуальных, семейных, социальных и культурных факторов. Важно учитывать контекст, в котором функционирует семья, и создавать поддерживающую среду. В-третьих, анализ демонстрирует, что такие переменные, как *тип вмешатель-*

ства (медикаментозное/поведенческое), культурный бэкграунд и наличие у родителей неблагоприятного детского опыта, создают качественно различные профили приверженности. Следовательно, не существует «среднестатистической» семьи с РАС, а будущие исследования и практика должны двигаться в сторону создания типологий семей для разработки целевых, а не массовых, стратегий поддержки. В-четвертых, развитие исполнительных функций и коммуникативных навыков у детей с РАС связано со снижением проблемного поведения, что может уменьшить стресс родителей и улучшить приверженность лечению.

Ключевую роль играет родительское участие и опосредованное развитие, поэтому вмешательства, предоставленные родителями, и программы, направленные на повышение знаний и укрепление навыков у родителей, могут улучшить приверженность лечению и результаты для детей. Контекстуальные факторы, такие как социально-экономический статус, культурные особенности и доступность услуг, также важны и должны учитываться при разработке стратегий повышения приверженности лечению. Важно отметить, что неблагоприятные детские переживания у родителей могут влиять на своевременность диагностики и приверженность лечению детей с РАС, что требует учета опыта родителей и предоставления им психологической поддержки.

Практические выводы

Анализ иностранных источников позволил выделить и практически значимые выводы. Во-первых, необходимо снизить родительский стресс и улучшить показатели психического здоровья. Поскольку стресс является центральным негативным предиктором приверженности лечению у родителей, непременным условием любой работы с ними должны стать обязательные скрининговые оценки их психического благополучия при постановке диагноза ребенку и доступ к низкопороговой психологической помощи. Во-вторых, анализ показывает, что патерналистская модель уступает место модели сотрудничества. Практическим выводом является необходимость внедрения протоколов совместного принятия решений, которые структурируют диалог, учитывают ценности семьи и повышают чувство родительской компетентности, что напрямую влияет на приверженность лечению. К примеру, в исследовании Эндрюс и др. (Andrews et al., 2022) показано, что комбинированное вмешательство способствует активному освоению и применению родителями терапевтических стратегий. В-третьих, необходимо улучшить доступность и качество услуг, включая диагностику, лечение и поддержку. В-четвертых, важно решать проблемы стигмы и дискриминации, работая с общественностью для повышения осведомленности о РАС и уменьшения стигмы, связанной с этим состоянием.

Принимая во внимание многофакторность приверженности лечению, требуется индивидуализированный подход к каждой семье, включая оценку

потребностей и ресурсов и разработку индивидуального плана лечения и поддержки. Необходимы программы поддержки и обучения для родителей, направленные на повышение знаний о РАС, развитие навыков управления поведением, снижение стресса и улучшение коммуникации как со специалистами, так и внутри семьи. Дистанционные технологии, такие как телемедицина и онлайн-программы обучения для родителей, могут повысить доступность услуг и приверженность лечению. Наконец, следует разрабатывать и внедрять инструменты для оценки приверженности лечению.

Заключение

Новые и перспективные направления исследований включают персонализированные вмешательства, использование технологий, активное вовлечение родителей в процесс исследования, учет культурного разнообразия, изучение долгосрочных последствий родительской приверженности лечению и применение методов машинного обучения. Кроме того, сохраняют актуальность разработка валидных измерительных инструментов (шкала родительской компетентности) и комплексный подход к здоровью ребенка, включающий модификацию его образа жизни.

Несмотря на признание многомерности приверженности лечению, поле по-прежнему представлено кросс-секционными исследованиями, основанными на опросниках, которые не позволяют установить причинно-следственные связи и улавливать динамику роста приверженности лечению у родителей. Перспективным путем является методологическая триангуляция — сочетание лонгитюдных количественных дизайнов работ с качественными интервью и объективными методами оценки приверженности лечению (например, данные сенсоров), что позволит вскрыть механизмы феномена приверженности лечению, а не просто констатировать наличие общих характеристик этого феномена в разных исследованиях.

В заключение можно утверждать, что родительская приверженность лечению детей с РАС является комплексным индикатором здоровья диады «родитель-ребенок» и качества окружающей его поддерживающей экосистемы. Таким образом, работа с приверженностью лечению — это работа системная, требующая одновременного воздействия на индивидуальный, семейный и социальный уровни. Дальнейший прогресс в области роста показателей приверженности лечению связан с разработкой интегрированных, технологически оснащенных и культурно чувствительных моделей поддержки, центрированных на реальных потребностях и ресурсах каждой конкретной семьи.

Ограничения. Недоступность многих статей на английском языке.

Limitations. Lack of articles in English.

Список источников / References

1. Богачева, О.И., Иванов, М.В., Симашкова, Н.В. (2023). Опыт апробации психообразовательной программы для семей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. *Клиническая и специальная психология*, 12(1), 126—149. <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120106>
Bogacheva, O.I., Ivanov, M.V., Simashkova, N.V. (2023). Experience of approbation of the psychoeducational program for families of children with autism spectrum disorders. *Clinical Psychology and Special Education*, 12(1), 126—149. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120106>
2. Ефимов, К.Р., Иванов, М.В. (2024). Родительская приверженность лечению детей с психическими расстройствами как клиничко-психологическая проблема. *Аутизм и нарушения развития*, 22(3), 11—19. <https://doi.org/10.17759/autdd.2024220302>
Yefimov, K.R., Ivanov, M.V. (2024). Parental adherence to treatment of children with mental disorders as a psychological problem. *Autism and Developmental Disorders*, 22(3), 11—19. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/autdd.2024220302>
3. Alegria, P.L., Landim, S.F., Pérez Valdés, V.A., Martínez Escudero, N., Botelho, J.N., Branco, B.H.M., Villagrán, F., Sandoval, C., Marques, D.C.d.S., Parrón Carreño, T., González, M.M. (2024). Parental stress in autistic children with poor oral hygiene: A pilot study to develop and validate a measurement scale. *Healthcare*, 12(22), Article 2215. <https://doi.org/10.3390/healthcare1222215>
4. Andrade, J.G.L., do Carmo, A.C.F., Tamanaha, A.C., Perissinoto, J. (2024). Effectiveness of distance educational programs for parents of children diagnosed with autism spectrum disorder: An integrative review. *Codas*, 36(5), Article e20230291. <https://doi.org/10.1590/2317-1782/20242023291en>
5. Andrews, M.L., Garcia, Y.A., Catagnus, R.M., Gould, E.R. (2022). Effects of acceptance and commitment training plus behavior parent training on parental implementation of autism treatment. *The Psychological Record*, 72, 601—617. <https://doi.org/10.1007/s40732-021-00496-5>
6. Baker, J.K., Fenning, R.M., Preston, A.E., Chan, N., McGregor, H.A., Neece, C.L. (2024). Parental distress and parenting behavior in families of preschool children with and without ASD: Spillover and buffering. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 54, 4661—4673. <https://doi.org/10.1007/s10803-023-06163-8>
7. Bettencourt, C., Garret-Gloanec, N., Pellerin, H., P r, P., Bertamini, G., Squillante, M., Roos-Weil, F., Ferrand, L., Pernel, A.S., Apter, G., Chetouani, M., Cortese, S., Cohen, D. (2024). Promoting emotional and behavioral interventions in ASD treatment: Evidence from EPIGRAM, A naturalistic, prospective and longitude study. *Research in Developmental Disabilities*, 147, Article 104688. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2024.104688>
8. Bordini, D., Paula, C.S., Cunha, G.R., Caetano, S.C., Bagaiolo, L.F., Ribeiro, T.C., Martone, M.C.C., Portolese, J., Moya, A.C., Brunoni, D., Bosa, C., Brentani, H., Cogo-Moreira, H., deJesus Mari, J. (2020). A randomised clinical pilot trial to test the effectiveness of parent training with video modelling to improve functioning and symptoms in children with autism spectrum disorders and intellectual disability. *Journal of Intellectual Disability Research*, 64(8), 629—643. <https://doi.org/10.1111/jir.12759>
9. Chan, K.K.S., Lam, C.B. (2016). Parental maltreatment of children with autism spectrum disorder: A developmental-ecological analysis. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 32, 106—114. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2016.09.006>
10. Dijkstra-de Neijls, L., Swaab, H., van Berckelaer-Onnes, I.A., Ester, W.A. (2025). Resilience within families of young children with ASD. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, Preprint. <https://doi.org/10.1007/s10803-025-06773-4>
11. Hemdi, A, Daley, D. The Effectiveness of a Psychoeducation Intervention delivered via WhatsApp for mothers of children with autism spectrum disorder (ASD) in the Kingdom of Saudi Arabia: A randomized controlled trial. *Child: Care, Health and Development*, 43(6), 933—941. <https://doi.org/10.1111/cch.12520>
12. Hodis, B., Mughal, S., Saadabadi, A. (2025). Autism Spectrum Disorder. In: *StatPearls*. Treasure Island: StatPearls Publishing. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30247851/> (viewed: 28.05.2026).
13. Kaya, İ., Karayagmurlu, A., Kitapçioğlu, S., Bakman, N., Erbay, M.F., Dinçel, M., Soylu, N. (2024). Increased hyperactivity with decreased parental perceived social support among Turkish children with autism spectrum disorder during coronavirus disease 2019 pandemic. *Alpha Psychiatry*, 25(3), 350—355. <https://doi.org/10.5152/alphapsychiatry.2024.231226>
14. Kilmer, M., Hong, M., Shah, E. (2023). Relationship between caregiver adverse childhood events and age of autism spectrum diagnosis. *Journal of Pediatric Nursing*, 73, e266—e272. <https://doi.org/10.1016/j.pedn.2023.09.020>
15. Leadbitter, K., Langhorne, S., Smallman, R., Chu, P., Ellis, C., Harrison, L., Hutton, T., Butter, C., Goldie, C., James, K., Hackett, L., Dunkerley, A., Bee, P., Shields, G., Davies, L., Emsley, R., Green, J., REACH-ASD Team. (2025). Clinical effectiveness of an online psychoeducational and psychotherapeutic programme for caregivers of children newly diagnosed as autistic: A parallel, assessor-masked, randomised controlled trial in the UK (REACH-ASD). *The Lancet Psychiatry*, 12(4), 289—302. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(25\)00036-7](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(25)00036-7)
16. Liao, X., Li, L., Tian, J., Chen, Z. (2025). The relationship between parental stress and treatment adherence in parents of children with neurodevelopmental disorders: A cross-sectional study. *Research in Developmental Disabilities*, 158, Article 104941. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2025.104941>

17. Lira Rodríguez, E.M., Pascual, R.C., Sanclemente, M.P., Martín-Hernández, P., Gil-Lacruz, M., Gil-Lacruz, A.I. (2022). The influence of ASD severity on parental overload: The moderating role of parental well-being and the ASD pragmatic level. *Children*, 9(6). <https://doi.org/10.3390/children9060769>
18. Mandic Maravic, V., Vlajsavljevic, M., Le tarevic, S., Vasic, J., Grujicic, R., Milovancevic, M. (2024). Attitudes on pharmacotherapy among parents of children with autism spectrum disorders. *European Psychiatry*, 67(S1), S458—S459. <https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2024.950>
19. Martin, C.A., Papadopoulous, N., Chellew, T., Rinehart, N.J., Sciberras, E. (2019). Associations between parenting stress, parent mental health and child sleep problems for children with ADHD and ASD: Systematic review. *Research in Developmental Disabilities*, 93, Article 103463. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2019.103463>
20. Özdemir, H.N.Ç., Ayran, G., Topuz, Ç. (2024). Psychometric properties of the Turkish version of the parental competence scale for parents of children with autism. *Journal of Pediatric Nursing*, 74, 122—128. <https://doi.org/10.1016/j.pedn.2023.11.009>
21. Ranjbar, F., Dadgar, H., Azizi, M., Dalvand, H. (2025). The impact of parental stress, executive function and communication skills on challenging behaviors in children with autism spectrum disorder. *Advances in Autism*, 11(1), 38—51. <https://doi.org/10.1108/AIA-06-2024-0040>
22. Rovane, A.K., Hock, R.M., January, S.-A.A. (2020). Adherence to behavioral treatments and parent stress in families of children with ASD. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 77, Article 101609. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2020.101609>
23. Sadeh, H., Meiri, G., Zigdon, D., Ilan, M., Faroy, M., Michaelovski, A., Sadaka, Y., Dinstein, I., Menashe, I. (2023). Adherence to treatment and parents' perspective about effectiveness of melatonin in children with autism spectrum disorder and sleep disturbances. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 17, Article 123. <https://doi.org/10.1186/s13034-023-00669-w>
24. Senoo, E.J., Oti-Boadi, M., Senoo-Dogbey, E.V., Ohenewa, J.B., Laari, L. (2024). Barriers to inclusive education of children with autism: Ghanaian teachers' perspective. *Discover Education*, 3, Article 146. <https://doi.org/10.1007/s44217-024-00242-3>
25. Tachibana, Y., Miyazaki, C., Ota, E., Mori, R., Hwang, Y., Kobayashi, E., Terasaka, A., Tang, J., Kamio, Y. (2017). A systematic review and meta-analysis of comprehensive interventions for pre-school children with autism spectrum disorder (ASD). *PLoS ONE*, 12(12), Article e0186502. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0186502>
26. Tang, K., Dammann, A., Nash, E., DiPiero, K., Uhland, K. (2012). Influence of symptom severity and adaptive behavior functioning of children with autism spectrum disorders on parental adherence to treatment recommendations. *INSAR International Society for Autism Research* (Friday, May, 18, 2012) URL: <https://insar.confex.com/imfar/2012/webprogram/Paper11960.html> (viewed: 21.04.2025).
27. Trembath, D., Gurm, M., Scheerer, N.E., Trevisan, D.A., Paynter, J., Bohadana, G., Roberts, J., Iarocci, G. (2019). Systematic review of factors that may influence the outcomes and generalizability of parent-mediated interventions for young children with autism spectrum disorder. *Autism Research*, 12(9), 1304—1321. <https://doi.org/10.1002/aur.2168>
28. van Tetering, E.M.A., Muskens, J.B., Deenik, J., Pillen, S., Cahn, W., von Rosenstiel, I., Oomen, M., Rommelse, N.N., Staal, W.G., Klip, H. (2023). The short and long-term effects of a lifestyle intervention in children with mental illnesses: A randomized controlled trial (Movementss study). *BMC Psychiatry*, 23, Article 529. <https://doi.org/10.1186/s12888-023-04884-9>
29. Whippey, A., Bernstein, L.M., O'Rourke, D., Reddy, D. (2019). Enhanced perioperative management of children with autism: a pilot study. *Canadian Journal of Anesthesia*, 66, 1184—1193. <https://doi.org/10.1007/s12630-019-01410-y>
30. Zhao, S., Li, M., Chen, W.-J., Rennie, B.J., Hsiao, Y., Guan, Y. (2024). Parental experiences and perspectives of healthcare providers' genetic testing recommendations for their children diagnosed with autism spectrum disorder in the United States. *Autism Research*, 17(12), 2471—2486. <https://doi.org/10.1002/aur.3262>

Информация об авторах

Кирилл Романович Ефимов, старший преподаватель, аспирант, Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1824-6455>, e-mail: KirYef616@yandex.ru

Михаил Владимирович Иванов, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела детской психиатрии, Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ, заведующий кафедрой детской и подростковой клинической психологии Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3853-4345>, e-mail: ivanov-michael@mail.ru

Information about the authors

Kirill R. Yefimov, Senior Lecturer, Postgraduate, Moscow Institute of Psychoanalysis (MIP Non-State Educational Private Institution), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1824-6455>, e-mail: KirYef616@yandex.ru

---

Mikhail V. Ivanov, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Leading Researcher at the Department of Child Psychiatry at Mental Health Research Centre, Head of the Child and Adolescent Clinical Psychology Department of the Moscow Institute of Psychoanalysis (MIP Non-State Educational Private Institution), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3853-4345>, e-mail: ivanov-michael@mail.ru

Вклад авторов

Ефимов К.Р. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Иванов М.В. — вычитка и исправление текста статьи.

Авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Kirill R. Yefimov — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Mikhail V. Ivanov — editing the article text.

The authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Авторы использовали инструмент модель DeepSeek-V3 / DeepSeek-R1, разработчик — DeepSeek AI исключительно для подбора вариантов перевода специальных терминов и транслитерации имен авторов. Все научные выводы и ответственность за содержание принадлежат авторам.

Ethics statement

The authors used the DeepSeek-V3 / DeepSeek-R1 model, developed by DeepSeek AI, solely for the purpose of selecting translation variants for specialized terminology and transliterating author names. All scientific conclusions and responsibility for the content lie with the authors.

Поступила в редакцию 21.04.2025

Поступила после рецензирования 17.11.2025

Принята к публикации 07.04.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.04.21

Revised 2025.11.17

Accepted 2026.04.07

Published 2026.06.30

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY AND AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Обзорная статья | Review paper

Метаанализ распространенности интернализированных расстройств у детей, подвергшихся влиянию вооруженных конфликтов

В.В. Юзар ✉, Н.В. Карпова

Научно-технологический университет «Сириус», Сочи, Российская Федерация

✉ yuzar.vv@talantiuspeh.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Растущее количество геополитических вооруженных конфликтов и гуманитарных кризисов по всему миру приводит к тому, что миллионы детей оказываются в условиях интенсивного опыта проживания экстремальных ситуаций, таких как вооруженные конфликты, которые, испытывая ресурс жизнестойкости, могут способствовать развитию психических расстройств. Имея схожие патофизиологические и психологические механизмы, такие расстройства могут быть объединены в одну группу, что позволило бы исследователям и клиницистам на ранних сроках проводить их диагностику и выявлять наряду с общими факторами риска защитные механизмы. **Цель.** Оценить распространенность интернализированных расстройств у детей, подверженных влиянию вооруженных конфликтов с помощью метаанализа зарубежных и российских исследований для дальнейшего определения ресурсов психологической работы с лицами, имеющими интенсивный опыт проживания экстремальных ситуаций. **Методы и материалы.** Из 2 024 источников в 7 зарубежных и 2 российских базах данных было отобрано 82 исследования, охватывающих 105 601 участников в 21 регионе вооруженного конфликта. Для метаанализа данных использовалась модель случайных эффектов, подходящая при высокой гетерогенности между исследованиями. **Результаты.** Средняя взвешенная распространенность посттравматического стресса по результатам метаанализа была 38,3%, тревожных расстройств — 23,4%, аффективных — 19,2%, и любых психических расстройств, — 33,4%. **Выводы.** Как минимум одна пятая детей в регионах вооруженных конфликтов подвержена развитию интернализированных расстройств, в связи с чем необходимо привлекать особое внимание российского научного и практического психологического сообщества не только к оценке негативного психологического влияния военных конфликтов, но и способов повышения защитных факторов психосоциальной поддержки и жизнестойкости у детей и их семей.

Ключевые слова: дети, вооруженные конфликты, посттравматический стресс, интернализированные, тревожные, аффективные, психические расстройства

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение № 075-10-2025-017 от 27.02.2025)

Благодарности. Авторы использовали инструмент Qwen3.7-Plus для редактирования языка и перевода. Все научные выводы и ответственность за содержание принадлежат авторам.

Для цитирования: Юзар, В.В., Карпова, Н.В. (2026). Метаанализ распространенности интернализированных расстройств у детей, подвергшихся влиянию вооруженных конфликтов. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 142–150. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150214>

Meta-analysis of the prevalence of internalizing disorders among children exposed to armed conflicts

V.V. Juzar ✉, N.V. Karpova

Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russian Federation

✉ yuzar.vv@talantiuspeh.ru

Abstract

Context and relevance. The increase in geopolitical conflicts and humanitarian crises worldwide exposes millions of children to extreme adversity, such as armed conflicts, which might compromise their resilience and contribute to the onset of mental disorders. Sharing similar pathophysiological and psychological mechanisms, such disorders can be combined into a single group, which would allow researchers and clinicians to diagnose them at an early stage and identify both common risk factors and protective mechanisms. **Objective.** To assess the prevalence of internalizing disorders in children exposed to armed conflicts using a meta-analysis of foreign and Russian studies, with the aim of further identifying psychological intervention resources for individuals exposed to extreme adversity. **Methods and materials.** The search in 7 foreign and 2 Russian databases yielded 2 024 sources, out of which 82 studies covering 105 601 participants across 21 regions of armed conflict were selected. A random-effects model was used for analyzing cases with high heterogeneity between studies. **Results.** As a result of the meta-analysis the weighted average prevalence of post-traumatic stress was 38.3%, anxiety disorders — 23.4%, affective disorders — 19.2%, and any mental disorders — 33.4%. **Conclusions.** At least one fifth of children in regions of armed conflict are at risk of developing internalizing disorders. This should draw the attention of the Russian scientific and practical psychological community to the issues of assessing the negative psychological impact of armed conflicts, as well as enhancing protective factors of psychosocial support and resilience of children and their families.

Keywords: children, armed conflicts, post-traumatic stress; internalizing, anxiety, affective, mental disorders

Funding. The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, (Agreement № 075-10-2025-017 от 27.02.2025).

Acknowledgements. The authors used the Qwen3.7-Plus tool for language editing and translation. All scientific conclusions and responsibility for the content belong to the authors.

For citation: Juzar, V.V., Karpova, N.V. (2026). Meta-analysis of the prevalence of internalizing disorders among children exposed to armed conflicts. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 142—150. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150214>

Введение

По данным UNICEF¹ более 473 миллионов детей живут в странах, охваченных вооруженными конфликтами, переживая угрозу жизни или серьезные травмы, а также последствия разрушений инфраструктуры, нехватки продовольствия и доступа к образованию, в связи с чем дети могут начать проявлять признаки дезадаптирующего состояния (Горячева, 2021), имеющего негативные последствия во взрослой жизни (Лобанова, Холмогорова, 2024).

Исследования показывают, что потенциально травмирующие события связаны с целым рядом коморбидных проблем: например, кластером интернализированных расстройств (ИР), таких как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), тревожное расстройство и аффективное расстройство (Abudayya et al., 2023), а также экстернализированных расстройств (гиперреактивностью и другими поведенческими

нарушениями) (Афони́на, 2020; Ковалевская, 2020; Kassa et al., 2024; Marqueses et al., 2023).

Метаанализы, проведенные на зарубежных источниках, показывают, что распространенность ИР, связанная с военным травматическим опытом у детей, особенно высока и может достигать 36% (Kanan, Leão, 2024). Однако недостаточно подобных систематических обзоров, которые бы включали данные российских исследований. Учитывая в целом растущее количество геополитических и гуманитарных кризисов по всему миру и миллионы детей, страдающих в этой связи от психических расстройств, изучение стрессовых, аффективных, тревожных и других ИР у детей является сегодня особенно актуальным.

Характеризующиеся внутренне направленными эмоциональными и когнитивными проблемами, упомянутые расстройства имеют в своей основе схожие патофизиологические и психологические механизмы (Карпова, 2024), и результаты данного метаанализа

¹ UNICEF (2024). Not a new normal: 2024 one of the worst years in UNICEF's history for children in conflict. URL: <https://www.unicef.org/press-releases/not-new-normal-2024-one-worst-years-unicefs-history-children-conflict> (дата обращения: 10.02.2025).

могут свидетельствовать в пользу целесообразности объединения отдельных нозологий в группу ИР с точки зрения определения ресурсов психологической работы с лицами, имеющими интенсивный опыт переживания вооруженных конфликтов. Такой подход будет способствовать повышению эффективности процесса практической диагностики в оценке негативного психологического влияния военных конфликтов, а также оптимизации коррекционно-развивающей работы, предоставляя возможность не только более скорого выявления общих факторов риска, но и защитных механизмов у детей и их семей, таких как развитие стрессоустойчивости, которая при соответствующей психолого-педагогической поддержке может быть существенно повышена (Чеховская, 2024), как и жизнестойкость в отношении наработки копинг-стратегий для личного совладания с последствиями экстремальных ситуаций (Самохвалова и др., 2025). Таким образом, цель данной работы — оценить распространенность ИР у детей, подверженных влиянию вооруженных конфликтов, посредством метаанализа зарубежных и российских исследований в этой области.

Материалы и методы

Стратегия поиска

Поиск источников на английском языке осуществлялся в базах данных Lancet Psychiatry, Ovid, PsycNet, PubMed, Scopus, Springer и Wiley по следующим терминам с использованием булевых операторов. Во-первых, это были термины, относящиеся к распространенности психических расстройств: (preval* OR frequency OR review OR meta*). Во-вторых, термины, относящиеся к ИР: (internal* OR disorder OR PTSD OR anx* OR depress* OR psych*). В-третьих, термины для обозначения детской популяции (child* OR adoles* OR teen* OR youth). Наконец, термины для обозначения вооруженной ситуации (war OR militar* OR armed OR terror* OR combat* OR attack* OR refuge* OR shoot*). Четыре группы были объединены булевым оператором AND.

Поисковый запрос для источников на русском языке в Elibary выглядел следующим образом: (превал* ИЛИ распротр*) И (интернализир* ИЛИ расстройств* ИЛИ ПТС ИЛИ трево* ИЛИ депресс* ИЛИ псих*) И (дет* ИЛИ подрост* ИЛИ молод*) И (воен* ИЛИ вооруж* ИЛИ террор* ИЛИ атак* ИЛИ бежен* ИЛИ стрел*). Источники проверялись на наличие Российского индекса научного цитирования и по типу источника — журнальная статья.

Поиск на русском языке в CyberLeninka из-за ограничений в поисковой системе платформы проводился с использованием других ключевых слов и выглядел так: «псих И стресс И дет И воен».

Критерии включения и исключения

Критериями включения по типу исследования были рецензируемые кросс-секционные и рандомизи-

рованные контролируемые исследования, обзоры и метаанализы, исследования по валидации, а также эпидемиологические и лонгитюдные исследования. Критериями исключения были книги, материалы конференций, редакционные статьи, комментарии и описания клинических случаев.

Критериями включения по выборке населения были дети от рождения до 18 лет, пострадавшие от военных конфликтов. Критериями исключения на данном этапе были взрослые и такие экстремальные ситуации, как невоенные конфликты, (например, стихийные бедствия или домашнее насилие), а также дети с особыми потребностями.

Анализ данных

Мы провели метаанализ для оценки распространенности посттравматического стресса (ПТС), тревожных расстройств (ТР), аффективных расстройств (АР) и любых психических расстройств (ЛПР) среди детей, пострадавших от военных конфликтов. Поскольку исследования охватывали довольно разные популяции с точки зрения этнической принадлежности и языка, а также географического региона, мы ожидали высокой гетерогенности в наборе данных. В этой связи мы использовали код Metafor в программном обеспечении R (4.4.3) с моделью случайных эффектов, которая позволяет подробнее изучить гетерогенность и подгруппы.

Результаты

Блок-схема (рис. 1) отображает результаты поиска в базах данных исследований лиц, имевших интенсивный опыт переживания экстремальных ситуаций. Общее количество найденных по запросу источников в девяти базах данных составило 2 024.

После удаления дубликатов, скрининга заголовков и аннотаций, а также оценки качества статей при обзоре полного текста в метаанализ были включены данные из 82 уникальных исследований.

Мы собрали для метаанализа данные по четырем группам расстройств: ПТС, ТР, АР и ЛПР, представленные в 155 дублирующихся исследованиях (82 уникальных). Совокупная выборка всех включенных в метаанализ исследований составила 105 601 участник от 1,5 до 19 лет. При анализе числовых данных следует отметить, что в одном исследований возраст в выборке достигал 24 лет (Sraas et al., 2022), но средний возраст участников при этом был 15 лет, что соответствует исследуемой нами детской популяции. Наибольшие суммарные выборки были по Африке (8 693 человек), «множественному» региону, включающему два и более зон конфликтов (8 402 человека); Украине (45 545 человек), Боснии и Герцеговине (9 971 человек); наименьшие — по Камбодже (92 человека) и Пакистану (21 человек).

Исследования охватывали 21 регион военного конфликта разной площади, а некоторые проводи-

лись в странах, таких как Бельгия и Канада, которые принимали беженцев из целого ряда регионов вооруженных конфликтов.

Хотя в проанализированных исследованиях использовалось около полусотни методик для диагностики расстройств у лиц, имевших интенсивный опыт переживания вооруженных конфликтов, все же довольно часто это были стандартизированные и соответствующие детскому возрасту инструменты, такие как Индекс ПТСР Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе (UCLA PTSD RI), или Мини- международное нейропсихиатрическое интервью для детей и подростков (M.I.N.I. Kid). Вместе с тем было сравнительно мало культурно валидизированных версий, таких как Детская шкала явной тревожности, адапти-

рованная на русский язык А.М. Прихожан (Глушко, Ершова, 2017).

В табл. и на рис. 2 представлены общие результаты распространенности ИР у детей, подверженных влиянию вооруженных конфликтов. Модели случайных эффектов продемонстрировали статистически значимые показатели ($p < 0,05$) взвешенной средней распространенности ПТС — 38,3% (95% ДИ: 30,7% — 46,3%), ТР — 23,4% (95% ДИ: 20,1% — 27,5%), АР — 19,2% (95% ДИ: 16,7% — 22,1%) и ЛПР — 33,4% (95% ДИ: 28,1% — 46,0%).

Тест Эггера не выявил статистически публикаций ни по одной группе нозологий ($z < 1,2$, $p > 0,05$). Анализ чувствительности публикаций показал, что исключение отдельных исследований не оказывает существенного влияния на результат, и все новые

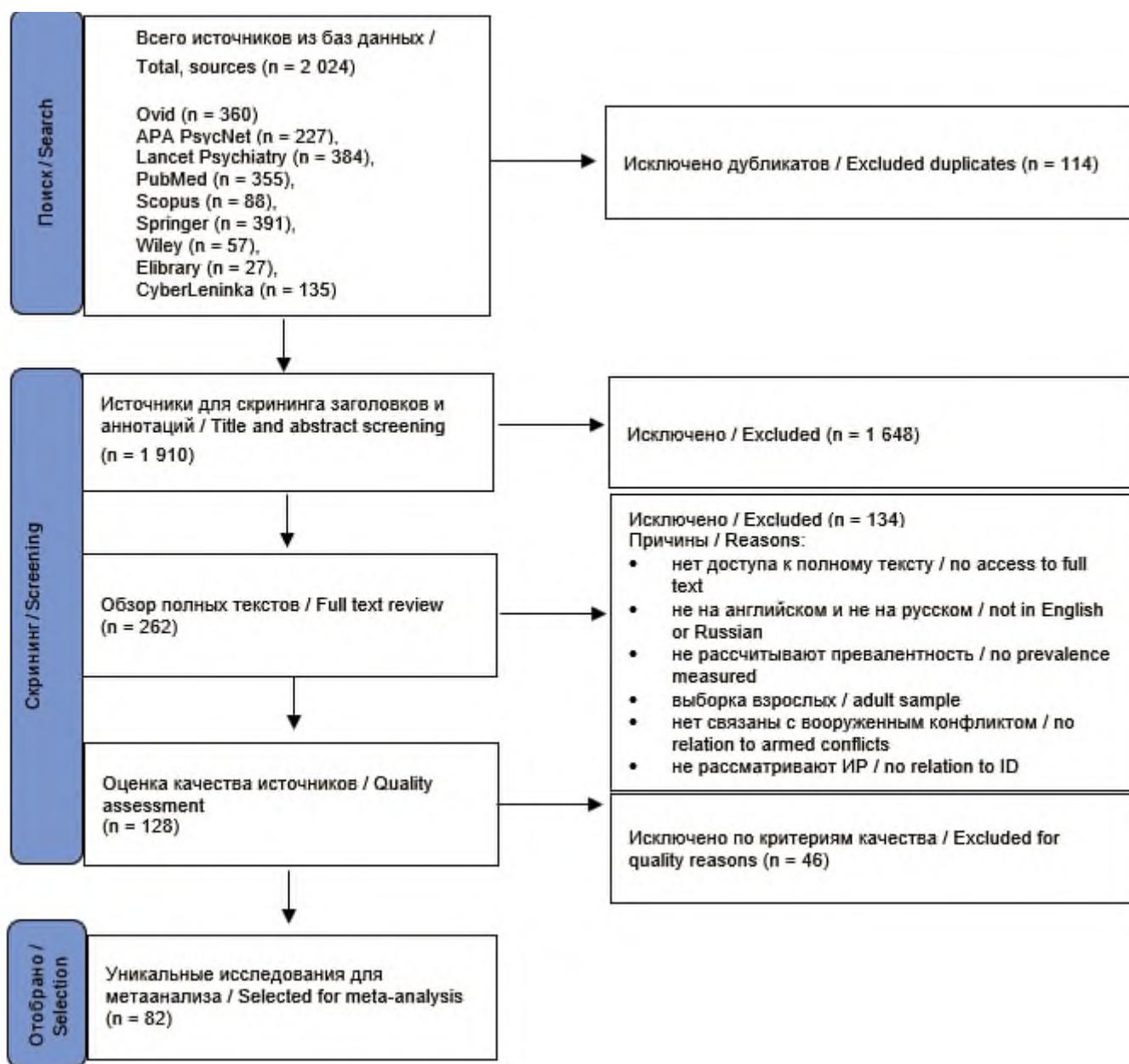

Рис. 1. Схема отбора исследований лиц, имевших интенсивный опыт переживания военных конфликтов
 Fig. 1. Flow chart of study selection for individuals with intense armed conflict exposure

оценки превалентности расстройств остаются статисти-
 чески значимыми ($p < 0,05$), а гетерогенность между
 исследованиями — крайне высокой ($I^2 > 90\%$).

Все это указывало на устойчивость модели к удале-
 нию отдельных данных и подтверждает надежность
 оценки среднего диапазона распространенности по
 каждой группе расстройств, а также позволило прове-
 сти анализ подгрупп по региону конфликта.

Проведенный анализ подгрупп по регионам кон-
 фликта показал наибольшую превалентность ПТС у
 детей в Северной Осетии (74,4%) и Судане (74,9%) с
 достаточно большими выборками (676 и 662 участни-
 ка соответственно). Однако необходимо учитывать,
 что по этим регионам, как и по ряду других (напри-
 мер, Ливан, Ирак, Колумбия, Камбоджа) было малое
 количество (всего один — два) исследований. Все же
 по другим регионам с большой суммарной выборкой

можно с уверенностью констатировать среднюю пре-
 валентность ПТС: например, в Палестине — 62,2%, в
 Боснии и Герцеговине — 53,7% и Африканском реги-
 оне — 25,8%.

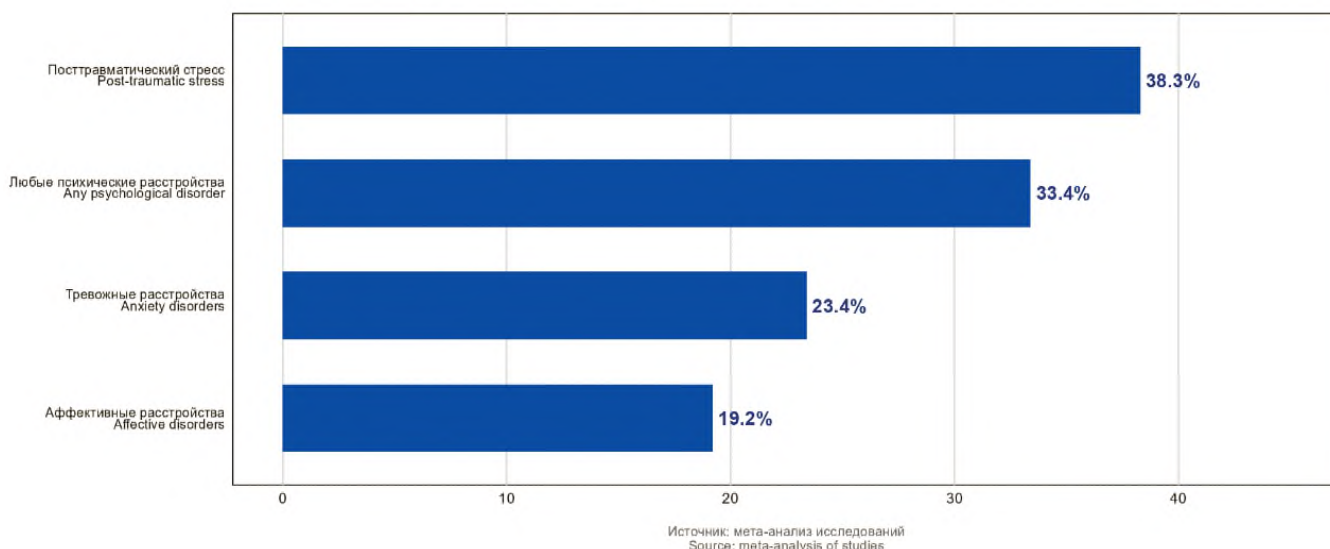
Касательно превалентности ТР, разница между
 минимальным уровнем в Кашмирской Долине и
 Сальвадоре (7,8% и 7,9% соответственно) и максимал-
 ным (44,1%) в Тибете составляет более чем в 5 раз.
 Однако, следует учитывать, что эти регионы были также
 представлены только одним или двумя исследовани-
 ями, хотя и с довольно крупными выборками: 4 000 чело-
 века в Кашмирской Долине, 3 888 — в Сальвадоре и
 760 — в Тибете. Распределение по остальным регионам
 может быть рассмотрено как более надежное, так как
 подкреплено данными от четырех до двенадцати иссле-
 дований: например, по Израилю (12,5%), Палестине
 (19,2%), Украине (22,6%) и Африке (24,7%).

Таблица / Table

**Взвешенная средняя распространенность интернализированных расстройств у детей, подверженных
 влиянию вооруженных конфликтов, рассчитанная по общему размеру выборки в исследованиях**
**Weighted average prevalence of internalizing disorders in children exposed to armed conflicts, calculated based
 on the total sample size across studies**

Психическое расстройство / Psychological disorder	Взвешенная средняя распространенность / Weighted average prevalence (%)	Общий размер выборки, человек / Total sample size, persons	Количество исследований / Total number of studies
Посттравматический стресс / Post- traumatic stress	38,3	42 309	64
Любые психические расстройства / Any psychological disorder	33,4	12 765	22
Тревожные расстройства / Anxiety dis- orders	23,4	21 617	29
Аффективные расстройства / Affective disorders	19,2	28 910	40

Всего исследований / Total studies: 155 | Общая выборка / Total sample: 105 601

Рис. 2. Распространенность интернализированных расстройств у детей, подверженных влиянию
 вооруженных конфликтов (N = 105 601)

Fig. 2. Prevalence of internalizing disorders in children among children exposed to armed conflicts (N= 105 601)

В отношении распространенности АР большинство регионов имеют показатель 20 — 45%, что указывает на существенную распространенность АР в этих зонах конфликтов, таких как Шри-Ланка, Украина, Босния и Герцеговина, Палестина и Африка. Регион Сирия выделяется значительным выбросом со значением АР на уровне 61,9%, а Кувейт — с самой низкой превалентностью 4,2%, но нужно учитывать, что в метаанализе было только одно исследование по Кувейту.

Наиболее высокая распространенность ЛПР, наблюдается в Израиле, Ираке и Сирии (более 50%), причем в Израиле она даже превышает средние показатели по «множественному» региону конфликта. Наиболее низкая превалентность представлена по Боснии и Герцеговине, Колумбии и Ливану (5,4 — 19,1%). Большая часть стран варьируется в диапазоне от 22,2% до 43,3% по ЛПР.

Обсуждение результатов

Метаанализ позволил рассчитать среднюю взвешенную оценку превалентности ИР у детей, подвергшихся влиянию вооруженных конфликтов. Наиболее распространенными являются нозологии, связанные с ПТС (38,3%). Действительно, даже по сравнению со второй по распространенности категорией ЛПР (33,4%), проявление симптомов ПТС закономерно в результате пережитого травмирующего опыта, в то время как ТР и АР являются сопутствующими ПТС со средней взвешенной распространенностью 23,4% и 19,2% соответственно.

Полученные результаты сопоставимы с оценками крупных кросс-секционных исследований. Например, Стюарт и др. (Stewart et al., 2021) сообщают о 34,5% ПТС у школьников в Сальвадоре, а Касса и др. (Kassa et al., 2024) — 39,2% в Эфиопии. Парвиайнен и др. (Parviainen et al., 2023) также свидетельствуют о высоком уровне ИР у детей-беженцев в Финляндии (до 34,9%), положительно коррелирующем с ТР, АР и ПТС у их родителей. Джатче и др. (Djatche et al., 2022) обнаружили схожие показатели у детей и молодежи в Камеруне по ТР — до 36,7%, однако более низкие — по АР (до 11,9%) и ПТС — до 20,9%, а как минимум у четвертой части населения регистрировались симптомы ЛПР. Карадаг и Огутлу (Karadag, Ogutlu, 2021) указывают на значительно более высокую распространенность ТР (до 75%), а также АР и ПТС (более 60%) у сирийских детей, перемещенных для проживания в Турцию.

Хотя по результатам данного метаанализа показатели распространенности ПТС были выше, чем ТР и АР, некоторые систематические обзоры демонстрируют противоположные значения — с более низким уровнем ПТС в сравнении с ТР и АР (Carpiniello, 2023). Тем не менее весьма заметна общая тенденция к обнаружению повышенной распространенности ИР у детей, в особенности подвергшихся вынужденному переселению (Karadag, Ogutlu, 2021), включая связанный с ним материальный

стресс и дискриминацию (Spaas et al., 2022). Кроме того, другими факторами риска развития ИР являются частота пережитого травмирующего опыта (Schumacher et al., 2024) и уровень травматизации, как, например, в случае с прямым наблюдением за насилием и потерей близких (Ковалевская, 2020). При этом частота травмирующих событий, в т. ч. связанных с терроризмом, как, например, в Пакистане, имеет одинаковый эффект на детей в зависимости от их пола: и девочки, и мальчики демонстрируют высокие уровни тревоги и других ИР, также, как и экстернализованных трудностей (Frost et al., 2024). Все же некоторые источники свидетельствуют, что девочки более подвержены психическим расстройствам, связанным с переживанием травмирующего опыта и ниже оценивают свое благополучие в психофизиологической и эмоциональной сферах (Ульянина, Александрова, Дмитриева, 2024), а также чаще страдают от тревоги и депрессии, чем мальчики (Schumacher et al., 2024). Все же очевидно, что дестабилизирующие условия в военных зонах значительно повышают риск развития ИР у детей в целом, что может иметь долгосрочные последствия для их здоровья (Hinchey et al., 2023). Помимо распространенных диагнозов ТР и АР (Kassa et al., 2024; Dissanayake et al., 2023), может также наблюдаться суицидальное поведение (Wolde, Dessalegn, 2022; Rivera et al., 2020), снижение когнитивных функций (Афонина, 2020) и наличие психопатологий в функционировании вегетативной нервной системы (Глушко, Ершова, 2017). Как видно, целый ряд факторов риска приводит к развитию разных групп психических расстройств у детей в регионах военного конфликта, что очень важно учитывать для разработки комплексных программ психологической поддержки (Stupar et al., 2021) и укреплению жизнестойкости детей и их семей (Hein et al., 2024; Cushing et al., 2024; Rivera et al., 2020).

Заключение

Данный метаанализ является основой для дальнейшего проведения исследований по планированию ресурсов психологической работы с лицами, имеющими интенсивный опыт переживания вооруженных конфликтов. Большой объем проанализированных источников и статистическая значимость полученных результатов свидетельствуют о достаточно высокой точности оценки распространенности ИР у детей в мире. Представленная модель метаанализа продемонстрировала высокую степень негативного влияния вооруженных конфликтов на психическое здоровье детей, что подтверждает актуальность привлечения внимания российского научного и психологического сообщества, а также психологов-практиков к вопросам оценки влияния вооруженных конфликтов на развитие ИР у детей, а также повышения при помощи соответствующей психосоциальной поддержки защитных механизмов, таких как жизнестойкость у детей и их семей.

Ограничения. Данный метаанализ ставил целью рассмотреть распространенность ИР по регионам конфликтов, однако нам также представляется важным учесть корреляцию превалентности психических расстройств в зависимости от используемых методик диагностики. И, хотя в данной статье представлены примеры часто используемых международных методик диагностики, в дальнейшем стоит учитывать их достаточно большое многообразие для еще более точной оценки распространенности ИР у детей, переживших интенсивный опыт экстремальных ситуаций.

Limitations. This meta-analysis aimed to examine the prevalence of internalizing disorders across conflict regions. However, we believe it is also important to explore the correlations between the prevalence of mental disorders and the diagnostic methodologies employed. While this article provides examples of various international diagnostic approaches, their diversity should be taken into account to enable a more precise assessment of the prevalence of internalizing disorders among children who have experienced intense exposure to extreme situations.

Список источников / References

1. Афонина, Е.И. (2020). Личностные характеристики подростков, развивающихся в экстремальных социально-политических условиях (на примере ЛНР). *Вопросы науки и образования*, 15(99), 90—96. URL: <https://scientificpublication.ru/h/arkhiv-zhurnala-voprosy-nauki-i-obrazovaniya.html> (дата обращения: 10.06.2026).
Afonina, E.I. (2020). Personal characteristics of adolescents developing in extreme socio-political conditions (using the LPR as an example). *Voprosy nauki i obrazovaniya*, 15(99), 90—96. (In Russ.). URL: <https://scientificpublication.ru/h/arkhiv-zhurnala-voprosy-nauki-i-obrazovaniya.html> (viewed: 10.06.2026).
2. Горячева, Е.В. (2021). Психологические особенности поведения населения в экстремальных ситуациях. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 67, 56—58. URL: <https://nor-ijournal.com/a2021/> (дата обращения: 10.06.2026).
Goryacheva, E.V. (2021). Psychological features of population behavior in extreme situations. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 67, 56—58. (In Russ.). URL: <https://nor-ijournal.com/a2021/> (viewed: 10.06.2026).
3. Глушко, Ю.В., Ершова, И.Б. (2017). Особенности психосоматического статуса детей 7—9 лет, испытавших стресс в результате военных действий. *Университетская Клиника*, 2(3), 44—48. URL: <http://journal.dnmu.ru/index.php/UC/issue/view/6> (дата обращения: 10.06.2026).
Glushko, Yu.V. Ershova, I.B. (2017). Peculiarities of psychosomatic status of children of 7—9 years tested stress as a result of military action. *University Clinic*, 2(3), 44—48. (In Russ.). URL: <http://journal.dnmu.ru/index.php/UC/issue/view/6> (viewed: 10.06.2026).
4. Карпова, Н.В. (2024). Опыт изучения интернализированных расстройств у детей и подростков в зарубежных исследованиях. *Современная зарубежная психология*, 13(2), 92—101. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130209>
Karpova, N.V. (2024). The international perspectives on internalizing disorders in children and adolescents. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 13(2), 92—101. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130209>
5. Ковалевская, А.П. (2020). Влияние экстремальной ситуации военного конфликта на эмоциональное состояние детей дошкольного возраста. *Вестник Вятского государственного университета*, 2, 142—149. <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.033>
Kovalevskaya, A.P. (2020). Influence of an extreme situation of a military conflict on the emotional state of preschool children. *Herald of Vyatka State University*, 2, 142—149. (In Russ.). <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.033>
6. Лобанова, М.И., Холмогорова, А.Б. (2024). Связь тяжести пережитого в детском и подростковом возрасте насилия с симптомами комплексного посттравматического стрессового расстройства и самооотношения у взрослых. *Медицинская психология в России*, 16(2), 17—35. URL: <https://www.mprj.ru/jour/article/view/41> (дата обращения: 10.06.2026).
Lobanova, M.I., Kholmogorova, A.B. (2024). The relationship between the severity of violence experienced in childhood and adolescence and the symptoms of complex posttraumatic stress disorder and self-attitude in adults. *Medical Psychology in Russia*, 16(2), 17—35. (In Russ.). URL: <https://www.mprj.ru/jour/article/view/41> (viewed: 10.06.2026).
7. Самохвалова, А.Г., Тихомирова, Е.В., Екимчик, О.А., Сапоровская, М.В. (2025). Копинг-стратегии и жизнестойкость российской молодежи в социокультурном контексте «новых войн». *Российский психологический журнал*, 22(1), 195—222. <https://doi.org/10.21702/de293d90>
Samokhvalova, A.G., Tikhomirova, E.V., Ekimchik O.A., Saporovskaya, M.V. (2025). Coping Strategies and Hardiness in Russian Youth in the Socio-Cultural Context of New Wars. *Russian Psychological Journal*, 22(1), 195—222. (In Russ.). <https://doi.org/10.21702/de293d90>
8. Ульянина, О.А., Александрова, Л.А., Дмитриева, С.О. (2024). Особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий. *Социальная психология и общество*, 15(1), 171—189. <https://doi.org/10.17759/sps.2024000001>

- Ulyanina, O.A., Aleksandrova, L.A., Dmitrieva, S.O. (2024). Features of the Current State of Students in Regions with High Involvement in the Consequences of Hostilities. *Social Psychology and Society*, 15(1), 171—189. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024000001>
9. Чеховская, О.А. (2024). Особенности психических состояний и стрессоустойчивости детей в условиях совместного проживания в ситуации СВО. *Вестник науки*, 4(11), 1023—1037. URL: <https://www.vestnik-nauki.com/article/19056> (дата обращения: 10.06.2026).
Chekhovskaya, O.A. (2024). Features of mental states and stress tolerance of children in conditions of cohabitation in situation of their own. *Science Bulletin*, 4(11), 1023—1037. (In Russ.). URL: <https://www.vestnik-nauki.com/article/19056> (viewed: 10.06.2026).
  10. Abudayya, A., Bruaset, G.T.F., Nyhus, H.B., Aburukba, R., Tofthagen, R. (2023). Consequences of war-related traumatic stress among Palestinian young people in the Gaza Strip: A scoping review. *Mental Health Prevention*, 32, Article 200305. <https://doi.org/10.1016/j.mhp.2023.200305>
  11. Carpinello, B. (2023). The mental health costs of armed conflicts — A review of systematic reviews conducted on refugees, asylum-seekers and people living in war zones. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(4), Article 2840. <https://doi.org/10.3390/ijerph20042840>
  12. Cushing, T., Robertson, S., Mannes, J., Marshall, N., Carey, M.J., Duschinsky, R., Meiser-Stedman, R. (2024). The relationship between attachment and posttraumatic stress in children and adolescents: A meta-analytic review. *Development and Psychopathology*, 36(3), 1055—1069. <https://doi.org/10.1017/S0954579423000299>
  13. Dissanayake, L., Jabir, S., Shepherd, T., Helliwell, T., Selvaratnam, L., Jayaweera, K., Abeysinghe, N., Mallen, C., Sumathipala, A. (2023). The aftermath of war; mental health, substance use and their correlates with social support and resilience among adolescents in a post-conflict region of Sri Lanka. *Child & Adolescent Psychiatry & Mental Health*, 17, Article 101. <https://doi.org/10.1186/s13034-023-00648-1>
  14. Djatche, J.M., Herrington, O.D., Nzebou, D., Galusha, D., Boum, Y., Hassan, S. (2022). A cross-sectional analysis of mental health disorders in a mental health services-seeking population of children, adolescents, and young adults in the context of ongoing violence and displacement in northern Cameroon. *Comprehensive Psychiatry*, 113, Article 152293. <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2021.152293>
  15. Frost, A., Collins, A., Chung, E.O., Escobar Carias, M.S., Hagaman, A., Gupta, S., Bibi, A., Sikander, S., Maselko, J. (2024). Trauma exposure among young children in rural Pakistan: Associations with gender, mental health, and cognitive skills. *BMC Psychology*, 12, Article 454. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01944-x>
  16. Hein, S., Ponguta, L.A., Flores, J.M., Londoño Tobón, A., Johnson, I.N.S., Larran, J., Ortiz Hoyos, A.M., Gómez, O., González Ballesteros, L.M., Castellanos Roncancio, C.A., Leckman, J.F. (2024). Caregiver psychopathology, resilience, and their associations with social-emotional challenges of young children affected by armed conflict in Colombia. *Child Psychiatry & Human Development*. <https://doi.org/10.1007/s10578-024-01787-y>
  17. Hinchey, L.M.-E., Nashef, R., Bazzi, C., Gorski, K., Javanbakht, A. (2023). The longitudinal impact of war exposure on psychopathology in Syrian and Iraqi refugee youth. *International Journal of Social Psychiatry*, 69(7), 1833—1836. <https://doi.org/10.1177/00207640231177829>
  18. Kanan, G., Leão, T. (2024). Post-traumatic stress disorder in youth exposed to the Syrian conflict: A systematic review and meta-analysis of prevalence and determinants. *Journal of Health Psychology*, 29(13), 1433—1449. <https://doi.org/10.1177/13591053221123141>
  19. Karadag, M., Ogutlu, H. (2021). Prevalence of psychiatric symptoms among refugee adolescents in Turkey: A controlled study. *Brazilian Journal of Psychiatry*, 43(1), 55—60. <https://doi.org/10.1590/1516-4446-2020-0916>
  20. Kassa, M.A. Fenta, S., Anbesaw, T., Tesfa, N.A., Zemariam, A.B., Kassaw, G.M., Abate, B.B., Semagn, E.G. (2024). Post-traumatic stress disorder and associated factors among high school students who experienced war in Woldia town. *Frontiers in Psychiatry*, 15, Article 1359370. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2024.1359370>
  21. Marqueses, J.M.S., Sanz, J., Garc a-Vera, M.P., Mor n, N., Eisma, M.C. (2023). Posttraumatic stress disorder, anxiety, and depression symptoms after potentially traumatic events: Latent classes and cognitive correlates. *The Journal of nervous and mental disease*, 211(2), 141—149. <https://doi.org/10.1097/NMD.0000000000001580>
  22. Parviainen, H., Kiviruusu, O., Lämsä, R., Skogberg, N., Castaneda, A.E., Santalahti, P. (2023). Psychiatric symptoms and the association with parents' psychiatric symptoms among recently arrived asylum-seeking children in Finland. *Child Psychiatry & Human Development*, 54, 1699—1709. <https://doi.org/10.1007/s10578-022-01371-2>
  23. Rivera, A.M., Rodríguez, C.J.R., Padilla-Muñoz, A., Gómez-Restrepo, C. (2020). Mental health in adolescents displaced by the armed conflict: Findings from the Colombian National Mental Health Survey. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 14, Article 23. <https://doi.org/10.1186/s13034-020-00327-5>
  24. Schumacher, L., Echterhoff, J., Zindler, A., Barthel, D. (2024). Depression among refugee youth in an outpatient healthcare center—prevalence and associated factors. *Frontiers in Psychiatry*, 15, Article 1367799. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2024.1367799>
  25. Spaas, C., Verelst, A., Devlieger, I., Aalto, S., Andersen, A.J., Durbeej, N., Hilden, P.K., Kankaanpää, R., Primdahl, N.L., Opaas, M., Osman, F., Peltonen, K., Sarkadi, A., Skovdal, M., Jervelund, S.S., Soye, E., Watters, C., Derluyn, I., Colpin, H., De Haene, L. (2022). Mental health of refugee and non-refugee migrant young people in

- European secondary education: The role of family separation, daily material stress and perceived discrimination in resettlement. *Journal of Youth & Adolescence*, 51, 848—870. <https://doi.org/10.1007/s10964-021-01515-y>
26. Stewart, R.W., Villalobos, B.T., Dueweke, A.R., Rodriguez, J.H., Nicasio, A.V., Alto, M., Orenge-Aguayo, R. (2021). A pilot trial of universal school-based mental health screening in El Salvador: Traumatic stress in an underresourced school environment. *Journal of Traumatic Stress*, 34(5), 955—966. <https://doi.org/10.1002/jts.22716>
27. Stupar, D., Stevanovic, D., Vostanis, P., Atilola, O., Moreira, P., Dodig-Curkovic, K., Franic, T., Doric, A., Davidovic, N., Avicenna, M., Multazam, I.N., Nussbaum, L., Thabet, A.A., Ubalde, D., Petrov, P., Deljkovic, A., Monteiro, A.L., Ribas, A., Jovanovic M. ... Knez, R. (2021). Posttraumatic stress disorder symptoms among trauma-exposed adolescents from low-and middle-income countries. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 15, Article 26. <https://doi.org/10.1186/s13034-021-00378-2>
28. Wolde, A., Dessalegn, N. (2022). Posttraumatic stress disorder, suicidal behavior, substance use, and sexual victimization among adolescent girls aged 10—19 years living under ethnic-based civil war in Ethiopia. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, 18, 2239—2250. <https://doi.org/10.2147/NDT.S381461>

Информация об авторах

Виктория Владимировна Юзар, магистр в области психологии здоровья, младший научный сотрудник, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», фт Сириус, Сочи, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8665-4362>, e-mail: yuzar.vv@talantiuspeh.ru

Наталья Владимировна Карпова, кандидат психологических наук, исполнительный директор, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», фт Сириус, Сочи, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5505-4530>, e-mail: karpova.nv@talantiuspeh.ru

Information about the authors

Victoria V. Juzar, Master of Health Psychology, Research Assistant, Sirius University of Science and Technology, Krasnodar region, Sirius, Russia, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8665-4362>, e-mail: yuzar.vv@talantiuspeh.ru

Natalia V. Karpova, Candidate of Science (Psychology), Executive Director, Sirius University of Science and Technology, Krasnodar region, Sirius, Russia, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5505-4530>, e-mail: karpova.nv@talantiuspeh.ru

Вклад авторов

Юзар В.В. — аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; сбор данных, применение статистических методов для анализа данных; визуализация результатов исследования; контроль за проведением исследования.

Карпова Н.В. — идея исследования; участие в написании рукописи, подача рукописи на рецензирование в журнал. Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Victoria V. Juzar — annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; data collection, application of statistical methods for data analysis; visualization of research results; control over the research.

Natalia V. Karpova — ideas; contributing to writing of the manuscript, submission of the manuscript for review to the journal. All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом АНОО ВО «Университет “Сириус”» (заключение от 20 апреля 2026).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Sirius University on April 20, 2026.

Поступила в редакцию 31.03.2025

Поступила после рецензирования 08.06.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.03.31.

Revised 2026.06.08.

Accepted 2026.06.16.

Published 2026.06.30.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ LEGAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Обзорная статья | Review paper

Трансгрессивный опыт комбатантов: моральные потрясения и этические конфликты

Е.В. Рягузова ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Российская Федерация

✉ rjaguzova@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В статье представлен обзор концепций и исследований, направленных на изучение трансгрессивного опыта комбатантов и сопряженного с ним морального ущерба, неизбежно сопровождающих войны и боевые действия, которые в настоящее время происходят повсеместно, используют технологические инновации, расширяют круг моральных проблем и влияют на психологическое благополучие профессиональных военных. **Цель.** Научная рефлексия зарубежных психологических концепций и исследований, в фокусе внимания которых находятся трансгрессивный опыт комбатантов, возможные психологические стратегии и технологии работы с моральными страданиями, связанными с ним. **Методы и материалы.** Рефлексивный обзор научной литературы. **Выводы.** Показана сложность и многомерность моральной травмы, полученной участниками боевых действий, определяемой как этический конфликт, возникший в результате трансгрессивного действия и приобретенного трансгрессивного опыта, нарушающего собственный нравственный кодекс и общепринятые морально-этические принципы, который детерминируется интрапсихическими и ситуативными факторами, а конструируется личностью под воздействием социальных оценок, норм и ожиданий общества. Последствия морального конфликта связаны с психологическим неблагополучием личности, требуется разработка и внедрение комплексных программ оказания психологической помощи, социальной реабилитации и реадaptации.

Ключевые слова: война, трансгрессивный опыт, моральная травма, этический конфликт, восстановление, комбатанты

Для цитирования: Рягузова, Е.В. (2026). Трансгрессивный опыт комбатантов: моральные потрясения и этические конфликты. *Современная зарубежная психология*, 15(2), 151–159. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150215>

Transgressive experiences of combatants: moral turmoil and ethical conflicts

Elena V. Ryaguzova ✉

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

✉ rjaguzova@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. This article reviews concepts and research into the transgressive experiences of combatants and the moral injuries that inevitably accompany wars and combat operations. Such operations are now occurring everywhere, making use of technological innovations and expanding the range of moral problems, thereby affecting the psychological well-being of professional military personnel. **Objective:** Scientific reflection on foreign psychological theories and concepts focusing on the transgressive experience of combatants and possible strategies and technologies for dealing with the associated moral suffering. **Methods and materials:** Reflexive literature review. **Conclusions:** The analysis of published works has shown the complexity and multidimensionality nature of the moral trauma experienced by combatants. This trauma is determined by personal and situational factors and is influenced by social factors. Its consequences are associated with the individual experiencing physical, emotional, cognitive and social disadvantage,

which requires the development and implementation of comprehensive programmes for psychological assistance, social rehabilitation and re-adaptation. These programmes require serious consideration at a state level.

Keywords: war, transgressive experience, moral injury, ethical conflict, recovery, combatants

For citation: Ryaguzova, E.V. (2026). Transgressive experiences of combatants: moral turmoil and ethical conflicts. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(2), 151–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150215>

Контекст и актуальность

Несмотря на очевидную беспощадность войн, направленных на установление другого мироустройства через захват, уничтожение, подавление противника, они сопровождаются человеческую цивилизацию на протяжении всей истории. Войны приводят к сокрушительным ударам по существующим культурным, социальным, политическим и экономическим порядкам, словам человеческих жизней и судеб не только тех, кто непосредственно в них участвует или является современником, но и их потомков через трансляционные механизмы культурной травмы и коллективной памяти. Окончание войны знаменует символический переход от выживания к жизни, разрушения к созиданию, экстремального режима коллективного функционирования к режиму восстановления и преодоления. Но так ли просто совершить этот жизненный переход тем, кто приобрел трансгрессивный опыт, связанный с осознанным нарушением границ дозволенного, функционированием на пределе возможного и невозможного, где невозможное выступает в виде онтологической модальности бытия, а приобретенный опыт сопряжен с пересечением пределов существующих ценностных стандартов, общепринятых правил и норм. Приобретенный трансгрессивный опыт продолжает влиять на попытки ветеранов утвердиться в социальном, экономическом и духовном плане в послевоенном контексте, что предполагает необходимость существования в обществе особых ритуалов перехода, символически перекидывающих мост между такими разными режимами функционирования и выступающих сигналами социального принятия, а также специальных психотерапевтических практик (по сути, также ритуалов перехода), помогающих переработать экстремальный опыт, способствующих реинтеграции ветеранов в социум с четким осознанием возможных перспектив. В этом направлении много делалось и делается сейчас: внедряются государственные программы поэтапной реадaptации и поддержки, создаются реабилитационные центры, фонды и благотворительные организации; уточняются диагностические критерии, разрабатываются комплексные терапевтические программы, включающие мощную психологическую составляющую.

В последнее время исследователи сосредоточены на более тонкой дифференциации возможных последствий экстремальных событий, указывая на потенциальные параллели между одними и теми же симптомами, относящимися к разным нозологиям, и настаивают на выделении в особый кластер нравственных страданий и

потрясений ветеранов (Koenig, Al Zaben, 2021; Griffin et al., 2025) с четкой дефиницией и установленными границами для определения величины морального вреда, выявления различий в тяжести последствий, уточнения мишеней для диагностики, разработки эффективных стратегий вмешательства ради улучшения качества жизни и психологического благополучия ветеранов, снижения инвалидности и ослабления социальной стигматизации.

В настоящее время расширена номенклатура профессий, в рамках которых специалисты сталкиваются с нравственными дилеммами, конструируя при этом моральные травмы: к военным добавляются пожарные, полицейские, медицинские работники (Norman et al., 2024; Molendijk et al., 2025), в теории моральных травм включаются разные контексты (Hollis, Hanna, Perman, 2023; Molendijk et al., 2025), происходит смысловое расширение понятия, за счет рассмотрения моральных страданий, возникающих в результате не только трансгрессивных действий/бездействий, а в целом, при актуализации травматического стресса, например у жертв изнасилования (VanderWeele et al., 2025). Несмотря на наличие подобных страданий и их влияние на качество жизни, сценарий развертывания такой моральной травмы принципиально иной, в нем отсутствует ключевой конфликт между «есть» и «должен», а также учет усиливающей/ослабляющей роли социокультурного контекста. Более того, справедливо утверждение, что моральная травма чаще возникает из-за событий, связанных с профессиональной деятельностью и ролью в организации в рамках выполнения предписаний и директив (Wiederhold, 2025).

Целью настоящего обзора является научная рефлексия зарубежных психологических концепций и исследований, в фокусе внимания которых находится трансгрессивный опыт комбатантов, возможные психологические стратегии и технологии работы с моральными страданиями, связанными с ним.

Методы и материалы. Проведен комплексный поиск научной литературы в международных рецензируемых наукометрических базах данных (PsycNET, PsycINFO, PubMed, Web of Science, Scopus, JSTOR) и ее рефлексивный анализ. Предпочтение отдавалось научным работам за период с 2020 г. по настоящее время.

Трансгрессивные действия, трансгрессивный опыт и моральная травма

Боевой опыт военных, приобретенный в условиях реальных угроз жизни и потенциальных опасностей,

обусловлен профессиональной компетентностью и сопряжен с проявлениями мужества, стойкости, героизма, готовности к самопожертвованию, преданности делу обеспечения безопасности и защиты Родины. Однако, добиваясь поставленных целей, при соблюдении норм военного устава, долга и ответственности перед государством, действия комбатантов становятся причиной смерти, травм и деструкций, нарушают этические стандарты мирного времени. Подобные действия принято обозначать как трансгрессивные, предполагающие выход за пределы возможного и дозволенного в область невозможного и табуированного, а результатом подобного выхода может быть поступок-подвиг или проступок-преступление. Трансгрессивные действия включают сознательные добровольные нарушения, обусловленные опасной ситуацией и опирающиеся на устойчивые нравственные императивы личности, а также вынужденные нарушения, не только противоречащие ее собственным моральным убеждениям и этическим стандартам, но и вступающие в конфликт с общечеловеческими ценностями.

В центре внимания находятся трансгрессивные действия военных, нарушающие принципы соразмерности и недопустимости причинения страданий. К ним относятся непосредственное участие в пытках, издевательствах, изнасилованиях, убийствах мирных жителей, предательство, осознание неспособности предотвратить причинение вреда и даже наблюдение за преступлениями, совершаемыми другими (Litz et al., 2009).

Трансгрессивные действия на войне полидетерминированы личностными особенностями самих комбатантов, ситуативными факторами боевой среды или их возможными сочетаниями (Wolfendale, 2023), а также некоторыми программами подготовки военнослужащих. К ним относятся, например, программы разжигания ненависти к комбатантам противника, которые, с одной стороны, повышают мотивацию, стойкость и эффективность выполнения боевых задач, помогают преодолевать психологические барьеры, способствуют сплоченности боевых групп, но, с другой стороны, создают токсичную субкультуру, обусловленную дегуманизацией и моральным отчуждением, ослаблением способности критически мыслить, нарушением военной этики и международного гуманитарного права, возникновением моральных конфликтов у ветеранов.

Известно, что количество трансгрессий возрастает в связи с длительностью пребывания комбатантов в зоне боевых действий, развитием хронической усталости и морального истощения (Litz et al., 2009), а также, как это ни парадоксально, приближающейся победой над врагом, когда желание одержать верх над противником усиливает его дегуманизацию, снижает эмпатию и приводит к рационализации неэтичных агрессивных действий, оправдывающих насилие (Shani et al., 2024).

Полученный трансгрессивный опыт осознается личностью как травмирующий, угрожающий ее представлениям о себе, связанный с предательством самого себя, своих нравственных ценностей (Kiper, 2024). Он

сопряжен с тяжелыми моральными страданиями и этическими конфликтами, острыми переживаниями стыда и вины, гнева, направленного на организацию, власти, общество, самого себя. Осознание трансгрессивного опыта приводит к моральной дезориентации, социальной изоляции, эскапизму, самостигматизации и самоосуждению, разного рода девиациям, зависимостям и суициду.

Первая психологическая концепция моральной травмы (Litz et al., 2009) позволяет разграничить трансгрессию, психологические симптомы и последствия трансгрессивного опыта, а также обозначить тактики и стратегии вмешательства. Мораль определяется как личный, семейный, культурный, общественный и правовой кодекс социального поведения, а моральная травма рассматривается в качестве нарушения/разрушения его основополагающих позиций. Трансгрессия создает внутренний диссонанс и порождает этический конфликт, поскольку человек осознает, что совершенное действие/бездействие нарушает его представления о правильном/неправильном, должном/недолжном, допустимом/недопустимом. Возникший этический конфликт, основанный на оценке и принятии факта неправомерного действия, разрешается или усиливается через систему стабильных внутренних атрибуций — когнитивных схем объяснения и интерпретации. Если комбатант принимает трансгрессивный опыт, рационально объясняя его контекстуальными обстоятельствами, то это способствует постепенному снижению этического диссонанса, моральному восстановлению и обретению чувства личной ценности через самопрощение, признание противоправным совершенного действия/бездействия, принятие ответственности за него и обязательство, данное самому себе, дальше жить по-другому. Если человек не способен рационализировать трансгрессивный проступок, атрибутировать ему смысл, то он испытывает моральные эмоции, которые постоянно переживаются, приводят к затяжному дистрессу из-за частых вторжений, неадаптивных избеганий и руминативного атрибутивного стиля, трансформации базовых убеждений, экзистенциальному кризису и социальной изоляции. Авторы отмечают наличие защитных факторов, способствующих некоторому снижению интенсивности моральных эмоций за счет высокой самооценки, социальной поддержки, главным образом значимых близких или авторитетных сослуживцев. Но важным является то, что моральная травма конструируется самим комбатантом на основе его личной оценки морального статуса собственного совершенного/несовершенного поступка.

Дальнейшие исследования моральной травмы опираются на представленную концепцию, дополняя, развивая и акцентируя внимание на отдельных составляющих и связях между ними.

В настоящее время моральная травма понимается многомерно: синдром, характеризующийся симптомами повторного переживания и избегания, сопровождающийся моральными эмоциями и деморализацией,

связанный с изменениями в целеполагании, конструировании экзистенциальных смыслов, потерей духовности и религиозной веры (Coady et al., 2021); психологическая рана, наносящая ущерб базовым человеческим потребностям в социальной принадлежности и сплоченности (Zefferman, Mathew, 2020); модель поведения, при которой человек пытается избежать или контролировать моральную боль (Borges et al., 2022).

Исследователи уточняют категории трансгрессивных действий, анализ которых позволяет построить шкалу событий, способных нанести моральный вред и определить их влияние на интенсивность моральных страданий. Качественный анализ результатов фокус-групп с ветеранами дифференцирует потенциально травмирующие события с точки зрения распределения ответственности на две таксономические категории: личная ответственность за травмирующее событие с актуализацией стыда или вины (убийство, несоизмерное насилие, нанесение вреда гражданским лицам, неспособность предотвратить вред) и ответственность других, связанная с гневом и возмущением (наблюдение за насилием или непропорциональными действиями; предательство со стороны доверенных лиц, системы) (Schogg et al., 2018). Эмпирически подтверждено, что моральная травма значимо сильнее, интенсивнее и разрушительнее, когда комбатант осознает неэтичность своих противоправных действий, предательство со стороны командиров или сослуживцев, по сравнению с собственным бездействием при совершении преступлений другими людьми (Sowden, Jones, 2024). Предательство руководства как действие/бездействие является мощным фактором моральных страданий, поскольку оно подрывает основополагающие представления о безопасности, ответственности и заботе (Amsalem et al., 2025). Эмпирически установлено, что вызванная предательством травма напрямую связана и с моральным ущербом через ограниченный доступ к стратегиям, и с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) через аспекты эмоциональной дисрегуляции (Harwood-Gross, Stern, 2026).

Моральный диссонанс — ключевой компонент еще одной концепции (Te Brake, Nauta, 2022). Авторы справедливо полагают, что мораль социальна по своей сути и делают акцент на непрерывном взаимодействии между индивидуальным опытом и контекстуальными аспектами, включающими культуру войны, политические установки и общественные настроения, которые меняются со временем, усиливая или ослабляя моральный дискомфорт личности. Моральная травма рассматривается как феномен, относящийся не только к переживаниям отдельного человека, а как осознанный конфликт между «есть» и «должен», т. е. фактическим реальным действием, уже необратимым и осуществленным комбатантом, и желаемым с моральной точки зрения поведением, при этом человек осознает, что должен был поступить иначе. Чем дольше длится этический конфликт, тем больший моральный вред причиняется личности, но сам моральный диссонанс является нор-

мальным, а не патологическим процессом. При смене жизненного контекста, например, при негативном опыте увольнения из армии или преждевременном выходе на пенсию, которые могут рассматриваться как несправедливые институциональные нарушения и предательство со стороны государства, ветераны становятся более уязвимыми, возникает чувство отверженности, потери себя и смысла жизни, нарушаются общие ценности и меняются субъективные интерпретации совершенных ранее трансгрессий (Grant et al., 2025).

Существуют исследования, результаты которых показывают подверженность незначительного числа ветеранов, получивших боевой опыт и моральный вред, радикализации и экстремизму, что авторы связывают с тотальной замкнутостью ветеранов в паттернах ненависти и несправедливости, с трудностями гражданской реинтеграции, кризисом социальной идентичности, мотивирующих их бросить вызов обществу и искать экстремистские группировки с военизированными подразделениями, чтобы подтвердить свою Я-идентификацию как воина и убрать рассогласование между собственным образом солдата на войне и вернувшимся домой ветераном (Atuel, Castro, 2025; Nauta, 2024). В этой связи отмечается необходимость создания соответствующих инфраструктур поддержки до, во время и после перехода военнослужащих к гражданской жизни (Misca et al., 2023).

В концептуальной модели двойного процесса моральной травмы и травматических расстройств представлена четырехэтапная оценочная структура, основанная на сходных и различающихся маркерах, взаимодействии симптомов и процессов в разных областях. Структура строится при наличии самого экстремального события и осознании той роли, которую человек реализует в контексте травматических обстоятельств (виновный в действиях, свидетель, жертва или комбинация ролей). Субъективная оценка роли влияет на симптомы и процессы, имеющие отношение к психологическим (эмоции, ценности, идентичность, поведение) и социальным (нарушения в межличностной и профессиональной сферах) проявлениям, приводящим к разным последствиям, их сочетаниям и требующим особых форм вмешательства (Barr et al., 2022).

Отметим, что многие авторы при дифференциации ПТСР и морального ущерба солидарны в понимании их разной природы: ПТСР связано с переживанием страха, ужаса и беспомощности, вызваны внешними обстоятельствами, их оценкой как опасных и угрожающих жизни человека, тогда как причины моральной травмы комплексны и обусловлены внутренними противоречиями, разрушением представлений о справедливости мира и собственной моральной состоятельности с актуализацией вины, стыда, гнева часто вне контекста страха (Barr et al., 2022; Molendijk et al., 2025; VanderWeele et al., 2025). Более того, согласимся, что вина, стыд и гнев не обязательно являются симптомами расстройства, которое следует лечить, а могут выступать частью закономерного нравственного кон-

фликта, связанного с рефлексией собственных моральных нарушений, результатом которого становятся болезненное знание о себе и мире (Molendijk et al., 2022), приобретенная мудрость о зле, а не только психологический ущерб (Biscoe et al., 2023).

Современная исследовательская оптика фокусируется на возможных и реальных жизненных траекториях участников военных действий и конкретных следствиях моральных конфликтов: восстановление, самораскрытие, прощение, саморазрушительное поведение.

Прощение — сложный духовный процесс, включающий три основные составляющие: прощение себя, прощение Других и получение прощения от Других, прощение Священного (Br mault-Phillips et al., 2022), — в результате которого происходит снятие аффективно-напряженного, уменьшение дисфорических мыслей и негативных чувств относительно себя и Другого. Прощение — непрерывный динамический адаптивный процесс, и всегда требуется время, для того чтобы человек перешел от тотального и однозначного непростения через переосмысление проступка к полному/частичному прощению, восстановлению справедливости и социальных отношений, сменив мотивационный вектор от желания наказать, отомстить, уничтожить к незаслуженной доброжелательности по отношению к обидчику и, по сути, к нравственному самосохранению, поскольку этот процесс способствует личному благополучию, преодолению сильной и продолжительной моральной боли, повышению самооценки, восстановлению чувства собственного достоинства, позитивного отношения к миру, себе, Другим (Griffin et al., 2025). Интересный опыт организации прощения через преобразование поведенческих моделей описан в исследовании, проведенном четверть века после фактического геноцида сербов в Сребренице при полном попустительстве голландских миротворцев (Driessen et al., 2025), где в рамках встреч с «неудобными другими» — выжившими и ветеранами — с трудом создавалось относительно безопасное коммуникативное пространство, контакты в котором не причиняли вреда участникам, но вмешивались в доминирующие нарративы, разрывая порочный круг вражды, ненависти и непонимания, создавая общие воспоминания и способствуя смягчению чрезмерного напряжения при мыслях о трудном периоде пережитого.

Самопрощение как нравственное исцеление представляет собой болезненный процесс, в ходе которого требуется принятие противоправного проступка, нравственная вовлеченность, осмысление, личностные изменения. Самопрощение — не самооправдание или забывание проступка, а движение в сторону морального роста и обновления, при этом оно никогда не сможет исправить то, что произошло, и, таким образом, ограничено в своей способности облегчить боль тех, кто стал жертвой (Kiper, 2024). В исследованиях показано, что самопрощение и воспринимаемая социальная поддержка играют важную роль в снижении уровня суицидального поведения и текущих суицидальных

мыслей среди ветеранов с моральной травмой (Levi-Belz, Dichter, Zerach, 2022), а самораскрытие как фактор, способствующий чувству сопричастности, установлению межличностных связей и поддержки, снижает риск суицидального поведения после воздействия события, потенциально приводящего к моральному вреду (Levi-Belz, Shemesh, Zerach, 2023). Было обнаружено, что внутренний стыд в отличие от осознанной вины опосредует связь между отвращением к себе и самопрощением (Taysí, Orçan, 2025).

Еще одно направление исследований последствий трансгрессивных действий для личности связано с системой стабильных внутренних атрибуций и имеет отношение к трансформации идентичности и Я-концепции ветеранов. Акцентируется внимание на внутренней этической борьбе между различными инстанциями личности, репрезентированными субъективными представлениями о «Я-реальном», «Я-идеальном», «Я-должном», «Я-страдающем»; отмечается, что диссонанс между ними приводит к депрессии, дезадаптации, отчуждению и суициду (James, McKimmie, Maccallum, 2024).

Заслуживает внимания другая точка зрения, согласно которой представления о себе и совершенные противоправные действия могут непротиворечиво сосуществовать в результате действия психологического механизма морального отстранения, позволяющего человеку выборочно, намеренно или бессознательно, оправдывать собственные действия и дистанцироваться от них, отделяя их оценку от личных этических стандартов через реконструкцию ситуации, переосмысление своей роли в ней, снятие личной ответственности, сравнение с бесчеловечными действиями другой стороны, обвинение жертвы или ее дегуманизацию (De Graaff, Giebels, Verweij, 2020). Авторам удалось доказать, что чем более выражена моральная идентичность, тем чаще в нарративах ветеранов упоминается моральное отстранение, а количество этических дилемм положительно коррелирует с высказываниями о моральном отстранении, т. е. люди, которые в профессиональной деятельности сталкиваются с этическими дилеммами или обладают меньшей свободой действий, чаще оправдывают свои действия/бездействия, при этом чем больше человек осознает существование моральных дилемм, тем больше ему кажется необходимым ослабить напряжение и сохранить Я-идентификацию «хорошего» себя.

Использование стратегии морального отстранения может свидетельствовать о сформированности внутреннего этического Я, опирающегося на глубоко укоренившиеся нравственные принципы, или символического этического контроля, основанного на знаниях о моральных нормах и ценностях, но недостаточно присвоенных личностью. В первом случае моральная идентичность выступает защитным буфером от совершения противоправного проступка или для встраивания негативного опыта в моральную концепцию, потенциально облегчая страдания от совершенных

трансгрессий; однако при большом рассогласовании между проступком и нравственными императивами моральная идентичность является фасилитатором этической борьбы; в случае, когда моральные принципы лишь известны, но не интернализированы, ответственность за проступок перекладывается на других, не актуализируя конфликт, и часто зависит от социального контекста (Sowden, Jones, 2024). Следовательно, моральная идентичность может выступать как ресурс целеустремленности, стойкости, героизма, помогая справляться с этическими дилеммами в зависимости от характера трансгрессии, так и источник уязвимости, когда моральные убеждения противоречат решениям и их реальным последствиям, а несоответствие принципов и поступков приводит к усилению дистресса, моральному диссонансу и деструкции.

Обзор концепций трансгрессивных действий, трансгрессивного опыта и моральных травм комбатантов позволяет утверждать, что моральные страдания и этический конфликт представляют собой отдельную категорию последствий принятия решений в ситуациях моральных дилемм, не являются расстройствами, хотя существенно отягощают симптомы других расстройств и требуют особой комплексной психологической помощи, направленной на когнитивное, эмоциональное, социальное и духовное функционирование участников боевых действий. Моральная травма является результатом не только интрапсихических процессов, связанных с нарушениями когнитивных функций, эмоций и рассогласованием ценностей, но и реакцией на межличностные и социальные взаимодействия, поскольку ее причины локализованы на микро-, мезо- и макроуровнях и необходима разработка целостного понимания моральной травмы, учитывающая ее индивидуальные и социальные аспекты (Hollis, Hanna, Perman, 2023; Molendijk et al., 2025). Признавая обоснованность и важность междисциплинарного подхода к изучению моральной травмы, в рамках данного анализа остановимся лишь на обзоре программ психологического вмешательства, основанного на практиках прощения и заботы о себе.

Программы психологического вмешательства, основанные на практиках прощения и заботе о себе

Рассмотренная концепция моральной травмы (Litz et al., 2009) включает программу клинической помощи, представляющую собой гибкую систему поэтапных совместных действий ветеранов и специалистов. Эта длительная работа по переосмыслению и обновлению приобретенного трансгрессивного опыта, разрешению этического конфликта и восстановлению, которая сложна и болезненна для обоих акторов, требует полной включенности, открытости и готовности к самораскрытию комбатанта и высокой компетентности, непредвзятости, профессиональной этики специалиста.

Первый этап вмешательства предполагает артикуляцию плана действий, чтобы человек, обратившийся за

помощью, был проинформирован о влиянии моральной травмы на качество жизни, о том, что сокрытие и избегание являются неадаптивными, сужают репертуар поведения, направленное на благополучие, ограничивают воздействие восстановительного опыта. Цель взаимодействия на этом этапе — мотивировать человека, преодолев стыд и вину, раскрыть проступок, сформулировать собственные атрибуции, описать чувства и переживания. На этапе экспозиции происходит ориентация на устойчивое вовлечение комбатанта в болезненные аспекты опыта и его последствия, причем снижение остроты и интенсивности переживания связано с эмоциональным проживанием трансгрессивного контента в присутствии специалиста. Важным шагом в самопрощении, восстановлении моральной идентичности и чувства личной ценности является анализ неадаптивных убеждений, который способствует развитию новых, более конструктивных суждений, или, по крайней мере, диалогу о возможностях и следствиях альтернативных конструкций, делая акцент на дихотомиях «глобальность—специфичность», «стабильность—нестабильность», «внутреннее—внешнее», формируя новую картину мира и определяя свое место в ней. Следующий этап заключается в разграничении прошлого и настоящего с тем, чтобы ошибки прошлого не определяли настоящее и не мешали построению жизненных перспектив, воссоединению со своими ценностями и рефлексии своей пользы как члена общества. В результате успешного вмешательства появляется положительный опыт доступа к болезненному контенту в присутствии заботливого Другого, демонстрирующего, что возможно исцеляюще раскрывать мысли и чувства, какими бы тревожными они ни были. При этом важна социальная реинтеграция комбатанта, а психотерапевтический опыт должен использоваться для установления/восстановления связей со своим окружением, иначе результаты психологического вмешательства будут непродолжительными.

Более точечная программа психологической интервенции разработана конкретно для военных ветеранов, моральные травмы которых сопряжены с убийством на войне (Burkman et al., 2022). Предварительный этап включает информирование о цели вмешательства, возможном диапазоне эмоций и важности сотрудничества внутри терапевтического альянса, а сама интервенция позиционируется как трамплин для дальнейшей работы вне терапии над нравственным восстановлением, заботой о себе, планированием собственной психологической безопасности. Авторы разработали шкалу когнитивных представлений об убийстве, содержащую основные темы: вина, стыд, самообвинение, самонаказание, ответственность, потеря смысла, отвращение, духовное разочарование, — которая позволяет комбатантам-ветеранам запустить процесс целенаправленной переработки трансгрессивного опыта, предпринять шаги к принятию, самопрощению и нравственному восстановлению, а специалистам оценить предыдущие попытки ветерана самостоятельно исцелиться от моральных травм, выявить потенциально деструктив-

ные тенденции, укрепить любые успехи, осуществить навигацию по сложной территории моральной травмы и наметить адекватные векторы поэтапного психологического вмешательства.

Особого интереса заслуживает комплексная программа, опирающаяся на целостный подход, объединяющий четыре ключевые составляющие: забота о себе, когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), личностная сила, духовная стойкость (Akwue et al., 2024). Каждый компонент программы ориентирован на специфические цели вмешательства: компонент заботы о себе предполагает обучение конкретным практикам как совокупности преднамеренных действий для поддержания и улучшения здоровья и благополучия, обеспечения физической безопасности, развития осознанности, смягчения морального ущерба; КПТ направлена на формирование адаптивных навыков преодоления моральных травм и обеспечение безопасного и упорядоченного подхода к их переработке; компонент личностной силы связан с пониманием и развитием собственных возможностей и ресурсов; интервенция через духовную устойчивость направлена на поддержание или восстановление экзистенциальных смыслов.

Преимущества программы.

1. Комплексность и признание взаимосвязанной природы физического, психического, эмоционального и духовного здоровья, нарушенного в результате трансгрессивного проступка и сформированной моральной травмы, обеспечивают надежную методологическую рамку для работы по восстановлению сбалансированного благополучия, разрешению экзистенциальных проблем, содействию посттравматическому росту и психологической устойчивости.

2. Взаимная пересеканность восстановительных техник способствует закреплению и фасилитации эффектов психологического вмешательства на разных этапах восстановления и исцеления. Интеграция различных практик приводит к синергетическим эффектам, обеспечивающим доступ к личностным ресурсам, осознанию того, что рост и страдание не являются взаимоисключающими.

3. Гибкость программы и учет персональных приоритетов комбатантов позволяет работать с рядом элементов, которые можно изменить или адаптировать в соответствии с потребностями в определенный период процесса восстановления, что повышает интерес к контенту и обеспечивает более высокие показатели эффективности.

4. Непрерывность и нелинейность процесса восстановления обусловлена тем, что различные аспекты благополучия могут требовать внимания в разное время, поэтому важно, что комплексная программа позволяет комбатантам «стать своими терапевтами», расширяет их права и возможности, активизирует субъектность и целенаправленную активность, положительно влияет на самоэффективность и посттравматическую устойчивость.

5. Культурная конгруэнтность связана с включением в программу религиозного контекста, совместимого с ценностно-нормативной системой воинской культуры комбатанта ИЛИ не противоречащего профессионально-этическим стандартам армейской культуры комбатанта, оказывающего содействие в решении экзистенциальных проблем, и контекста военной субкультуры, задающего четкий ценностный и нормативный формат, способствующий восстановлению профессионального благополучия и эффективному выполнению профессиональных ролей.

Программа содержит потенциал для устранения высоких показателей сопутствующих расстройств, может применяться в комплексе с другими психотерапевтическими технологиями, убеждает, что трансгрессивный опыт, полученный в боевых условиях, требует серьезной и многосторонней профессиональной проработки.

Выводы

Проведенный анализ позволяет выявить ключевую научную проблему, которая заключается в комплексном изучении моральной травмы у комбатантов как нового, многомерного психологического феномена, порожденного вызовами современных войн, связанными с цифровизацией, роботизацией вооружений и необходимостью принятия быстрых решений в ситуациях неоднозначного морального выбора.

Актуальность эмпирического исследования данной проблемы на отечественной выборке обусловлена несколькими критически важными аспектами.

1. Моральная травма не является сугубо внутренним конфликтом, а конструируется личностью под влиянием социальных оценок, норм и ожиданий. Специфический общественный дискурс, особенности освещения военных действий в медиа и уникальный социокультурный контекст российского общества создают совершенно особые условия для формирования и переживания моральной травмы, которые не могут быть в полной мере поняты через призму зарубежных исследований.

2. Общество является активным участником процесса конструирования травмы через нежелание принять на себя общую ответственность за последствия войны. Исследование того, как именно это проявляется в условиях современной России — через замалчивание, искажение нарративов или отсутствие признательности — является не просто актуальным, а необходимым для понимания глубины проблемы и разработки адекватных мер поддержки.

3. Существует необходимость в комплексных программах психологического вмешательства для участников боевых действий СВО, которые требуют отечественной научной базы. Без эмпирических данных, полученных на российской выборке, любые адаптированные или заимствованные методики рискуют оказаться неэффективными, так как не будут учитывать

культурные, ценностные и социальные особенности переживания морального конфликта.

4. Актуальной научно-практической задачей является необходимость в преодолении дефицита знаний о структурных компонентах, механизмах формирования и проявлениях моральной травмы в уникальном соци-

ально-психологическом контексте России. Ее решение позволит не только углубить теоретическое понимание феномена, но и создать обоснованные, культурно чувствительные модели психологической помощи для тех, кто сталкивается с моральными дилеммами при выполнении боевых задач.

Список источников / References

1. Akwue, O.S., Smith, M.A.D., Marazzo, J., Woolcock, R.A. (2024). Navigating moral injury and trauma in US army soldiers: A holistic approach incorporating self-care, CBT, personal strength, and spiritual resilience. *Global Advanced Research Journal of Medicine and Medical Sciences*, 11(1), 001—017. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14224265>
2. Amsalem, D., Haim-Nachum, S., Fisch, C.T., Lazarov, A., Levi-Belz, Y., Markowitz, J.C., Nacasch, N., Wainberg, M.L., Lurie, I., Mendlovic, S., Neria Y. (2025). Betrayal experiences among individuals living in war zones: A longitudinal study. *Journal of Psychiatric Research*, 187, 95—100. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2025.05.023>
3. Atuel, H.R., Castro, C.A. (2025). The 3T model of military veteran radicalization and extremism: exploring risk factors and protective strategies. *Frontiers in Sociology*, 10, Article 1500774. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2025.1500774>
4. Barr, N., Atuel, H., Saba, S., Castro, C.A. (2022). Toward a dual process model of moral injury and traumatic illness. *Frontiers in Psychiatry*, 13, Article 883338. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.883338>
5. Biscoe, N., Bonson, A., Nickerson, A., Murphy, D. (2023). Factors associated with exposure to potentially morally injurious events (PMIEs) and moral injury in a clinical sample of veterans. *European Journal of Trauma & Dissociation*, 7, Article 100343. <https://doi.org/10.1016/j.ejtd.2023.100343>
6. Borges, L.M., Barnes, S.M., Farnsworth, J.K., Drescher, K.D., Walser, R.D. (2022). Case conceptualizing in acceptance and commitment therapy for moral injury: An active and ongoing approach to understanding and intervening on moral injury. *Frontiers in Psychiatry*, 13, Article 910414. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.910414>
7. Brémault-Phillips, S., Cherwick, T., Smith-MacDonald, L.A., Huh, J., Vermetten, E. (2022). Forgiveness: A key component of healing from moral injury? *Frontiers in Psychiatry*, 13, Article 906945. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.906945>
8. Burkman, K., Gloria, R., Mehlman, H. Maguen, S. (2022). Treatment for moral injury: Impact of killing in war. *Current Treatment Options in Psychiatry*, 9, 101—114 <https://doi.org/10.1007/s40501-022-00262-6>
9. Coady, A., Hawkins, L.T.C.L., Chartoff, R., Litz, B., Frankfurt, S. (2021). Trauma, spirituality, and moral injury: Assessing and addressing moral injury in the context of PTSD treatment. *Current Treatment Options in Psychiatry*, 8(8). <https://doi.org/10.1007/s40501-021-00252-0>
10. De Graaff, M.C., Giebels, E., Verweij, D.E.M. (2020). On moral grounds: Moral identity and moral disengagement in relation to military deployment. *Military Psychology*, 32(4), 363—375. <https://doi.org/10.1080/08995605.2020.1774321>
11. Driessen, S., Van Brenk, J., Immler, N.L., Vermetten, E. (2025). ‘Unburden us and them’: encountering ‘the other’ in meetings between Bosnian genocide survivors and Dutch UN veterans. *Frontiers in Sociology*, 10, Article 1543549. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2025.1543549>
12. Grant, C., Woodyatt, L., Bowen, H., Lane, J. (2025). Fallout: The psychosocial harms of negative military discharge experiences. *Frontiers in Psychology*, 16, Article 1521056. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1521056>
13. Griffin, B.J., Price, L.R., Jenkins, Z., Childs, A., Tong, L., Raciborski, R.A., Weber, M.C., Pyne, J.M., Maguen, S., Norman, S.B., Vogt, D. (2025). A systematic review and meta-analysis of moral injury outcome measures. *Current Treatment Options in Psychiatry*, 12, Article 7. <https://doi.org/10.1007/s40501-024-00342-9>
14. Harwood-Gross, A., Stern, N. (2026). Outside realm of combat: The relationship of cumulative trauma with perceived military betrayal and military-related posttraumatic stress disorder symptoms. *Traumatology*, 32(1), 23—30. <https://doi.org/10.1037/trm0000524>
15. Hollis, J., Hanna, P., Perman, G. (2023). Recontextualising moral injury among military veterans: An integrative theoretical review. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 33(1), 85—101. <https://doi.org/10.1002/casp.2643>
16. James, K.E., McKimmie, B.M., Maccallum, F. (2024). When we fail to live up to our own standards: The relationship between self-discrepancy and moral injury. *Anxiety, Stress, & Coping*, 37(6), 711—720. <https://doi.org/10.1080/10615806.2024.2387607>
17. Kiper, J. (2024). Moral injury as a precondition for reconciliation: An anthropology of veterans’ lives and peacemaking. *Religions*, 15(9), Article 1089. <https://doi.org/10.3390/rel15091089>
18. Koenig, H.G., Al Zaben, F. (2021). Moral injury: An increasingly recognized and widespread syndrome. *Journal of Religion and Health*, 60, 2989—3011. <https://doi.org/10.1007/s10943-021-01328-0>
19. Levi-Belz, Y., Dichter, N., Zerach, G. (2022). Moral injury and suicide ideation among Israeli combat veterans: The contribution of self-forgiveness and perceived social support. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(1—2), NP1031—NP1057. <https://doi.org/10.1177/0886260520920865>

20. Levi-Belz, Y., Shemesh, S., Zerach, G. (2023). Moral injury and suicide ideation among combat veterans. *Crisis*, 44(3), 198—208. <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000849>
21. Litz, B.T., Stein, N., Delaney, E., Lebowitz, L., Nash, W.P., Silva, C., Maguen, S. (2009). Moral injury and moral repair in war veterans: A preliminary model and intervention strategy. *Clinical Psychology Review*, 29(8), 695—706. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2009.07.003>
22. Misca, G., Augustus, J., Russell, J., Walker, J. (2023). Meaning(s) of transition(s) from military to civilian life at the intersection with mental health: Implications for clinical settings. *Frontiers in Psychology*, 14, Article 1142528. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1142528>
23. Molendijk, T., Eikenaar, T., Gilhuis, N., van der Maarel, S. (2025). *Handboek moral injury in context: Een wetenschappelijke gids over morele verwonding voor de praktijk*. Meppel: Boom Criminologie. URL: <https://www.boomportaal.nl/boek/9789047302490> (viewed: 01.06.2026).
24. Molendijk, T., Verkoren, W., Drogendijk, A., Elands, M., Kramer, E.H., Smit, A., Verweij, D. (2022). Contextual dimensions of moral injury: An interdisciplinary review. *Military Psychology*, 34(6), 742—753. <https://doi.org/10.1080/08995605.2022.2035643>
25. Nauta, B. (2024). Injured fighters: Traumatization and contention in post-colonial states. *War & Society*, 43(4), 411—418. <https://doi.org/10.1080/07292473.2024.2375882>
26. Norman, S.B., Griffin, B.J., Pietrzak, R.H., McLean, C., Hamblen, J.L., Maguen, S. (2024). The moral injury and distress scale: Psychometric evaluation and initial validation in three high-risk populations. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 16(2), 280—291. <https://doi.org/10.1037/tra0001533>
27. Schorr, Y., Stein, N.R., Maguen, S., Barnes, J.B., Bosch, J., Litz, B.T. (2018). Sources of moral injury among war veterans: A qualitative evaluation. *Journal of Clinical Psychology*, 74(12), 2203—2218. <https://doi.org/10.1002/jclp.22660>
28. Shani, M., Kunst, J.R., Anjum, G., Obaidi, M., Leshem, O.A., Antonovsky, R., van Zalk, M., Halperin, E. (2024). Between victory and peace: Unravelling the paradox of hope in intractable conflicts. *British Journal of Social Psychology*, 63(3), 1357—1384. <https://doi.org/10.1111/bjso.12722>
29. Sowden, W.J., Jones, R.L. (2024). Amplified PTSD symptoms from self-attributed moral transgressions are linked to internalized moral identity during military deployment. *Military Medicine*, 189(3), 156—164. <https://doi.org/10.1093/milmed/usae064>
30. Taysi, E., Orçan, F. (2025). Self-disgust and self-forgiveness: The mediating roles of trait and state guilt, internal and external shame, empathic concern, and personal distress. *Psychology Hub*, 42(1), 27—42. <https://doi.org/10.13133/2724-2943/18264>
31. Te Brake, H., Nauta, B. (2022). Caught between is and ought: The moral dissonance model. *Frontiers in Psychiatry*, 13, Article 906231. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.906231>
32. VanderWeele, T.J., Wortham, J.S., Carey, L.B., Case, B.W., Cowden, R.G., Duffee, C., Jackson-Meyer, K., Lu, F., Mattson, S.A., Padgett, R.N., Peteet, J.R., Rutledge, J., Symons, X., Koenig, H.G. (2025). Moral trauma, moral distress, moral injury, and moral injury disorder: Definitions and assessments. *Frontiers in Psychology*, 16, Article 1422441. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1422441>
33. Wiederhold, B. (2025). Shadows of conflict: Addressing moral injury in peacekeeping missions. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 28(1), 4—6. <https://doi.org/10.1089/cyber.2024.0500>
34. Wolfendale, J. (2023). The causes of war crimes. *Journal of Military Ethics*, 22(3—4), 274—288. <https://doi.org/10.1080/15027570.2024.2321707>
35. Zefferman, M.R., Mathew, S. (2020). An evolutionary theory of moral injury with insight from Turkana warriors. *Evolution and Human Behavior*, 41(5), 341—353. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2020.07.003>

Информация об авторах

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), Саратов, Российская Федерация, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>, e-mail: rjaguzova@yandex.ru

Information about the authors

Elena V. Ryaguzova, Doctor of Science (Psychology), Head of Department, Saratov State University, Saratov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>, e-mail: rjaguzova@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.06.2025

Поступила после рецензирования 17.11.2025

Принята к публикации 10.02.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.06.02.

Revised 2025.11.17.

Accepted 2026.02.10.

Published 2026.06.30.

Наши авторы

Власова Арина Сергеевна — младший научный сотрудник, лаборатория технологий искусственного интеллекта в психологии, Институт психологии Российской академии наук (ФГБОУ ИП РАН); студентка, кафедра общей психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5523-8592>

vlasovaas@ipran.ru

Дорошенко Владислава Александровна — аспирантка кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6455-6852>

vlada.doroshenko@list.ru

Екимова Валентина Ивановна — доктор психологических наук, заведующая и профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>

ekimovavi@mgppu.ru

Ефимов Кирилл Романович — старший преподаватель, аспирант, Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1824-6455>

KirYef616@yandex.ru

Жирнова Ольга Владимировна — младший научный сотрудник лаборатории экспериментальной патопсихологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-8286>

olga.zhirnova.2015@mail.ru

Иванов Михаил Владимирович — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела детской психиатрии, Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ, заведующий кафедрой детской и подростковой клинической психологии Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3853-4345>

ivanov-michael@mail.ru

Каверина Мария Юрьевна — научный сотрудник отделения реабилитации/неврологии, нейропсихолог. Научно-исследовательский институт нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко (ФГАУ НМИЦ нейрохирургии им. академика Н.Н. Бурденко), Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2021-5968>

mkaverina@nsi.ru

Карпова Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, исполнительный директор, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», фт Сириус, Сочи, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5505-4530>

karpova.nv@talantiuspeh.ru

Котов Алексей Александрович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4426-4265>

al.kotov@gmail.com

Котова Татьяна Николаевна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра прикладных психолого-педагогических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2583-1922>

tkotova@gmail.com

Кочетков Никита Владимирович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>

kochetkovnv@mgppu.ru

Латынов Владислав Викторович — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория технологий искусственного интеллекта в психологии, лаборатория психологии речи и психолингвистики, Институт психологии Российской академии наук (ФГБОУ ИП РАН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9584-2950>

latynovvv@ipran.ru

Лихачева Эльвира Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей психологии и психологии труда, Гуманитарный институт Российского нового университета (АНОК ВО «Российский новый университет» РосНОУ); научный сотрудник Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; научный сотрудник Центра философии образования, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО «МПГУ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0033-601X>
zin-ev@yandex.ru

Матушкина Валерия Вячеславовна — аспирант, Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН), Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2403-9490>
matushkinavaleria@gmail.com

Огнев Александр Сергеевич — доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»); ведущий сотрудник Центра философии образования, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО «МПГУ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2944-6615>
ASOgnyov@fa.ru

Петров Владислав Евгеньевич — доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры «Научные основы экстремальной психологии», факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>
v.e.petrov@yandex.ru

Расходчикова Ксения Артемовна — студент, кафедра иностранных языков и коммуникативных технологий, Институт базового образования, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС» (ФГАОУ ВО НИТУ МИСИС), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0179-3933>
m2206745@edu.misis.ru

Расходчикова Марина Николаевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3703-4744>
rashodchikovamn@mgppu.ru

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6976-5587>
profi1234@yandex.ru

Рубцова Ольга Витальевна — кандидат психологических наук, доцент, руководитель Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-1234>
ovrubsova@mail.ru

Рягузова Елена Владимировна — доктор психологических наук, заведующая кафедрой, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>
rjaguzova@yandex.ru

Савеньшева Светлана Станиславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7529-1493>
owlsveta@mail.ru

Сагалакова Ольга Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории экспериментальной патопсихологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1952>
olgasagalakova@mail.ru

Скрыльникова Наталия Ивановна — психолог, Центр психологии и психоанализа «Selfhood», Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4795-063X>
nat24@mail.ru

Наши авторы

Суворова Элина Александровна — аспирант, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ); медицинский психолог Клиники имени Н.И. Пирогова, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4591-214X>
elina.aserova@yandex.ru

Токарчук Андрей Михайлович — кандидат технических наук, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5600-6194>
netandreas@gmail.com

Токарчук Юлия Александровна — научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-06900694>
lyusindus@gmail.com

Труевцев Дмитрий Владимирович — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории экспериментальной патопсихологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-2759>
truevtsev@gmail.com

Хатанболд Ойдов Сартуул — доктор политических наук (Ph.D.), член-корреспондент Монгольской академии наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии Монгольской академии наук; заместитель председателя Подкомиссии по общественным наукам МАС, Улан-Батор, Монголия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7867-6850>
khatanboldo@gmail.com

Холодная Марина Александровна — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина, Институт психологии РАН (ФГБУН ИП РАН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4267-317X>
kholod1949@yandex.ru

Цэцэнбилэг Цэвээн — кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социологии, Институт философии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия; доцент Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5987-9310>
tsetsenbilegts@gmail.com

Шаболтас Алла Вадимовна — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация; главный специалист Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1966-6924>
alla.shaboltas@gmail.com

Юзар Виктория Владимировна — магистр в области психологии здоровья, младший научный сотрудник, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», фт Сириус, Сочи, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8665-4362>
yuzar.vv@talantiuspeh.ru

Our authors

Arina S. Vlasova — Junior Researcher, Laboratory of Artificial Intelligence Technologies in Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; Student, Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5523-859>

vlasovaas@ipran.ru

Vladislava A. Doroshenko — Postgraduate student, Department of Developmental & Differential Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6455-6852>

vlada.doroshenko@list.ru

Valentina I. Ekimova — Doctor of Science (Psychology), Professor, Head of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-00021480-3571>

iropse@mail.ru

Kirill R. Yefimov — Senior Lecturer, Postgraduate, Moscow Institute of Psychoanalysis (MIP Non-State Educational Private Institution), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1824-6455>

KirYef616@yandex.ru

Olga V. Zhirnova — Junior Researcher, Laboratory of Experimental Pathopsychology, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-8286>

olga.zhirnova.2015@mail.ru

Mikhail V. Ivanov — Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Leading Researcher at the Department of Child Psychiatry at Mental Health Research Centre, Head of the Child and Adolescent Clinical Psychology Department of the Moscow Institute of Psychoanalysis (MIP Non-State Educational Private Institution), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3853-4345>

ivanov-michael@mail.ru

Mariya U. Kaverina — Researcher at the Department of Rehabilitation/Neurology, Neuropsychologist, N.N. Burdenko National Medical Research Center of Neurosurgery, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2021-5968>

mkaverina@nsi.ru

Natalia V. Karpova — Candidate of Science (Psychology), Executive Director, Sirius University of Science and Technology, Krasnodar region, Sirius, Russia, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5505-4530>

karpova.nv@talantiuspeh.ru

Alexey A. Kotov — Candidate of Science (Psychology), National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4426-4265>

al.kotov@gmail.com

Tatyana N. Kotova — Candidate of Science (Psychology), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2583-1922>

tkotova@gmail.com

Nikita V. Kochetkov — Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>

kochetkovnv@mgppu.ru

Vladislav V. Latynov — Candidate of Science (Psychology), Leading Researcher, Laboratory of Artificial Intelligence Technologies in Psychology, Laboratory of Speech Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9584-2950>

latynovvv@ipran.ru

Elvira V. Likhacheva — Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of General Psychology and Labor Psychology, Humanitarian Institute of the Russian New University; Research Fellow at the Center for Political Research at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation; Researcher at the Center for Philosophy of Education, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0033-601X>

zin-ev@yandex.ru

Valeriya V. Matushkina — Postgraduate student, Federal Research Center «Krasnoyarsk Science Center» of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2403-9490>

matushkinavaleria@gmail.com

Alexander S. Ognev — Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Deputy Director of the Institute of Humanitarian

Our authors

Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation»); Leading Researcher at the Center for Philosophy of Education, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2944-6615>

ASOgnyov@fa.ru

Vladislav E. Petrov — Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Department «Scientific Foundations of Extreme Psychology», Faculty of «Extreme Psychology», Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>

v.e.petrov@yandex.ru

Kseniia A. Raskhodchikova — Student, Department of Foreign Languages and Communication Technologies, College of Basic Professional Studies, National University of Science and Technology «MISIS», Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0179-3933>

m2206745@edu.misis.ru

Marina N. Raskhodchikova — Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3703-4744>

rashodchikovamn@mgppu.ru

Marina I. Rozenova — Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6976-5587>

profi1234@yandex.ru

Olga V. Rubtsova — Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Head of the Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-1234>

ovrubsova@mail.ru

Elena V. Ryaguzova — Doctor of Science (Psychology), Head of Department, Saratov State University, Saratov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

rjaguzova@yandex.ru

Svetlana S. Savenysheva — Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Developmental Psychology & Differential Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7529-1493>

owlsveta@mail.ru

Olga A. Sagalakova — Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Experimental Pathopsychology, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1952>

olgasagalakova@mail.ru

Nataliia I. Skrylnikova — Master of Psychology, Psychologist, Center for Psychology and Psychoanalysis «Selfhood», Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4795-063X>

nat24@mail.ru

Elina E. Suvorova — PhD student (Psychology), Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Medical Psychologist at the N. I. Pirogov Clinic of High Medical Technologies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4591-214X>

elina.aserova@yandex.ru

Andrei M. Tokarchuk — Candidate of Science (Engineering), Senior Researcher of the Center for Interdisciplinary Research of Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5600-6194>

netandreas@gmail.com

Yulia A. Tokarchuk — Researcher of the Center for Interdisciplinary Research of Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/00000003-0690-0694>

lyusindus@gmail.com

Dmitry V. Truevtsev — Candidate of Science (Psychology) Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Experimental Pathopsychology, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-2759>

truevtsev@gmail.com

Khatanbold Oidov Sartuul — Doctor of Political Sciences (Ph.D.), Corresponding Member of the Mongolian Academy of Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences; Deputy Chairman of the Subcommittee on Social Sciences of the IAU, Ulaanbaatar, Mongolia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7867-6850>
khatanboldo@gmail.com

Marina A. Kholodnaya — Doctor of Science (Psychology), Professor, Chief Research Officer, Laboratory of Psychology of Abilities and Mental Resources named after V.N. Druzhinin, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (IP RAS), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4267-317X>
kholod1949@yandex.ru

Tsetsenbileg Tseveen — Candidat of Science (Sociology), Associate Professor, Leading Researcher at the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia; Associate Professor at the Institute of Foreign Languages of the P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5987-9310>
tsetsenbilegts@gmail.com

Alla V. Shaboltas — Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Leading Researcher, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; Chief Specialist, V. M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1966-6924>
alla.shaboltas@gmail.com

Victoria V. Juzar — Master of Health Psychology, Research Assistant, Sirius University of Science and Technology, Krasnodar region, Sirius, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8665-4362>
yuzar.vv@talantiuspeh.ru